2Б
60
В 19
Василевский
Труды..
Т. 4.

DB
69
B19

38671
n

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1930

38 Y 1303
1 B 3 D 7
Geo
Pol

DБ
60
B19

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

696/4

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1930

Настоящее издание, принадлежащее к числу ранее приостановленных по техническим причинам, выпускается теперь в виду его научного значения, согласно постановлению Редакционно-Издательского Совета Академии Наук СССР, притом, в силу необходимости и во избежание излишних расходов, — в том виде, в каком издание было начато в свое время.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1067574

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Август 1930 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Тит. л. + 2 нен. + 331 стр.
Ленинградский Областлит № 12459. — 21 печ. л. — Тираж 500
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

I. Замѣтка къ статьѣ Н. П. Ламбина о годѣ смерти Святослава 1— 17

II. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ.
Союзъ двух имперій (1148—1155) . . . . . 18—105
Южно-итальянская война (1156—1157) . . . . . 106—138

III. Законодательство иконоборцевъ . . . . . 139—235

IV. О синодальномъ спискѣ Эклоги императоровъ Льва и Константина и о двухъ списках Земледѣльческаго закона . . . . 236—249

V. Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія . . . . . 250—331

Указатели к т. IV будут даны при т. V.

ЗАМѢТКА КЪ СТАТЬѢ Н. П. ЛАМБИНА О ГОДѢ СМЕРТИ СВЯТОСЛАВА[1]).

Статья Н. П. Ламбина[2]) снова дѣлаетъ спорнымъ вопросъ, который для многихъ, а въ томъ числѣ и для автора предлагаемой замѣтки, казался удовлетворительно рѣшеннымъ. Въ статьѣ Н. П. Ламбина доказывается, что Святославъ Игоревичъ былъ убитъ Печенѣгами весною 972 года, и что годъ борьбы Іоанна Цимисхія съ русскимъ княземъ подъ Доростоломъ былъ 971 годъ; т. е. путемъ критическаго изслѣдованія источниковъ защищается мнѣніе, котораго держались и многіе другіе по традиціи, ученой косности, по недостаточному знакомству съ источниками, по ненаучнымъ предубѣжденіямъ и просто по невнимательности къ тому, что̀ могло казаться неважною частностію (Лебо, Финлей, Папаррригопуло, Бюдингеръ, Гильфердингъ, Иловайскій, Дриновъ и т. д.). Ученые, для которыхъ вопросъ о хронологіи русско-византійской былъ важенъ и которые изучали Льва Діакона и русскую лѣтопись съ этой точки зрѣнія, большею частію стояли за 972 годъ, какъ годъ Цимисхіева похода на Дунай и, сообразно съ тѣмъ, относили смерть Святослава къ веснѣ 973 года. Такого мнѣнія держался Газе, издатель и комментаторъ Льва Діакона, и Муральтъ, авторъ 165
«Византійской хронографіи», такого мнѣнія держатся И. И. Срезневскій, на статью котораго дѣлаются указанія въ изслѣ-

1) ‹Записки Имп. Академіи Наукъ, т. 28 (1876 г.), кн. 2, стр. 164—182›.

2) ‹О годѣ смерти Святослава Игоревича, великаго князя Кіевскаго. Зап. Акад. Наукъ, т. 28, кн. 2, стр. 119—156›.

доваціи Н. П. Ламбина, и А. А. Куникъ, который высказался за 973 годъ въ «Каспіи» и теперь защищаетъ его съ точки зрѣнія русской лѣтописи.

Задача, которую мы рѣшаемся взять на себя, гораздо легче. Намъ предстоитъ защищать 972 и 973 годъ съ точки зрѣнія византійскихъ источниковъ. Нужно признаться, да едва-ли это ускользнетъ отъ вниманія всѣхъ другихъ читателей, даже незнакомыхъ съ ученою дѣятельностью Н. П. Ламбина, что нашъ почтенный изслѣдователь, увлекаемый и — позволимъ себѣ выразиться — ослѣпляемый горячею и ревнивою любовію къ Нестору, расправляется съ Византійцами нѣсколько круто и вообще относится къ нимъ не совсѣмъ доброжелательно, такъ что, напримѣръ, старается поссорить ихъ не только съ Несторомъ, но и между собою, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно примиреніе или по крайней мѣрѣ дружелюбное объясненіе.

Переводя свои упреки съ иносказательнаго языка на прямой ученый, мы обвиняемъ Н. П. Ламбина въ слѣдующихъ проступкахъ противъ правилъ исторической критики:

1) Онъ даетъ слишкомъ большой вѣсъ своимъ личнымъ соображеніямъ о внутренней вѣроятности тѣхъ или другихъ событій, о возможности или невозможности извѣстнаго образа дѣйствій со стороны извѣстныхъ лицъ, характеръ и положеніе которыхъ намъ, однако, неизвѣстны съ полною отчетливостію. Соображенія внутренней вѣроятности вообще должны быть примѣняемы съ большою осторожностію и никакъ не должны предшествовать выводамъ, почерпаемымъ изъ сличенія историческихъ свидѣтельскихъ показаній, или же имѣть предъ ними преимущество. И въ мірѣ физическомъ возможностей очень много, а въ нравственномъ, съ которымъ имѣетъ дѣло исторія, ихъ еще болѣе. Уловить посредствомъ разсчета вѣроятностей единичный отдѣльный фактъ совершенно невозможно. Одной возможности всегда можетъ быть
166 противопоставлена другая, и оружіе субъективныхъ соображеній всегда можетъ быть обращено противъ того, кто вздумаетъ злоупотреблять имъ въ исторіи. Напримѣръ, Н. П. Ламбинъ находитъ невѣроятнымъ извѣстіе Льва Діакона о двукратномъ посольствѣ отъ Цимисхія къ Святославу. «Напыщенныя рѣчи Цимисхія и такіе же отвѣты Святослава — одна только риторика, пусто-

звонство, фразы, а не факты; въ дѣйствительности ничего этого не было... Посольство къ Святославу было отправлено только однажды и непремѣнно въ то время, когда войска стояли уже во Ѳракіи, готовыя встрѣтить враговъ. Не имѣя подъ рукою достаточнаго войска, Цимисхій никакъ не могъ требовать, чтобы гордый князь Русскій, принявъ отъ него наемную плату, какъ отпущенный съ работы поденщикъ, отправился домой», и т. д. На это можно отвѣчать съ такою же рѣшительностію: «Посольства Цимисхія къ Святославу съ предложеніемъ получить условленное вознагражденіе и удалиться изъ Болгаріи, а потомъ съ напоминаніями о прежнихъ договорахъ и съ угрозами, могутъ относиться только къ тому времени, когда Цимисхій не имѣлъ возможности дѣйствовать противъ него оружіемъ; ибо нельзя себѣ представить, чтобы героическій вождь греческихъ дружинъ въ борьбѣ съ Сарацинами, стоя во главѣ арміи, ознаменованной побѣдами на Востокѣ, сталъ напрасно торговаться съ русскимъ варваромъ и чувствительно напоминать ему о святости договоровъ, о прежней дружбѣ грековъ съ русскими и о мести, которая постигаетъ ея нарушителей», и т. п. Думаемъ, что одно соображеніе стоитъ другого, и что оба они не имѣютъ въ сущности почти никакой цѣны въ виду положительнаго свидѣтельства лучшаго изъ нашихъ источниковъ. Чтобы подойти ближе къ дѣлу, мы обращаемся къ Н. П. Ламбину съ вопросомъ: которое именно посольство сочинилъ, по его мнѣнію, Левъ Діаконъ? Если второе, то откуда взялись у Льва Діакона въ изложеніи посланія такія вѣрныя и драгоцѣнныя историческія свѣдѣнія о походѣ Игоря, о договорѣ грековъ съ русскими при Игорѣ, о гибели Игоря въ Древлянской землѣ? Такъ отъ себя не сочиняютъ, и мы скорѣе обязаны думать, что Левъ Діаконъ имѣлъ въ рукахъ документальные источники, относящіеся именно ко второму посольству. 167
А что касается до перваго посольства, то оно даже съ точки зрѣнія Н. П. Ламбина окажется совершенно вѣроятнымъ и естественнымъ. При этомъ посольствѣ Цимисхій не грозилъ, а напоминалъ объ условіяхъ договора, по которому Святославъ былъ приглашенъ Греками противъ Болгаръ, и доказывалъ права Византіи на Болгарскую землю, издревле составлявшую часть Македоніи (Leo Diac. p. 103 Bonn.).

Подобнымъ же образомъ можно было бы отвѣчать и на всѣ другія, подобныя вышеприведенному, разсужденія почтеннаго автора разбираемой нами статьи. Но дѣлать это съ полною подробностію и шагъ за шагомъ было бы излишне; а о возможности «невѣроятнаго» бездѣйствія Цимисхія и Святослава въ 971 году, рѣчь будетъ ниже.

2) Намъ кажется далѣе, что Н. П. Ламбинъ недостаточно обращаетъ вниманія на взаимное отношеніе между (византійскими) источниками и напрасно противопоставляетъ ихъ тамъ, гдѣ въ сущности они или согласны между собою, или же различаются только подробностію или краткостію, причемъ первое качество принадлежитъ именно первичному источнику, а краткость — вторичному и производному отъ перваго. То, что̀ сообщено въ началѣ статьи Н. П. Ламбина о Кедринѣ и Зонарѣ, совершенно вѣрно и правильно. Они пользовались исторіею Льва Діакона только въ компиляціи своего старшаго современника Скилицы, писавшаго въ исходѣ XI-го вѣка; а Скилица (или Скилицій), котораго сочиненіе Кедринъ только переписалъ, черпалъ свои извѣстія не изъ одного только Льва Діакона, но и изъ другихъ источниковъ (вѣроятнѣе, изъ другого источника). О Зонарѣ, который списывалъ свои извѣстія тоже у Скилиція, нужно было прибавить только то, что онъ отличается отъ Кедрина большею краткостію и потому передаетъ первоначальный текстъ Скилиція съ гораздо большими измѣненіями. Итакъ, общее опредѣленіе отношенія между источниками сдѣлано почти совершенно вѣрно;
168 но вина Н. П. Ламбина состоитъ въ томъ, что при разборѣ частностей онъ забывалъ объ этомъ отношеніи источниковъ, не воспользовался своими критическими положеніями въ приложеніи ихъ къ своимъ спеціальнымъ задачамъ. Между прочимъ и прежде всего нужно было сличить Скилиція-Кедрина со Львомъ Діакономъ и выдѣлить у перваго то, что̀ заимствовано имъ у Льва Діакона, и потомъ то, что̀ ведетъ свое начало изъ другого, намъ неизвѣстнаго источника. Обращаемся для поясненія къ вышеприведенному разсказу о двухъ посольствахъ. Свои личныя соображенія о невозможности двойного посольства Н. П. Ламбинъ мимоходомъ (въ скобкахъ) подкрѣпляетъ тѣмъ указаніемъ, что Кедринъ и Зонара говорятъ объ одномъ посольствѣ. Но всякій,

кто дастъ себѣ трудъ прочесть текстъ Скилиція-Кедрина въ подлинникѣ, убѣдится, что въ этомъ мѣстѣ Скилицій только сократилъ Льва Діакона, слѣдовательно, совсѣмъ ему не противорѣчитъ, а если бы и противорѣчилъ, то это ничего бы не значило съ критической точки зрѣнія. Компилятору нельзя давать предпочтеніе предъ его первоначальнымъ источникомъ, т. е. въ данномъ случаѣ предъ Львомъ Діакономъ. Къ удивленію нашему, Н. П. Ламбинъ даже изъявляетъ сочувствіе совсѣмъ неправильному и не методическому разсужденію Черткова, который замѣтилъ «что противъ одного Византійца, говорящаго, что походъ (Цимисхія) былъ предпринятъ на третій годъ царствованія Цимисхія (972), мы имѣемъ двухъ, свидѣтельствующихъ, что война начата во второе лѣто его державы (971)». Эти два свидѣтеля суть Кедринъ и Зонара; оба они отъ себя ничего не могли сказать о томъ, что̀ было въ X столѣтіи, ибо оба жили въ XII вѣкѣ, и оба повторили только то, что̀ нашли у Скилиція. Итакъ, если бы даже въ самомъ дѣлѣ у Кедрина и Зонары одинаково несомнѣнно походъ относился къ 971 году, то все-таки противорѣчіе существовало бы только между двумя источниками, т. е. между Скилиціемъ (или его неизвѣстнымъ источникомъ) и Львомъ Діакономъ: противъ одного Византійца былъ бы также одинъ, а не два.

Далѣе мы увидимъ, что этого противорѣчія, пожалуй, и со- 169
всѣмъ нѣтъ, если имѣть въ виду взаимное отношеніе первичныхъ источниковъ и компиляторовъ-сократителей.

3) Мы полагаемъ, что Н. П. Ламбинъ слишкомъ насильственно распутываетъ и главный узелъ всего вопроса, слишкомъ круто устраняетъ главное доказательство своихъ противниковъ. Мы увѣрены, что ни одинъ филологъ не въ состояніи будетъ согласиться съ его толкованіемъ словъ Льва Діакона о времени брака Цимисхія на Θеодорѣ (p. 127,8):

Νοέμβριος μὴν ἐνειστήκει, ἔτει δευτέρῳ τῆς τούτου ἡγεμονίας, ὅτε ἡ γαμήλιος ἐτελεῖτο ἑστίασις.

Это ничего другого не значитъ, какъ только то, что брачное торжество, послѣдовавшее за обрученіемъ или сватовствомъ, о которомъ была рѣчь выше (*πρὸς γάμον ἡρμόσατο*), совершилось во второмъ году царствованія Цимисхія и именно въ ноябрѣ мѣ-

сяцѣ. *Ἐτελεῖτο* никакъ не слѣдуетъ переводить по-русски словомъ «оканчивалось»—подъ страхомъ наказанія, о которомъ говорится въ самыхъ первыхъ строкахъ Иліады:

— *Διὸς δ' ἐτελείετο βουλή.*

А *ἑστίασις* тѣмъ менѣе могло длиться мѣсяцы — въ одномъ начаться, въ другомъ продолжаться — что оно собственно значитъ пиръ, угощеніе. Буквальный переводъ вышеприведеннаго отрывка будетъ слѣдующій: «Стоялъ ноябрь мѣсяцъ, во второмъ году его (Цимисхія) правленія, когда совершался брачный пиръ». Но при этомъ, конечно, разумѣется только одинъ, не отмѣченный почему-то, день ноября мѣсяца.

Такъ какъ ноябрь второго года царствованія Цимисхія есть несомнѣнно 971 годъ, а зима проведена Цимисхіемъ въ столицѣ и только весною — по совершенно прямымъ указаніямъ Льва Діакона—открылся крестовый походъ противъ русскихъ[1]), то вся аргументація Н. П. Ламбина, поколику она основывается на толкованіи словъ Льва Діакона, сама собою рушится.

170 Предполагая ошибку у Льва Діакона, Н. П. Ламбинъ думаетъ исправить ее съ помощію Кедрина и Зонары. Но гораздо скорѣе ошибку можно подозрѣвать у несамостоятельнаго писателя, который составлялъ свой разсказъ по двумъ источникамъ, сливая въ одно не только заимствуемые оттуда факты, но и самыя выраженія.

У Кедрина (II, 392 sq.) мы читаемъ: *Δευτέρῳ δὲ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ μέλλων ἐκστρατεύειν κατὰ τῶν Ῥῶς τά τε στρατεύματα φιλοτιμίαις ἀνελάμβανε, καὶ στρατηγοὺς ἐφίστα ἐπὶ συνέσει καὶ ἐμπειρίᾳ στρατηγημάτων βεβοημένους, καὶ τῶν ἄλλων ἐπεμελεῖτο παρασκευῶν, ἵνα μηδενὸς σπανίζοι τὸ στράτευμα. Ἐπεμελήθη δὲ καὶ τοῦ στόλου διὰ Λέοντος τοῦ μετὰ ταῦτα πρωτοβεστιαρίου, δρουγγαρίου τότε τῶν πλωΐμων τυγχάνοντος, τὰ μὲν παλαιὰ ἐπισκευάσας, κατασκευάσας δὲ καὶ ἄλλα καινὰ καὶ στόλον ἀξιόλογον καταστησάμενος. Ἐπεὶ δὲ πάντα καλῶς εἶχεν αὐτῷ ἔαρος ἐπιστάντος, τῷ θεῷ τὰ ἐξιτήρια θύσας καὶ συνταξάμενος*

---

1) P. 128: *Τῆς δὲ χειμερινῆς κατηφείας εἰς ἐαρινὴν αἰθρίαν μεταβαλούσης, τὸ σταυρικὸν σημεῖον εὐθὺς ἄρας ὁ βασιλεὺς, κατὰ τῶν Ταυροσκυθῶν ἠπείγετο.*

τοῖς πολίταις ἕξεισι τῆς βασιλίδος [1]). Далѣе идетъ рѣчь о походѣ къ Балканамъ и Дунаю.

Самъ по себѣ этотъ отрывокъ, слѣдующій за извѣстіемъ о бракѣ Цимисхія, даетъ намъ довольно удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, которому придавали такое большое значеніе Гильфердингъ и Н. П. Ламбинъ, именно на вопросъ: что дѣлалъ въ 971 году, во второй годъ своего царствованія, императоръ Іоаннъ? Онъ готовилъ войско, строилъ корабли, вооружалъ флотъ, собиралъ военные запасы. А когда наступила весна, т. е. весна слѣдующаго 972 года (ибо ранѣе была рѣчь о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ ноябрѣ 971 года), то Цимисхій отправился наконецъ въ походъ противъ Святослава. 171

Но Н. П. Ламбинъ находитъ здѣсь другое, онъ соединяетъ самымъ тѣснымъ образомъ слова: *δευτέρῳ ἔτει* (во второй годъ) и *ἔαρος ἐπιστάντος* (когда наступила весна), и получаетъ весну 971 года. Подкрѣпленіемъ служитъ образъ выраженія у Зонары (XVII, 2, p. 96, 24 Dind.): *ἔτει δὲ δευτέρῳ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἔαρος ἀναλάμψαντος ἐκστρατεύει κατὰ τῶν Ῥῶς σὺν στρατεύμασι πλείοσι καὶ στόλῳ περιφανεῖ* [2]). Для насъ, напротивъ, слова Зонары вовсе не представляются тѣмъ, чѣмъ они кажутся Н. П. Ламбину. Въ нашихъ глазахъ они только образецъ того, какъ самый ловкій компиляторъ способенъ, безъ всякаго злого умысла, впадать самъ въ заблужденіе и вводить въ заблужденіе другихъ. Слова Зонары, очевидно, суть простое сокращеніе текста Скилиція-Кедрина: въ этомъ самый недовѣрчивый читатель долженъ будетъ убѣдиться, если просмотритъ дальнѣйшее по-

---

1) Латинскій переводъ не совсѣмъ точенъ. Tzimisces anno secundo imperii sui in Rossos expeditionem suscepturus, cum animos militum liberalitate sua refecisset, duces iis praefecit, prudentia et artium imperatoriarum peritia nobiles, et reliquis omnibus apparandis eam *impendit* curam, ne quid rerum necessariarum exercitibus deesset. classem quoque curavit opera Leonis ejus qui tunc rei navalis drungarius, postea est protovestiarius factus; et cum veteres naves refecit tum novas fabricatus est, et classem justam constituit. omnibus probe adornatis, ineunte vere sacris deo pro felici exitu operatus, et relictis ad cives mandatis Cpoli exit. Правильнѣе было бы употреблять въ началѣ не однократныя, а длительныя формы: suscepturus, animos militum — reficiebat, et duces iis praeficiebat, eam curam impendebat.—Что касается глагола *συντάσσεσθαι*, то онъ просто значитъ valedicere, прощаться.

2) Во второй годъ своего царствованія, когда проблеснула весна, отправляется въ походъ противъ Русскихъ съ большими войсками и знатнымъ флотомъ.

вѣствованіе Зонары сравнительно со Скилиціемъ-Кедриномъ. Сокращеніе сдѣлано небрежно и неудачно,—вотъ и все, что̀ мы можемъ сказать о вышеприведенныхъ строкахъ. Но, повторяемъ, онѣ важны для насъ какъ образецъ того, что̀ мы имѣемъ право предполагать хотя-бы и не въ такой степени, и у другого компилятора, т. е. у самого Скилиція — Кедрина.

Получивъ, при помощи Зонары, для похода Цимисхіева весну 971 года, Н. П. Ламбинъ разсуждаетъ далѣе такимъ образомъ: Такъ какъ извѣстіе о бракѣ Цимисхія на Ѳеодорѣ стоитъ у Скилиція-Кедрина выше предложенія, начинающагося словами «во второй годъ» (*ἔτει δὲ δευτέρῳ*), то, значитъ, этотъ бракъ совершился въ предыдущемъ году, т. е. въ первомъ году правленія Цимисхія (970 г.); другими словами: Скилицій-Кедринъ противо-
172 рѣчитъ Льву Діакону и служитъ къ его опроверженію. Совершенно напрасно. Болѣе внимательное изученіе взаимнаго отношенія между источниками показало бы, что здѣсь, въ разсказѣ о бракѣ и военныхъ приготовленіяхъ Цимисхія, Скилицій-Кедринъ пользуется двумя источниками, Львомъ Діакономъ и другимъ намъ неизвѣстнымъ, вѣроятно, современнымъ писателемъ. Есть фразы, напоминающія текстъ Льва Діакона; напримѣръ, въ описаніи военныхъ приготовленій: *ἵνα μηδενὸς σπανίζοι τὸ στράτευμα* = Leo Diac. p. 127,2: *ὡς μήτινος τούτων - - οἱ Ῥωμαῖοι σπανίζοιεν*. Есть указанія на такіе факты, которые совершенно неизвѣстны намъ изъ Льва Діакона. Напримѣръ, друнгарій Левъ, завѣдывавшій морскимъ дѣломъ, вовсе не упомянутъ въ исторіи Льва Калойскаго. Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого возможно вывести два предположенія. Мы можемъ думать, что Скилицій почерпнулъ свое извѣстіе о бракѣ у одного первоначальнаго писателя, а сущность своего разсказа о военныхъ приготовленіяхъ 971 года у другого (первое у Льва, второе у потеряннаго анонима); и такъ какъ у того и другого порядокъ повѣствованія былъ не одинаковъ, а отмѣтка о второмъ годѣ царствованія Цимисхія повторялась въ различной связи, то онъ счелъ нужнымъ удержать ее только въ одномъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ она показалась ему нужнѣе. Возможно также и то, что при описаніи военныхъ приготовленій у анонима совсѣмъ не было прямой отмѣтки о годѣ, и Скилицій приставилъ ее самъ, заимство-

вавъ ее у Льва Діакона и только переставивъ ее съ одного мѣста на другое, т. е. перенеся внизъ на нѣсколько строкъ. Послѣднее мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ и даже почти несомнѣннымъ. Мы могли бы привести нѣсколько наблюденій надъ текстомъ Скилилиція-Кедрина, доказывающихъ, что такія невинныя компиляторскія продѣлки ему не чужды; но здѣсь для этого не мѣсто. Укажемъ одну ближайшую подробность. Основа повѣствованія о военныхъ приготовленіяхъ у Скилиція-Кедрина заимствована, какъ мы замѣтили, у анонимнаго первоначальнаго источника: объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ упомянутый здѣсь Левъ друнгарій. Но тѣмъ не менѣе кое-что вставлено въ разсказъ также изъ Льва Діакона. Между тѣмъ Левъ Діаконъ прямо говоритъ, что военныя приготовленія шли одновременно съ брачными приготовленіями и пирами (p. 127, 3: *ἐν ᾧ δὲ ταῦτα παρεσκευάζετο, Θεοδώραν--ὁ Ἰωάννης πρὸς γάμον ἡρμόσατο)*. Мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что самостоятельный современный авторъ писалъ съ болѣе яснымъ и отчетливымъ сознаніемъ того, что̀ онъ пишетъ, съ болѣе точными представленіями о порядкѣ и послѣдовательности отдѣльныхъ фактовъ, чѣмъ компиляторъ, вырывающій отдѣльныя фразы то изъ одной, то изъ другой книги и не имѣющій никакого личнаго непосредственнаго представленія о давно минувшемъ, а смотрящій на него черезъ двойную призму, отъ которой у него мутится, а иногда и двоится въ глазахъ.

4) Возвращаемся къ вопросу о причинахъ бездѣятельности Цимисхія и Святослава въ 971 году. Помимо бунта Варды Фоки, который вспыхнулъ именно тогда, когда сдѣланы были приготовленія для первоначально предполагавшагося на 971 годъ похода противъ русскихъ, и продолжался, конечно, долѣе, чѣмъ это думается Н. П. Ламбину [1]), помимо указаній на большія приготовленія, снова дѣлавшіяся осенью этого года, бездѣятельность Цимисхія можетъ быть объяснена многими другими соображе-

1) Leo Diac. p. 112: *Ἐν ᾧ δὲ ταῦτα Ἰωάννῃ τῷ βασιλεῖ κατὰ τῶν Ῥῶς διεσπούδαστο, Βάρδας ὁ δοὺξ -- ἐς νεωτερισμὸν-ἀποκλίνας, -- φυγαδείᾳ ἐχρήσατο.* Такія выраженія, какъ *τὴν Ἀσίαν κατατρέχων* (p. 114, 24) о Фокѣ и *κατειληφὼς τὸ Δορύλαιον, ἐνταῦθα τὸν στρατόν ἀνεκαλεῖτο* (p. 117, 20) о Склирѣ, противъ него отправленномъ, показываютъ, что дѣло шло не очень быстро. Дорилей есть городъ очень хорошо извѣстный въ исторіи крестовыхъ походовъ.

ніями. Отъ всякихъ соображеній внутренней вѣроятности и невѣроятности мы, впрочемъ, отказываемся. Весь вопросъ опять въ свойствѣ и качествѣ нашихъ источниковъ. Нужно помнить, что они имѣютъ все-таки довольно фрагментарный характеръ, не разсказываютъ лѣтописно годъ за годомъ и день за днемъ, что̀ дѣлалъ, что̀ предпринималъ и особенно что̀ предполагалъ дѣ-
174 лать въ извѣстное время Цимисхій. Многое и притомъ весьма важное въ нихъ совершенно пройдено молчаніемъ. Пройдены молчаніемъ дѣла южно-итальянскія, которыя, однако, несомнѣнно весьма занимали Цимисхія. Извѣстно, что Никифоръ Фока оставилъ имперію въ открытой войнѣ съ Оттономъ I, что Ліутпрандъ уѣхалъ изъ Константинополя ни съ чѣмъ, сватовство Ѳеофаніи Романовны разстроилось. Но именно въ 971 году были приведены къ концу переговоры относительно этого брака, именно въ началѣ 972 года Ѳеофанія прибыла въ Италію для бракосочетанія съ Оттономъ II. Этого мало, съ дѣлами южно-итальянскими политически были связаны дѣла сарацинскія. Африканскіе сарацины, владѣвшіе Сициліей, были до сихъ поръ союзниками Византіи противъ западнаго императора. Примиреніе съ Оттономъ предвѣщало ссору между прежними союзниками или же было въ извѣстной степени слѣдствіемъ ея. Въ 969 году Фатимиды утвердились въ Египтѣ; въ сентябрѣ этого года дѣлали завоеванія въ Сиріи и угрожали затѣмъ Антіохіи. Скилицій-Кедринъ (II, 383) говоритъ, что въ арміи, которая долго осаждала Антіохію, главную роль играли карѳагеняне, т. е. африканскіе сарацины, и что во главѣ ея стоялъ Зохаръ (Ζώχαρ), въ которомъ слѣдуетъ признать извѣстнаго строителя Каира, Фатимидскаго визиря Джаухара (Djauhar [1]). Положимъ, что эта долговременная осада Антіохіи, по византійскимъ источникамъ, приходится на 970 годъ, на первый годъ царствованія Цимисхія. Но вотъ несомнѣнное документальное доказательство, что и въ 971 году императоръ Іоаннъ былъ озабоченъ дѣлами сарацинскими. Въ 971 году, нѣсколько ранѣе іюля мѣсяца, были въ Венеціи нарочные имперскіе послы, запрещавшіе отъ имени государей Іоанна, Василія и Константина

1) Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia II, 284 и сл. Weil, Geschichte der Chalifen III, 9 сл.

провозить оружіе и корабельный лѣсъ въ сарацинскія области и угрожавшіе нарушителямъ этого требованія гнѣвомъ императора и сожженіемъ перевозныхъ судовъ [1]). Итальянскіе источники 175
прибавляютъ, что въ это время императоры византійскіе думали о походѣ въ Азію для освобожденія Святой земли (ad recuperandam terram sanctam operam dare proposuerant) — въ сущности думалъ одинъ Іоаннъ Цимисхій, потому что другіе два императора упоминаются только для почета. Обо всемъ этомъ, повторяемъ, нѣтъ ни одного слова въ византійскихъ источникахъ. Предоставляя выводъ отсюда дальнѣйшихъ заключеній самому Н. П. Ламбину, мы только спросимъ его: думаетъ-ли онъ, что посольство въ Венецію было отправлено съ береговъ Дуная? Другими словами: не слѣдуетъ-ли изъ этого факта, что весною 971 года Цимисхій былъ въ Константинополѣ и занятъ былъ въ это время чѣмъ-то другимъ, а не войною со Святославомъ?

Что же касается до Святослава и до причинъ его праздности въ 971 году, то, собственно говоря, отвѣчать на этотъ вопросъ, если отвѣчать нужно, не наша обязанность. Мы ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. По русской лѣтописи въ 970 году Святославъ былъ въ Кіевѣ, а въ 971 году явился снова въ Болгаріи и боролся съ Цимисхіемъ. Если на мѣсто позднѣйшей лѣтописной отмѣтки, указывающей 971 годъ, правильнѣе поставить 972, то очевидно, что и 970 годъ нужно замѣнить 971 г.; т. е. нужно предполагать, что лѣто 971 года Святославъ провелъ въ Кіевѣ. Смерть Ольги въ русскихъ источникахъ относится къ іюлю 969 = 6477 года; при этомъ прибавляется, что отъ ея крещенія прошло 15 лѣтъ (похвала Іакова Мниха) или по другимъ 14 (Тверская лѣтопись). Очевидно, ея крещеніе и пребываніе въ Константинополѣ при этомъ предполагается въ 955 году, какъ это и стоитъ въ лѣтописи. Но несомнѣнно, что на самомъ 176
дѣлѣ Ольга была въ Константинополѣ и тамъ крестилась въ

1) Decretum Venetorum de abrogando Saracenorum commercio (Fontes rerum Austriacarum, 2. Abth., XII, p. 25 sq.). Документъ начинается такъ: In nomine Dei и проч. Imperante domino Ioanne, magno imperatore, anno autem imperii eius secundo, mense Iulio, indictione decima quarta.

Cum denique per hanc praedictam indictionem imperiales missi ab Joanne, Varsillo et Constantino, sanctissimis imperatoribus, ad nos fuissent directi, inquirentes de lignamine vel armis, quae nostrae naves in Saracenorum terras portabant, et terribiliter minantes per gloriosissimi imperatoris verbum и т. д.

957 году. Прибавляя къ послѣдней цифрѣ 14 лѣтъ, получимъ 971.

5) Позволимъ себѣ еще разъ обратить противъ уважаемаго нами поборника русской лѣтописи его собственное оружіе. Положимъ, что бунтъ Фоки, дѣла южно-итальянскія и сарацинскія не достаточны для того, чтобы наполнить второй годъ царствованія Цимисхія (т. е. 971 годъ), и что къ этому же году, вопреки ясному свидѣтельству Льва Діакона, нужно отнести и походъ Дунайскій. Но послѣ этого опрокинута будетъ вся дальнѣйшая хронологія царствованія Цимисхія. Н. П. Ламбинъ обязанъ тогда будетъ держать отвѣтъ предъ византинистами и не будетъ имѣть права сказать, что ему мало заботы объ ихъ затрудненіяхъ. Разсказавъ о тріумфѣ Цимисхія послѣ заключенія мира съ Русью и отмѣтивъ слѣдующую зиму, Левъ Діаконъ непосредственно затѣмъ (въ самомъ началѣ 10-й книги) говоритъ, что съ наступленіемъ лѣта императоръ отправился въ походъ противъ агарянъ въ Сирію. Если Н. П. Ламбинъ не въ состояніи будетъ доказать, что сирійскій походъ Цимисхія относился къ 972 году, (а доказать этого нѣтъ никакой возможности), то мы будемъ допрашивать его: куда дѣвался въ исторіи Льва Діакона 972 годъ? Что дѣлалъ, почему лѣнился въ этомъ году Цимисхій? Правда, что между окончаніемъ девятой книги Льва Діакона и началомъ десятой необходимо допустить нѣкоторый пропускъ. Но все-таки промежутокъ будетъ только въ одинъ годъ, а у Н. П. Ламбина будутъ пустыми цѣлыхъ два года: 972-й и 973-й, такъ что отъ одного изъ нихъ никакъ не останется ни малѣйшаго слѣда въ исторіи. Отыскать 973 годъ у насъ есть полная возможность: нужно только обратиться къ арабскимъ и армянскимъ источникамъ, именно къ Матвѣю Эдесскому и къ драгоцѣннымъ документамъ, тамъ приведеннымъ; разумѣемъ посланія самого Цимисхія къ царю и патріарху армянскимъ, въ которыхъ императоръ повѣствуетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Сиріи и Палестинѣ.
177 Что же касается 972 года, то пусть тотъ, кто сдѣлалъ этотъ годъ пустымъ, и старается наполнить его какими-либо событіями: мы не видимъ къ этому никакой возможности—помимо, конечно, русской войны, которая несомнѣнно къ нему относится.

Прилагаемъ общій хронологическій обзоръ царствованія Іоанна Цимисхія, оставляя въ сторонѣ частности, которыя потребовали бы довольно сложныхъ соображеній и касались бы уже не годовъ, а дней и мѣсяцевъ [1]). Въ основаніе счета мы можемъ положить данныя, сообщаемыя Львомъ Діакономъ. Нужно замѣтить, что этотъ писатель отмѣчаетъ преимущественно два времени года: зиму, когда военныя дѣйствія прекращались, и весну, когда они обыкновенно начинались. Первая весна въ правленіе Цимисхія, весна 970 г., не отмѣчена прямо потому, что другой исходный пунктъ, самое начало царствованія Цимисхія, не слишкомъ далеко отъ нея отстоитъ и дѣлаетъ ненужными всякія другія указанія.

Зима 969—970 гг.

Вступленіе на престолъ Цимисхія, 11 декабря 969 г. Его короноваціе. Избраніе и посвященіе патріарха Антіохійскаго. Смерть патріарха Поліевкта и посвященіе его преемника Василія (13 февр. 970 г.). Другія внутреннія мѣры.

Leo Diac. 98—102. Cedren. II, 381 sq.

Весна 970 г.

Осада Антіохіи, завоеванной Византійцами въ послѣдній годъ предыдущаго царствованія, многочисленною арміею Сарацинъ, въ числѣ которыхъ были «Карѳагеняне подъ начальствомъ Зохара» (см. выше). Осада затянулась на долгое время (Cedren. II, 383); кромѣ войскъ, стоявшихъ въ Азіи, туда отправлены были и другія, подъ начальствомъ патриція Николая.

Cedren. II, 383. Leo Diac. p. 103. Cp. Weil, Gesch. der Chalifen II, 19.

Въ это же время Цимисхій ведетъ переговоры съ русскимъ княземъ и старается склонить его къ оставленію Болгаріи: двукратное посольство и угрожающій отвѣтъ Святослава.

Leo Diac. p. 103. Cedren. II, 383. Zonar. XVII 1, p. 93 Dind. Левъ 178
Діаконъ прямо противополагаетъ военныя дѣйствія противъ Сарацинъ переговорамъ со Святославомъ: противъ первыхъ отправлены войска, а со Святославомъ рѣшено вести переговоры (*ἔγνω διακηρυκεύεσθαι*).

Лѣто 970 г.

Лѣтомъ этого года императоръ Оттонъ I возобновляетъ свои враждебныя дѣйствія: онъ вторгнулся въ греческую Апулію и подвергъ страну опустошенію. Къ концу лѣта или же осенью прибыло сюда посольство отъ Цимисхія, во главѣ котораго стоялъ Пандульфъ, князь Беневента и

1) Въ этомъ отношеніи хронологія Муральта потребовала бы не только дополненій, но и поправокъ.

Капуи, содержавшійся въ плѣну въ Константинополѣ. При его посредствѣ заключенъ былъ договоръ, на основаніи котораго Оттонъ оставилъ Апулію, получивъ, конечно, обѣщаніе относительно руки Θеофано Романовны.

Chronic. Salernit. c. 174. Cp. Giesebrecht, Gesch. der Kaiserzeit I, 553 (4-го изд.). E. Dümmler, Kaiser Otto der Grosse (1876), 473, 474.

Осень 970 г.

Вѣроятно уже послѣ отраженія сарацинскаго нашествія, Цимисхій отправляетъ патриція Петра и магистра Варду Склира къ границамъ Болгаріи, для того чтобы они наблюдали за дѣйствіями Русскихъ. Войска, для этого назначенныя, прибыли съ востока, т. е. изъ Азіи, и предполагалось, что, до открытія рѣшительныхъ дѣйствій, они будутъ зимовать въ Европѣ.

Leo Diac. p. 108, 9: *τὰς δυνάμεις ἀνειληφότας διαβαίνειν· ἐκεῖ τε διαχειμάζειν - - τὴν Εὐρώπην καταλαμβάνουσιν.* Cedren. II, 384: *τὰς ἑῴας δυνάμεις.*

Сраженіе при Аркадіополѣ [1]). Оно вызвано не нападеніемъ Византійцевъ, а движеніемъ впередъ Русскихъ, которые услышали о переправѣ противъ нихъ войска.

Leo Diac. p. 108, 18: *τὴν τούτων ἐνωτισθέντες διάβασιν.* Cedren. II, 384: *οἱ Ῥῶς - - ἀκούσαντες τὴν περαίωσιν.* Zonar. XVII, 1 p. IV. 94 Dind.

Зима 970—971 гг.

Несмотря на одержанную побѣду, Цимисхій торопитъ переправу и другихъ войскъ изъ Азіи, которыя опять-таки должны были зимовать во Θракіи и Македоніи. Впрочемъ зима уже приходила къ концу и приближалась весна, когда самъ Цимисхій долженъ былъ прибыть къ арміи.

Leo Diac. p. 111, 7: *τὰς Ἀσίας δυνάμεις εἰς τὴν Εὐρώπην διὰ τοῦ Ἑλλησπόντου περαιοῦσθαι κατήπειγεν - - περιμένειν δὲ τὸν τοῦ ἤρους καιρόν. ἐκείνου γὰρ ἤδη - - προκύπτοντος...* Cedren. II, 388 — кончается описаніе сраженія, но не говорится о дальнѣйшемъ вызовѣ войскъ.

Весна 971 г.

179 Когда все было готово, на Востокѣ вспыхнулъ бунтъ Варды Фоки, очевидно тѣмъ болѣе опасный, что бо́льшая часть войска была переправлена въ Европу. Поднявъ знамя возмущенія въ Кесаріи Каппадокійской, Фока безпрепятственно опустошаетъ (Малую) Азію (*τὴν Ἀσίαν κατατρέχων* и т. д. Leo Diac. p. 114, 24).

Рѣшительныя дѣйствія противъ русскихъ по необходимости отложены; Склиръ получаетъ приказаніе, оставивъ Θракію и русскихъ, переправиться въ Азію, взявъ съ собою достаточное количество войска.

---

1) У насъ принято писать вмѣсто Аркадіополя Адріанополь; но Аркадіополь — совсѣмъ другой городъ на ю.-в. отъ Адріанополя (нынѣшній Люле-Бургасъ).

Leo Diac. p. 112: *Ἐν ᾧ δὲ ταῦτα -- κατὰ τῶν Ῥῶς διεστούδαστο* и т. д. Cedren. II, 388: *γράμματα ἐφοίτα βασιλικά . . . ἐς τὴν Ἀσίαν κελεύει περαιωθῆναι, τὰ πρὸς τὸν προκείμενον ἀρκοῦντα ἀγῶνα εἰληφότα στρατεύματα.* Ср. Leo Diac. p. 117.

Прибывъ въ Дорилей (*τὸ Δορύλαιον*), Склиръ организуетъ здѣсь армію, состоящую, вѣроятно, изъ приведеннаго имъ отряда и мѣстныхъ ополченій, нуждавшихся еще въ обученіи. Только когда собранныя силы оказались достаточными, онъ обратился къ Фокѣ съ приглашеніемъ положить оружіе. Получивъ отказъ, онъ двинулся впередъ въ Каппадокію, гдѣ и рѣшилось дѣло.

Leo Diac. p. 113—125. Cedren. II, 389 сл. Крѣпость, въ которой искалъ спасенія Фока, названа у послѣдняго *Τυροποιόν* (p. 390); она находилась въ Каппадокіи (См. Attaliot. p. 171 sq.).

Лѣто 971 г.

Въ іюлѣ этого года прибыли въ Венецію послы восточныхъ императоровъ (Цимисхія, Василія и Константина) съ запретомъ доставлять оружіе и военныя средства Сарацинамъ. По словамъ хроники Дандоло, въ Цареградѣ думали теперь объ освобожденіи Святой Земли.

См. выше приведенный отрывокъ изъ decretum Venetorum и Chronica Danduli (Muratori SS. XII, 210).

Осень 971 г.

Послѣ удаленія Склира русскіе почти безпрепятственно дѣлали набѣги на Македонію, такъ какъ войско, оставшееся здѣсь подъ начальствомъ Іоанна Куркуаса, было, очевидно, недостаточно, да и самъ военачальникъ оказался неспособнымъ человѣкомъ. Цимисхій сознавалъ необходимость новаго напряженія и рѣшительнаго похода противъ русскихъ. Варда Склиръ, по усмиреніи возстанія въ Азіи, получилъ приказаніе снова переправиться съ своими войсками въ Европу, чтобы расположиться тамъ на зимнихъ квартирахъ въ ожиданіи весенняго похода. Въ то же время дѣлаются другія приготовленія.

Leo Diac. p. 126, 5: *εἰς τὴν Εὐρώπην διὰ τοῦ Ἑλλησπόντου διαπεραν, χειμεριοῦντα πρὸς τὰ ἐκεῖσε χειμάδια.* Cedren. II, 392: *μετὰ τῶν κούφων ταγμάτων διαβῆναι πάλιν κελεύει πρὸς τὴν ἑσπέραν.* О дѣйствіяхъ 180
Русскихъ, послѣ удаленія Склира, говорится только у Льва Діакона; у Кедрина время команды магистра Куркуаса совсѣмъ не упомянуто. О приготовленіяхъ къ будущему походу говорится у Льва Діак. (p. 126,22 sq.) и въ приведенномъ уже ранѣе отрывкѣ изъ Кедрина. Левъ Діаконъ мотивируетъ ихъ тѣмъ, что Цимисхій собирался *ἐκ τοῦ συστάδην τούτοις* (т. е. Русскимъ) *συμπλέκεσθαι* (proelio collatis signis facto); слѣдовательно до сихъ поръ, при Куркуасѣ, не было правильныхъ сраженій.

Въ ноябрѣ этого года совершается бракъ Цимисхія съ Ѳеодорой, дочерью Константина Багрянороднаго. (Мѣста приведены выше).

Около того же времени устроился окончательно и другой бракъ. Въ концѣ года явилось въ Константинополѣ торжественное и блестящее посольство, отправленное Оттономъ I и состоявшее изъ одного архіепископа Герона Кельнскаго, двухъ епископовъ—одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ Ліутпрандъ Кремонскій—, и нѣсколькихъ графовъ.

Hugonis Chronicon. l. II c. 8 (MG. SS. VIII, 374). Подробности: Dümmler, Kaiser Otto der Grosse, стр. 478.

Весна 972 г.

Весною Ѳеофано прибыла въ Италію, и 14 апрѣля совершенъ былъ въ Римѣ торжественный обрядъ ея бракосочетанія съ Оттономъ II.

Источники см. у Дюммлера стр. 481.

Лѣто 972 г.

Апрѣль, май, іюнь и іюль — четыре полныхъ мѣсяца, — заняты борьбою Цимисхія со Святославомъ.

Leo Diac. p. 175, 21: *ἐν τέτταρσιν ὅλοις μησὶ τὴν Ῥωσικὴν πανοπλίαν καταγωνισάμενος*. Пасха, которую Цимисхій отпраздновалъ въ только-что взятомъ Переяславцѣ, была 7 апрѣля, а послѣднее рѣшительное пораженіе Русскихъ относится къ 22 или лучше къ 24 іюля, такъ что начало похода должно относиться къ двадцатымъ числамъ марта. Предположенія Муральта о днѣ послѣдняго сраженія лишены всякаго основанія.

Зима 972 г.

Воротившись изъ похода, Цимисхій отпраздновалъ тріумфъ и оставался въ Константинополѣ осень и зиму 972 года, какъ это прямо сказано у Льва Діакона (p. 159, 7). Между тѣмъ византійскія войска открыли весьма энергическую борьбу съ сарацинами. 29 октября Греки взяли Низибію и оставались здѣсь до двадцатыхъ чиселъ ноября. Весною военныя дѣйствія возобновились.

Лѣто 973 г.

181 Въ іюнѣ византійская армія, подъ начальствомъ великаго доместика, осаждала Амиду и 4 іюля потерпѣла здѣсь рѣшительное пораженіе; неудача постигла Грековъ также и подъ Мейфаркиномъ.

Объ этомъ походѣ, въ которомъ Цимисхій лично не участвовалъ, мы имѣемъ извѣстія только арабскихъ (см. Weil, Gesch. der Chalifen II, 20) и армянскихъ источниковъ (Всеобщая исторія Асохика, переводъ Эмина, стр. 129. Chronique de Matthien d'Edésse, trad. par Dulaurier, p. 12).

Не ранѣе начала осени 973 года Цимисхій могъ получить извѣстія о пораженіи своей арміи и то письмо ея плѣннаго военачальника, о которомъ говорится у Матвѣя Эдесскаго (p. 14).

Весна 974 г.

Весною 974 г. онъ отправился въ походъ, вѣроятно, чрезъ Антіохію; перешелъ Евфратъ и направился къ Арменіи. Армянскіе князья и властители, имѣя во главѣ царя Ашода, собрались въ лагерѣ, на востокъ отъ провинціи Тарона. Цимисхій вступилъ съ ними въ сношенія, и послѣ нѣсколькихъ посольствъ съ той и другой стороны заключенъ былъ миръ и союзъ съ царемъ армянскимъ. Вслѣдствіе того Цимисхій вступилъ въ Арменію и достигъ Муша (Mousch), главнаго города провинціи Таронской (на в. отъ озера Ванъ); потомъ осаждалъ здѣсь одну крѣпостцу, занятую Сарацинами. Затѣмъ онъ взялъ Амиду (Еметъ) и Мейфаркинъ.

О движеніи Цимисхія въ Арменію опять ни слова не сказано у византійцевъ, и мы знаемъ о немъ только изъ Матвѣя Эдесскаго. Вслѣдствіе такого важнаго пропуска хронологія даже у Льва Діакона дѣлается сомнительною и сбивчивою. Что же касается Кедрина и Зонары, то двѣ страницы, тѣмъ и другимъ посвященныя послѣднимъ годамъ Цимисхія, представляютсъ нѣчто въ высшей степени жалкое. О покореніи Амиды и Мейфаркина говорится и у Льва Діакона (p. 161).

Зима 974—975 гг.

Покореніе Нисибіи и другіе успѣхи и побѣды, о которыхъ говорится въ началѣ посланія Цимисхія къ царю армянскому. Затѣмъ зимовка войска въ Антіохіи.

Посланіе помѣщено у Матвѣя Эдесскаго; оно излагаетъ событія цѣлаго года и такъ какъ кончается сентябремъ, то и начало относится къ тому же мѣсяцу. О покореніи императоромъ Нисибіи говоритъ и Левъ Діаконъ (p. 162).

Весна 975 г.

Въ апрѣлѣ этого года, изъ Антіохіи Цимисхій двинулся въ свой послѣдній сирійско-палестинскій походъ, который подробно описанъ въ посланіи къ царю армянскому, а также у Льва Діакона. Походъ продолжался пять мѣсяцевъ (Matthieu d'Edésse, p. 22) и въ сентябрѣ импе- 182
раторъ воротился въ Антіохію (ibid. p. 23). Въ августѣ этого года явилась знаменитая комета, предвѣщавшая, по объясненію Льва Діакона, смерть Цимисхія.

У Кедрина (II, 414) ея появленіе также отмѣчено и прибавлено, что она появилась въ августѣ 3 индикта (= 975). По его словамъ она была видима до октября мѣсяца, по Льву Діакону—въ продолженіе 80 дней.

Осень и зиму 975 года Цимисхій провелъ въ Константинополѣ, а 10 января 976 года умеръ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ ВЪ XII ВѢКѢ.

Союзъ двухъ имперій (1148—1155 [1]).

Въ 1147 году западная Европа во второй разъ поднималась на защиту Святой Земли противъ мусульманскаго востока; если при этомъ и не было прежняго одушевленія, то было гораздо болѣе дисциплины, порядка и разсчета, такъ какъ во главѣ крестоносныхъ дружинъ становились два государя — нѣмецкій и французскій. Помимо благопріятныхъ условій, заключавшихся въ замѣнѣ пылкаго и не всегда разумнаго энтузіазма умомъ и политикою, главный залогъ успѣха лежалъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ восточной имперіи: одинъ изъ предводителей крестоноснаго ополченія, именно, Конрадъ Германскій, былъ даже родственникомъ восточнаго императора. Въ XII столѣтіи, точно такъ же какъ и въ XIX, сила мусульманскаго востока заключалась въ несогласіи и враждѣ христіанскаго міра; первымъ, самымъ необходимымъ и существеннымъ вопросомъ, обусловливавшимъ побѣду или же горькое разочарованіе, было соглашеніе католической Европы съ православною имперіею и восточнымъ православнымъ императоромъ. Уроки перваго крестоваго похода не должны были пропасть даромъ для начинателей и совершителей второго.

Безпристрастное пониманіе прошедшаго и критическое изученіе источниковъ уже привели къ тому, что современные намъ западные историки и изслѣдователи относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ обвиненіямъ Грековъ въ измѣнѣ, предательствѣ и коварствѣ, которыми средневѣковыя хроники и всяческія другія сочиненія «о дѣяніяхъ Франковъ» объясняютъ неудачи первыхъ

---

1) ‹Славянскій сборникъ, т. II, стр. 210—290›.

крестоносцевъ и страшныя ихъ бѣдствія. Эти обвиненія оказы- 211
ваются несправедливыми и въ фактическомъ отношеніи лишенными всякаго основанія. Но все-таки и новѣйшіе историческіе писатели вину малыхъ успѣховъ перваго крестоваго похода, совершенно не соотвѣтствовавшихъ напряженію силъ и одушевленію западной Европы, слагаютъ на неправильную и неразумную политику византійской имперіи. Говорятъ, что ея правительство съ самаго начала вступило на ложный путь, предъявляя притязанія верховнаго господства на завоеваніе крестоносцевъ въ Азіи и само вмѣшиваясь, съ своими слабыми и недостаточными средствами, въ ходъ военныхъ дѣйствій съ цѣлью прямыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній: оно должно было отказаться отъ завоеваній въ Азіи и оставаться безучастнымъ, нейтральнымъ зрителемъ совершавшихся событій; тогда возможно было бы дружественное соглашеніе европейскаго Востока и Запада. Уже съ гораздо большимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ и самымъ жизненнымъ потребностямъ восточной христіанской имперіи разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ, что нужно было дружелюбное соглашеніе между крестоносцами и Византіею относительно взаимныхъ притязаній на восточныя завоеванія: императоръ Алексѣй Комнинъ долженъ былъ требовать для себя Малую Азію и предоставить Сирію въ безусловную власть крестоносцевъ. Со всею вѣроятностью, какая только доступна разсчетамъ подобнаго рода, можно сказать, что слѣдствіемъ предполагаемаго соглашенія было бы быстрое, прочное и широкое развитіе христіанскаго господства въ Азіи: греческая имперія безъ труда возвратила бы себѣ оружіемъ Малую Азію до Тавра, а государство, основанное крестоносцами, чрезъ нѣсколько лѣтъ подвинуло бы свои границы до предѣловъ южной Месопотаміи (за Алеппо и Дамаскъ) и аравійской пустыни; исконныя области первоначальной христіанской культуры вырваны были бы навсегда изъ рукъ мусульманскихъ. Вмѣсто того, говорятъ съ упрекомъ историки, императоръ Алексѣй Комнинъ съ неразумнымъ упрямствомъ держался той мысли, что онъ есть законный наслѣдникъ древнеримскихъ императоровъ, законный верховный глава тогдашней вселенной (orbis terrarum), и что его власть временно упала только вслѣдствіе неблагопріятныхъ и случайныхъ отношеній. На этомъ

основаніи онъ сталъ требовать, чтобы крестоносцы передали ему всѣ завоеванія, которыя они могли сдѣлать внутри прежнихъ границъ восточной имперіи, и когда его требованія, натурально,
212 остались неисполненными, то, въ совершенномъ ослѣпленіи, началъ ожесточенную войну противъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Такимъ образомъ силы Грековъ, равно какъ и крестоносцевъ, были ослаблены, и вслѣдствіе того обѣ стороны не могли уже дать своимъ государствамъ достаточнаго пространства на азіатской почвѣ, чтобы съ успѣхомъ держаться противъ Турокъ. Первые, т. е. Византійцы, успѣли пріобрѣсти только западную треть Малой Азіи, а вторые, т. е., крестоносцы, не могли болѣе покорить себѣ внутренней Сиріи[1]). Мы думаемъ, что и въ этомъ взглядѣ распредѣленіе вины и отвѣтственности за христіанскія неудачи сдѣлано все еще не совсѣмъ справедливо. Въ сущности можно доказать, что императоръ Алексѣй Комнинъ держался почти вполнѣ той самой политики, которая теперь новымъ историкамъ представляется наиболѣе разумною. Онъ искалъ прямыхъ пріобрѣтеній именно въ Малой Азіи, т. е., въ тѣхъ областяхъ, которыя только недавно, вслѣдствіе роковой неудачи героическаго императора Романа Діогена (при Манцикертѣ въ 1071 году), были окончательно утрачены имперіей и которыя составляли необходимое условіе силы и прочнаго существованія византійскаго государства и господствующей въ немъ греческой народности. На Сирію и Палестину, уже давно потерянныя для византійской имперіи, онъ не заявлялъ такихъ же требованій, а ограничивался притязаніями верховнаго леннаго господства. Едва-ли возможно утверждать, что это было несправедливо или же не соотвѣтствовало духу и воззрѣніямъ вѣка, взглядамъ и привычкамъ самихъ западныхъ крестоносцевъ: всѣ они съ большею или меньшею готовностью, но, исключая Готфрида Бульонскаго, который уже имѣлъ своего императора, и одного второстепеннаго вождя, скорѣе съ готовностію, чѣмъ по принужденію, дали вассальную присягу еще предъ началомъ похода, въ Константинополѣ, и обязаны были ее соблюдать. Главнымъ виновникомъ раздора сдѣ-

---

1) Мы изложили кратко мнѣнія Зибеля и Куглера, двухъ новѣйшихъ историковъ, занимавшихся первымъ и вторымъ крестовыми походами.

лался именно тотъ, кто всѣхъ скорѣе призналъ надъ собою верховную власть восточнаго императора, именно норманнскій вождь Боэмундъ Тарентскій.

Всѣ эти разсужденія мы привели только для того, чтобы объяснить важность вопроса, который стоялъ предъ крестоносцами въ 1147 году. Можно сказать, что онъ былъ даже гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ при началѣ перваго крестоваго похода. Тогда восточная имперія, тѣснимая съ двухъ сторонъ 213
одновременнымъ движеніемъ двухъ турецкихъ ордъ, — Сельджуковъ въ Азіи и Половцевъ въ Европѣ, разстроенная цѣлымъ рядомъ династическихъ переворотовъ, не могла выставить въ Азіи большихъ и внушительныхъ силъ, хотя все-же Алексѣй Комнинъ забралъ приморскіе города Анатоліи не чужими руками, а византійскимъ войскомъ. Теперь, къ половинѣ XII вѣка, Византія, благодаря умному правленію и личной энергіи двухъ предыдущихъ государей изъ фамиліи Комниновъ (Алексѣя 1081—1118; Іоанна 1118—1143), успѣла оправиться и стояла на такой степени силы и блеска, какой она давно не знала и никогда послѣ третьяго Комнина (Мануила 1143—1181) болѣе не увидѣла. Въ самой Азіи походы и побѣды Кало-Іоанна не только доставили византійскому вліянію и византійскому оружію новое обаяніе, но сопровождались пріобрѣтеніями, которыя дали болѣе прочное положеніе, а также болѣе широкія границы территоріальному господству. Антіохія, всегда представлявшая яблоко раздора и вредный источникъ ссоръ, сама и добровольно хотѣла разъ отдаться византійскому императору, предлагая брачный союзъ наслѣдницы Боэмунда съ младшимъ сыномъ Кало-Іоанна, Мануиломъ (будущимъ императоромъ). Интриги противной партіи помѣшали осуществиться этому проэкту; война, бывшая послѣдствіемъ неудовольствія императора, привела его подъ стѣны Антіохіи и дала ему право не только требовать признанія старыхъ вассальныхъ отношеній, но и прямой уступки этого богатаго и важнаго по положенію города въ видѣ обмѣна на другіе города. Согласіе было дано, и затѣмъ нарушено, какъ скоро императоръ оставилъ окрестности Антіохіи и вступилъ въ войну съ мусульманами (1137 и 1138 годы). Обманъ, конечно, не принесъ пользы христіанамъ Сиріи и Палестины, и сами же кресто-

носцы пострадали отъ того сарацинскаго эмира, союзникомъ котораго они сдѣлались. Смерть Кало-Іоанна, постигшая его во время новаго похода въ Сирію (1142—1143), помѣшала успѣшному окончанію счастливо начатыхъ дѣйствій; одинъ изъ важнѣйшихъ крестоносныхъ владѣтелей (графъ Росцелинъ эдесскій) принужденъ былъ послать въ греческій лагерь собственную дочь, какъ заложницу своей вѣрности; антіохійскій князь, отказавшійся допустить въ своей столицѣ складъ оружія и припасовъ, назначаемыхъ для борьбы съ Турками, былъ снова чувствительно наказанъ.—Наслѣдникъ Кало-Іоанна, императоръ Мануилъ въ самомъ началѣ своего
214 правленія съ честію поддерживалъ права имперіи и политику своего отца. Раймундъ антіохійскій, обратившійся было къ молодому государю съ дерзкимъ требованіемъ возврата всѣхъ прежнихъ византійскихъ пріобрѣтеній въ антіохійской области, былъ скоро принужденъ явиться лично въ Константинополь, при гробѣ покойнаго императора просить о прощеніи и возобновить свою ленную присягу [1]). Послѣ того Мануилъ, одаренный блестящими военными способностями и рыцарскою личною храбростію, обратился противъ мало-азіатскихъ Сельджуковъ и достигъ въ борьбѣ съ ними весьма значительныхъ успѣховъ: онъ прошелъ побѣдоносно всю Фригію; въ 1146 году онъ проникъ еще далѣе на востокъ и уже стоялъ подъ стѣнами сельджукской столицы Иконія (теперь Коніэ), гдѣ еще разъ разбилъ непріятельское турецкое войско. Въ этотъ самый моментъ онъ получилъ извѣстіе о вооруженіяхъ на Западѣ, вызванныхъ паденіемъ Эдессы, въ свою очередь вызваннымъ неразумнымъ поведеніемъ крестоносцевъ, ихъ строптивымъ поведеніемъ въ отношеніи къ имперіи и взаимными ссорами. Побѣдоносный вождь византійскихъ дружинъ немедленно оставилъ осаду Иконія и воротился въ Константинополь, очевидно, съ цѣлію находиться ближе къ театру готовящихся событій и ознакомиться съ намѣреніями и планами западныхъ государей. Когда Сельджуки, при самомъ его отступленіи, предложили миръ, то Мануилъ далъ отвѣтъ, что на слѣдующую весну онъ придетъ съ гораздо большими силами [2]). Онъ имѣлъ всѣ права и, безъ

1) Cinnam. II 3, p. 35 Bonn.: *ἀφικομένῳ δὲ οὐ πρότερον βασιλεὺς προσχεῖν ἠξίωσε, πρὶν ἐς τὸ τοῦ βασιλέως καὶ πατρὸς ἀπιὼν μνῆμα ἐντεῦθεν δὴ τὴν συμπάθειαν ἐκομίσατο καὶ λίζιον λοιπὸν αὐτὸν ἐποιήσατο.*

2) Cinnam. II 6, p. 46.

сомнѣнія, питалъ надежду стоять во главѣ всего христіанскаго ополченія противъ общихъ враговъ христіанства.

Соперниковъ ему въ этомъ не могло или не должно было явиться. Другого императора христіанскій міръ въ то время не имѣлъ, потому что германскій государь, Конрадъ Гогенштауфенъ, не былъ коронованъ въ Римѣ папою и не носилъ, поэтому, титула императорскаго. Къ тому же нѣмецкій король Конрадъ былъ союзникомъ и, съ недавняго времени, родственникомъ Мануила. Основаніемъ византійско-германскаго союза, утвердившагося еще при предшественникахъ Мануила и Конрада, были общіе интересы обоихъ и общая вражда противъ Норманновъ, утвердившихъ свое господство въ Италіи на счетъ Грековъ, у которыхъ въ теченіе XI столѣтія они отняли Апулію и Калабрію, 215
и стремившихся постоянно къ расширенію своихъ владѣній на счетъ другихъ провинцій, съ большимъ или меньшимъ правомъ, считаемыхъ въ Германіи достояніемъ западной имперіи, а главное — всегда служившихъ опорою всѣмъ врагамъ обѣихъ имперій: на Норманновъ опирались папы, когда находились въ борьбѣ со свѣтскою властію императоровъ германскаго племени; отсюда выходили всѣ планы завоеванія Константинополя и восточной имперіи (Робертъ Гвискаръ, Боэмундъ и его походъ въ 1108 году). Въ началѣ 1146 года политическій союзъ двухъ имперій скрѣпленъ былъ союзомъ родственнымъ: послѣ обмѣна нѣсколькими посольствами, въ которыхъ было высказано желаніе, чтобы, вслѣдствіе взаимной дружбы, «оба государства пріобрѣли подобающую честь и миръ къ прославленію имени Христова во всей вселенной», устроился бракъ юнаго византійскаго императора на родной сестрѣ королевы германской, т. е., на Бертѣ Зульцбахъ, переименованной въ Византіи Ириною (январь 1146 года). Скрѣпленный такимъ образомъ союзъ не былъ пріятенъ королю норманнскому Рожеру II, соединившему подъ своею властію Сицилію и южноитальянскія области, прежде раздѣльныя. Во время приготовленій къ крестовому походу и во время движенія крестоносныхъ дружинъ по Европѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы направить силы Запада на пути въ Азію не чрезъ Венгрію и Византію, а чрезъ Италію. Это значило бы, что крестовый походъ противъ мусульманъ начнется завоеваніемъ Константинополя, или

же, по крайней мѣрѣ, униженіемъ и ослабленіемъ Византійской имперіи. Въ средѣ Французовъ и между приближенными короля Людовика VII король Рожеръ нашелъ не малое сочувствіе къ своимъ планамъ; это объясняется, прежде всего, національными симпатіями, такъ какъ Норманны, пришедшіе въ Германію изъ Франціи, въ XII столѣтіи даже сохраняли употребленіе французскаго языка. Когда же старанія Рожера остались безуспѣшными, благодаря вліянію Конрада и нѣмецкихъ участниковъ похода, онъ рѣшился на дерзкое и въ высшей степени преступное предпріятіе. Забывъ общіе интересы христіанства, онъ бросился на Грецію, и, вслѣдствіе неожиданности нападенія, оружіе, имъ поднятое, не встрѣтило себѣ надлежащаго отпора. Сицилійскій флотъ, въ то время весьма значительный и не безъ успѣха соперничавшій съ морскими силами венеціанской общины,
216 захватилъ островъ Корфу, гдѣ и поставленъ былъ сильный норманнскій гарнизонъ, опустошилъ другіе Іоническіе острова, приплылъ потомъ къ Греческому материку, разорилъ Коринѳъ и Ѳивы, города, знаменитые тогда своимъ богатствомъ, производствомъ шелка и шелковыхъ тканей; Малвазія (Монемвасія) и Негропонтъ также подверглись бѣдствіямъ норманнскаго нашествія. Громадная добыча и множество плѣнныхъ уведены были Рожеромъ въ Италію; въ числѣ послѣднихъ были искусные шелководы и ткачи города Ѳивъ, поселенные въ Сициліи и положившіе тамъ начало процвѣтанію этого промысла. Нападеніе Рожера послѣдовало въ то самое время, какъ французское крестоносное ополченіе приближалось къ Константинополю. Когда слухъ о немъ достигъ французскаго лагеря, то въ совѣтѣ короля Людовика прямо и настойчиво была высказываема мысль, что слѣдуетъ дѣйствовать заодно съ королемъ Сицилійскимъ, что, отступивъ во Ѳракію, нужно завязать съ нимъ сношенія, подождать прибытія норманнской эскадры къ Константинополю и начать освобожденіе христіанъ завоеваніемъ византійской столицы [1]).

Послѣ этого понятно недовѣріе и подозрительность императора Мануила и Византійцевъ къ крестоносцамъ второго кресто-

1) Odo de Diogilo p. 35 (Patr. lat. 185, 1221): Tunc fuere qui regi consulerent retrocedere - - et interim regi Rogerio, qui tunc imperatorem maxime impugnabat, scriberet et ejus adjutus navigio ipsam Constantinopolim expugnaret.

ваго похода, именно, къ Французамъ. Но главное заключается не въ этомъ недовѣріи и взаимномъ нерасположеніи, хотя они тоже вредно подѣйствовали на ходъ крестоноснаго предпріятія. Послѣ ничѣмъ не оправдываемаго поступка короля Рожера, именовавшаго себя спеціально «помощникомъ» и защитникомъ христіанства, не могло быть и рѣчи объ участіи Мануила и византійскихъ военныхъ силъ во второмъ крестовомъ походѣ. Отвѣтомъ Мануила былъ миръ съ Сельджуками, отвергнутый въ прошедшемъ году, и приготовленіе къ борьбѣ съ Сицилійскимъ королемъ, съ цѣлію воротить прежде всего Корфу. Такимъ образомъ, никто другой, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государей западныхъ былъ главнымъ виновникомъ печальнаго исхода и напрасныхъ бѣдствій второго крестоваго похода. Слѣпая ненависть къ схизматикамъ Грекамъ, которой не чужды были руководители тогдашняго католическаго мира, какъ Бернардъ Клервальскій (Клерво), помѣшала имъ понять, какой ударъ ихъ дѣлу и общему дѣлу всего христіанства нанесъ король Рожеръ: они ви- 217
дѣли въ немъ только прославленнаго героя и побѣдителя Грековъ.

Между тѣмъ, никогда на византійскомъ престолѣ не было государя болѣе расположеннаго къ Западу, чѣмъ императоръ Мануилъ, даже усвоившій многіе обычаи и любимыя занятія западнаго рыцарства; на Западѣ о немъ послѣ писали, что онъ презиралъ собственныхъ своихъ подданныхъ, т. е. Грековъ, какъ людей низкихъ, малодушныхъ и подлыхъ, и всею душою былъ привязанъ къ иностранцамъ, приходившимъ съ Запада и толпами селившимся тогда въ Константинополѣ. Это мнѣніе не было лишено основанія. Мануилъ, дѣйствительно, былъ даже слишкомъ привязанъ къ Франкамъ, и только къ концу его жизни, послѣ цѣлаго ряда разочарованій, послѣдовала въ его политикѣ реакція въ противоположномъ направленіи, грубыми продолжателями которой были послѣдующіе императоры. Политика Комниновъ вообще отличалась отсутствіемъ какого-либо національнаго направленія и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ заставляла необходимость, жертвовала интересами своихъ природныхъ подданныхъ для пріобрѣтенія друзей и союзниковъ на западѣ. Со времени Алексѣя Комнина (въ концѣ XI столѣтія) утвердились въ имперіи Венеціанцы, получивъ право свободной торговли почти во всѣхъ

наиболѣе важныхъ городахъ имперіи и основавъ привилегированную колонію въ Константинополѣ. Первыя граматы, положившія начало господству западной торговли на Востокѣ и преобладанію итальянскихъ торговыхъ общинъ на водахъ Средиземнаго моря, даны были, правда, за услуги, оказанныя въ борьбѣ Византіи съ основателемъ норманнскаго государства, Робертомъ Гвискаромъ. Съ тѣхъ поръ граматы подтверждались и привилегіи расширялись. Венеціанцы время отъ времени обнаруживали строптивость, высокомѣріе и даже враждебность къ пріютившей ихъ имперіи; но вообще служили ей вѣрно — ради собственныхъ интересовъ и выгодъ. Въ борьбѣ съ Норманнами, захватившими старые морскіе и торговые города южной Италіи Барп и Тарентъ и, благодаря мореходному населенію этихъ городовъ, достигшими большого значенія на морѣ, Венеція была естественною союзницею Византіи, почти всегда вѣрною искренне-преданною служительницею Восточной имперіи, верховную власть которой она не отказывалась надъ собою признавать. Готовясь къ походу на Рожера, императоръ Мануилъ обратился съ требованіемъ содѣйствія къ дожу Петру Полани; тотъ изъявилъ полную готовность
218 послѣдовать приглашенію, сталъ приготовлять флотъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ Венеціанцы, живущіе въ предѣлахъ имперіи ради торговли, спѣшили на службу императору въ Венеціанское войско. Однако усердіе вовсе не было безкорыстно; объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ золотыя граматы, выданныя Мануиломъ около этого времени: въ октябрѣ 1147-го года онъ подтвердилъ привилегіи, данныя Венеціанской общинѣ его отцомъ, и распространилъ права венеціанской свободной торговли на острова Кипръ и Критъ, чего моряки Адріатики уже ранѣе домогались, но безуспѣшно; въ мартѣ 1148 года, предъ самымъ открытіемъ предполагавшагося похода противъ Рожера, онъ выдалъ другой документъ, которымъ расширялось пространство, отведенное для Венеціанской колоніи въ Константинополѣ [1]).

---

1) Обѣ граматы напечатаны Тафелемъ въ извѣстномъ изданіи документовъ, относящихся къ государственной и торговой исторіи Венеціи: Fontes rerum Austriacarum, t. XII, №№ 50, 51. Мы не видимъ только достаточнаго основанія относить октябрьскій документъ къ 1148 году, вопреки отчетливому и полному обозначенію года и индикта въ концѣ документа (p. 124). ‹Ср. Neumann, Zur Gesch. der byzant.-venetianischen Beziehungen: Byzant. Zeitschr. I, 366—378›.

На дружбу и союзъ германскаго государя можно было разсчитывать, конечно, только въ будущемъ, по окончаніи крестоваго похода. Но, во всякомъ случаѣ, эта дружба и союзъ снова были скрѣплены во время посѣщенія Константинополя Конрадомъ, въ началѣ 1148 года. Разбитый нравственно и больной физически, послѣ первыхъ ударовъ, постигшихъ обѣ арміи крестоносцевъ въ Малой Азіи, Конрадъ прибылъ въ столицу по приглашенію императора и пробылъ здѣсь до начала марта, когда его армія уже вступила въ Сирію. Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ нею онъ, воротившись изъ Цареграда, ходилъ подъ Дамаскъ, чтобы испытать новыя разочарованія и пораженіе. Онъ такъ же, какъ и Французы, говорилъ о предательствѣ, но относилъ это выраженіе не къ Грекамъ, а къ своимъ сирійскимъ единовѣрцамъ, къ князьямъ и рыцарству латинскихъ колоній—государствъ въ Сиріи и Палестинѣ [1]).

Въ февралѣ 1148 года, въ то время какъ западные крестоносцы, оставивъ предѣлы Восточной имперіи, двигались по направленію къ Сиріи и Палестинѣ, Мануилъ сталъ готовиться къ походу на Рожера [2]). Рѣшено было дѣйствовать въ одно время на сушѣ и на морѣ. Снаряженъ былъ флотъ, какого давно не видали: число военныхъ кораблей доходило до пятисотъ, а перевозныхъ—до тысячи. Заготовлены были «огненосныя» суда, снабженныя знаменитымъ «влажнымъ» греческимъ огнемъ, страшное дѣйствіе котораго нѣкогда испытали на себѣ другіе враги Визан- 219

1) Traditio, a quibus minime cavimus: выраженіе въ письмѣ Конрада къ его совѣтнику и другу, аббату монастыря Корвейскаго. Переписка Вибальда представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для эпохи, которою мы занимаемся. Она издана вмѣстѣ съ другими источниками, имѣющими отношеніе къ Корвейскому монастырю, въ сборникѣ Яффе (Jaffé) Bibliotheca rerum Germanicarum: Tom. I. Monumenta Corbeiensia. Другіе источники суть, прежде всего, два византійскихъ писателя: Киннамъ и Никита Акоминатъ Хонскій, современники императора Мануила; оба они переведены и, притомъ, весьма удовлетворительно, на русскій языкъ. Мы цитуемъ ихъ по боннскому изданію подлинника.

2) Предъ отправленіемъ въ походъ, Мануилъ, по византійскому обычаю, далъ золотую грамату въ пользу церквей и духовенства, въ усердныхъ молитвахъ котораго именно тогда считалъ себя болѣе нуждающимся. Въ граматѣ, которая дана въ февралѣ 1148 года, говорится, что императоръ готовится въ походъ противъ западнаго дракона, общаго христіанскаго врага, владычествующаго незаконно надъ Сицилійскою землей, для его истребленія, и что духовная подпора архіерейскаго чина нужна для предстоящей борьбы съ этимъ новымъ Амаликомъ — *εἰς τὴν κατὰ τοῦ νέου τούτου Ἀμαλὴκ προκειμένην ἀντιπαράταξιν*. Zachariae, Jus Graeco-romanum. III, 443.

тіи — Сарацины и Русскіе: уже давно этотъ секретъ, принесенный, по преданію, ангеломъ съ неба, оставался безъ употребленія на морѣ [1]). Число сухопутнаго войска считалось, по словамъ Никиты, десятками тысячъ. Византійскій патріотъ при этомъ воздаетъ справедливую похвалу заботамъ Кало-Іоанна, предшественника Мануила, объ увеличеніи, о лучшей дисциплинѣ войска, и дѣлаетъ грустный намекъ, что въ его время, въ концѣ XII-го столѣтія, уже ни по количеству, ни, тѣмъ болѣе, по качеству, имперія не могла выставить подобныхъ силъ [2]). Главное начальство надъ флотомъ было поручено Конто-Стефану, зятю императора по сестрѣ ‹Аннѣ›, носившему званіе адмирала, или по-византійски, великаго дуки (*μέγας δούξ*). Сухопутный отрядъ, подъ командой «великаго доместика» (тоже что фельдмаршалъ) Аксуха, былъ посаженъ на суда. Самъ императоръ съ главными силами предполагалъ направиться къ западнымъ границамъ. Цѣлію похода было не только возвращеніе Корфу, но и обратное завоеваніе южной Италіи [3]), а, быть можетъ, и болѣе широкіе планы.

Въ то время какъ западъ двигался на востокъ, а европейскій востокъ на западъ, не могъ остаться спокойнымъ и сѣверъ,
220 изобиловавшій тогда враждебными христіанству и гражданственности дикими силами, уже не разъ рѣзко вторгавшимися въ отношенія греко-славянскаго и римско-германскаго міра. Когда императоръ Мануилъ былъ въ Филиппополѣ, разнесся слухъ о переходѣ чрезъ Дунай страшной орды Половецкой.

Безпокойные и хищные кочевники, Куманы или иначе Половцы, давно уже тревожили сѣверныя границы имперіи. Дикій народъ, который ни оретъ, ни сѣетъ, не имѣетъ ни опредѣленной границы, ни дома или хижины, а живетъ въ войлочныхъ палаткахъ, питаясь молокомъ, сыромъ и мясомъ, — вотъ чѣмъ были Половцы, по описанію одного западнаго, нѣсколько позднѣйшаго крестоносца [4]). Именно зимою, когда ихъ стада лишены пастбищъ,

---

1) Nicet. II 2, p. 102 Bonn.: *αἱ πυροφόροι τὸ ὑγρὸν εἰσδέχονται πῦρ τὸ τέως ἠρεμοῦν ἀδιέκχυτον.* Однако, на сушѣ, при осадѣ Драча (Диррахіума) Боэмундомъ (въ 1108 году) Греки защищались греческимъ огнемъ, составъ котораго, по этому случаю, описывается Анною Комниной (XIII 3, p. 383 Par.).

2) Nicet. ibid.

3) Cinnam., III 4, p. 96: *ᾔει τοίνυν Σικελίαν τε περινοῶν καὶ Ἰταλίαν πᾶσαν.*

4) Роберта де-Клари, описавшаго четвертый крестовый походъ, въ которомъ онъ принималъ участіе. Robert de-Clary, La Prise de Constantinople (Hopf,

они имѣли обычай выходить изъ своихъ палатокъ для разбойничьихъ набѣговъ, pour faire leur chevauchie. Каждый Половчинъ имѣетъ десять, а не то двѣнадцать лошадей, и беретъ съ собою въ походъ двухъ или трехъ, которыя привыкли вездѣ за нимъ слѣдовать и на которыхъ онъ скачетъ попеременно: въ однѣ сутки онъ совершаетъ такимъ образомъ въ шесть и семь разъ болѣе обыкновеннаго пути. Когда онъ стремится впередъ, онъ не беретъ добычи; но на возвратѣ хватаетъ людей и все, что можно увезти. Все вооруженіе Половчина, одѣтаго въ баранью шкуру, состоитъ изъ колчана и лука. «Конь, прибавляетъ византійскій писатель, составляетъ все для Кумана. Конь носитъ его во время войны и доставляетъ ему пищу, когда въ ней чув- 221
ствуется необходимость, при помощи его онъ переправляется черезъ Дунай». Широкій Дунай не останавливалъ Половцевъ. Для переправы черезъ эту рѣку они употребляли особенный, но очень простой способъ: они брали мѣшки, наполненные соломою и крѣпко сшитые, такъ чтобы вода не могла проникать въ нихъ. «Скиѳъ садится на такой мѣшокъ, привязавъ его къ конскому хвосту, кладетъ на него сѣдло и всѣ военныя принадлежности — по замѣчанію Византійца, кромѣ колчана и стрѣлъ, хотя только у нѣкоторыхъ, бывали и копья — и, такимъ образомъ, легко переплываетъ рѣку» [1]).

Въ концѣ зимы или же въ началѣ весны 1148 года, Куманы

Chroniques Gréco-romanes p. 52): Or est Commaine une tere qui marchist a Blakie. Si vus dirai quel gent chil Commain sont. Che sont une gent sauvage, qui ne erent ne ne semment ne n'ont borde ne maison; ains ont unes tentes de feutre, uns habitacles ou il se muchent; et se vivent de lait et de formage (sic) et de char. Si y a en este tant de mouskes et de mouskerons, que il n'osent issir hors de leurs tentes waire preu devant en l'iver. En yver si issent hors de leur tentes et de leur pais, quant il voellent faire leur chevauchie. Si vus dirons que il font. Cascuns d'aux a bien X. chevax ou XII.; si les ont duis qu'il le sivent par tout la ou il les voellent mener, si montent puis seur l'un et puis seur l'autre. Si a cascuns de chevax quant il oirrent, un sakelet pendu au musel, la ou se viande est; si menjue si comme il siut sen maistre, ne ne cessent d'esrer et par nuit et par jour; si vont si durement que il vont bien en une nuit et en un jor VI. journees ou VII. ou VIII. d'esrure. Ne ja tant comme il vont, riens ne carkeront ne ne prendront devant au repairier; mais quant il repairent, dont si acuellent proies; si prennent hommes; si prenent chou qu'il pueent ataindre: ne ja n'iront autrement arme fors qu'il ont unes vesteures de piax de mouton et portent ars et saietes avec aus, ne ne croient autrement fors en le premiere beste qu'il encontrent le matinee, et chis qui l'encontrent si icroit toute jour quele beste che soit...

1) Nicet. II 7, p. 124.

перешли черезъ Дунай, взяли здѣсь значительный городъ Демничикъ; скоро они появились на югъ отъ Балканъ и опустошали Загорье [1]). Самъ императоръ направился къ сѣверу. Чтобы наказать дерзкихъ разбойниковъ и лишить ихъ награбленной добычи, Мануилъ хотѣлъ преградить имъ путь къ отступленію и отнять у нихъ обратную переправу чрезъ Дунай. Съ этою цѣлію, одновременно съ движеніемъ сухопутнаго отряда, послано было приказаніе въ Константинополь — отправить нѣсколько кораблей въ устье Дуная, которые потомъ должны были подняться вверхъ по теченію. Но прежде чѣмъ суда пришли, Половцы уже воротились на лѣвый берегъ Дуная и расположились тамъ на кочевье.

На простой «однодеревкѣ»—способъ переправы, употреблявшійся на Дунаѣ еще во времена Аттилы, а на Черномъ морѣ во времена и того болѣе раннія [2]), Мануилъ переплылъ рѣку: связывая нѣсколько такихъ душегубокъ вмѣстѣ, онъ устроилъ переправу и для своего отряда; но только пятьсотъ человѣкъ сопровождали его въ дальнѣйшей экспедиціи. Настигнуть Половцевъ было весьма трудно. «Какъ дерзкій и прожорливый волкъ легко
222 обращается въ бѣгство, когда появится что-нибудь страшное, такъ и народъ Половецкій, если встрѣтитъ мужественное сопротивленіе, озирается назадъ и обращается въ бѣгство. Въ одно и то же время онъ здѣсь близко и уже далеко отступилъ: его не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ» [3]). На сей разъ погоня была тѣмъ затруднительнѣе, что Мануилъ встрѣтился на пути еще съ двумя судоходными рѣками, на которыхъ уже не было никакихъ средствъ для переправы. Пришлось перевозить на лошадяхъ дунайскія однодеревки. Только вблизи границъ

---

1) У Киннама (III 3, p. 93) и у Никиты (II 2, p. 103,23) Куманы, какъ требуетъ литературный языкъ, названы Скиѳами, однако, въ такъ называемомъ варварскомъ текстѣ послѣдняго прямо стоятъ Куманы (*τοὺς Κομάνους*). О Печенѣгахъ, которыхъ здѣсь предполагаютъ новые историки (Finlay III, 168 и Kugler, Studien zur Gesch. des zweiten Kreuzzugs стр. 216), совсѣмъ не слѣдуетъ думать. — Что касается Демничика или Демницика (*Δεμνίτζικος*), упомянутаго у Киннама то, вѣроятно, это есть теперешняя Зимница, на лѣвомъ берегу Дуная, между Ольтою и Веде.

2) О черноморскихъ однодеревкахъ говоритъ еще Клавдіанъ, современникъ Стилихона: на нихъ разъѣзжали черноморскіе Готы, а на Дунаѣ — въ нихъ переправлялся Прискъ, описавшій свое посольство къ Аттилѣ.

3) Изъ рѣчи Евстаѳія Солунскаго къ Исааку Ангелу: Eustathii opuscula p. 44 Tafel.

русскихъ, т. е., нужно думать, предѣловъ галичскаго княжества, удалось императору нагнать хищную орду [1]). Здѣсь произошла схватка, въ которой самъ императоръ, съ обычною ему рыцарскою отвагою, принималъ участіе и которая окончилась бѣгствомъ кочевниковъ въ близъ-лежащія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Взято было нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ названъ, какъ наиболѣе знатный, какой-то «родоначальникъ» Лазарь, носившій, помимо христіанскаго, еще другое имя—Сота [2]).

Несмотря на свою погоню за Куманами, Мануилъ еще вовремя поспѣлъ къ тому пункту, откуда должны были начаться военныя дѣйствія противъ Норманновъ, т. е. замышляемая высадка въ южной Италіи, а также возвращеніе острова Корфу. Но большой византійскій флотъ замедлилъ. Противные вѣтры, неспособность адмирала указываются какъ причины его поздняго прибытія, и очень вѣроятно, что одна причина не исключала другой. Весною Конто-Стефанъ оставилъ гавань Золотого Рога, но только осенью пришелъ онъ въ Адріатическое море. Императоръ, несмотря на это, хотѣлъ было все-таки пуститься въ экспедицію, но буря сдѣлала невозможнымъ исполненіе смѣлаго предпріятія. Пришлось ограничиться блокадою Корфу, гдѣ къ эскадрѣ Конто- 223
Стефана вскорѣ присоединились венеціанскіе корабли. Самъ императоръ остался зимовать въ Верріи [3]).

Между тѣмъ, французско-нѣмецкое крестоносное ополченіе, послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, потерпѣло печальную и позорную

---

1) Cinnam. III, 3, p. 94: *ἐπὶ ὄρος τένου ὅρμον ἦλθον, ὅπερ ἀγχοῦ τῶν Ταυροσκυθικῆς ὁρίων ἀνέχει.* Начальныя слова не представляютъ какого-либо удовлетворительнаго, хотя бы грамматическаго, смысла. Въ латинскомъ переводѣ: ad montem usque (*τένου ὅρμον*), qui Tauroscyticae finibus adiacet. Изъ этого тоже ничего нельзя понять, кромѣ близости къ Руси, обыкновенно называемой землей Тавро-Скиѳовъ. Не скрывается-ли въ искаженномъ чтеніи названіе города: *ἐπὶ τὸν Ὀροστένου ὅρμον ἦλθον?* Оростенъ тогда будетъ нынѣшніе Урсичены (Ursitscheni) на рѣкѣ Яломицѣ. Въ такомъ случаѣ двѣ судоходныя рѣки, которыя оставилъ за собою Мануилъ, были бы Арджишъ и Дымбовица, или же Веде и Арджишъ [Томашекъ, Zeitschr. für die Oesterr. Gymn. XXIII (1872), 149: «Ein Theil der östlichen Karpaten, wohin sich der pečenegische Hospodar Lazar zurückzog, hiess *Τέλου ὅρμον*, und denselben türkischen Namen Tele-ormanü bewahrt der walachische District an dem Fl. Wede gegenüber von Sistow».]

2) Cinnam. III 3, p. 95,14: *Λάζαρος* - - потомъ (95,19), очевидно, о немъ же: *Σότας ἐκεῖνος* и т. д.

3) Cinnam. III 4, p. 96: *φθινούσης ἤδη τῆς ὥρας* - - *κατῆρεν* (о Конто-Стефанѣ) - - *ἀγχοῦ τῆς Βερροίας* - - *διεχείμαζε* (о Мануилѣ).

неудачу подъ Дамаскомъ. Разочарованный и глубоко оскорбленный почти явною измѣною палестинскихъ христіанъ-католиковъ, Конрадъ, король германскій, оставилъ Палестину; въ началѣ сентября (1148 г.) онъ сѣлъ на греческій корабль, принадлежавшій къ той небольшой эскадрѣ, которая привезла его въ Сирію, и направился къ македонскому берегу. Во время своего недавняго пребыванія въ Константинополѣ (въ началѣ 1148 года) Конрадъ далъ клятвенное обѣщаніе посѣтить еще разъ императора Мануила, по окончаніи своего крестоноснаго похода, и тѣмъ менѣе могъ помышлять о нарушеніи даннаго слова, что прямой путь чрезъ Италію не былъ для него безопасенъ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Рожеру сицилійскому [1]). Въ Солуни Мануилъ встрѣтилъ своего царственнаго друга, сопровождаемаго нѣсколькими близкими царственными родственниками и знатными баронами, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились въ столицу, гдѣ Конрадъ оставался до весны слѣдующаго (1149) года [2]).

Дружественныя отношенія между Норманнами и Гогенштауфенами были скрѣплены въ это время новыми договорами и обязательствами. Условленъ былъ планъ единовременнаго общаго нападенія на общаго врага, т. е. короля Рожера. Конрадъ долженъ былъ немедленно, послѣ своего возвращенія, двинуться на него изъ сѣверной Италіи; только тяжелая болѣзнь или же опасеніе потерять собственныя владѣнія признавались достаточными основаніями для отсрочки, никакъ не для отмѣны взаимнаго обя-

---

1) Cinnam. II 19, p. 86 sq.: Конрадъ отправился въ Палестину на флотѣ подъ начальствомъ Никифора Дасіота и возвратился съ нимъ же: *σὺν ναυσὶ ταῖς εἰρημέναις*. Annales Palidenses (ann. 1148): MG. SS. XVI, 83: Quoniam autem obligaverat (Conradus) se iuramento reversurum, Constantinopolin regreditur. Cp. Historia Pontificalis MG. SS. XX, 536: (Conradus) - - nec ausus est reverti navigio, quia inter ipsum et Rogerum - - inimicitie vertebantur. Usus ergo consilio Rodberti principis Capuani - - profectus est Constantinopolim и т. д.

2) Cinnam. p. 87: *Θεσσαλονίκῃ προσέσχεν*. Otto Frising. Gesta Frider. I, 64. ‹Script. rerum germanic. in usum scholarum›: (Conradus) fratrem et amicum suum... in Achaiae seu Thessaliae finibus inveniens adiit. ‹На поляхъ своего оттиска В. Г. Васильевскій сдѣлалъ впослѣдствіи приписку: «Невѣрно». Однако, въ книгѣ Бернгарди (W. Bernhardi, Konrad III, Th. II, 753), въ которой хронологія поставлена на первый планъ и которая вышла послѣ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго, говорится согласно съ нимъ: въ апрѣлѣ Конрадъ покинулъ Константинополь. Новѣйшій историкъ Шаландонъ (F. Chalandon. Les Comnènes, II, 327) ссылаясь на Annal. Magdeb. (MG. SS. XVI, 188), говоритъ, что Конрадъ покинулъ Константинополь въ февралѣ 1149 г.›

зательства [1]). Само собою разумѣется, что договоръ союзниковъ имѣлъ въ виду дружелюбный раздѣлъ добычи послѣ несомнѣнной 224
для нихъ побѣды надъ Рожеромъ. Мануилъ не могъ отказаться отъ старыхъ византійскихъ правъ на южную Италію, т. е., по крайней мѣрѣ, на Апулію и Калабрію — провинціи, всего долѣе остававшіяся въ рукахъ греческихъ и еще сохранявшія преобладающее господство національности и языка греческихъ. Нѣтъ никакого основанія заподозривать свидѣтельство того византійскаго писателя, который прямо говоритъ объ этомъ и утверждаетъ, что германскій государь еще ранѣе далъ Мануилу нѣкоторыя обѣщанія относительно южной Италіи, и что теперь эти обѣщанія скрѣплены были клятвеннымъ обязательствомъ самого Конрада и его племянника Фридриха швабскаго (т. е., будущаго императора Фридриха Барбаруссы). Дѣло шло, конечно, о признаніи за восточнымъ императоромъ его будущихъ завоеваній [2]).

Обезпеченіемъ политическаго союза должны были служить новыя родственныя связи византійскаго императорскаго дома съ германскимъ. Сводный братъ Конрада, герцогъ баварскій и маркграфъ австрійскій Гейнрихъ Язомирготтъ женился на родной племянницѣ Мануила [3]). Начаты были также переговоры о бракосочетаніи молодого короля Гейнриха, управлявшаго Герма-

---

1) Письмо Конрада императрицѣ Иринѣ: Wibaldi epist. № 243 (Jaffé, Biblioth. rer. Germ., t. I, Monum. Corbeiens. p. 363).

2) Cinnam. II 19, p. 87: *ὁ δὲ βασιλεὺς τῶν πάλαι προομολογηθέντων ἀνεμίμνησκεν αὐτῷ (Κορράδῳ)· ἦσαν δὲ ταῦτα, ὅπως Ἰταλίαν εἰς ἔδνον τῇ βασιλίδι ἀνασώσαιτο Εἰρήνῃ - -. ὁρκίοις οὖν δευτέροις αὐτός τε καὶ Φρεδερίκος τὰ σφίσι δεδογμένα πιστώσαντες τῆς Ῥωμαίων ἀπαλλάττονται γῆς*. Если мы припомнимъ, что слово Италія у византійцевъ часто означаетъ только Апулію и Калабрію, то ничего такого невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи не будетъ. Ср. Kugler, Studien, стр. 207.

3) Объ этомъ бракѣ наиболѣе точныя свѣдѣнія сообщаютъ австрійскія лѣтописи, какими можно считать анналы придунайскаго города Мёлка. Annales Melicenses (MG. SS. IX, 504): dux Heinricus - - filiam cuiusdam clarissimi ducis, scilicet fratris regis Grecorum, nomine Theodora, uxore accepta, secum adduxit. Въ продолженіяхъ къ этимъ анналамъ (pp. 505, 542, 617, 632) постоянно встрѣчаются указанія на этотъ бракъ и на годъ смерти Ѳеодоры, переименованной въ Гертруду. Annales Palidenses (MG, SS. XVI, 83) говорятъ также о бракѣ, но ошибочно относятъ его къ предыдущей веснѣ 1148 года, т. е., къ первому пребыванію Конрада въ Константинополѣ: Heinricus marchio, frater regis Conradi, consobrinam regis Grecorum duxit uxorem. ‹Ср. W. Bernhardi, Konrad III, Th. 2, стр. 656. F. Chalandon, Les Comnènes, II, 308.›

ніей въ отсутствіи своего отца, также съ одною изъ родственницъ Мануила [1]). Праздники и зрѣлища при такого рода радостныхъ
225 событіяхъ, обѣщавшихъ прочный союзъ двухъ имперій, были, несомнѣнно, болѣе умѣстны, чѣмъ въ прошедшую зиму, во время болѣзни Конрада. Въ самомъ характерѣ увеселеній и въ ихъ разнообразіи сказалось совершенно соотвѣтственное обстоятельствамъ сближеніе востока и запада: конныя ристалища, все еще сохранявшія часть своего прежняго блеска и популярности, смѣнялись заимствованными отъ рыцарскаго запада военными потѣхами, т. е., турнирами, большимъ любителемъ которыхъ и ревностнымъ участникомъ былъ всегда самъ императоръ Мануилъ [2]).

Съ приближеніемъ весны Конрадъ Гогенштауфенъ оставилъ веселые берега Босфора [3]). Чрезъ городъ Драчъ (Дураццо) и потомъ Адріатическимъ моремъ онъ прибылъ въ самомъ началѣ мая въ Аквилею; предполагалось, конечно, что онъ здѣсь-же, въ сѣверной Италіи, соберетъ войско для похода противъ Рожера; герцогъ Фридрихъ швабскій, оставившій Константинополь нѣсколько ранѣе, долженъ былъ привести подкрѣпленія изъ Германіи. Съ своей стороны, императоръ Мануилъ отправился къ союзному греко-венеціанскому флоту, стоявшему подъ Керкирою (Корфу), чтобы покончить съ осадою и высадиться немедленно въ Италіи. Господству Норманновъ въ южной Италіи грозила большая опасность, если бы планы, составленные во время цареградскихъ праздниковъ, были приведены въ исполненіе. Но скоро оказалось, что ни Конрадъ, ни даже самъ Мануилъ не могли дѣйствовать согласно съ принятыми рѣшеніями.

---

1) Wibaldi epistol. № 243 (Jaffé, Biblioth. rer. Germ. I, 365). Конрадъ, безъ опредѣленнаго впрочемъ указанія на время, пишетъ въ письмѣ къ императрицѣ Иринѣ, что онъ велъ переговоры съ ея мужемъ объ этомъ бракѣ во время личнаго свиданія съ нимъ, т. е., вѣроятнѣе — второго свиданія, а не перваго: Cum presentes essemus inter nos tractatum et firmatum fuit, - - ut filius noster - - neptem unam mariti tui — uxorem ducat.

2) Cinnam. II, 19, p. 86. Онъ относитъ увеселенія къ весеннему пребыванію Конрада въ Константинополѣ едва-ли вѣрно. О любви Мануила къ турнирамъ говорятъ Киннамъ, Никита и Григора. [Ср. Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs, v. II, p. 336].

3) ‹Бернгарди (II, 753) относитъ оставленіе Конрадомъ Константинополя къ апрѣлю 1149 г. и прибытіе въ Аквилею къ началу мая›.

Эскадра, состоявшая изъ византійскихъ и венеціанскихъ кораблей, прибыла къ Керкирѣ осенью 1148 года и явилась предъ главнымъ городомъ острова. Осада была поведена одновременно и съ моря, и съ суши, на которой высажены были войска и устроены два отдѣльные лагеря: одинъ для Грековъ, другой для Венеціанцевъ. Задача, которую предстояло рѣшить союзникамъ, въ самомъ началѣ оказалась достаточно трудною. Городъ Корфу былъ защищенъ крѣпкими стѣнами и сильною цитаделью; послѣдняя занимала вершину скалистаго мыса, подымавшагося грозно надъ морскою пучиною. При открытіи осады начальникъ сицилійскаго гарнизона получилъ предложеніе добровольно очи- 226
стить крѣпость; но оно было отвергнуто, и Норманны отвѣчали градомъ стрѣлъ; дѣйствіе ихъ было тѣмъ непріятнѣе, что оно сейчасъ-же обнаружило невыгодное положеніе осаждающихъ. Стрѣлы и камни метательныхъ орудій, пускаемые снизу противъ врага, находившагося на огромной высотѣ, наносили ему незначительный вредъ. Наоборотъ, тѣмъ гибельнѣе были удары, легко и мѣтко направляемые сверху внизъ. Осаждающіе сдѣлали попытку взобраться на стѣны посредствомъ лѣстницъ; но эта попытка кончилась самымъ несчастнымъ образомъ. Камень, пущенный сверху, поразилъ смертельнымъ ударомъ самого начальника эскадры, руководившаго осадою. Смятеніе, вызванное извѣстіемъ объ этомъ несчастіи, привело къ тому, что Греки, поднявшіеся по лѣстницамъ на высоту городскихъ стѣнъ, были отбиты съ большимъ урономъ.

Ссора, обнаружившая національную и религіозную антипатію между Венеціанцами и Византійцами, не только помѣшала успѣшному ходу осады, но могла повести къ самымъ опаснымъ затрудненіямъ. Столкновеніе произошло, несмотря на благоразумное распоряженіе властей, разлучившихъ два лагеря. Дѣло началось на рынкѣ, устроенномъ по срединѣ, обычными при подобныхъ обстоятельствахъ взаимными насмѣшками, бранью и ругательствами; а затѣмъ, естественно, скоро перешло и въ рукопашную схватку. Обѣ стороны схватились за оружіе; обѣ получили подкрѣпленія; венеціанскіе матросы прибѣжали съ своихъ кораблей, и завязалось настоящее сраженіе. Усилія властей прекратить его были совершенно напрасны. Великій доместикъ

Іоаннъ Аксухъ, замѣнившій Конто-Стефана, сдерживалъ своихъ вполнѣ добросовѣстно и сначала не безъ успѣха, но потомъ убѣдился, что этимъ онъ только даетъ въ обиду своихъ земляковъ, такъ какъ расходившіеся Итальянцы не прекращали боя. Ради равновѣсія и порядка онъ далъ тогда волю и своей сторонѣ; наконецъ, самъ пустилъ въ ходъ собственныхъ тѣлохранителей, снабженныхъ тяжелымъ вооруженіемъ. Венеціанцамъ тогда пришлось худо. Принужденные къ отступленію, они собрались подлѣ своихъ галеръ и среди шума и крика приняли рѣшеніе, соотвѣтствовавшее ихъ досадѣ и темпераменту. Суда были спущены въ море; союзники сѣли на нихъ и уѣхали изъ-подъ Корфу.

Не въ дальнемъ разстояніи былъ одинъ небольшой островъ, гдѣ
227 стояли греческія торговыя суда: Венеціанцы овладѣли островомъ и сожгли суда, выместивъ предварительно свою злобу надъ ихъ экипажемъ. Случайно они захватили царскій корабль, и это дало имъ поводъ устроить демонстрацію, которая долженствовала выразить ихъ презрѣніе къ самому государю ненавистныхъ Грековъ и нанесть личное ему оскорбленіе. Царскія комнаты на кораблѣ были разукрашены, какъ слѣдуетъ, золотыми и пурпурными тканями, и затѣмъ здѣсь совершилась комическая церемонія вѣнчанія на царство, въ герои которой былъ избранъ ради мнимаго сходства съ Мануиломъ, отличавшимся смуглымъ цвѣтомъ лица, африканскій плѣнникъ, черный Эѳіопъ, т. е., Негръ; его сажали на царскомъ мѣстѣ, надѣвали на него царскій вѣнецъ, и потомъ надъ нимъ издѣвались, оказывая царскія почести [1]). Венеціанцы заслуживали, конечно, строгаго наказанія; но если бы императоръ Мануилъ и былъ въ силахъ сдѣлать это, то благоразуміе требовало подавить гнѣвъ и затаить въ себѣ до болѣе благопріятнаго времени досаду и месть. «Видя, что мщеніе небезопасно въ то время, когда все вниманіе должно быть обращено на другіе предметы, императоръ Мануилъ объявилъ прощеніе Венеціанцамъ, какъ въ преступленіяхъ противъ него самого, такъ и во враждебныхъ и коварныхъ дѣйствіяхъ противъ

1) Сцена описана у Никиты Хоніата (II 5, p. 114 sq.) съ такою же наглядностію и подробностію, какъ и все возстаніе Венеціанцевъ. Киннамъ только въ двухъ-трехъ словахъ упоминаетъ о возмущеніи (III 5, p. 98).

Римлянъ»[1]). Венеціанцы въ скоромъ времени загладили свои вины и въ слѣдующемъ (1149-мъ) году оказали важныя услуги. Весною этого года императоръ Мануилъ прибылъ къ своему флоту и самъ принялъ руководство надъ ходомъ осадныхъ дѣйствій, такъ какъ прежде взятія Корфу считалось невозможнымъ думать о высадкѣ въ Италіи и во всѣхъ отношеніяхъ представлялось неудобнымъ оставить въ рукахъ Норманновъ морскую стоянку противъ греческихъ береговъ. За то и король Рожеръ, съ своей стороны, принялъ мѣры, долженствовавшія принудить противника къ отступленію. Грозная морская сила норманнская, развившаяся, благодаря старому морскому населенію городовъ Бари и Тарента, появилась снова въ византійскихъ водахъ, и это заставило Мануила отдѣлить часть своего флота, состоявшую изъ греческихъ и особенно венеціанскихъ судовъ, для наблюденія надъ Сицилійцами. Эскадра, подъ начальствомъ Византійца Хуруна, отправилась на югъ Пелопоннеса и здѣсь, при мысѣ Малеѣ, встрѣтилась со врагами. Въ происшедшей битвѣ Хурунъ одержалъ 228
верхъ надъ моряками норманнскими[2]). Венеціанскіе источники утверждаютъ, что вся честь побѣды принадлежала флоту союзной Грекамъ республики, что Византійцы были уже обращены въ бѣгство, и только подоспѣвшія венеціанскія суда дали другой ходъ дѣлу. Сорокъ норманнскихъ кораблей были взяты въ плѣнъ, другіе потоплены[3]).—Повидимому, здѣсь долженъ быть помѣщенъ эпизодъ, который тогда надѣлалъ много шуму и дошелъ во Францію, Италію и Германію въ видѣ разныхъ неточныхъ и невѣрныхъ слуховъ. Героемъ его былъ не кто другой, какъ самъ король французскій, возвращавшійся съ своею супругою изъ своего печальнаго крестоваго похода. Послѣ Пасхи 1149 года Людовикъ VII оставилъ Палестину на одномъ изъ наемныхъ судовъ,

---

1) Nicet. p. 115.

2) Cinnam. II 19, p. 87. Ср. III 5, p. 98. Мѣсто сраженія здѣсь не обозначено, мы узнаемъ его изъ венеціанскихъ источниковъ.

3) Cronaca Altinate (Archivio Storico Italiano VIII, годъ 1845) p. 157: Una cum exercitu imperatoris pars exercitus Venetorum contra regis exivit exercitum; et obvians ei, apud Maleum venientibus Graecis, qui numero plures fuerant, atque fugientibus, aggressi fuerunt Veneti inimicos et cum illis fortiter dimicantes XXXX illorum naves caeperunt aliasque plures submerserunt; ceteras quoque, quae evaserant, usque ad terras Regis (Rogerii) fuerunt insecuti.

которыя тогда поддерживали постоянно сообщенія между Святою Землею и западомъ, въ частности съ Италіей; когда его корабль дорогою встрѣтился съ норманнскою эскадрою, то Людовикъ пересѣлъ на одинъ изъ военныхъ кораблей этой эскадры. Онъ, такимъ образомъ, сдѣлался невольнымъ участникомъ сраженія, происшедшаго при Малейскомъ мысѣ, и подвергался большимъ опасностямъ, — быть взятымъ въ плѣнъ была еще меньшая изъ нихъ. По любопытному для исторіи морскихъ обычаевъ замѣчанію византійскаго современнаго писателя, если бы король французскій не успѣлъ выкинуть на своемъ кораблѣ союзный, т. е., очевидно, венеціанскій флагъ,—то его судно могло бы быть потоплено вмѣстѣ съ экипажемъ въ морской пучинѣ. Многіе изъ Французовъ, сопровождавшихъ короля, были все-таки взяты въ плѣнъ; по очень достовѣрнымъ извѣстіямъ въ томъ числѣ находилась и знаменитая королева Елеонора. Но византійскій императоръ, котораго Людовикъ считалъ и называлъ вѣроломнымъ измѣнникомъ и виновникомъ всѣхъ своихъ неудачъ въ Сиріи, поступилъ совершенно по-рыцарски, приказавъ освободить всѣхъ плѣнныхъ Французовъ безъ выкупа [1]).—Сорокъ кораблей, слѣдо-

1) О возвращеніи Людовика и особенно о сраженіи, въ которомъ онъ былъ зрителемъ, лучшія свѣдѣнія у Византійцевъ (Cinnam. II 19, p. 87 sq.). Въ одномъ фрагментарномъ французскомъ источникѣ (Bouquet XII, 115—117) разсказывается, что самъ король Людовикъ былъ взятъ въ плѣнъ Греками и освобожденъ норманнскимъ адмираломъ Георгомъ. Подобный же разсказъ у одного изъ продолжателей Сигиберта (MG. SS. VI, 454): Ludovicus rex Francorum a Palestina navigans - - Grecorum naves incurrit. Cumque ab eis imperatori Curfolium obsidenti presentandus deducitur, Georgius dux navium regis Siciliae eos aggreditur. (Siquidem vastatis et spoliatis Grecorum provinciis, usque ad ipsam urbem regiam Constantinopolim accedens, sagittas aureas in palatium imperatoris iecerat; et incensis suburbanis, de fructu ortorum regis violenter tulerat). Unde rediens, naves Grecorum incurrit, captis Ludovicum regem eripuit, sed captos regis obtentu dimittit. Отрывокъ, заключенный въ скобкахъ, относится къ непосредственно слѣдующему въ текстѣ случаю. Но все другое, что будто бы плѣннаго Людовика уже везли къ Мануилу, осаждавшему Корфу, и что онъ былъ освобожденъ только норманнскими судами, возвращавшимися изъ набѣга на Царьградъ, совершенно ложно. Далѣе здѣсь еще прибавляется, что Мануилъ, взявъ Корфу, гнался за Норманнами и Людовикомъ, но послѣдній успѣлъ спастись. О взятіи въ плѣнъ Елеоноры говоритъ болѣе достовѣрный авторъ (Historia Pontificalis: MG. SS. XX, 536), но тоже не безъ прикрасъ: здѣсь утверждается, что Рожеръ выслалъ свой флотъ нарочно для охраны Людовика, хотя послѣдній вовсе не былъ въ войнѣ съ Греками. Краткая отмѣтка въ Annales Casinenses (MG. SS. XIX, 310) отличается точностію и отмѣчаетъ день посѣщенія монастыря Монте-Кассинскаго воротившимся королемъ. Хроника дожа Дандоло (p. 282) повторяетъ Сигиберта съ небольшими измѣненіями. ‹Ср. Chalandon II, 331›.

вательно столько же, сколько было потоплено, изъ эскадры Сици- 229
лійской успѣли уйти отъ Хурупа и смѣло направились прямо къ Константинополю, гдѣ навели большой страхъ на окрестныхъ жителей. Болѣе того, впрочемъ, они почти и не могли сдѣлать; входъ въ Суду или заливъ Золотого Рога былъ, конечно, запертъ, и потому всѣ подвиги Сицилійцевъ ограничились разореніемъ нѣсколькихъ загородныхъ домовъ на азіатской сторонѣ Босфора, около нынѣшняго Скутари; да и это не обошлось безъ собственныхъ потерь [1]). Затѣмъ, та же эскадра встрѣтилась съ византійскими кораблями, на которыхъ перевозилась византійская казна, или, точнѣе, податной сборъ съ острова Крита, и вступивъ съ ними въ бой за обладаніе сокровищемъ, такъ сильно пострадала, что только небольшіе остатки ея уцѣлѣли и вернулись домой [2]). Все это случилось приблизительно въ концѣ іюля 1149 года, когда король Людовикъ достигъ береговъ Калабріи. По свидѣтельству венеціанскихъ хроникъ [3]), корабли республики, участвовавшіе въ поискахъ за Норманнами, успѣли еще во-время прибыть снова къ Корфу, чтобы принять тамъ участіе въ послѣднихъ осадныхъ дѣйствіяхъ. Во время ихъ отсутствія, дѣло здѣсь 230
мало подвинулось впередъ, несмотря на всю энергію осаждающихъ, поддерживаемую личнымъ участіемъ императора. На третій мѣсяцъ послѣ возобновленія осадныхъ дѣйствій, подъ руководствомъ самого Мануила, прибывшаго, какъ мы знаемъ, въ началѣ весны, сдѣлана была отчаянная попытка пробраться внутрь крѣпости съ моря посредствомъ башенной лѣстницы, укрѣпленной своимъ основаніемъ на нѣсколькихъ большихъ судахъ и опиравшейся на ихъ лѣса и мачты. Набралось четыреста храбрецовъ, которые вызвались, рискуя своею головой, взобраться по этой воздушной лѣстницѣ на край скалы, гдѣ упиралась верхнимъ концомъ означенная лѣстница и гдѣ начиналась городская стѣна. Поощряемые самимъ императоромъ, который

---

1) Cinnam. III 5, p. 101. Сюда же относится отмѣченный въ предыдущемъ примѣчаніи отрывокъ изъ хроники Сигиберта. Въ хроникѣ Дандоло прибавлено, что когда Норманны возвращались изъ Царьграда, то были настигнуты Венеціанцами и Греками и потеряли 19 галеръ.

2) Cinnam. l. l.: *ναυσὶ-περιτυχόντες, αἳ τὸ δημόσιον Κρήτηθεν ἐκόμιζον νόμισμα.* Ср. Kugler, Studien, стр. 210.

3) См. ниже выписку изъ хроники венеціанской.

обѣщалъ щедрую награду смѣльчакамъ, а въ случаѣ ихъ гибели— женамъ и дѣтямъ ихъ, въ виду всего войска, которое молилось и плакало, сотворивъ крестное знаменіе, они пошли вверхъ и повисли въ воздухѣ; впереди всѣхъ былъ одинъ природный грекъ, Пупаки, и четыре родныхъ брата, принадлежавшихъ къ франкской фамиліи, давно поселившейся въ имперіи. Самые передніе и самые смѣлые были уже у цѣли, какъ лѣстница подломилась, вѣроятно отъ камней, свергаемыхъ внизъ осажденными, и всѣ на ней бывшіе полетѣли стремглавъ, внизъ головою, разбиваясь о скалы и палубы кораблей, погружаясь въ морскую пучину. Воинственная душа Мануила при этомъ зрѣлищѣ закипѣла, и онъ далъ приказаніе гребцамъ корабля, съ котораго онъ слѣдилъ за ходомъ предпріятія, направить его къ самой скалѣ, намѣреваясь принять лично участіе въ восхожденіи на стѣны, и только съ трудомъ былъ удержанъ приближенными [1]). Послѣ этой попытки, въ которой незамѣтно участія Венеціанцевъ, осада превратилась въ простую блокаду, и только съ прибытіемъ венеціанскихъ судовъ, разсѣявшихъ норманнскій флотъ, снова начались приступы. Намъ говорятъ, что всѣ почти скалы, на которыхъ расположена была крѣпость, успѣли обагриться и венеціанскою кровью, и что большія венеціанскія галеры, снабженныя осадными лѣстницами особаго устройства, сдѣлали наибольшій вредъ норманнскому гарнизону и всего болѣе содѣйствовали успѣшному исходу долговременной осады [2]). Въ сущности,

---

1) Cinnam. III 5, p. 99. Nicet. II 3—4, p. 109—113.

2) Danduli Chronicon (Murator. Rer. Italic. Script. ed. 1728, t. XII, 283): Ab obsidione igitur cum triumpho (послѣ побѣды надъ Сицилійскими кораблями, угрожавшими Цареграду) redeuntibus Venetis, machinis, gattis et scalis primo compositis, duplicantur insultus. Cumque Veneti ad castrum obtinendum alios suaderent, bellantes plurimi ex eis defecere, sed tandem illud imperatori subjicitur. Еще подробнѣе въ хроникѣ Алтинатской (Arch. stor. Ital. VIII 157 sq.): His ergo (побѣдою при Малеѣ) imperator non modicum laetus factus et Venetorum auxilio nunc admodum corroboratus, ad inimicos, qui castrum Corfu de mandato regis (Рожера) servabant, se cum suo convertit exercitu. (Это неправильно). - - Veneti autem - - obsederunt castrum, ubi schalas facientes ac machinas inimicos fortiter espugnabant. Erat enim ibi exercitus copiosus et genus hominum infinitum. Sed Veneti inter caeteras naves bellicas gattos habebant fortissimos, in quibus schalas faciebant, castrum pernimium expugnantes et inimicos potenter offendentes: fiebat quidem ibi caedes hominum magna et ab utraque parte multi cadebant. Cum autem obsidio ista diucius perdurasset - - fuissentque saxa fere omnia Veneto-

Корфу былъ взятъ только голодомъ и, можетъ быть, отчасти 231
измѣною. Осада продолжалась, по нашему разсчету, болѣе года [1]).

Послѣ взятія Корфу ничто, повидимому, не мѣшало условленной съ германскимъ королемъ экспедиціи въ Италію. Мануилъ, дѣйствительно, отправилъ свой флотъ, подъ начальствомъ великаго доместика Аксуха, къ берегамъ Италіи; это было осенью 1149 года. Аксухъ долженъ былъ пристать въ Анконѣ и отсюда дѣйствовать на югъ полуострова. Между тѣмъ самъ Мануилъ принужденъ былъ обратиться въ другую сторону, гдѣ противъ него собиралась новая гроза: составлялась коалиція, въ которой принимали участіе самые разнообразные элементы. Союзъ съ Конрадомъ во все продолженіе 1149 года не только не принесъ никакой пользы, но скорѣе былъ причиною опасныхъ для восточной имперіи усложненій на сѣверныхъ ея границахъ. Скоро послѣ 232
разлуки обоихъ государей оказалось, что Конрадъ не только не въ состояніи дѣйствовать заодно съ Мануиломъ противъ Рожера, но даже самая его вѣрность принятымъ обязательствамъ могла казаться въ Константинополѣ сомнительною.

---

rum infecta sanguine -- praedictum castrum -- in imperatoris potestatem fuit redactum. Невѣрность, отмѣченная въ началѣ, касается только времени прибытія Мануила къ флоту, стоявшему при Корфу; Византійцы здѣсь точнѣе.

1) Осада началась, какъ извѣстно и указано выше, осенью 1148 года. Что она продолжалась годъ, это видно изъ словъ императрицы Ирины, приведенныхъ Киннамомъ (p. 100,3) и относящихся къ подвигамъ Мануила подъ Керкирою: еще не слыхано, чтобы кто-нибудь въ продолженіе года (*εἰς ἐνιαυτὸν*) отличился столькими подвигами. Относительно хронологической послѣдовательности ея отдѣльныхъ эпизодовъ, Киннамъ и Никита противорѣчатъ другъ другу. Любопытный и подробный разсказъ Никиты о попыткѣ взять Корфу штурмомъ (посредствомъ лѣстницъ), совершившейся въ присутствіи императора, поставленъ вслѣдъ за извѣстіемъ объ его прибытіи, но ранѣе возмущенія Венеціанцевъ. Между тѣмъ, очевидно, что это тотъ же самый фактъ, который переданъ, хотя гораздо короче, у Киннама (p. 99) и относится къ позднѣйшему времени,—именно къ тому, когда послѣ столкновенія съ Венеціанцами, Мануилъ прибылъ въ лагерь. По всѣмъ соображеніямъ, Киннамъ передаетъ ходъ дѣла отчетливѣе: бунтъ Венеціанцевъ совершился въ отсутствіе Мануила. Никита Акоминатъ (p. 109,14) говоритъ, что императоръ прибылъ къ Корфу послѣ того, какъ осада тянулась уже три мѣсяца; но это падало бы на зиму 1148—1149 гг., когда Мануилъ былъ въ столицѣ. [Вотъ это оказывается невѣрнымъ]. Онъ могъ прибыть въ лагерь только весною 1149 г. Три мѣсяца Никиты все-таки, нужно думать, имѣютъ основаніе, но должны быть считаемы отъ начала весны, какъ новаго періода осады, и быть относимы къ описанію штурма. ‹Мануилъ несомнѣнно находился въ столицѣ въ концѣ 1148 и въ началѣ 1149 г. Бернгарди (II, 812) относитъ завоеваніе Корфу къ лѣту 1149 г. Ср. Chalandon II, 326—333›.

По прибытіи въ сѣверную Италію король Конрадъ скоро получилъ извѣстія, которыя заставили его, вмѣсто похода на югъ, спѣшить возвращеніемъ въ отечество. Герцогъ Вельфъ VI, представитель могущественнаго и богатаго княжескаго дома въ Швабіи, давній соперникъ Штауфеновъ, оставилъ Палестину еще ранѣе короля, во время похода на Дамаскъ, и на возвратномъ пути въ Германію посѣтилъ Рожера сицилійскаго, съ которымъ уже прежде находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Предчувствуя опасности отъ союза византійскаго и германскаго государей, Рожеръ не щадилъ ни лести, ни почестей, ни подарковъ, чтобы склонить Вельфа на свою сторону и сдѣлать его орудіемъ своей политики. На ихъ совѣщаніяхъ рѣшено было образовать въ Германіи цѣлую лигу противъ Конрада и войти въ сношеніе съ недругомъ Мануила, королемъ Венгерскимъ [1]). Прибывъ въ отечество, Вельфъ тотчасъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ молодого короля Гейнриха, что̀ должно было быть сигналомъ къ общему возстанію. Эти именно вѣсти заставили Конрада спѣшить въ Германію; опасность со стороны Вельфа оказалась не такъ страшною, какъ представляли слухи; но, тѣмъ не менѣе, все лѣто до августа король занятъ былъ внутренними дѣлами Германіи и приготовленіями къ усмиренію Вельфскаго возстанія. Въ августѣ онъ заболѣлъ лихорадкою, что также
233 замедляло и ослабляло его энергію. Только въ февралѣ 1150 года Вельфъ былъ разбитъ на голову молодымъ королемъ Гейнрихомъ и принужденъ былъ смириться.

Но, между тѣмъ, умный Норманнъ, несомнѣнно наиболѣе предпріимчивый и проницательный политикъ XII столѣтія, чрезъ

---

1) Historia Welforum Weingartensis (MG. SS. XXI, 468): Igitur Rogerius rex Siciliae - - timens ne forte - - Counradus rex quandoque Italiam intraret - - Guelfonem adversus eundem muneribus illectum incitat, singulisque annis mille marcas se ob hoc daturum iuramento confirmat. Item quoque rex Ungariae - - Guelfonem ad se accersivit, dataque pecunia non modica, ac deinceps omni anno dandam pollicens, ad rebellandum nichilominus instigat. Это говорится передъ крестовымъ походомъ, а затѣмъ: Transito - mari, (Guelfo) convalescens Siciliam attingit. Ubi Rogerius eum cum magno - - tripudio suscipiens ac honorifice dimittens, iterum ad rebellandum regi maximis muneribus - incitat. — Ср. собственный разсказъ короля Конрада въ письмѣ къ императрицѣ Иринѣ. Wibaldi epist. № 243 (Jaffé, Biblioth. rer. Germ. I 364), Welpho - - per Sicylie tyrannum à Hierosolimis reditum habuit et, accepta non parva ipsius infami pecunia, per sacramenta et per obsides ei firmavit, quod nos et nostros et nostrum imperium perturbare et infestare modis omnibus laboraret.

посредство Вельфа вступилъ въ сношенія и дружественную связь съ венгерскимъ королемъ. Корону св. Стефана носилъ тогда Гейза II (1141—1161), и по личнымъ отношеніямъ, и по видамъ политическимъ непріязненно расположенный къ восточному императору и къ имперіи [1]). Стремясь возстановить въ Венгріи исконное вліяніе восточной имперіи и церкви, нарушенное, но еще не уничтоженное торжествомъ католицизма, Мануилъ поддерживалъ противъ Гейзы другого претендента на венгерскій престолъ, который въ данное время имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Константинополѣ, но несомнѣнно располагалъ большими сочувствіями въ Угорской землѣ среди мѣстнаго населенія; мы знаемъ, что нѣсколько позднѣе самого Мануила встрѣчали на югѣ Венгріи съ иконами и восторгомъ. Претендентъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ знаменитый своими долгими скитаніями по свѣту и романическими похожденіями Борисъ Коломановичъ, сынъ венгерскаго короля Коломана и внукъ по матери кіевскаго князя Владиміра Мономаха [2]). Отвергнутый своимъ отцомъ, вмѣстѣ съ матерью, заподозрѣнною въ невѣрности, онъ выросъ, повидимому, въ Кіевѣ, гдѣ, въ 1139 году, умерла его мать Евфимія Владиміровна. Князья русскіе въ союзѣ съ королемъ польскимъ старались посадить Славянина на престолѣ Арпада и Стефана и предпринимали для этого нѣсколько военныхъ походовъ противъ Бѣлы Слѣпого (въ 1132 и 1133 г.). Затѣмъ Борисъ Коломановичъ нашелъ себѣ убѣжище и покровительство тамъ, куда обращались и другіе русскіе князья, которымъ не оставалось мѣста на родинѣ: онъ появился при дворѣ императора Кало-Іоанна (отецъ Мануила), и тотъ выдалъ за него какую-то родственницу. Въ началѣ второго крестоваго похода Борисъ появился въ лагерѣ нѣмецкихъ и французскихъ крестоносцевъ; оставивъ такимъ образомъ память о себѣ въ западныхъ лѣтописяхъ, но ничего не достигнувъ въ настоящемъ, теперь онъ, какъ сказано, жилъ въ Константинополѣ въ ожиданіи удобнаго случая предъявить свои права [3]). Уже по этимъ отношеніямъ,

---

1) ‹К. Я. Гротъ, Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ, Варшава, 1889›.

2) ‹Gumplowicz, Borys Kolomanovic (Przegl. Hist. t. II, 1906)›.

3) См. приложеніе второе, гдѣ собраны указанія различныхъ источниковъ, касающіяся Бориса Коломановича.

234 имѣвшимъ, очевидно, не одно только личное значеніе, король Гейза II, самъ, впрочемъ, женатый на русской княжнѣ, именно на Евфросиніи Мстиславовнѣ, прославившейся потомъ своимъ умомъ и характеромъ [1]), находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ императору Мануилу. Но были еще другія причины, опредѣлявшія венгерскую политику въ смыслѣ враждебномъ для Цареграда. Венгрія съ конца XI и начала XII вѣка владѣла хорватскою землею и далматинскими городами, верховнымъ государемъ которыхъ, по историческому праву, считалъ себя восточный римскій императоръ; хотя онъ и передалъ свои права на послѣдніе венеціанской республикѣ, но это не означало вовсе отреченія отъ правъ верховности; сама Венеція болѣе или менѣе ясно признавала надъ собою авторитетъ имперіи законной, т. е., восточной. Во всякомъ случаѣ очевидно, что тогда отношенія, касавшіяся Адріатическаго побережья, дѣлали Венгрію соперницею опиравшейся на византійскаго императора венеціанской республики. Въ этомъ соперничествѣ союзъ съ Норманнами былъ самою желанною опорою для Венгріи, а равно, наоборотъ, для южно-итальянскаго норманнскаго государства, стремившагося господствовать на Средиземномъ морѣ, было естественно подать руку Венгріи для униженія Венеціи. Король венгерскій охотно присоединился къ коалиціи противъ двухъ имперій, составляемой Рожеромъ и Вельфомъ [2]), къ которой потомъ должны были примкнуть папа Евгеній III и французскій король Людовикъ VII. Вельфъ, посредникъ сближенія Гейзы съ Рожеромъ, получилъ отъ перваго, точно такъ какъ ранѣе отъ послѣдняго, значительную сумму денегъ и обѣщаніе ежегодной субсидіи, съ

---

1) Бракъ устроенъ былъ въ 1142 году, когда Гейза имѣлъ только 12 лѣтъ. См. Fessler-Klein, Gesch. von Ungarn I, 250. [Противъ этого Гротъ] ‹К. Я. Гротъ относитъ бракъ Гейзы съ Ефросиніей Мстиславной къ 1145—1146 гг.›. По русскимъ источникамъ родство Гейзы съ Изяславомъ II-мъ очень хорошо извѣстно. Ср. также Thwrosz ‹Schwandtner, Script. rerum Hungaricarum, t. I, p. 182› cap. 66 и Feier, Cod. diplom. II, 230.

2) Cinnam. III 6, p. 101: *Ἀλαμανοὶ* (Вельфъ) *καὶ Δαλμάται* (Сербы, см. ниже) *καὶ Παιονες--ἐξ ἑσπέρας Ῥωμαίοις ἐπιτεθῆσεσθαι εἰς ὁμολογίαν ἀλλήλοις ξυνῆλθον*. Ср. Historia Welforum Weingart. (отрывокъ, приведенный выше, стр. 42_1).—Къ этому времени относится завѣщаніе Венгерскаго магната Адальберта (Monum. Hungariae historica, Diplomataria, VI, 63, № 30), въ которомъ онъ говоритъ о назначеніи его посломъ отъ Гейзы къ Рожеру, что и доказываетъ прямыя сношенія короля венгерскаго съ сицилійскимъ.

условіемъ дѣйствовать противъ Конрада, что̀, какъ мы узнаемъ, и было исполнено Вельфомъ. Если Гейза не рѣшился немедленно и въ томъ же 1149 году принять личное участіе въ борьбѣ съ византійскимъ императоромъ, то причина тому была въ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ неожиданно широкихъ комбинацій тогдашней политики.

Въ томъ же 1149 году Гейза былъ сильно занятъ дѣлами 235
русскими. Въ русской землѣ шла тогда горячая борьба за обладаніе кіевскимъ престоломъ; соперничество между Изяславомъ Мстиславичемъ съ одной стороны, Юріемъ Долгорукимъ съ другой — не было при этомъ лишено прямого отношенія къ борьбѣ востока и запада, лежавшей въ основѣ всѣхъ современныхъ движеній европейской жизни. Не только Гейза, но и его родственникъ Изяславъ былъ въ извѣстной степени врагомъ византійскаго императора и, повидимому, имѣлъ нѣкоторыя стремленія высвободиться даже изъ-подъ церковнаго подчиненія константинопольскому патріарху, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ посвященія митрополита Климента соборомъ русскихъ епископовъ (въ 1147 году). За то оба врага Изяслава II и, слѣдовательно, Гейзы были несомнѣнно въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ императору Мануилу. Дѣти Юрія Долгорукаго чрезъ нѣсколько лѣтъ нашли себѣ благосклонный пріемъ въ Цареградѣ и получили отъ Мануила въ удѣлъ города на Дунаѣ [1]). А что касается Владимира галичскаго, союзника Юрія Долгорукаго въ борьбѣ съ Изяславомъ, то въ Византіи его тоже считали не только союзникомъ, но и вассаломъ; само собою разумѣется, что онъ былъ врагомъ венгерскаго короля [2]). И такъ, здѣсь — на востокѣ, расположеніе сторонъ имѣло такой видъ, что каждый за спиною

---

1) Ипатская лѣтопись (стр. 357) подъ 1162 годомъ: «Идоста Гюргевича Царюгороду Мьстиславъ и Василько, съ матерью, и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата и дасть царь Василкови въ Дунаи 4 городы, а Мьстиславу дасть волость Отьскалана(?)». Ср. Cinnam. V 12, p. 236. Здѣсь, впрочемъ, говорится только о Василькѣ, которому Мануилъ подарилъ землю на Дунаѣ: *χώρα - - παρὰ τὸν Ἴστρον δεδώρηται, ἣν δὴ καὶ Βασιλίκα πρότερον τῷ Γεωργίου παιδὶ - - ἔδωκε.*

2) По свидѣтельству Киннама (III 11, p. 115,19), Мануилъ смотрѣлъ на Владимірка, какъ на своего подчиненнаго союзника — *ὑπόσπονδον.* О значеніи термина можно судить по другимъ примѣрамъ его употребленія у Киннама. p. 104,19; 120,8) и у другихъ (напр. у Льва Діакона, p. 105,7).

своего сосѣда и врага имѣлъ себѣ друга и союзника. Византія во враждѣ съ Венгріей и въ союзѣ съ Галичемъ; Венгрія во враждѣ съ Галичемъ и въ союзѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ; Галичъ во враждѣ съ Изяславомъ и въ союзѣ съ Юріемъ Долгорукимъ. Изъ русскихъ лѣтописей мы знаемъ о дѣятельномъ участіи, которое принималъ король Гейза въ борьбѣ за кіевскій престолъ; какъ въ Германіи онъ стоялъ на сторонѣ враговъ Конрада и Мануила, точно такъ и здѣсь онъ боролся противъ друзей и союзниковъ Византіи. Осенью 1149 года Гейза, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своего зятя Изяслава, послалъ ему на
236 помощь десять тысячъ войска и только потому отказался самъ лично сѣсть на коня противъ Владимира и Юрія, что, по его словамъ, точно переданнымъ нашею лѣтописью, онъ былъ не порожденъ (не празденъ), ратенъ съ царемъ, то есть, съ императоромъ Мануиломъ [1]).

Болѣе прямымъ образомъ, хотя также не садясь на коня, король Гейза противодѣйствовалъ императору Мануилу въ другомъ ближайшемъ пунктѣ. Затрудненія, приготовленныя или поддержанныя Венгріею въ этомъ другомъ пунктѣ, уже близко и непосредственно касались византійскихъ интересовъ, такъ какъ дѣло шло на Балканскомъ полуостровѣ, внутри границъ имперіи. Цѣлямъ Рожера и Гейзы здѣсь служила Сербія, въ то время подчиненная венгерскому вліянію и чрезъ то вовлеченная въ кругъ враждебныхъ Византіи союзовъ, тогда какъ по праву она считалась въ числѣ земель подвластныхъ имперіи. Византійцы съ давняго времени держали свои гарнизоны въ Сербіи [2]). Сербскіе жупаны Рассіи обязаны были сопровождать императора въ его походахъ [3]). Эта вассальная повинность была даже опредѣлена точными условіями относительно численности поставляемаго, при извѣстныхъ случаяхъ, отряда; такъ, при походѣ въ Азію, требовалось триста человѣкъ. Но точно такъ же съ давняго времени, особенно со времени Алексѣя Комнина, со времени Бодина и Волкана сербскихъ, замѣтно между сербскими князьями, какъ

---

1) Ипатская лѣтопись, стр. 269. О хронологіи см. ниже.

2) Cinnam. I 5, p. 12. Отсюда видно, что при Кало-Іоаннѣ градъ Раса (Ῥάσον) былъ занятъ византійскимъ гарнизономъ.

3) Cinnam. III 9, p. 113,3 sqq.

приморской, такъ и внутренней Сербіи явное стремленіе къ полному освобожденію отъ византійскаго господства. Сосѣдство съ Венгріею, которая около того же времени завоевала славянскую область между Савою и Дунаемъ, такъ называемый Срѣмъ, или Сирмію [1]), могло служить опорою для такихъ стремленій. Венгрія тогда вообще не чуждалась славянскихъ симпатій, и ея короли такъ же охотно роднились съ сербскими князьями, какъ и съ русскими. Возникшая около половины XII вѣка знаменитая, впослѣдствіи, династія Неманичей не только опиралась на Венгрію въ своей борьбѣ съ Византіей, но была также и въ родствѣ съ нею: Елена, жена Бѣлы Слѣпого и мать Гейзы, была дочь серб-
скаго жупана. Вѣроятно, вслѣдствіе родства съ нею сюда пере- 237
селился другой сербскій властель, извѣстный въ венгерскихъ документахъ, а также въ византійскихъ и русскихъ источникахъ подъ именемъ бана Бѣлы [2]). Какъ близкій родственникъ королевскаго дома, онъ былъ воспитателемъ юнаго Гейзы, а потомъ и правителемъ государства во время его малолѣтства. Теперь онъ желалъ подчинить свою родину, Сербію, власти своего племянника и питомца и былъ, очевидно, посредникомъ сближенія между обѣими сторонами.

Въ 1149 году, именно во время осады Корфу, сербскій жупанъ, которымъ былъ тогда Первославъ, иначе называемый Урошемъ (братъ Стефана Немани [3]), началъ непріязненныя дѣйствія противъ Византіи. Византійскіе источники прямо говорятъ, что

1) Cinnam. V, 8 p. 227: *τὸ τῶν Οὔννων ἔθνος - - ὀλίγῳ - ἔμπροσθεν τῆς Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ βασιλείας Σίρμιόν τε εἷλε καὶ πολλὰς τῶν Παριστρίων ἀνδραποδισάμενος πόλεων ἄχρι καὶ ἐπὶ Ναϊσὸν ἦλθεν.*

2) О Неманичахъ и современныхъ нашему разсказу великихъ жупанахъ мы помѣщаемъ нѣкоторыя соображенія въ приложеніи третьемъ. — Что касается до бана Бѣлы, то въ документахъ онъ именуется (Monum. Hungar. historica: Diplomataria VI, 57—60): 1146 года: Belus comes Palatinus et Banus... existente Belos Comite Palatino. 1150 и 1151 г. Belus Banus. У Оттона Фрейзингенскаго, Gesta Frider. I 33 (Script. rer. Germ. in us. schol. p. 52 ed. 3): avunculus suus Bela... и далѣе (III 13, p. 181): avunculum - Belum. У Киннама p. 117,3 sq.: *Βέλοσις - ὁ τὰ πρῶτα παρ᾽ ἐκείνῳ* (у короля) *φέρων (μπάνον ταύτην καλοῦσιν Οὖννοι τὴν ἀρχήν).* Въ русской лѣтописи (Ипат. стр. 283) говорится о бракѣ Владимира Дорогобужскаго (брата Изяслава Мстиславовича): «пояша у бана дчерь за Володимира». Событіе относится къ 1150 году, и, слѣдовательно, нужно разумѣть все того же бана Бѣлу. Оттонъ Фрейзингенскій называетъ его прямо дядею короля Гейзы, очевидно, по матери; слѣдовательно, подтверждаетъ данныя венгерскихъ источниковъ, вопреки Киннаму. См. въ приложеніи третьемъ.

3) См. приложеніе второе.

это было сдѣлано вслѣдствіе наущеній норманно-венгерскаго союза [1]). Русскіе источники, содержащіе наиболѣе живыя и вѣрныя свѣдѣнія о тогдашнихъ венгерскихъ дѣлахъ, вполнѣ подтверждаютъ это извѣстіе. Мы видѣли, что, по словамъ самого Гейзы къ Изяславу Мстиславовичу, относящимся къ осени 1149 года, Гейза считалъ себя находящимся въ открытой войнѣ съ императоромъ Мануиломъ и ожидалъ съ его стороны нападенія. Война эта шла именно въ Сербіи, въ которой Мануилъ явился тотчасъ послѣ взятія Корфу, когда его флотъ отправился къ берегамъ Италіи. Императоръ взялъ Расу, тогдашнюю столицу великихъ сербскихъ жупановъ, и разорилъ ея окрестности [2]), уведя съ собою безчисленное множество плѣнныхъ. Мануилъ
238 двинулся затѣмъ въ область рѣки Нишавы (впадающей въ болгарскую Мораву), также подчиненную великому жупану, хотя, можетъ быть, только посредственно [3]); безъ особенныхъ усилій онъ захватилъ здѣсь сторожевыя укрѣпленія, или грады, многочисленные, до сихъ поръ существующіе остатки римскихъ крѣпостей и наблюдательныхъ пунктовъ, только подновляемыхъ въ византійское и сербское время, — въ родѣ Ниша и Ремесіаны (Ак-Паланки). Только одинъ изъ этихъ градовъ, находившійся сѣвернѣе, на самой Моравѣ, и называвшійся Галичемъ [4]), благо-

---

1) Cinnam. III 6, p. 101: *Ἀλαμανοὶ καὶ Δαλμάται καὶ Παίονες ἐπὶ τὸν κατὰ Σικελίας συσκευάζεσθαι πόλεμον μεμαθηκότες αὐτὸν* (Мануила) *αὐτοὶ μὲν ἐξ ἑσπέρας Ῥωμαίοις ἐπιτεθήσεσθαι εἰς ὁμολογίαν ἀλλήλοις ξυνῆλθον.* [Тоже самое Prodr. ‹Recueil des histor. des croisades. Historiens grecs, v. II› p. 742, v. 265 сл.].

2) Расонъ (*Ῥάσον*), по мнѣнію Шафарика (Древности II, 431), есть нынѣшній Ражанъ на побережьѣ Нишавы и не долженъ быть смѣшиваемъ съ Расомъ, главнымъ городомъ великаго жупана, который есть новый Пазаръ на рѣкѣ Рашкѣ. Мы не видимъ основаній къ такому различенію. Въ сербскихъ жизнеописаніяхъ Стефана Неманя, въ которыхъ рѣчь идетъ о томъ же времени, не встрѣчается Ражана. Въ разсказѣ Византійцевъ (Киннама и Никиты) тоже указывается скорѣе на нѣкоторое отдаленіе Расона отъ Нишавы и различіе его отъ градовъ, находящихся на послѣдней.

3) Cinnam. III 6, p. 102,22: *Νικαβάν τε καταλαβὼν χώραν ὑπὸ τῷ Ἀρχιζουπάνῳ τελοῦσαν καὶ αὐτήν, φρούρια - - παρεστήσατο.* [Ср. Theod. Prodr. p. 742 и 761.—К. Я. Гротъ, Изъ исторіи Угріи, стр. 150].

4) Cinnam. l. l.. *Ἐν δὲ Γαλίτζῃ γεγονὼς* - - Крѣпость Галичь или Галица, по словамъ Шафарика (стр. 433), находилась въ его время въ видѣ развалинъ на горѣ Галичѣ или Голечѣ, на сѣверъ отъ Чачка, между рѣками Чемерницей и Дичиной. [*Οὐρανόπολις* Продрома p. 762 v. 28. *Βράνεα* у Анны ‹Anna Comn. IX 4 p. 39,12 Reiffersch.› = Wranja на лѣвомъ берегу болгарской Моравы, недалеко отъ нея, выше сліянія Моравы серб. съ Моравою. У Продрома p. 742, v. 278: *ἕως ἐκ γῆς μαχόμενος πύργον Χαλάνης εἷλες,* но, это, кажется, въ Корфу].

даря своему исключительно крѣпкому положенію, держался долѣе другихъ, и былъ взятъ послѣ трехдневныхъ усилій. Вооруженные и безоружные крестьяне были и здѣсь уведены во множествѣ и послѣ поселены въ предѣлахъ Софіи или Срѣдца. Воротившись въ Расу и узнавъ отъ Константина Ангела, оставленнаго здѣсь для наблюденія за удалившимся въ горы великимъ жупаномъ, что этотъ послѣдній не обнаружилъ готовности смириться, но, напротивъ, тревожилъ греческій отрядъ своими нападеніями, Мануилъ рѣшился предпринять новую экспедицію, съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ. Но Сербы нашли себѣ спасеніе и защиту въ хорошо имъ знакомыхъ горахъ, гдѣ Грекамъ трудно было преслѣдовать ихъ. Въ отмщеніе, Мануилъ безпощадно опустошилъ всю страну и сжегъ попавшійся ему по дорогѣ дворецъ великаго жупана [1]). Возстаніе въ Сербіи, очевидно, осталось не усмиреннымъ за позднимъ временемъ года [2]). Среди глубокой зимы Мануилъ воротился въ столицу [3]). Извѣстія объ его подвигахъ подъ Корфу и въ Сербіи уже ранѣе принесены были въ Константинополь. Они были принесены сюда Аксухомъ [4]), который разсказами объ успѣхахъ государя отклонялъ вниманіе другихъ отъ своихъ собственныхъ неудачъ. Оставленный Мануиломъ при морской эскадрѣ, Аксухъ, какъ мы помнимъ, получилъ при- 239
казаніе плыть къ берегамъ Италіи, занять тамъ Анконскую марку и городъ Анкону, которая вообще представляла удобный базисъ для дѣйствій въ южной Италіи и въ которой, повидимому, Византія еще и послѣ имѣла друзей и какую-то точку опоры въ мѣстномъ населеніи. Но Аксухъ, подобно Конто-Стефану, не показалъ большой энергіи или искусства. Венеціанцы, съ своей стороны, оказавъ похвальное содѣйствіе при взятіи Корфу, вовсе не обнаружили особеннаго усердія къ византійскимъ замысламъ, касавшимся Италіи. Источники прямо говорятъ, что Венеціанцы

---

1) Cinnam. p. 103. Nicet. p. 119, 120. Первый постоянно пишетъ *ζουπάνος, ἀρχιζουπάνος;* второй же: *σατράπης, Σερβάρχης*.

2) [У Продрома p. 762—763 Урошъ тайно приглашается искать спасенія и убѣжища въ милости императора].

3) Cinnam. p. 103. *Ἐπεὶ χειμὼν κατέσχε δεινός*. Ср. Nicet. p. 120. ‹C. Jireček, Geschichte der Serben, I, 246—247›.

4) Nicet. p. 120. *Καὶ γράμμα μὲν εὐθὺς εὐάγγελον ἐχαράττετο, - - - καὶ ὁ τοῦτο κομίζων ὁ μέγας ἦν δομέστικ*

помѣшали экспедиціи Аксуха [1]); а между тѣмъ наступила глубокая осень, и благопріятное время было потеряно. Попытка пуститься въ море стоила утраты нѣсколькихъ кораблей; Аксухъ безславно воротился назадъ. Ему оставалось быть только вѣстникомъ славы своего государя, что онъ успѣшно исполнилъ. Мануилъ былъ встрѣченъ населеніемъ столицы шумными восклицаніями; входъ его имѣлъ видъ тріумфа. Затѣмъ наступили зрѣлища и конныя ристалища на ипподромѣ, въ которыхъ и прошла зима съ 1149 на 1150 годъ [2]). Всѣ военныя задачи оставались, однако, далеко не рѣшенными, и наступившій годъ не могъ быть годомъ спокойствія и мира. Весна 1150 года, проведенная Мануиломъ въ полномъ военномъ бездѣйствіи, была ознаменована усиленною перепискою съ Конрадомъ III, которая объясняетъ намъ отчасти и причины бездѣйствія.

Уже въ февралѣ 1150 года мы встрѣчаемъ въ Германіи греческое посольство, представителемъ котораго былъ Михаилъ Вардалія [3]). Что долженъ былъ говорить посолъ, объ этомъ можно догадываться по содержанію отвѣтнаго посланія съ нѣмецкой стороны, тотчасъ отправленнаго съ гонцомъ въ Константинополь. Конрадъ писалъ, что онъ твердо держитъ въ памяти данныя обязательства, что исполненіе ихъ только отложено и замедлено, но вовсе не сдѣлалось невозможнымъ. Конрадъ III далѣе увѣрялъ, что онъ никогда не забудетъ того радушнаго пріема, какой былъ
240 ему оказанъ въ греческой столицѣ въ самую тяжелую для него минуту, послѣ потери войска и во время опасной болѣзни; не забудетъ того, что императоръ самъ, собственною особою, ухаживалъ за больнымъ, собственными руками подавалъ ему лекарства. Въ извиненіе своей медлительности, Конрадъ ссылался на смятеніе въ собственномъ государствѣ и удручающую почти шестимѣсячную лихорадку, которая его снова посѣтила на родинѣ [4]).

---

1) Cinnam. p. 102.

2) Nicet. p. 120.

3) Wibaldi epistol. № 237: Jaffé, monum. Corbeiens. p. 337. Въ февралѣ этого года Конрадъ пишетъ: Ceterum post celebratam Deo auctore curiam, quam Kalendas May - - in civitate Merseburg decrevimus, nuncios nostros - - - cum tuo prudenti et honesto legato Michael Bardalia, dirigemus.

4) Объясненія изложены въ томъ же письмѣ Конрада къ другу своему, императору Мануилу (отъ февраля 1150 г.), и еще подробнѣе въ письмѣ къ

Торжественное посольство, отправленное германскимъ королемъ, приблизительно въ мѣсяцѣ маѣ, принесло новыя и подробныя объясненія, давало знать о новыхъ затрудненіяхъ и даже новыхъ опасностяхъ. Вельфъ, получившій отъ сицилійскаго тиранна (Рожера) немалое количество его «проклятыхъ денегъ», лихорадка, которая мучила Конрада съ конца августа 1149 года до самой Пасхи 1150 (16 апрѣля), — это служило объясненіемъ его поведенія въ прошедшемъ. Но когда эти препятствія были устранены, когда Конрадъ сталъ уже готовиться къ походу въ Италію противъ тиранна Сициліи, тогда пришла ему новая вѣсть, долженствовавшая остановить походъ ради интересовъ самой Византійской имперіи. «До насъ доходятъ извѣстія, — писалъ Конрадъ императрицѣ Иринѣ, — что весь французскій народъ, съ королемъ своимъ во главѣ, по внушенію и наущенію тиранна сицилійскаго, вошелъ въ заговоръ противъ нашего превосходнѣйшаго брата, твоего знаменитѣйшаго супруга, и готовится поднять оружіе, направивъ противъ нея всѣ свои силы. Мы не почли возможнымъ отнестись легко къ этому обстоятельству, а убѣдились, что необходимо выждать, какой исходъ примутъ эти дѣла; но мы, во всякомъ случаѣ, рѣшились противопоставить себя и нашу имперію за нашего брата и его безопасность» [1]).

Итакъ, когда на сѣверѣ только борьба за кіевскій престолъ, на которомъ сидѣлъ союзникъ Гейзы II, удерживала венгерскаго короля отъ рѣшительныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ имперіи на Дунаѣ, въ это самое время Мануилъ долженъ былъ ждать новой бури, новаго, болѣе опаснаго нашествія съ запада, если 241
только справедливы были извѣстія, сообщенныя союзникомъ.

Эти извѣстія не были ни отговоркою, ни предлогомъ для того, чтобы уклониться отъ принятыхъ обязательствъ, хотя уже принимались всѣ мѣры, приводились въ движеніе всѣ высшіе авторитеты западнаго христіанства для отклоненія германскаго государя отъ союза съ императоромъ схизматическаго Востока.

императрицѣ Иринѣ отъ апрѣля того же года (№ 243: Jaffé monum. Corb. p. 363, 364), когда, безъ сомнѣнія, было отправлено обѣщанное посольство.

1) Письмо Конрада къ византійской императрицѣ (ibid. p. 365). Nunciatur nobis, quod omnis Francorum populus cum ipso rege suo contra imperium precellentissimi germani nostri, tui scilicet gloriosissimi sponsi, conspiraret et arma movere, auctore et incentore Cicilye tyranno, cum omni virtutis suae conatu disponeret.

Франція думала о новомъ крестовомъ походѣ. Король Людовикъ, огорченный и униженный, покинутый собственною супругой, король Людовикъ, обѣщавшій своему народу воротиться побѣдителемъ и воротившійся вѣстникомъ неслыханныхъ неудачъ и униженія, горѣлъ желаніемъ смыть съ себя это пятно. Аббатъ Сугерій, такъ неохотно уступившій общему движенію въ 1146 г., теперь стоялъ во главѣ его. Святой Бернардъ Клервалльскій самъ готовъ былъ стать предводителемъ новаго ополченія. При томъ раздраженіи противъ Грековъ и Мануила, съ которымъ Людовикъ и Французы воротились изъ Сиріи, при той вновь скрѣпленной дружбѣ съ Рожеромъ Норманнскимъ, которая была результатомъ пребыванія французскаго короля въ Калабріи, новый крестовый походъ представлялъ величайшую опасность для Византіи, какую-бы дорогу ни избрали крестоносцы.

Король Рожеръ, который взялъ въ плѣнъ папу и только тогда сталъ предъ нимъ на колѣни, король Рожеръ, который не ходилъ въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ, а вмѣсто того напалъ на христіанскую имперію, оказывался теперь общепризнаннымъ героемъ христіанства, наиболѣе послушнымъ, благочестивымъ и полезнымъ сыномъ церкви. Въ ноябрѣ 1149 года при его помощи папа вошелъ въ городъ Римъ [1]), откуда онъ былъ изгнанъ непокорнымъ населеніемъ, увлеченнымъ проповѣдію Арнольда Брешіанскаго, котораго папа тоже именовалъ схизматикомъ. Оказавъ услугу папѣ, съ которымъ, однако, онъ даже не былъ въ настоящемъ мирѣ, а только во временномъ перемиріи, умный Норманнъ спѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія, пока не придется снова вести свои дружины уже не на помощь вооруженному кардиналу и воинственному папѣ, а противъ владѣтеля обоихъ ключей и его арміи. Рожеръ старался склонить на свою сторону и вліятельнаго во Франціи аббата Сугерія, что теперь было легко и кстати. Въ письмахъ
242 къ Сугерію Рожеръ именуетъ аббата своимъ дражайшимъ другомъ, какъ особеннаго счастія проситъ извѣстій объ его здоровьѣ [2]). Сугерій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ завѣрялъ,

1) Annal. Casinens. Pertz. SS. XIX, 310. Romuald. Salernitan. ibid. p. 425.
2) Письмо Рожера къ аббату Сугерію: Patr. lat. 186, p. 1415. Amicorum est, ut alter alterius congratuletur serenitati et cet. Cp. Vita Sugerii ibid. p. 1197.

что такимъ вниманіемъ король купилъ его всецѣло, съ душою и тѣломъ [1]). Эти любезности Рожера съ папою и Сугеріемъ несомнѣнно были направлены противъ Византіи и Мануила.

Аббатъ Петръ Клюнійскій, общій другъ Бернарда Клервалльскаго и Сугерія, вполнѣ выражалъ общее всѣмъ троимъ настроеніе въ своемъ письмѣ къ королю сицилійскому: «Наши сердца, сердца всѣхъ Французовъ горятъ стремленіемъ и любовію ко взаимному союзу съ вами: къ этому побуждаетъ насъ низкое, неслыханное и подлое предательство Грековъ и негоднаго короля (regis) ихъ въ отношеніи къ нашимъ пилигримамъ. Возстань на помощь народа Божія, отомсти за толикія обиды!» [2]). Въ глазахъ автора этого горячаго воззванія, Греки и Мануилъ, а не король Рожеръ, были виновниками бѣдствій второго крестоваго похода, и онъ раздѣлялъ отчасти преувеличенныя, отчасти вполнѣ ложныя обвиненія, которыми извинялись собственныя вины крестоносцевъ. Теперь, конечно, новый крестовый походъ будетъ направленъ иначе: онъ пойдетъ по тому пути, который укажетъ король Рожеръ, который онъ указывалъ еще ранѣе въ 1147 году; освобожденіе Востока отъ мусульманъ начнется сокрушеніемъ ихъ мнимыхъ союзниковъ, завоеваніемъ Константинополя.

Союзъ германскаго короля съ схизматическимъ императоромъ сильно не нравился на Западѣ. Папа Евгеній, аббатъ Сугерій, Бернардъ Клервалльскій, во имя религіи и общественнаго мнѣнія католической Европы, усиливались разорвать этотъ союзъ.

Папа недавно надѣялся, что вліяніе короля Конрада, отправлявшагося въ крестовый походъ черезъ Византію, послужитъ къ пользѣ и выгодамъ римской церкви. Ему внушали на дорогу, 243
что онъ обязанъ хлопотать о соединеніи восточной церкви съ

Nonne huic (Sugerio) famosissimus rex Siciliae Rogerus litteras misit supplices et deprecatorias ac munera destinavit?

1) Hujusmodi quaestio me totum totaliter vestrae Serenitati emptitium reddidit. Epistolae Sugerii № 146 (Patr. lat. 186, p. 1417). Въ жизнеописаніи Сугерія сказано, что король Рожеръ, узнавъ о намѣреніи Сугерія отправиться въ крестовый походъ, готовился ему выйти на встрѣчу. Въ отвѣтномъ письмѣ Сугерія говорится также о послѣ, котораго онъ отправляетъ къ Рожеру для переговоровъ лицомъ къ лицу. Все это весьма знаменательно.

2) Marrier et Quercetanus, Bibliotheca Cluniacensis (Paris 1614). Ср. Jaffé, der König Konrad, p. 180. [Petri Venerabilis opera. Patrol. lat. t. 189].

римскою, хлопотать всѣми силами, данными ему отъ Бога [1]). Теперь оказывалось, что расширеніе кругозора и особенно знакомство съ воззрѣніями греческаго міра, среди котораго онъ такъ долго вращался, охладили усердіе Конрада къ римскому престолу, сообщили опасную независимость его образу мыслей. Въ Италіи находили, что король германскій былъ испорченъ, зараженъ греческимъ непослушаніемъ. Папская курія обращалась къ приближеннымъ ему духовнымъ лицамъ со внушеніями позаботиться о направленіи и возвращеніи на путь истины нѣкогда благочестиваго и усерднаго къ церкви государя. Кардиналъ Гвидонъ, бывшій папскій легатъ въ крестовомъ походѣ, писалъ къ совѣтнику Конрада, аббату Вибальду, что святой отецъ и вся его курія приведены были въ смятеніе слухами о союзѣ римскаго короля съ императоромъ Грековъ; это могло повести къ сильному ущербу и огорченію римской церкви [2]). Замѣчательно, что и Вибальдъ, такъ близкій къ Конраду III, находилъ, что, хотя и не отъ греческаго союза, но всетаки вслѣдствіе греческаго вліянія, государь его былъ, дѣйствительно, нѣсколько «испорченъ гордостью и непослушаніемъ Грековъ», имъ усвоеннымъ, и что въ окружающей его средѣ еще сильнѣе сказывалось такое дѣйствіе; были люди, слышались рѣчи, которыя требовали серіознаго и смѣлаго обличенія [3]).

Всего хуже было то, что дружба Конрада съ Мануиломъ, его греческая испорченность и зараза, мѣшали союзу Франціи съ Рожеромъ; эта дружба стояла на дорогѣ большимъ препятствіемъ свободѣ движеній сицилійскаго короля. Рожеръ могъ бы, какъ предводитель передовой дружины новаго крестоноснаго ополченія, снова переправить свои войска въ Эпиръ, чтобы итти на Солунь и Константинополь; но какъ онъ могъ это предпринять, когда ему грозили вторженіемъ съ сѣвера?

---

1) Boczek, Codex diplomat. Moraviae I, 257.

2) Epistola Wibaldi № 252 (Jaffé, Monum. Corbeiens. p. 877). — Rumor tam domnum papam quam curiam suam perturbasset, pro eo quod - - Conradus Romanorum rex fedus cum imperatore Grecorum firmasse dicebatur, ita ut sanctam Romanam aecclesiam - - graviter si posset affligere et infestare disponeret.

3) Ibid. p. 377. Fecimus, quod jussit (Гвидонъ Вибальду отъ имени папы), et homini, non federe contracto sed fastu et inobedientia Grecorum aliquantulum corrupto—humilitatis et obedientiae bonum instillavimus; et aliquorum verba familiaritatis ausu severius interdum repressimus.

Этотъ пунктъ былъ оцѣненъ во Франціи по достоинству. 244
Вышеупомянутый аббатъ Петръ, настоятель знаменитаго монастыря Клюни, выражая свое глубокое сожалѣніе о союзѣ короля Конрада съ византійскимъ императоромъ, обѣщалъ употребить всѣ свои усилія для сближенія и примиренія Конрада съ королемъ сицилійскимъ, въ пользу Нормано-Французскаго союза. Онъ самъ хотѣлъ обратиться съ благочестивыми увѣщаніями къ «испорченному» Греками сыну римской церкви, какъ только найдетъ къ тому удобный случай.

Пока не кто-либо другой меньшій, а самъ Бернардъ Клервалльскій, и чрезъ посредство лица столь значительнаго, какъ фрейзингенскій епископъ Оттонъ, сводный братъ короля Конрада, обратился, въ мартѣ 1150 года, къ нѣмецкому государю съ желаемыми внушеніями. Онъ превозносилъ похвалами властителя южной Италіи; недавній врагъ папы, еще не примирившійся съ нимъ окончательно, оказывался теперь человѣкомъ «полезнымъ и необходимымъ для римской церкви»; онъ бы могъ быть и еще болѣе для нея полезнымъ, если бы не служили къ тому препятствіемъ значеніе и могущество нѣмецкаго короля [1]).

Никто не мѣшалъ королю Рожеру уничтожать греческіе монастыри и остатки восточнаго обряда въ Апуліи и Калабріи, никто не мѣшалъ превращать въ крѣпостныхъ греческихъ священниковъ и семьи ихъ, точно такъ же какъ никто ему не препятствовалъ обращать въ христіанство Сарацциновъ Сициліи, такъ многочисленныхъ въ войскахъ норманнскихъ королей. Но король Рожеръ могъ быть полезнымъ для римской церкви и въ предѣлахъ восточной имперіи, и здѣсь-то, къ сожалѣнію св. Бернарда, была ему помѣха въ дружбѣ германскаго государя съ схизматическимъ императоромъ.

Итакъ, въ началѣ 1150 года противъ Мануила и Византіи готовилась образоваться сильная коалиція, во главѣ которой стоялъ король Рожеръ, къ которой уже принадлежала Венгрія съ Сербіей, къ которой готовилась пристать Франція, а также и

---

1) Ibid. p. 377. Porro in capite quadragesime domnus abbas Clarevallensis misit domno regi litteras per episcopum Frisingensem, in quibus collaudabat dominum illum Siciliae, eo quod in multis utilis et necessarius fuisset catholicae aeclesiae, futurus utilior, si non prohiberetur virtute et potentia nostri principis...

папа, къ которой старались привлечь Германію и ея короля. Если бы удалось послѣднее, то Константинополю уже теперь грозилъ бы 1204 годъ.

245 Къ счастію для византійскаго императора, опасность не приняла тѣхъ размѣровъ, какими она грозила. Конрадъ III не могъ примириться съ своимъ врагомъ, не хотѣлъ измѣнить своему союзнику и родственнику (по женѣ). Извѣщая о планахъ, бывшихъ въ ходу во Франціи, онъ повторялъ увѣренія въ своей вѣрности дружбѣ и союзу, изъявлялъ готовность, если понадобится, противодѣйствовать своему прежнему товарищу по крестовому походу, королю Людовику, не оставлялъ намѣренія и надежды выполнить старые планы и недавнія обязательства относительно общаго похода въ Италію. Король Конрадъ снова велъ рѣчь о скрѣпленіи союза двухъ дворовъ бракомъ своего сына Гейнриха на одной изъ племянницъ Мануила [1]).

Въ этомъ же смыслѣ писалъ къ Мануилу и аббатъ Вибальдъ, недавно заботившійся объ освобожденіи своего государя отъ греческой заразы. Вибальдъ, самъ лично пострадавшій отъ Норманновъ, изгнанный ими изъ монастыря Монтекассинскаго, гдѣ онъ ранѣе былъ настоятелемъ, всетаки никакъ не могъ сдѣлаться другомъ Рожера, врага Божьяго, и оставался поборникомъ союза съ византійскимъ императоромъ. «Этотъ злой человѣкъ и другіе очень многіе, писалъ Вибальдъ къ Мануилу, злоумышляютъ противъ вашего государства. Но я увѣренъ, что такое значительное государство, въ которомъ господствуетъ служеніе божественной религіи, законный порядокъ и начала гражданскаго права (ordo legum et juris civilis ratio), въ которомъ нѣтъ недостатка въ мужествѣ и военной дисциплинѣ, которое при томъ безконечно богато, я увѣренъ, что такое государство не можетъ быть разрушено нечестивыми и развращенными людьми» [2]).

Ясное дѣло, что весною 1150 года нельзя было надѣяться на содѣйствіе короля Конрада при вторженіи въ южную Италію. Было большимъ счастіемъ уже то, что своею холодностію къ

---

1) Wibaldi epistolae № 246. Ibid. p. 369.

2) Письмо Вибальда къ Мануилу (мартъ 1151) № 325. Ibid. p. 454. [Письмо Конрада p. 408].

французскимъ порывамъ онъ расхолодилъ пылъ тамошняго рыцарства и многихъ святыхъ мужей и обѣщалъ оставаться вѣрнымъ союзу. Вибальдъ, его совѣтникъ, вскорѣ получилъ заслуженный подарокъ изъ Константинополя и спрошенъ былъ императоромъ о здоровьѣ. Лѣто 1150 года прошло поэтому безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ по направленію къ Италіи, а осенью того же года открылась прямая борьба съ Венграми и союзною съ ними Сербіею, въ которую Гейза II отрядилъ уже значительныя военныя силы.

Осень въ то время считалась наиболѣе удобнымъ временемъ 246
для военныхъ предпріятій противъ Сербіи, такъ какъ осенью обнажались отъ листьевъ лѣса гористой страны, и непріятелю представлялось менѣе возможности скрывать свои движенія и спасаться отъ поисковъ и преслѣдованій [1]). Мануилъ собралъ армію въ Нишѣ [2]). Узнавъ потомъ, что венгерскія войска идутъ на соединеніе съ Сербами, онъ вступилъ въ жупу Лугомиру, т. е. область между нынѣшнею Чупріей и Ягодинымъ, гдѣ находится рѣчка Лугомиръ [3]), чтобы встрѣтить Угорцевъ, двигавшихся на его правомъ флангѣ [4]); но не скоро нашелъ ихъ. Долиною сербской Моравы Мануилъ направился на западъ къ рѣкѣ Дринѣ [5]). Прежде чѣмъ Византійцы достигли этой рѣки, ихъ передовой отрядъ, высланный для фуражировки, встрѣтился съ Венграми. Венгры были разбиты, при помощи подкрѣпленія, отправленнаго императоромъ, и бѣжали къ рѣкѣ Дринѣ, гдѣ произошла новая схватка, тоже неудачная для союзниковъ великаго жупана [6]). Греки преслѣдо-

---

1) Cinnam. p. 104 въ началѣ.

2) *Ἐπὶ Ναϊσὸν τὸ στράτευμα ἤγειρεν.* Cinnam. p. 104.

3) *Διὰ τοῦ Λογγομηροῦ λεγομένου χώρου.* О положеніи жупы Лугомирской см. Рјечникъ Даничича, 11, 21.

4) *Ἐν δεξιᾷ πορευομένοις.* Cinnam. p. 104.

5) Cinnam. p. 104. *ἐπεὶ δὲ ἐγγὺς Σάου ἐγένετο, ἐφ' ἕτερον ἐκεῖθεν μετῆλθεν ποταμόν, Δρυνᾶν ὄνομα.* Приближеніе къ Савѣ, вѣроятно, нужно понимать не въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, а на столько, на сколько сербская Морава приближается своимъ изгибомъ къ сѣверу.

6) *Εἰς τὸ τοῦ ποταμοῦ Στρυμόνος ῥεῦμα καθῆκαν ἑαυτούς.* Cinnam. p. 105. Стримонъ совершенно не на мѣстѣ; и рѣчи быть не можетъ объ отступленіи къ нему Венгровъ. Такую же точно ошибку Тафель (Thessalonica, p. 248, примѣч.) поправляетъ въ *Δρυμόνος* (Дринъ). Сравни Ann. Comn. XII, 371. И здѣсь, конечно, разумѣется тотъ же самый Дринъ, о которомъ уже была рѣчь выше (чит. *Δρυνᾶ* или *Δρυμόνος*). [Prodrom. p. 763].

вали отступившихъ Венгровъ въ Боснію, до рѣки Тары, и потомъ воротились назадъ къ главному корпусу своей арміи, предводимому императоромъ. Мануилъ стоялъ уже на срединѣ пути, ведущаго къ Ситницѣ, т. е. на Косово поле и къ Митровицѣ, вѣроятно въ долинѣ Ибара [1]), и находился въ нерѣшимости, куда ему слѣдуетъ направить движеніе. Взятые въ плѣнъ Сербы сообщили свѣдѣнія, что главныя силы Сербовъ, подъ предводительствомъ
247 самого великаго жупана, находятся далѣе, именно за рѣкою Тарою, и ожидаютъ тамъ прибытія венгерскаго корпуса, отправленнаго имъ на помощь: очевидно, только съ одною частію его имѣли передъ тѣмъ дѣло Византійцы передового отряда. Мануилъ двинулъ впередъ свою армію. На рѣкѣ Тарѣ онъ, дѣйствительно, нашелъ «безчисленныя толпы» вооруженныхъ Сербовъ, къ которымъ уже пришло большое вспомогательное войско, состоявшее изъ венгерскихъ всадниковъ и приведенныхъ Венграми Хвалисовъ, именуемыхъ также Измаильтянами, а также Печенѣговъ, поселившихся въ Венгріи [2]). Несмотря на глубокій снѣгъ, рано выпадающій въ суровыхъ горныхъ странахъ Босніи и Герцеговины

---

1) Въ Сеченицѣ или Сѣценицѣ Шафарикъ видитъ городъ Сѣнницу, подъ которою стоятъ теперь сербскія войска. Но едва-ли *Σετζένιτζα* не есть Ситница, Ситьница, рѣка, протекающая по Косову полю; прилагательное отсюда «Ситьничьный»—(Ситничке градове). См. Рѣчникъ Даничича, III, 113. Не только филологически Ситьница ближе къ византійскому выговору, любившему превращать т въ ц, но и географически она ближе къ рѣкѣ Тарѣ. Впрочемъ, нужно-ли разумѣть Сѣнницу, или Ситьницу, разстояніе и различіе будетъ небольшое. ‹A. Boué, Recueil d'itinéraires, I, 200. Jireček, Handelstrassen in Serbien, p. 77, 86›.

2) Cinnam. p. 107. *Οὔννων ἱππέων καὶ δὴ καὶ τῶν παρ᾽ αὐτοῖς ἑτεροδοξούντων Χαλισίων. Οὔννων γὰρ τὰ χριστιανῶν πρεσβευόντων, οὗτοι Μωσαϊκοῖς καὶ τούτοις οὐ πάντη ἀκραιφνέσιν εἰσέτι καὶ νῦν διεξάγονται νόμοις.* Итакъ, венгерскіе Хвалисы слѣдовали закону Моисееву, хотя не въ полной его чистотѣ; судя по этому, мнѣніе, признающее въ нихъ Караимовъ, не совсѣмъ лишено основанія. Однако тотъ же самый Киннамъ въ другомъ мѣстѣ (p. 247) говоритъ, что они исповѣдуютъ одну вѣру съ Турками; притомъ дѣлаетъ ссылку на сейчасъ приведенное мѣсто, въ которомъ онъ будто бы сказалъ то же самое: *Χαλισίους — καί εἰσιν ἑτερόδοξοι, καθάπερ ἤδη ἔφην, πέρσαις ταυτοφρονοῦντες.* — Итакъ, Хвалисы Киннама то же самое, что Кализы (Caliz), упоминаемые безпрерывно въ венгерскихъ памятникахъ съ 970-го года, именуемые также Измаильтянами, и притомъ исповѣдывавшіе, подобно Волжскимъ Болгарамъ, магометанство Ганефидскаго толка; предполагается, что они переселились съ Волги послѣ разрушенія болгарскаго царства Русскими. См. Ученыя Записки I и II отд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 737 (статья А. А. Куника). [Этотъ походъ описывается у Продрома (Recueil des hist. des croisades, v. II p. 743, v. 300 сл.). У Продрома p. 744 *Διοκλεῖς*].

и покрывавшій теперь долину рѣки Тары, при переправѣ черезъ нее начался цѣлый рядъ боевыхъ схватокъ, въ которыхъ самъ императоръ, по обыкновенію, принималъ личное участіе и обнаружилъ свою прославленную личную храбрость и богатырскую силу. Въ рѣшительной битвѣ Сербы и союзники ихъ были разбиты и обратились въ бѣгство; сорокъ человѣкъ повергъ императоръ собственною рукою и копьемъ на землю и затѣмъ вступилъ въ единоборство съ предводителемъ Венгровъ, жупаномъ Бакхиномъ, который, сверхъ высокаго роста, тоже отличался своимъ военнымъ мужествомъ [1]). Послѣ долгой борьбы, Бакхинъ нанесъ крѣпкій ударъ въ лицо императору [2]): только сѣтка, спускавшаяся отъ шлема на глаза, спасла его жизнь; но ударъ былъ всетаки столь силенъ, что кольца отъ забрала вошли въ тѣло и отпечатлѣлись на лицѣ Мануила. Императоръ вырвалъ мечъ изъ рукъ 248
противника, который сейчасъ же передалъ своему племяннику, Іоанну Дукѣ; Бакхинъ принужденъ былъ сдаться. Мануилъ стремился впередъ, искалъ себѣ новыхъ подвиговъ; но самъ Бакхинъ не желалъ гибели своему рыцарскому побѣдителю, и жестами, указывая на свою голову, старался объяснить, что враги, съ которыми онъ можетъ встрѣтиться, такъ же многочисленны, какъ волосы на головѣ [3]). Ведя сорокъ своихъ собственныхъ плѣнниковъ, императоръ воротился въ лагерь, куда скоро явились послы отъ великаго жупана сербскаго съ просьбами о прощеніи. Самъ сербскій князь, по требованію императора, долженъ былъ лично загладить свою вину [4]). Повергнувшись въ прахъ предъ своимъ

---

1) Cinnam. p. 110—112. На послѣдней страницѣ читаемъ вслѣдъ за разсказомъ о плѣнѣ Бакхина (*Βακχῖνος*): *Οὐκ εἰς μακρὰν πρέσβεις παρὰ τοῦ ἀρχιζουπάνου ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἵκοντο, ἀμνηστίαν αὐτῷ κακῶν ἐξαιτούμενοι.* «Пришли послы отъ Великаго жупана». Но выше архижупаномъ назывался Бакхинъ, а здѣсь является новый архижупанъ. Мы думаемъ, что Бакхинъ былъ жупанъ венгерскій и предводитель венгерскаго отряда. См. прилож. третье. [Prodrom. p. 763 v. 21 *καὶ τὸν Σατὰν τὸν ἰσχυρόν*. p. 763 v. 24 *καὶ τέλος καθυπέταξας τοῦ κρόλη τὸν στρατάρχην*. Ср. p. 766. v. 31].

2) Cinnam. p. 113.

3) [Объ Іоаннѣ Кантакузинѣ, о которомъ здѣсь пропущено, см. Cinnam. p. 112. Стихотвореніе его женѣ Маріи, дочери севастократора Андроника. Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France, v. 17 (1883), p. 38—39].

4) [Описано въ рѣчи ритора Михаила, стр. 143]. ‹W. Regel. Fontes rerum byzantinarum›.

господиномъ, простершись въ ногахъ царя и только немного приподнимая голову, Урошъ произнесъ клятву и обѣтъ вѣчной покорности. Онъ обязался навѣки быть рабомъ императора восточнаго и, какъ вѣрный вассалъ, сопровождать его на войнѣ съ опредѣленнымъ количествомъ войска, — при походѣ на западъ — съ двухтысячнымъ числомъ, при походѣ на Азію — съ пятью стами; слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ, двумя стами болѣе, чѣмъ это полагалось прежде [1]).

И въ слѣдующемъ, 1151, году всякіе планы относительно Италіи не представлялись удобными къ исполненію. Правда, король Конрадъ объявилъ, наконецъ, на германскомъ сеймѣ о своемъ намѣреніи итти въ Италію, чтобы принять тамъ императорскую корону и устроить тамошнія дѣла, но новыя смятенія въ Германіи помѣшали ему исполнить свое давнишнее желаніе, а затѣмъ, въ февралѣ 1152 года, послѣдовала его смерть. Рекомендуя своего племянника, герцога Фридриха Швабскаго, въ преемники себѣ, онъ завѣщалъ ему твердо держаться союза съ Византійской имперіей [2]).

Самъ Мануилъ въ 1151-мъ году долженъ былъ, очевидно, болѣе думать о Венгріи, чѣмъ о Калабріи и Апуліи. Открытая и прямая война съ Венгріей представлялась необходимымъ слѣдствіемъ событій послѣднихъ лѣтъ. Византійская политика могла поставить въ вину Венгерцамъ не только ихъ явное вмѣшательство въ дѣла сербскія, помощь, оказанную непокорному вассалу, но и враждебныя дѣйствія противъ галичскаго князя Владимірка, котораго въ Византіи тоже считали союзникомъ или даже вассаломъ. Именно это послѣднее обвиненіе поставлено было прямо на
249 видъ въ той грамотѣ, которою Мануилъ, по чувству и законамъ рыцарскаго благородства, запрещавшимъ начинать войну безъ предварительнаго объявленія, возвѣстилъ объ открытомъ разрывѣ [3]). Присутствіе въ его войскѣ претендента Бориса, внука

---

1) ‹Jireček, Geschichte der Serben, Bd. I p. 248›.

2) [Риторъ Михаилъ, p. 143: *ἐπὶ τοὺς συγγενεῖς καὶ γειτνιάζοντας Γήπαιδας*].

3) Cinnam. p. 115: *Οὗ δὴ ἕνεκα μάλιστα βασιλεὺς αὐτὸν ἠμύνατο, ἅτε παρὰ γνώμην τὴν αὐτοῦ Βλαδιμηρῷ (τοῦτο γὰρ ὄνομα τῷ Γαλίτζης ἄρχοντι ἔκειτο) ἀνδρὶ ὑποσπόνδῳ Ῥωμαίοις ὄντι (πόλεμον διήνεγκεν)*. [Prodr. p. 749 v. 462: *Ἔπλησας τὴν Ἀσίαν σου Παιόνων αἰχμαλώτων*].

Мономахова, обѣщало, конечно, союзниковъ въ самой Венгріи и въ то же время указывало на цѣль войны.

Мануилъ началъ войну опустошеніемъ Срѣма, т. е. области между Савою и Дунаемъ (Франкохоріонъ). Оставивъ Ѳеодора Ватаца осаждать Землинъ, онъ разорялъ окрестныя села, забирая въ плѣнъ жителей [1]). Венгерскій отрядъ, высланный на встрѣчу, перешелъ на сторону Византійцевъ, т. е., вѣроятно, на сторону Бориса Коломановича. Видно, что Мануилъ не думалъ удерживать за собою своихъ завоеваній. Весь полуостровъ между Савою и Дунаемъ былъ превращенъ въ пустыню; цѣлыя толпы населенія всѣхъ возрастовъ были подняты съ своихъ жилищъ и принуждены были тянуться за византійской арміей, чтобы быть потомъ поселенными въ предѣлахъ имперіи [2]). На обратномъ пути Мануилъ принудилъ къ сдачѣ Землинъ, напрасно осаждаемый Ватацомъ; съ веревками на шеѣ, съ непокрытыми головами вышли защитники крѣпости и были помилованы; только самая крѣпость, съ сохранившимися въ ней богатствами, была разграблена [3]). Извѣстіе о присланномъ изъ Цареграда объявленіи войны застало венгерскаго короля въ землѣ Русской, именно во владѣніяхъ галичскаго князя на рѣкѣ Санѣ [4]). Вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, кіевскимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ, Гейза только что одержалъ побѣду надъ Владиміркомъ. Изяславъ и его сынъ Мстиславъ желали воспользоваться успѣхомъ до конца. «Нынѣ далъ намъ его Богъ въ руки, да самаго имемъ и власть его возьмемъ», твердили они; но, несмотря на ихъ настоянія, король Гейза, по совѣту архіепископа и своихъ вель- 250

1) Cinnam. p. 114.

2) [Объ этомъ подробно распространяется рѣчь Михаила, стр. 146—147].

3) Cinnam. p. 114, 115. Nicet. p. 123.

4) [гдѣ онъ былъ осенью 1151 г.]. Nicet. p. 122. *Ὁ γὰρ τῶν Οὔγγρων ῥὴξ οὐκ ἦν κατὰ χώραν, τοῖς γειτνιῶσι Ῥὼς συμπλεκόμενος*. Ср. Cinnam. p. 115. *Διήγγειλεν ἡ φήμη τὸν Παιόνων ῥῆγα—κατὰ Ῥωμαίων ἥκειν ἤδη τὸν κατὰ Γαλίτζης χώρας Ταυροσκυθικῆς πόλεμον εὐτυχῶς διενεγκόντα.* — Въ русскихъ лѣтописяхъ (Ипат. стр. 312) Галичскій походъ Гейзы стоитъ подъ 6660 годомъ, что не противорѣчитъ византійской хронологіи, если предположимъ, что событія и здѣсь и тамъ относятся къ осеннимъ мѣсяцамъ. Замѣчаніе Погодина (Изслѣдованія, V, 235, 236. IV, 110), что соотвѣтственные годы поставлены вѣрно, и особенно, что примиреніе относится къ 1152 году, не вполнѣ оправдывается византійскою хронологіею, а также и болѣе тщательною повѣркою русской. См. приложеніе четвертое.

можъ, удовольствовался дарами Владимірка и ограничился требованіемъ, чтобы онъ воротилъ Изяславу русскіе города и впредь его не тревожилъ. Миролюбіе, обнаруженное Венграми, находилось, нужно думать, въ связи съ жалобами и обвиненіями Мануила, или же съ извѣстіями объ его вторженіи въ южныя области королевства. Гейза спѣшилъ защищать свои придунайскія границы отъ Грековъ. Слухи объ его приближеніи дошли до Мануила, когда онъ готовился воротиться назадъ, считая походъ оконченнымъ на этотъ годъ, и заставили его отказаться отъ отдыха. Оставивъ на правой сторонѣ Савы военноплѣнныхъ, количество которыхъ превосходило всю численность его арміи, императоръ снова вступилъ въ область Срѣмскую; онъ готовился къ отчаянной битвѣ: начальникъ перевозной флотиліи, состоявшей и здѣсь изъ однодеревокъ, получилъ приказаніе никого, ни даже самого императора, не пускать обратно черезъ Саву въ случаѣ бѣгства. Скоро, однако, извѣстія о близости короля Гейзы оказались невѣрными; вмѣсто него во главѣ войска стоялъ банъ венгерскій Бѣла, о которомъ была рѣчь выше; притомъ, банъ Бѣла не пошелъ прямо на Грековъ, а самъ, съ своей стороны, угрожалъ вторгнуться въ Болгарію, подвластную имперіи и заключавшую въ себѣ также нынѣшнюю придунайскую Сербію до рѣки Моравы (только на западъ отъ этой рѣки начиналась тогда Сербія). Это движеніе, которое византійскіе писатели напрасно объясняютъ трусостію, заставило Мануила покинуть венгерскія владѣнія и, перейдя Мораву, стать на Дунаѣ, охраняя область Браничево, находившуюся между двумя сейчасъ названными рѣками[1]). Но такъ какъ нападенія со стороны бана Бѣлы не послѣдовало, то Византійцы опять перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Борисъ Коломановичъ, по распоряженію императора,

1) Рѣчникъ Даничича, 1, 70. Браничево — земля, простиравшаяся отъ Моравы до Дуная. Эта мѣстность, очевидно, называется у западныхъ историковъ крестовыхъ походовъ Брандицемъ (Brandiz), которые, впрочемъ, обыкновенно говорятъ о городѣ Брандицѣ. Есть и теперь Браница верстахъ въ 20 отъ Дуная, на правомъ берегу Млавы. Послѣ, при Андроникѣ, Венгры (король Бѣла) завладѣли Браничевомъ и Нишемъ; съ 1186 года Браничево снова принадлежало Грекамъ вслѣдствіе мира съ Венграми; однако изъ мѣстъ, приведенныхъ Даничичемъ, видно, что при св. Савѣ Браничево было сербскимъ владѣніемъ, такъ какъ св. Сава здѣсь учредилъ епископію. Ср. Pray, Comment. histor. de Bosniae, Serviae ac Bulgariae cum regno Hungariae nexu, p. 75.

переправился черезъ Дунай, вторгнулся въ теперешній Банатъ и достигъ области рѣки Темеша, отличавшейся тогда густотою населенія и его богатствомъ, гдѣ имѣлъ удачныя столкновенія съ 251
тремя венгерскими отрядами. Венгры и король Гейза думали, что они имѣютъ дѣло съ самимъ императоромъ и его главными силами; только разубѣдившись въ этомъ, король пошелъ на своего родственника Бориса, но уже было поздно, потому что тотъ, обремененный добычею, воротился назадъ и ночью ушелъ обратно за Дунай при свѣтѣ факеловъ, зажженныхъ по приказанію Мануила. Самъ императоръ готовился предпринять въ большихъ размѣрахъ экспедицію на лѣвый берегъ Дуная, противъ стоявшаго тамъ короля; но въ это время въ его лагерѣ явились послы Гейзы II съ мирными предложеніями, которыя и были приняты. Мануилъ воротился въ столицу и снова имѣлъ въ ней торжественный тріумфальный въѣздъ [1]).

До настоящаго, прочнаго мира съ Венгріей, однако, такъ же было далеко, какъ и до полнаго осуществленія итальянскихъ плановъ. Въ 1152 г. опасность, грозившая Византійской имперіи, уменьшилась въ томъ смыслѣ, что одушевленіе Французовъ къ повторенію крестоваго похода по новому пути оказалось временнымъ, скоро остывшимъ увлеченіемъ. Начинающійся вновь раздоръ между папою и королемъ Рожеромъ также служилъ въ пользу Византіи и къ ослабленію враждебнаго ей союза на западѣ. Но за то со смертію короля Конрада утраченъ былъ Мануиломъ испытанный и, въ извѣстной степени, надежный другъ и родственникъ, притомъ въ то самое время, когда отъ него можно было ожидать наибольшихъ услугъ. Въ Германіи было мнѣніе, что Конрадъ не случайно умеръ именно въ тотъ моментъ, какъ уже окончательно рѣшенъ былъ походъ въ Италію; подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ своими придворными докторами, которыхъ тогда вообще поставляла Италія и знаменитая салернская школа, находившаяся во владѣніяхъ короля сицилійскаго [2]).

---

1) Cinnam. pag. 118. ‹К. Гротъ. Изъ исторіи Угріи, стр. 182—185›.

2) Otto Frising. Gesta Frider. l. 1, c. 63 (p. 97). Cum etiam jurata expeditione in proximo imperii coronam accepturus esset, non sine suspicione quorundam quos ex Italia habuit medicorum, quasi ex Rogerii Siculi metu submissorum, morbo corripitur.

Избраніе новаго короля Германіи уже само по себѣ отсрочивало опасность для Рожера и возможность совокупнаго движенія со стороны Германіи и Византіи. Хотя преемникомъ Конрада былъ человѣкъ болѣе сильной воли и крѣпкаго характера, именно его племянникъ Фридрихъ Швабскій, знаменитый Барбаруса, но
252 всетаки онъ нуждался во времени, чтобы устроить домашнія дѣла въ Германіи, и только тогда могъ думать о походѣ въ Италію для пріобрѣтенія императорской короны. На сеймѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1152 г., этотъ походъ и соединенная съ нимъ война съ Норманнами, наконецъ, были рѣшены, но срокъ для исполненія рѣшенія назначенъ двухлѣтній [1]). Изъ этого слѣдовало, что до 1154 или даже 1155 г. имп. Мануилъ долженъ былъ одинъ бороться съ Норманнами; другими словами: занятый снова на азіятскомъ Востокѣ и небезопасный со стороны Венгріи, онъ не могъ и думать о перенесеніи войны въ Апулію и о серіозной высадкѣ во владѣніяхъ короля сицилійскаго. Приходилось ограничиваться морскою войною, въ которой, какъ оказывается, Византійское государство, безъ помощи Венеціанцевъ, было несомнѣнно слабѣе южно-норманнскаго. Уже въ 1152 г. византійскій флотъ, подъ начальствомъ дяди императора Константина Ангела, долженъ былъ оберегать берега Мореи и ея промышленные, хотя недавно пострадавшіе города, въ особенности Монемвасію (или Мальвазію), находившуюся неподалеку отъ мыса Малеи, обыкновеннаго сторожевого пункта на морскомъ пути изъ Италіи на востокъ. Узнавъ, что сицилійскіе корабли должны итти скоро на возвратномъ пути изъ экспедиціи въ Египетъ, Константинъ Ангелъ вздумалъ овладѣть богатою добычею, которая на нихъ предполагалась, и поспѣшилъ преградить имъ дорогу, хотя самъ императоръ внушалъ ему осторожность. Сраженіе кончилось самымъ печальнымъ образомъ для Византійцевъ: самъ адмиралъ ихъ, Константинъ Ангелъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и только немногіе корабли греческіе успѣли во время спастись безпорядочнымъ
253 бѣгствомъ [2]). На отношеніяхъ къ другой противницѣ, до сихъ

---

1) Otto Fr. Gesta Fr. II, 7 (p. 106). Wibaldi epist. 410.

2) О сраженіи при мысѣ Малейскомъ и о плѣнѣ Константина Ангела говорятъ оба византійскіе источника: Киннамъ и Никита. Первый (p. 119) ставитъ его позади событій 1151 г. и ранѣе событій 1153 г. Какъ оказывается по всѣмъ

поръ дѣйствовавшей за-одно съ Норманнами, смерть короля Конрада также отразилась невыгоднымъ для Византіи образомъ. Гейза II разорвалъ договоръ, заключенный въ предыдущемъ году, и сдѣлалъ это, вѣроятно, не безъ расчета на перемѣну правленія въ Германіи. Онъ снова явился на Дунаѣ и угрожалъ византійскимъ городамъ на правомъ его берегу. Немедленное и

соображеніямъ, морская битва Константина Ангела дѣйствительно относится къ 1152 г. Но изъ замѣтки, непосредственно предшествующей разсказу о ней, обнаруживается, что, по мнѣнію Киннама, она послѣдовала послѣ смерти короля Рожера, при его преемникѣ Вильгельмѣ. Между тѣмъ, несмотря на нѣкоторое странное противорѣчіе въ западныхъ, даже итальянскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ, смерть Рожера относится къ концу февраля 1154 г., а не 1152 или 1153 г. Документы показываютъ, что король Рожеръ былъ живъ еще въ октябрѣ 1153 г. (См. Cusa, i diplomi Greci ed arabi p. 33. № XI. *Ἐγράφη ἐπὶ τῆς — βασιλείας τοῦ ῥηγὸς Ῥογερίου - - - τῆς ἰνδικτιῶνος β' τοῦ ἔτους ϛχξβ' μηνὶ ὀκτωβρίῳ*), и что, слѣдовательно, только тѣ показанія правильны, которыя относятъ его смерть къ 1154 г. Относительно мѣсяца разногласія нѣтъ. У Киннама мы должны предполагать ту же ошибку, какая, напримѣръ, замѣчается у Ромуальда Салернскаго, т. е. что смерть Рожера онъ относилъ къ 1152 г. Происхожденіе ошибки, очевидно не случайной, легко объясняется тѣмъ, что Вильгельмъ, преемникъ Рожера, былъ объявленъ королемъ и коронованъ еще при жизни отца за два года и десять мѣсяцевъ до его смерти, именно въ 1151 г. Это, нужно думать, было означаемо и въ каталогахъ царей и королей; отсюда же считались годы его правленія въ самыхъ документахъ. Что сраженіе при Малеѣ Константина Ангела относится къ царствованію Рожера, доказательствомъ тому служитъ хроника Ромуальда, въ которой мы находимъ слѣдующую довольно обстоятельную замѣтку о немъ (Pertz. SS. XIX, 424): Alio quoque tempore predictus rex Rogerius misit Salernum ammiratum suum cum stolio suo in Romaniam qui invenit maximum stolium imperatoris apud capud Malee, et ibi viriliter pugnavit, Grecos devicit, et Angelum Despoti - - - in Siciliam duxit. Въ хроникѣ Сигиберта Гемблурскаго, въ которой годъ смерти Рожера правильно отнесенъ къ 1154 г., мы, правда, читаемъ (Pertz SS. VI, 456) подъ тѣмъ же (1154) годомъ: Guillelmus rex Siciliae misso navali exercitu, urbem Taneos in Egypto vastat et spoliat, unde magnae opes auri et argenti ac pretiosae vestis copia multa deducitur. Sed inde revertentes, stolum imperatoris Grecorum offendunt; et cum essent de Grecis circiter 140 naves, Siculi numero pauciores eos vincunt, spoliant et capiunt et infinitae opum diversorum copiae Siculis inde proveniunt. Но здѣсь только начало разсказа—возвращеніе Сицилійцевъ изъ Египта — напоминаетъ подробности византійскаго разсказа. Притомъ, у современнаго итальянскаго историка начальныхъ лѣтъ царствованія Вильгельма, т. е. Гугона Фальканда, совсѣмъ не говорится о такомъ событіи, и поэтому мы опять должны предполагать ошибку у Сигиберта (если только ему самому, не продолжателю, принадлежитъ этотъ и послѣдующій 1155 годъ) скорѣе, чѣмъ принимать два морскихъ сраженія Грековъ съ Сицилійцами: одно въ 1152 г., другое въ 1154 году; притомъ нужно прибавить, что едва-ли у Сигиберта Танесъ или иначе Ашмунъ Египетскій не смѣшанъ съ Тенесомъ или Тунисомъ Африканскимъ. Добраться до перваго на флотѣ довольно трудно, а на возвратномъ пути отъ второго не было нужды касаться Малейскаго мыса. У Никиты Хоніата (p. 126—127) хронологія совсѣмъ невѣрная.

быстрое прибытіе сюда Мануила доказало дѣйствительное существованіе опасности, но также послужило къ ея устраненію. Гейза II ограничился требованіемъ возвращенія десяти тысячъ плѣнныхъ, уведенныхъ и удержанныхъ Византійцами послѣ прежняго похода, и, получивъ соотвѣтствующее обѣщаніе, — сомнительно, чтобы оно было исполнено, — ушелъ назадъ [1]). Неизвѣстно, въ какой связи съ этимъ движеніемъ и отступленіемъ Гейзы находится намѣреніе Фридриха Барбаруссы, заявленное въ іюлѣ 1152 г., объявить войну Венгріи: намѣреніе не могло осуществиться вслѣдствіе оппозиціи со стороны князей, находи-
254 вшихся на сеймѣ. Очень вѣроятно, что Фридрихъ пока еще помнилъ завѣтъ своего дяди держаться союза съ Византіей, и что тайныя причины, руководившія нѣкоторыми изъ князей, воспротивившимися войнѣ съ Венграми, вели свое начало отъ союза Вельфа и его партіи съ Рожеромъ и Гейзою [2]). Въ слѣдующемъ (1153) году на Дунаѣ опять не было спокойно, и Мануилъ вынужденъ былъ дѣлать серьезныя военныя приготовленія; ополченцамъ сосѣдственныхъ провинцій было предписано явиться въ лагерь съ достаточнымъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ и съ телѣгами для ихъ перевоза. Въ Срѣдцѣ (Софіи или Сардикѣ) къ арміи присоединился самъ императоръ, но сюда же скоро пришло опять венгерское посольство, принесшее съ собою успокоительныя объясненія и мирныя представленія. Отказавшись отъ похода въ Венгрію, Мануилъ повернулъ въ сербскія владѣнія, гдѣ снова проявлялось стремленіе къ союзу съ королемъ Гейзою и непріязненное расположеніе къ Византіи. У Византійцевъ мы находимъ извѣстіе, что Мануилъ въ этотъ разъ принудилъ сербскаго жупана отказаться отъ дружбы съ Венгріей и впредь знать одного только императора [3]). Повидимому, къ этому же времени

---

1) Cinnam. p. 120.

2) Otto Frising. Gesta Frid. II c. 6 (pag. 106). На сеймѣ Регенсбургскомъ: Princeps — Ungaris bellum indicere ipsosque ad monarchiae apicem reducere volebat. Sed cum assensum super hoc principum quibusdam de causis latentibus habere non posset, - - - ad opportuniora tempora distulit.

3) Nicet. p. 132. Cinnam. p. 121. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, разсказъ Никиты подробнѣе, чѣмъ у Киннама, но, какъ всегда, представляетъ затрудненія въ хронологіи до такой степени, что не вдругъ угадаешь тождество его содержанія съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ исторіи Киннама. Но несомнѣнно, что послѣдній въ началѣ 14 главы третьей книги говоритъ о

относится разсказъ византійскаго историка о низложеніи самими Сербами своего великаго жупана Уроша-Первослава, который, однако, былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ по рѣшенію Мануила, когда Сербы обратились къ нему за утвержденіемъ избраннаго ему преемника. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ другой канди- 255
датъ, младшій братъ Первослава (Уроша), Дѣжа (Δεσέ), т. е. Стефанъ Неманя, владѣвшій сосѣднею съ Нишемъ областію, Дендрою или Болгарскимъ лѣсомъ (Шумадія), получилъ отъ императора благосклонный пріемъ и расширеніе своего удѣла [1].— Послѣ этого Мануилъ воротился только на короткое время въ столицу, а осенью (того же 1153 г.) былъ въ городѣ Битолѣ. Равнина между озеромъ Охридскимъ и Вардаромъ, извѣстная подъ именемъ Пелагоніи, средоточіемъ которой былъ Битоль, представляла наиболѣе удобный пунктъ для наблюденія за враждебными движеніями съ запада, со стороны сицилійскихъ Норманновъ, и съ сѣвера, со стороны Венгровъ и Сербовъ, и въ то же время для расположенія въ ней военнаго лагеря. Съ той и другой стороны не переставала грозить опасность, и вслѣдствіе того императоръ, вопреки обычаю, провелъ зиму внѣ Константинополя. Рыцарскія состязанія и звѣриная охота служили доста-

---

событіяхъ отъ сентября 1152 г. по сентябрь 1153 г. У него точно такъ же, какъ и у Никиты, разсказъ заключается извѣстіемъ о взятіи подъ стражу Андроника, что могло случиться только въ 1153 г., потому что въ 1152 г. Андроникъ былъ въ Палестинѣ. Притомъ, эпизодъ съ Андроникомъ разыгрался въ Пелагоніи, какъ это слѣдуетъ изъ повѣствованія Киннама и согласнаго съ тѣмъ прямого замѣчанія Никиты (p. 133). Въ Пелагонію, по свидѣтельству того же Никиты, Мануилъ прибылъ осенью (*ἡλίου—τὰς χειμερινὰς τροπὰς παρελαύνοντος*). Документальное доказательство пребыванія Мануила въ Пелагоніи въ ноябрѣ 1153 г. представляетъ дата въ отвѣтномъ письмѣ Мануила къ Вибальду (Wibaldi epist. № 424. Jaffé. Mon. Corb. p. 561): Missa est a castro Pelagoniae mense Novembri 22, indictione secunda (1153 г.). Итакъ, у Никиты разумѣется осень 1153 г. Но прибылъ сюда, въ Пелагонію, Мануилъ вскорѣ послѣ пребыванія въ Сербіи и приготовленій къ венгерскому походу. Итакъ, первая глава третьей книги Никиты, въ которой идетъ рѣчь обо всемъ этомъ, должна относиться къ 1153 г., а содержаніе ея должно быть признано тождественнымъ съ вышеотмѣченнымъ мѣстомъ у Киннама.

1) Cinnam. p. 113. Разсказывая о событіяхъ 1151 г. въ Сербіи, Киннамъ прибавляетъ, что много лѣтъ спустя Сербы сдѣлали то, о чемъ у насъ передано въ текстѣ. Но эти многіе годы не могутъ быть въ самомъ дѣлѣ многими, потому что ранѣе 1162 г. послѣдовало окончательное устраненіе старшаго брата и назначеніе въ архижупаны Дѣжи (см. p. 204). О предполагаемомъ тождествѣ Дѣжи и Стефана Немани см. въ приложеніи третьемъ. [Ср. Prodrom. p. 749].

точною замѣною столичныхъ праздниковъ; всевозможныя интриги, виновникомъ и героемъ которыхъ сдѣлался Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ Мануила, нарушали, однако, спокойствіе императора и его приближенныхъ.

Знаменитый своими похожденіями въ Азіи и Европѣ, будущій императоръ Андроникъ недавно послѣ своего возвращенія изъ Киликіи, гдѣ онъ начальствовалъ византійскими силами, дѣйствовавшими противъ одного армянскаго князя, сдѣланъ былъ дукою Ниша и Браничева, а также получилъ въ удѣлъ себѣ городъ Кòстуръ (Касторію). Уже своимъ поведеніемъ въ Киликіи Андроникъ долженъ былъ навлечь на себя неудовольствіе Мануила, несмотря на всю снисходительность, которую онъ питалъ къ богато-одаренной и рѣзко выдающейся личности своего родственника. Въ рыцарскихъ турнирахъ, составлявшихъ главное развлеченіе во время скучной лагерной зимы, Андроникъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, желѣзнымъ тѣлосложеніемъ и атлетическою силою, выказывалъ не меньше искусства и ловкости во владѣніи копьемъ и щитомъ, чѣмъ самъ императоръ Мануилъ,
256 поражавшій удивленіемъ сирійскихъ и европейскихъ Франковъ. Блистательная личная храбрость, готовность встрѣтить всякую опасность и не потеряться духомъ не помѣшали, однако, Андронику сдѣлаться виновникомъ неудачи въ борьбѣ съ малозначительнымъ армянскимъ владѣтелемъ. Женщины, на которыхъ онъ дѣйствовалъ не только внѣшними своими дарами, прекрасною наружностію, царскою осанкою, но и обольстительною рѣчью, составляли для Андроника предметъ культа, хотя и вовсе не идеальнаго, однако настолько близкаго къ обычаямъ, по крайней мѣрѣ, сирійскихъ бароновъ и рыцарей, что онъ доставлялъ ему благосклонность самыхъ знатныхъ дамъ іерусалимскаго и антіохійскаго дворовъ, столько же какъ и византійскаго. Ради этого культа, который слишкомъ близко граничилъ съ распутствомъ, ради рыцарскихъ потѣхъ и веселыхъ забавъ, въ числѣ которыхъ упоминаются и театральныя представленія, т. е. пѣсни и танцы, Андроникъ забывалъ дѣла, ему порученныя, и такимъ образомъ потерялъ Мопсуестію, очень важный пунктъ въ Киликіи. Благодаря родственной привязанности Мануила, а еще болѣе извѣстной слабости его ко всему, что напоминало блестящій типъ западнаго

рыцаря и носило въ себѣ печать энергіи и смѣлости, Андроникъ, однако, получилъ не только полное прощеніе, но и вышеупомянутыя провинціи въ свое управленіе. Въ Пелагоніи, около нынѣшняго Битоля, онъ снова блисталъ не только въ военныхъ состязаніяхъ, но и своими побѣдами надъ женщинами, которыя переселились сюда на время. Предметомъ его привязанности была теперь принцесса Евдокія, дочь его двоюроднаго брата, по имени также Андроника, слѣдовательно, племянница императора. Эта привязанность, называемая византійскими историками преступною, незаконною связью, была именно такою и въ глазахъ ближайшихъ родственниковъ Евдокіи. Мы должны пропустить исторію любовныхъ похожденій Андроника, наглядно, но нѣсколько грубо передаваемыхъ въ сочиненіи Никиты Акомината, и всякія сцены подкарауливанія и ночныхъ засадъ, устраиваемыхъ братьями, оскорбленными позоромъ своей сестры. Отъ нихъ Андроникъ спасался своею дерзкою смѣлостію и неистощимою находчивостію, презирая переодѣваніе въ женское платье, предложенное разъ Евдокіей. Опаснѣе для Андроника были тайные ковы и постоянные наговоры императору, въ которыхъ принимали участіе не только братья его любовницы, но и мужья ея сестеръ. Мануилъ, самъ повинный въ такомъ же грѣхѣ, какъ и его двоюродный братъ,
а съ церковной точки зрѣнія даже еще въ худшемъ, такъ какъ 257
подразумѣваются его отношенія къ родной племянницѣ, имѣлъ всѣ основанія смотрѣть снисходительно на частыя и ночныя похожденія Андроника. Но вольныя рѣчи, которыми всегда отличался не знавшій никакой узды герой этихъ похожденій, его дерзкія шутки, которыми онъ оправдывалъ свое поведеніе, составлявшее только слабое подражаніе подданнаго своему естественному и обязательному образцу въ лицѣ государя, не могли нравиться Мануилу, а онѣ ему, конечно, были передаваемы съ полнымъ усердіемъ. Неудовольствіе между двоюродными братьями возрастало; зарождались подозрѣнія, основанія для которыхъ могли находиться и въ самыхъ семейныхъ родственныхъ отношеніяхъ Андроника къ Мануилу: онъ былъ сынъ старшаго брата Мануилова, устраненнаго отъ престола въ пользу младшаго отцомъ ихъ, императоромъ Кало-Іоанномъ. Какъ отецъ Андроника, такъ и его другой сынъ, старшій братъ Андроника, Іоаннъ,

не легко помирились со своимъ положеніемъ: послѣдній даже перешелъ въ турецкій лагерь и принялъ магометанство. Среди придворныхъ и приближенныхъ Мануила было много рѣчей объ одномъ случаѣ на царской охотѣ, при которомъ Андроника нашли вблизи царской палатки, въ неурочный, подозрительный часъ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ и переодѣтаго Франкомъ изъ Италіи, и о другихъ подобныхъ случаяхъ. Все это повело къ тому, что веселья и блестящія развлеченія рыцарской арены, устроенной на равнинахъ Пелагоніи, заключились арестомъ одного изъ главныхъ ея героевъ. Андроникъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ королемъ венгерскимъ, которому онъ будто бы предлагалъ отдать Браничево и Нишъ за помощь въ достиженіи императорскаго престола. Неизвѣстно, насколько заключалось истины въ этихъ обвиненіяхъ. Андроникъ послѣ успѣлъ доказать, что неблагодарность и черная измѣна не были чужды его демонической натурѣ и глубоко порочному характеру, въ которомъ византійское коварство соединялось съ блескомъ геніальности и внѣшнимъ усвоеніемъ рыцарскаго образованія. Съ другой стороны, интрига и клевета, обвиненіе въ измѣнѣ — самая обычная сторона византійской придворной жизни, и пока могли бы считаться средою, въ которой только еще развивался и выросталъ будущій Ричардъ III византійской исторіи [1]).

258 Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли соглашенія съ Андроникомъ, или просто вслѣдствіе дружбы съ королемъ сицилійскимъ и старой вражды къ Мануилу, король венгерскій въ 1154 г. дѣйствительно перешелъ Дунай съ большимъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ собственно венгерскихъ силъ, находились чешскіе союзники, а также Саксы, вѣроятно не задолго предъ тѣмъ поселившіеся въ Трансильваніи. Сверхъ того, за-одно съ нимъ дѣйствовалъ и тогдашній банъ боснійскій, по имени Боричъ, тоже приведшій на помощь своихъ Босняковъ [2]). Гейза II осадилъ городъ Браничевацъ; Мануилъ немедленно явился въ придунайской области, но съ силами, недостаточными первоначально для прямой борьбы съ венграми и для освобожденія этого важнаго города.

1) Объ Андроникѣ очень подробно у Киннама: p. 123—130. Ср. Nicet. p. 135—141.

2) Cinnam. p. 131. *Βορίτζης ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς.*

Пока собирались войска, онъ занялъ укрѣпленное самою природою мѣстечко Смилу или Смиловцы (Свилайнацъ), между Моравою и Кучанинскою планиной [1]), откуда удобно было наблюдать за непріятелемъ и тревожить его. Чтобы поощрить Браничевцевъ отстаивать свой городъ, Мануилъ отправилъ къ нимъ грамоту съ извѣщеніемъ, что не замедлитъ къ нимъ притти на выручку. Стрѣла, къ которой была привязана царская грамота, попала, однако, въ венгерскій осадный лагерь и произвела въ немъ такую тревогу, что Венгры, предавъ огню осадныя машины, устремились къ переправѣ черезъ Дунай. Но, вслѣдствіе бурной погоды, переправа черезъ Дунай оказалась невозможною, и Венгры пошли къ Бѣлграду, а боснійскій банъ Боричъ — прямо по направленію къ рѣкѣ Дринѣ, отдѣлявшей и тогда Боснію отъ Сербіи [2]). Въ погоню за послѣднимъ посланъ былъ Мануиломъ хартуларій (секретарь) Василій Цинцилукъ [3]), который, несмотря на свою чисто бюрократическую должность, обнаружилъ даже болѣе храбрости и смѣлости, чѣмъ отъ него требовалось. Вѣроятно, подстрекаемый венгерскими выходцами и перебѣжчиками, которые составляли въ византійскомъ войскѣ весьма замѣтную силу и были сюда привлекаемы славянскимъ именемъ Бориса Коломановича, Василій, вмѣсто боснійскаго отряда, напалъ на самихъ Венгровъ, шедшихъ къ Бѣлграду. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ, но когда Венгры замѣтили малочисленность непріятеля, 259
то обратились къ нему лицомъ и нанесли ему чувствительное пораженіе; греческій военачальникъ успѣлъ спасти свою жизнь бѣгствомъ, многіе изъ Грековъ были убиты, а изъ тѣхъ Венгровъ, которые держались византійской стороны, почти никого не осталось въ живыхъ [4]). Около этого времени, а можетъ быть,

---

1) Cinnam. p. 131. *Χῶρος ἐρυμνότητος ἱκανῶς ἔχων Σμήλης ὄνομα.* Смиловцы, между Моравою и Кучанной, неподалеку отъ Раваницы: см. Рѣчникъ Даничича, III, 134. На картахъ мы находимъ Свилайнацъ именно тамъ, гдѣ должны быть Смиловцы. [Рѣчь Михаила, стр. 159].

2) Cinnam. p. 104. [Рѣчь Михаила, стр. 161].

3) Прозваніе сообщаетъ Никита Хоніатъ, p. 138.

4) [Prodr. p. 751, v. 442: *σμικρὸν εὐτύχημα*]. Cinnam. p. 132 въ концѣ. Киннамъ говоритъ, что это были Венгры, стоявшіе на сторонѣ Грековъ вмѣстѣ со Стефаномъ, сыномъ Гейзы. Несомнѣнно, что тутъ есть какая-либо ошибка. Дюканжъ предполагалъ, что Киннамъ смѣшалъ Стефана, сына Гейзы II, съ братомъ Гейзы того же имени. Невѣроятно, чтобы сынъ сражался противъ отца,

и при этомъ именно случаѣ, покончилъ свою, полную скитаній и приключеній, жизнь и противникъ Гейзы, претендентъ на его престолъ, Борисъ Коломановичъ. Мы знаемъ, что онъ былъ убитъ незадолго предъ 1156-мъ годомъ, въ неудачной экспедиціи противъ Венгровъ, въ которой Византійцы потерпѣли большой уронъ, и что палъ онъ отъ стрѣлы, пущенной однимъ Половчиномъ. Но ближайшія подробности остаются неясными вслѣдствіе разнорѣчія источниковъ. Вѣроятнѣе всего, что Куманы, сосѣди Венгровъ, были ихъ союзниками въ походѣ, и что въ сраженіи съ ними внукъ Мономаха былъ пораженъ смертельнымъ ударомъ. Вслѣдъ за вѣстью о пораженіи своего отряда, Мануилъ получилъ другое непріятное извѣстіе, именно, что жители Бѣлграда готовы
260 передаться Венграмъ. Потеря такого важнаго пункта, который уже и прежде Венгрія оспаривала у Византіи, была бы большимъ несчастіемъ; но энергическія мѣры Кантакузина, одного изъ главныхъ участниковъ недавней исторіи съ Андроникомъ, предупредили несчастіе; посланный Мануиломъ въ Бѣлградъ, онъ схватилъ главныхъ коноводовъ венгерской партіи и, утвердивъ

при томъ, сынъ, которому было только пять или шесть лѣтъ. Самъ Киннамъ (p. 203) говоритъ тоже о братѣ Гейзы, Стефанѣ, который, поссорившись съ нимъ, нашелъ убѣжище въ Византіи. Ср. Nicet. p. 165. Но по свидѣтельству Оттона Фрейзингенскаго (Gesta Frider. p. 179), Стефанъ, братъ Гейзы, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ къ Фридриху Барбаруссѣ и отъ него просилъ защиты. Фридрихъ по этому поводу послалъ посольство къ Гейзѣ съ ходатайствомъ за Стефана. Въ отвѣтъ на это, на сеймъ Регенсбургскій въ январѣ 1158 г. явились послы венгерскаго короля, которые оправдывали изгнаніе Стефана его злоумышленіями противъ короля; въ обвиненіяхъ, какъ онѣ переданы въ хроникѣ, нѣтъ, однако, намека на то, чтобы Стефанъ сражался ранѣе того противъ брата на сторонѣ византійскаго императора, или чтобы онъ вообще былъ у Грековъ. Только въ 1158 г. Фридрихъ, по просьбѣ самого Стефана, отправилъ его въ Константинополь (Gesta p. 181), гдѣ онъ и былъ въ 1163 г. (Cinnam. p. 203). Для примиренія Киннама съ болѣе точнымъ западнымъ писателемъ можно бы предположить, что Стефанъ, сынъ Бѣлы Слѣпого, два раза былъ въ Константинополѣ, какъ это и допускаютъ венгерскіе историки (Horvath, Kurzgefasste Gesch. Ungarn's. Pesth. 1863. I, 191). Но едва-ли не вѣрнѣе будетъ допустить у Киннама ошибку. Ему нужно было объяснить присутствіе Венгровъ въ византійской арміи, о чемъ онъ зналъ изъ своихъ источниковъ. Но онъ забылъ о Борисѣ Коломановичѣ и не кстати припомнилъ о Стефанѣ. Что Борисъ не только участвовалъ въ этомъ походѣ, но и убитъ въ немъ, мы должны заключить опять изъ свидѣтельства Оттона Фрейзингенскаго, которое въ главномъ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ него (Gesta Frid. p. 158) слѣдуетъ, что Борисъ убитъ Половчиномъ во время похода на Венгровъ, ранѣе іюля 1156 г. См. ниже въ приложеніи II, посвященномъ Борису Коломановичу. Отчего же у Киннама объ этой смерти не упомянуто?

спокойствіе въ городѣ, воротился, приведя ихъ съ собою узниками. Самъ императоръ горѣлъ желаніемъ отомстить Венграмъ за нанесенное его отряду пораженіе и хотѣлъ было отправиться за ними въ погоню, но его порывъ былъ остановленъ благоразумными представленіями приближенныхъ. Рѣшительныя дѣйствія, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, были отложены до весны слѣдующаго 1155 г.[1]). Приготовленія на этотъ разъ были сдѣланы большія; сильная сухопутная армія весною этого года расположилась лагеремъ на берегахъ Дуная, подъ начальствомъ самого императора; изъ Византіи пришли корабли, готовые перевезти его войско на лѣвый берегъ рѣки. Предположено было движеніе въ средину непріятельской страны. Напуганный всѣмъ этимъ, король Гейза опять заговорилъ о мирѣ, и на этотъ разъ искренность его предложеній доказана была готовностію, съ какою онъ выдалъ всѣхъ греческихъ военноплѣнныхъ, возвратилъ оружіе, всю военную добычу, даже поставилъ вмѣсто павшихъ лошадей и воловъ другихъ, мѣстной венгерской породы[2]). Мануилъ имѣлъ много основаній согласиться на примиреніе съ Венгріей. Поводомъ къ открытой войнѣ съ нею послужилъ союзъ ея съ королемъ сицилійскимъ: теперь Венгрія покидала этотъ союзъ именно въ моментъ, когда итальянскіе планы Мануила, наконецъ, требовали прямого и настоятельнаго дѣйствія на полуостровѣ. Война на Дунаѣ велась въ извѣстной степени за права на Апулію и Калабрію; такъ какъ Гейза II отказывался отъ дальнѣйшаго противодѣйствія осуществленію византійскихъ притязаній, то этимъ уничтожалась одна изъ главныхъ причинъ продолженія войны. Она могла быть безпрепятственно перенесена въ Италію, куда ее перенести было теперь необходимо. Но и другія частныя основанія къ раздору между Венгріей и византійскимъ императоромъ были также устранены если не самымъ мирнымъ договоромъ, то предшествовавшими ему обстоятельствами, или же

---

1) [Prodrom. p. 751 v. 430. О королѣ Гейзѣ: *καὶ τοῦ χειμῶνος τὸ δριμὺ καὶ τοῦ καιροῦ τὴν ὥραν καὶ τῶν νεφῶν τὴν πύκνωσιν ὁρῶν ἐπεγαυρία*].

2) Cinnam. p. 134. Nicet. p. 134. [Prodrom. p. 751—752. Гейза ссылался, прося о мирѣ, на свое родство съ Мануиломъ и даже на единовѣріе: p. 752, v. 487. *καὶ γνῶσις ἄλλως ἤνωσεν ἢ τῆς ταυτοπιστίας*. О проволочкахъ Гейзы и о флотиліи византійской, неожиданно появившейся въ устьяхъ Дуная и склонившей короля къ миру, говорится въ рѣчи Михаила, стр. 163].

261 его послѣдствіями. Сербія принуждена была отказаться отъ дружбы съ сосѣдственною Венгріей и всецѣло подчиниться верховной власти императора. Что же касается византійскихъ интересовъ на Руси, то здѣсь, именно въ 1155 г., на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ, безъ всякаго противодѣйствія со стороны венгерскаго короля, утвердился союзникъ Мануила Юрій Долгорукій. Братья Изяслава Мстиславовича (умершаго въ 1154 г.), родственники и союзники короля Гейзы, должны были смириться. Одинъ изъ нихъ, Ростиславъ, покорился своему дядѣ и получилъ Смоленскъ, другой — Владиміръ, женатый на дочери бана Бѣлуша или Бѣлы и потому связанный двойнымъ свойствомъ съ венгерскимъ королевскимъ домомъ, въ слѣдующемъ году оставилъ родину и бѣжалъ въ Венгрію [1]). Туда же отправилась еще ранѣе мать его и венгерской королевы, вдовствующая княгиня кіевская, жена Мстислава Владиміровича [2]). Если при началѣ войны Мануилъ жаловался на враждебныя дѣйствія Гейзы противъ галичскаго князя, то теперь, съ утвержденіемъ Юрія въ Кіевѣ, король венгерскій уже не былъ опасенъ для Галича, и преемникъ Владимірка, Ярославъ Осмомыслъ, оставался пока другомъ и союзникомъ Византіи, надежнымъ стражемъ противъ Венгріи. Все это, безспорно, было важнымъ пріобрѣтеніемъ для византійской политики. Политическое торжество сопровождалось и закрѣплялось церковнымъ. Извѣстно, что митрополитъ Климентъ, поставленный соборомъ русскихъ епископовъ, не получилъ на самой Руси всеобщаго признанія, потому что онъ «не принялъ благословенія» отъ константинопольскаго патріарха и святой Софіи Цареградской. Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ ему покровительствовалъ и поддерживалъ его, пока былъ живъ; но патріархъ константинопольскій писалъ грамоты, въ которыхъ поощрялъ и причислялъ къ святымъ его противниковъ. Такимъ образомъ, столкновеніе имѣло очень острый характеръ. Естественно, что съ утвержденіемъ въ Кіевѣ Юрія Владиміровича, который находился къ императору совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, должна была восторжествовать сторона

1) Ипатская лѣтопись подъ 1156 г., стр. 333.
2) Тамъ же, стр 332.

Нифонта Новгородскаго, наиболѣе ревностно стоявшаго за права патріарха. Еще ранѣе, а можетъ быть, только въ 1155 г., въ Константинополѣ былъ назначенъ и посвященъ въ митрополита русскаго одинъ изъ ученѣйшихъ греческихъ богослововъ, Константинъ. Въ январѣ 1156 г. онъ присутствовалъ на мѣстномъ 262
соборѣ цареградскомъ, но уже тогда собирался отправиться на свою митрополію [1]). Константинъ былъ принятъ съ честью Юріемъ Долгорукимъ и съ своей стороны, вмѣстѣ съ вѣрными патріарху епископами, далъ новое благословеніе и признаніе поставленію Юрія на великокняжескомъ престолѣ [2]). Но въ сыновьяхъ Изяслава онъ и послѣ имѣлъ себѣ противниковъ; они говорили: «да не будетъ Константинъ на митрополіи, потому что онъ проклялъ нашего отца» [3]), и потому стояли за Климента.

---

1) Соборъ, о которомъ идетъ рѣчь, вызванъ былъ толкованіемъ словъ, относящихся къ таинству Причащенія: «ты еси приносяй и приносимый и пріемлющій». Одинъ изъ церковныхъ проповѣдниковъ, объясняя ихъ, сказалъ, что одинъ и тотъ же Сынъ Божій и бываетъ жертвою, и вмѣстѣ съ Отцемъ пріемлетъ жертву. Другимъ такое объясненіе показалось опаснымъ, такъ какъ оно приводило къ мысли о двухъ лицахъ во Христѣ, человѣческомъ, приносимомъ въ жертву, и Божескомъ, пріемлющемъ оную. На соборѣ 1156 г., акты котораго напечатаны кардиналомъ Маи (Spicilegium Romanum, t. X), отвергнуто было мнѣніе тѣхъ, которые, изъ опасенія впасть въ ересь Несторія, стали утверждать, что Христосъ принесъ себя въ жертву только Богу Отцу и Св. Духу, но принято, что честная кровь Его принесена и ежедневно приносится въ жертву не только Богу Отцу, но и всѣмъ тремъ лицамъ Божества. Русскій митрополитъ, какъ показываютъ акты, былъ главнымъ поборникомъ принятаго рѣшенія и первый высказалъ свое подробно-мотивированное осужденіе возникшему лжеученію. См. Spicilegium X, 18. *Μέλλων δὲ ἐπὶ τούτοις καὶ ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Ῥωσίας μακροτέραν ἀποδημίαν τὴν πρὸς τὴν λαχοῦσαν αὐτὸν στείλασθαι, τὴν μὲν οἰκείαν γνώμην ἀριδηλοτέραν ἡμῖν καὶ ἄλλοτε παρέστησεν, ὡς μικρῷ κατωτέρω περὶ ταύτην ῥηθήσεται, οὐ μὴν δὲ, ἀλλὰ καὶ τὴν τῆς ἀδελφότητος περὶ τούτου δόξαν ὅπως ἔχει μαθεῖν διαφόρως ἐζήτησεν...* Ср. р. 19—20. Послѣ, однако, осужденное мнѣніе нашло себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ нареченнаго патріарха антіохійскаго Сотириха, что привело къ новому собору, въ маѣ 1157 года. (Spicileg. X, 58. *Μηνὶ Μαΐῳ, ιβ' ἡμέρᾳ ἰνδ. ε'*... на стр. 83 и 85-й индиктъ обозначенъ ошибочно). Здѣсь русскаго митрополита уже не было, но на него ссылались, какъ на главнаго виновника, поднявшаго вопросъ (стр. 65). Киннамъ (р. 176—177) и Никита (р. 274—276) говорятъ также о догматическомъ спорѣ, не упоминая, однако, о русскомъ митрополитѣ. ‹Ѳ. И. Успенскій. Очерки по исторіи византійской образованности, стр. 211 сл.›.

2) Ипат. лѣтоп. подъ 1153 г. (стр. 333). «Тогда же митрополитъ Костянтинъ приде исъ Царягорода, и прия и князь Дюрги съ честью, и Полотскій епископъ, и Мануилъ Смоленьскій епископъ, иже бѣгалъ передъ Климомъ; и тако испровергъши Климову службу и ставления, и створивше божественную службу и благословиша князя Дюргя Володимирича».

3) Тамъ же, стр. 345.

И въ южной Италіи, куда теперь Мануилъ могъ перенести свое оружіе, политическіе интересы были тѣсно связаны съ церковными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О хронологіи Никиты Акомината.

Какъ уже замѣчено, главными источниками для исторіи царствованія Мануила служатъ два византійскіе писателя: Іоаннъ Киннамъ и Никита
263 Акоминатъ, называемый обыкновенно Хоніатомъ, по своей родинѣ, городу Хонамъ, древнимъ Колоссамъ (посланіе апостола Павла къ Колоссянамъ). Оба писателя были современниками Мануила Комнина. Служебное поприще Никиты, достигшаго, потомъ, высшихъ степеней служебной іерархіи, началось въ послѣдній годъ царствованія названнаго государя. Іоаннъ Киннамъ былъ нѣсколько старше Никиты, родился въ началѣ царствованія Мануила и, едва переступивъ лѣта отрочества, сопровождалъ его въ большей части его походовъ въ качествѣ младшаго секретаря. Исторія правленія Мануила подробнѣе и отчетливѣе описана у Киннама, но, къ сожалѣнію, она не имѣетъ конца и обрывается на 1174 г. Никита Акоминатъ, по всѣмъ признакамъ, не былъ знакомъ съ сочиненіемъ своего предшественника, и если въ его книгѣ встрѣчаются мѣста, отзывающіяся близкимъ родствомъ съ изложеніемъ Киннама, то это можетъ быть отнесено на счетъ пользованія одинаковыми источниками. Вообще Хоніатъ разсказываетъ исторію третьяго Комнина много короче, чѣмъ Киннамъ; но есть эпизоды, отчасти отмѣченные нами, надъ которыми онъ останавливается съ бо́льшею подробностью. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что едва-ли есть какой другой періодъ въ византійской исторіи, представляющій такія удобства для изученія со стороны мѣстныхъ, національно-византійскихъ источниковъ. Здѣсь мы имѣемъ двухъ оригинальныхъ писателей, тогда какъ въ другихъ періодахъ должны полагаться на позднія компиляціи и считать за особенное счастіе наличность хотя бы одного самостоятельнаго и близкаго по времени свидѣтеля. Однако, оба писателя требуютъ внимательной критической повѣрки, особенно тамъ, гдѣ они расходятся другъ съ другомъ; и въ этомъ отношеніи первый вопросъ для нашего періода есть вопросъ о хронологіи въ сочиненіи Никиты Акомината. Хронологія составляетъ вообще слабый пунктъ византійцевъ, а у Никиты она представляетъ особыя затрудненія, такъ какъ его порядокъ изложенія рѣзко отличается отъ того, который мы

имѣемъ въ сочиненіи его предшественника; а, между тѣмъ, при полномъ отсутствіи численнаго обозначенія годовъ у того и другого, трудно угадать ихъ хронологическую систему. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ порядкѣ идутъ въ сочиненіи Никиты событія, слѣдующія за взятіемъ Корфу:

Р. 119.	Походъ въ Сербію описывается въ общихъ чертахъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это тотъ самый походъ, который описанъ Киннамомъ (р. 101—103).	1149.
р. 120.	Великій доместикъ приноситъ вѣсть въ столицу о подвигахъ Мануила, а затѣмъ возвращается самъ императоръ — очевидно на зиму.	
	«А лишь только наступила весна», онъ опять прибылъ въ Пелагонію и отправилъ въ Италію Михаила Палеолога: описываются его дѣйствія въ Италіи. По связи слѣдовало бы думать, что рѣчь идетъ о веснѣ 1150 г.; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ дѣйствія Палеолога вовсе не входятъ въ рамку событій этого и послѣдующихъ годовъ, а относятся, несомнѣнно, къ 1155 г.	1155. 264
р. 121.	«А самъ царь, узнавъ, что владѣтель Сербіи снова злодѣйствуетъ и заключилъ союзъ съ Венграми, выступаетъ противъ него». Единоборство съ Вакхиномъ и т. д.	1150 (осень).
р. 122.	Императоръ, еще не отерши съ лица пыли, идетъ противъ Венгровъ, чтобы наказать ихъ за помощь, оказанную Сербамъ и воспользоваться отсутствіемъ ихъ короля, который былъ въ Россіи. Опустошивъ Срѣмъ, Мануилъ возвращается въ столицу.	1151.
р. 123.	Въ это же время и Скиѳы, переправившись чрезъ Дунай, разоряютъ римскіе грады на этой рѣкѣ. Противъ нихъ посланъ Коломанъ, который не имѣлъ удачи и самъ былъ убитъ. Объ этомъ Коломанѣ см. въ концѣ слѣдующаго приложенія.	1155 (?).
р. 124 и 125.	Между тѣмъ, Палеологъ велъ дѣло въ Калабріи неудачно и за то лишенъ былъ начальства, а на его мѣсто отправлены Алексѣй Комнинъ и Дука Іоаннъ. Какъ послѣ окажется, Алексѣй Комнинъ былъ отправленъ въ 1156 г.	1156.
р. 126.	Они сначала одержали побѣду надъ королемъ сицилійскимъ, но затѣмъ были разбиты. Вслѣд-	1152 (1154)

	ствіе того Мануилъ снарядилъ другой флотъ и поручилъ его Константину Ангелу; но на пути въ Сицилію онъ былъ разбитъ и уведенъ въ плѣнъ.	
р. 128.	Императоръ и послѣ этого второго пораженія изыскивалъ средства къ борьбѣ и отправилъ въ Анкону протостратора Алексѣя и т. д. (Опускаемъ дальнѣйшее изложеніе дѣлъ итальянскихъ). Послѣ заключенія мира	1157. 1158.
р. 132.	Царь опять отправляется противъ Венгровъ; изъ Сардики направляется въ Сербію. Затѣмъ возвращается въ столицу.	1152.
р. 133.	Но лишь только солнце совершило зимній поворотъ, Мануилъ является въ Пелагоніи. Дѣло Андроника Комнина.	1153.
	Дѣйствія Василія Цинцилука.	1155.

Въ этомъ хронологическомъ матеріалѣ трудно уловить какую-либо систему, а приходится видѣть просто путаницу. Во всякомъ случаѣ, прекрасныя общія замѣчанія о методѣ Никиты, сдѣланныя Ѳ. И. Успен-
265 скимъ въ его монографіи («Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ». Спб. 1874), требуютъ дальнѣйшей повѣрки частныхъ критическихъ изслѣдованій. Судя по результатамъ, которые вытекаютъ изъ нашего изученія, обнимающаго, конечно, одни первые годы Мануила, если у Никиты и было намѣреніе держаться хронологической преемственности фактовъ, то онъ не достигъ въ этомъ успѣха и не исполнилъ своего плана. Причина тому можетъ заключаться либо въ немъ самомъ, въ его небрежности и невнимательности, либо въ качествѣ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Исторіи Киннама, отличающейся, какъ оказывается, полною хронологическою послѣдовательностію изложенія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ ошибокъ), Никита, мы полагаемъ, не имѣлъ въ рукахъ. Чѣмъ же онъ пользовался въ первыхъ своихъ книгахъ, посвященныхъ Іоанну и Мануилу? За исключеніемъ не особенно многочисленныхъ документальныхъ источниковъ, особенно церковныхъ соборныхъ актовъ, главнымъ матеріаломъ для него едва-ли не была та богатая литература привѣтственныхъ рѣчей, торжественныхъ словъ на встрѣчи, на побѣды императоровъ, а также извѣстительныхъ посланій къ народу, составлявшихся императорскими секретарями, образцы которой мы теперь имѣемъ въ историко-риторическихъ мелкихъ трудахъ самого Никиты (прекрасно разобранныхъ въ изслѣдованіи Ѳ. И. Успенскаго) и въ сочиненіяхъ Евстаѳія Солунскаго. Послѣ этого намъ будетъ понятно, какъ могло случиться, что Никита Акоминатъ, правильно отмѣчающій времена года, мѣсяцы и дни событій, путается самымъ явнымъ образомъ въ годахъ. Внутри мелкихъ отдѣловъ, составляющихъ сокращеніе отрывочныхъ источниковъ, собираемыхъ мозаически, хронологи-

ческая послѣдовательность идетъ правильно; но въ промежуткахъ между ними, тамъ, гдѣ скрѣпляются или связываются отдѣлы, оказываются ошибки и промахи. Такимъ образомъ, почти всѣ отмѣтки, составляющія переходъ отъ одной страны къ другой, отъ одного цикла фактовъ къ другому, у Никиты совсѣмъ невѣрны.

II. Борисъ Коломановичъ.

Внукъ Владиміра Мономаха и претендентъ на венгерскій престолъ, Борисъ Коломановичъ есть личность на столько значительная и любопытная, что мы находимъ нелишнимъ собрать данныя для его біографіи въ возможной для насъ полнотѣ и подробности.

Онъ былъ сынъ венгерскаго короля Коломана и дочери Владиміра Мономаха, Евфиміи. Новѣйшіе венгерскіе историки (Fessler-Klein, Geschichte von Ungarn. Leipzig. 1867. 1, 205, и M. Horvat, Kurzgefasste Geschichte Ungarn's. Pesth. 1863. I, 107) несправедливо считаютъ его сыномъ Предславы, дочери Святополка II Кіевскаго, основываясь на отмѣткѣ въ русской лѣтописи подъ 1104: «Ведена Передъслава, дщи Святополча, въ Угры, за королевичъ, августа въ 21 день». Около этого времени, дѣйствительно, полагается кончина первой жены Коломана, дочери Рожера Сицилійскаго, брата Роберта Гвискара, но всетаки нѣтъ основанія, вопреки прямому указанію лѣтописи русской, вмѣсто королевича считать женихомъ Предславы самого короля. Русскіе историки (Карамзинъ II, 85 и Соловьевъ II, 76), повидимому, правильно считаютъ 266
мужемъ или женихомъ Предславы старшаго сына Коломанова, Ладислава, отъ первой его жены Бузиллы, хотя въ 1104 г. ему не могло быть болѣе шести лѣтъ. Бракъ Коломана на Бузиллѣ, дочери Рожера Сицилійскаго, былъ устроенъ въ 1097 г., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сицилійскій современный писатель Годефридъ Малатерра (Murator. V, 599). Въ венгерской лѣтописи Туроча (Thwrocz) мы даже читаемъ (Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, I, 168 по изданію 1766 г.): Rex (Colomanus) autem, de prima uxore, genuit Ladislaum et Stephanum, anno Domini MCI (1101). Cumque Rex esset in Dalmatia, in civitate Zadur. Итакъ, Ладиславъ родился въ 1101 г. и, слѣдовательно, женился трехъ лѣтъ. Все это, однако, возможно и вовсе не безпримѣрно, если мы подъ словомъ «ведена» будемъ разумѣть не настоящій бракъ, а нѣчто болѣе близкое къ первоначальному значенію слова.

Что касается второго брака Коломана, то, по свидѣтельству Туроча, онъ относится къ 1112 г. (p. 170): anno Domini MCXII. Filius regis Colomani (т. е. Ладиславъ) mortuus est. Et rex secundam duxit uxorem de Ruscia... Совершенно согласно съ тѣмъ, въ русской лѣтописи читаемъ подъ 1112 годомъ: «того же лѣта, ведоша Володимерьцу Офимью въ Угры за короля». (Инат. стр. 197). Совершенно ясно, что престарѣлый король Коломанъ женился на дочери Владиміра Мономаха.

Но этотъ бракъ былъ такъ же несчастенъ, какъ нѣсколько ранѣе несчастенъ былъ бракъ Евпраксіи Всеволодовны съ императоромъ германскимъ Гейнрихомъ IV. Подобно своей теткѣ, Евфимія Владиміровна подверглась въ чужой землѣ гоненію, была заподозрѣна мужемъ въ невѣрности и должна была воротиться на родину въ Кіевъ, гдѣ она и родила вскорѣ сына Бориса. Король Коломанъ отвергнулъ его, какъ плодъ прелюбодѣянія; но послѣ окажется, что даже въ Венгріи многіе не вѣрили въ виновность королевы Евфиміи.

1) Thwrocz, p. 170. «Rex secundam duxit uxorem de Ruscia, quam in adulterio deprehensam peccantem, nec violenta temeritate dimisit. — Remisit ergo eam rex in terram suam. Quae ex adulterio peperit filium, nomine Borich; Borich autem genuit Colomanum».

2) Canonici Wissegradensis Continuatio Cosmae (Продолжатель Козьмы Пражскаго). Pertz SS. IX, 138. «Mater enim praefati juvenis (filii Colmanni) a marito suo, rege videlicet Colmanno, repudiata dum esset praegnans, rediit ad patrem, atque ibi puerum peperit».

3) Оттонъ Фрейзингенскій (Chronic. p. 320) говоритъ только, что Борисъ былъ сынъ Коломана и дочери Кіевскаго князя. Boricius, qui et ipse Colomanni, sed ex alia quam Stephanus matre, Rutenorum seu Chyos regis filia natus dicebatur, regnum paternum requirit. <2 ed. p. 342>.

Продолжатель Козьмы Пражскаго прямо утверждаетъ, что Борисъ родился въ Кіевѣ; очевидно, что тамъ же онъ выросъ и былъ воспитанъ, т. е. выросъ совершенно русскимъ человѣкомъ. Мать его Евфимія, по свидѣтельству русской лѣтописи, умерла въ Кіевѣ въ 1139 г. «Въ лѣто
267 6647 представися Володимерьця Ефимья, мѣсяца априля въ 4 день, въ понедѣльникъ, порозноѣ недѣлѣ» (Ипат. стр. 216).

Послѣ смерти Коломана, въ началѣ 1114 г., венгерскій престолъ достался другому его сыну, Стефану, женатому на дочери Роберта Гвискара (Thwrocz, p. 173). Стефанъ II предпринималъ походъ на Русь, но, сколько извѣстно по венгерской хроникѣ, походъ этотъ, вопреки мнѣнію новѣйшихъ венгерскихъ историковъ, не имѣлъ отношенія къ судьбѣ Бориса Коломановича. У Туроча повѣствуется, что къ Стефану пришелъ князь русскій, по имени Безенъ (dux Ruthenorum, nomine Bezen) съ жалобою на своего брата, который выгналъ его изъ принадлежавшаго ему княжества, и просилъ милости короля, чтобы онъ оказалъ ему помощь собственноличнo. Король, желая отмстить обиду своего отца, короля Коломана [1]), обѣщалъ помочь князю и, собравъ войско, пошелъ на Русь и осадилъ въ ней одинъ замокъ или градъ. Но случилось, что вышеназванный князь Безенъ раннимъ утромъ обходилъ кругомъ града,

1) Разумѣется обида, на которую указывается въ слѣдующихъ словахъ русской лѣтописи подъ 1099 годомъ: «У се же лѣто побьени Угре у Перемышля». Неудачный походъ Коломана подробнѣе описанъ у Туроча (p. 168).

высматривая мѣста, удобныя для взятія укрѣпленій. Между тѣмъ осажденные, съ своей стороны, вышли изъ града для осмотра Венгровъ; когда князь увидѣлъ ихъ, то сдѣлалъ на нихъ нападеніе; но они, мужественно сражаясь, ранили его на смерть. Когда король Стефанъ услышалъ объ этомъ, то онъ разсердился и непремѣнно хотѣлъ взять крѣпость, чтобы наказать виновниковъ смерти русскаго князя. Но венгерскіе бояре отказались продолжать осаду, которая теперь не имѣла цѣли. Они говорили: «Если ты возьмешь городъ, то кого сдѣлаешь княземъ? Если захочешь отдать его кому изъ бояръ, то никто не согласится остаться въ немъ. Развѣ ты самъ, оставивши королевство, будешь владѣть княжествомъ?» Тогда, по приказанію бояръ, бирючи стали кликать по лагерю, чтобы Угры какъ можно скорѣе возвращались домой, въ отечество. Король увидѣвъ, что онъ лишается помощи своего войска, воротился въ Угрію. Не подлежитъ сомнѣнію, что Безенъ есть никто иной, какъ Ярославъ Святополковичъ, владѣвшій по смерти отца, при Владимірѣ Мономахѣ, Волынскимъ княжествомъ и женатый на внучкѣ Владиміра, дочери Мстислава, по дурнымъ обращеніемъ съ нею и дружбою съ Поляками раздражавшій великаго князя кіевскаго. Событія, описанныя въ венгерской хроникѣ, относятся къ 1123 году, подъ которымъ въ Ипатской лѣтописи (стр. 206—207) объ Ярославѣ, изгнанномъ изъ Владиміра Волынскаго, читается слѣдующее: «Приде Ярославъ Святополчичъ съ Угры и съ Ляхы, и съ Чехы, и съ Володаремъ и Василкомъ Володимерю, и множьство вои бѣ съ нимъ, и объступиша городъ Володимеръ, Андрѣю (сынъ Владиміра Мономаха) сущу тогда въ немъ и Володимерю (Мономаху) не поспѣвшу исъ Кіева съ Мстиславомъ сыномъ своимъ. И бывшю дни недѣльному, подъѣха Ярославъ близъ къ граду, самъ третій, рано (summo diluculo), и претяше ѣздя подъ градомъ людемъ... И еще оному ѣздящю подъ градомъ, вышедша два Ляха подъ увозъ, и ту легоста скрывшася. И поѣха Ярославъ переѣхати отъ города, и бывшю ему въ увозѣ, идѣже Ляха та ловяшета его, съсунувшася въ увозъ пободоста и оскѣномъ, и едва умьчаша илѣ жива суща, и на ночь умре. — Угре же и Ляхове и Володарь и Василко, разидошася кождо въсвояси».

Въ Воскресенской лѣтописи (Полное собраніе, VII, 25) описаніе смерти Ярослава представляетъ почти буквальное сходство съ разсказомъ Туроча: «Ярославу же ѣздящу около града и разсмотряющу, какобы взяти его, изъ града же вышедше два Ляха» и т. д. «Dux Besen ambulabat circa castrum, providendo loca expugnandi munitiones. Obsessi vero (два Ляха) exiverant de castro, causa visitandi Hungaros» и т. д.

У Длугоша (IV, 419—420) вмѣсто Владиміра Волынскаго Ярославъ осаждаетъ Кіевъ, защищаемый Андреемъ, такъ какъ Владиміръ Мономахъ, испуганный, оставилъ столицу. Здѣсь, подъ Кіевомъ, раненъ смертельно Ярославъ.

Очевидно, что Длугошъ напуталъ лишнее. Остается только вопросъ, почему Ярославъ Святополковичъ извѣстенъ у Венгровъ подъ именемъ

Безена, что у нихъ значитъ Печенѣгъ. На это можно отвѣчать только указаніемъ на то, что его отецъ былъ женатъ на дочери Туторкана, хана половецкаго, и что прозваніе дано по матери, вслѣдствіе очень естественнаго смѣшенія Половцевъ съ Печенѣгами.

Нельзя также съ полною увѣренностью сказать, что графъ Борсъ, который упоминается въ концѣ царствованія Стефана II, есть именно Борисъ Коломановичъ, хотя всѣ соображенія говорятъ въ пользу такого предположенія. Венгерская хроника (Thwrocz, p. 175) разсказываетъ, что король Стефанъ, ослѣпивъ своего родного дядю Алмуса и его сына Бѣлу, назначилъ себѣ въ преемники сына своей сестры Софіи, выданной за маркграфа Ульриха Каринтійскаго. Но когда король однажды впалъ въ тяжкую болѣзнь и всѣ ожидали его смерти, то обнаружилось существованіе другихъ претендентовъ: какими-то предателями были избраны въ короли графъ Борсъ и Иванъ. «Bors vero et Ivan, inani seducti, a traditoribus in Regem electi sunt». Король выздоровѣлъ; тогда Иванъ поплатился своею головой, а Борсъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію (p. 176: Bors vero comitem turpiter de curia rejecit in Graeciam), гдѣ уже ранѣе нашелъ себѣ убѣжище ослѣпленный Алмусъ. Если здѣсь идетъ рѣчь о нашемъ Борисѣ, то мы должны предполагать, что Стефанъ хотѣлъ загладить несправедливость своего отца и призналъ Бориса своимъ братомъ, такъ что послѣдній, достигнувъ юношескаго возраста, переселился въ Венгрію и носилъ здѣсь соотвѣтствующій своему происхожденію титулъ. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно около 1131 г. Борисъ Коломановичъ очутился въ Константинополѣ, то и есть основаніе думать, что именно онъ долженъ быть разумѣемъ подъ именемъ Борса, принужденнаго удалиться въ Грецію. Киннамъ (p. 117), описывая событія 1112 г., говоритъ что Борисъ явился въ Константинополь еще при Кало-Іоаннѣ, и что этотъ государь выдалъ за него одну изъ
269 своихъ родственницъ. *Βορίσην — ὃς καὶ αὐτὸς ἐκ τῶν αὐτῶν ἐλέγετο τῷ Ἰατσᾷ* (Гейза II) *φυῆναι σπερμάτων, κατὰ διένεξιν δέ τινα ἐς βασιλέα Ἰωάννην φυγὰς ἔτυχε πολλῷ πρότερον ἐλθών. Ὁ δὲ τιμῆς τε μετέδωκεν ἱκανῶς καὶ κῆδος ξυγγενοῦς τινος ξυνῆψε κόρης αὐτῷ.*

Отсюда слѣдуетъ, правда, только то, что Борисъ, родственникъ короля Гейзы, явился въ Константинополь ранѣе 1143 г., въ которомъ умеръ Кало-Іоаннъ. Но, сопоставляя это свидѣтельство съ другими извѣстіями о судьбѣ сына Коломанова, мы придемъ именно къ 1131 или 1132 году.

Оттонъ Фрейзингенскій (Chronic. VII c. 21 p. 320, шк. изд.) пишетъ, что по смерти Стефана (въ 1131 г.), когда на венгерскій престолъ вступилъ вышеупомянутый Бѣла, сынъ Алмуса, Борисъ предъявилъ свои притязанія на свое отеческое наслѣдіе. Для этого онъ перешелъ въ Грецію, вступилъ въ бракъ съ родственницею императора Кало-Іоанна, а послѣ вступилъ въ Польшу, склонилъ на свою сторону польскаго государя и съ его военною помощью, слѣдуя также приглашенію нѣкоторыхъ

венгерскихъ магнатовъ, вторгнулся въ Венгрію, пройдя лѣса, отдѣляющіе Польшу отъ Венгріи (Boricius — regnum paternum requirit. Proinde in Graeciam transiens, consanguineam sibi imperatoris Kaloîohannis copulavit, ac post Poloniam ingrediens ducem terrae illius ad voluntatem suam inclinavit, sicque cum exercitu adiutorio illius, ex vocatione quorundam Ungarorum comitum, silvam, quae Polonios et Ungaros sejungit, transiens, Pannoniam ingreditur) ‹2 ed. p. 342›. Король Бѣла Слѣпой вышелъ къ нему на встрѣчу, и Борисъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, королемъ польскимъ, потерпѣлъ пораженіе и былъ обращенъ въ бѣгство; при этомъ были большія потери съ обѣихъ сторонъ, и въ частности на сторонѣ венгерской пали именно тѣ, которые, находясь въ лагерѣ Бѣлы, вступили, однако, въ измѣнническія сношенія съ Борисомъ.

Здѣсь рѣчь идетъ о событіяхъ 1132 г., которыя еще отчетливѣе объясняются изъ венгерскихъ и, отчасти, чешскихъ источниковъ. По этимъ источникамъ, сила венгерской партіи, желавшей возвести Бориса, представляется несомнѣнною, а съ другой стороны оказывается, что помимо Болеслава Кривоустаго въ походѣ для отысканія правъ Бориса участвовали русскіе князья.

Турочъ (p. 177) повѣствуетъ, что, несмотря на энергію и рѣшительныя мѣры королевы Елены, жены Бѣлы Слѣпого и дочери сербскаго жупана, въ самомъ началѣ новаго царствованія обнаружилось сильное раздвоеніе и волненіе. Венгры чрезъ пословъ пригласили на царство Бориса и обѣщали ему свою помощь въ отысканіи его правъ, такъ какъ считали его сыномъ Коломана. Итакъ Борисъ, призвавъ себѣ на помощь Русскихъ и Поляковъ, пришелъ на границы Венгріи и остановился на мѣстѣ, которое называется Сайо (Seo). Король Бѣла, съ своей стороны, вышелъ ему на встрѣчу. Но весьма многіе изъ бояръ склонялись на сторону Бориса. Поэтому король созвалъ вельможъ на совѣщаніе и спросилъ ихъ, считаютъ ли они Бориса настоящимъ сыномъ короля Коломана, или же плодомъ прелюбодѣянія. Тѣ, которые были вѣрны, отвѣчали, что, какъ они знаютъ, Борисъ родился не отъ короля Коломана и потому никакъ не достоинъ короны. Но невѣрные и супротивники 270
отвѣчали какимъ-то неопредѣленнымъ шепотомъ и колебались, хромая на обѣ ноги. Король и его совѣтники, сколько было возможно, отдѣлили козлищъ отъ агнцевъ и твердо постановили, что измѣнники тутъ же будутъ перебиты, дабы, въ случаѣ отсрочки, предатели не успѣли перебѣжать къ Борису и такимъ образомъ подвергнуть государство опасности. Произошло смятеніе, и при этомъ схвачены и убиты были главнѣйшіе и наиболѣе знатные изъ приверженцевъ Бориса. Но другіе успѣли спастись и, собравшись съ силами, хотѣли напасть на законнаго государя. Одинъ изъ среды ихъ вызвался пойти прямо въ лагерь королевскій, который находился на рѣкѣ Сайо, и торжественно предать позору короля Бѣлу. Это было одобрено самимъ Борисомъ: и вотъ графъ Самсонъ проникъ въ королевскую палатку, торжественно назвалъ короля собакой

и потребовалъ, чтобы онъ удалился въ монастырь, а царство передалъ достойнѣйшему, т. е. Борису. Борисъ, между тѣмъ, съ большою толпою Русскихъ и Поляковъ расположился станомъ недалеко отъ короля. Бояре венгерскіе послали къ вождю Поляковъ и Русскихъ съ такимъ заявленіемъ: «Не хорошо, что вы, вопреки всякой правдѣ, отыскиваете царство для человѣка, рожденнаго отъ прелюбодѣянія. Мы знаемъ, что король Бѣла получилъ престолъ по праву, и онъ царствуетъ съ согласія всей земли». Услышавъ это, князья Русскіе и Польскіе отказались отъ дальнѣйшей помощи Борису и воротились каждый въ свою область. Но Борисъ всетаки со множествомъ народовъ (cum multitudine populorum) выступилъ для борьбы съ королемъ. Однако, король, надѣясь на божественную помощь, сокрушилъ всю силу Бориса въ одномъ сраженіи, обратилъ его въ бѣгство и нанесъ чувствительное пораженіе польскому войску въ самый праздникъ святой Маріи Магдалины.

Чешская хроника, подъ 1132 г., представляетъ роль Болеслава и причину его отступленія нѣсколько иначе. «Князь польскій съ безчисленнымъ войскомъ отправился въ Венгрію съ намѣреніемъ изгнать слѣпого короля, который именовался Бѣлою, и посадить на тронѣ, противъ воли Венгровъ, сына Коломанова. Но его намѣреніе было разрушено божественнымъ Провидѣніемъ, потому что слѣпой король вышелъ на встрѣчу съ своимъ войскомъ, и Болеславъ, пораженный вмѣстѣ съ своими страхомъ, дождавшись ночи, обратился въ бѣгство; Венгры преслѣдуя его, убили многихъ».

Изъ дальнѣйшаго разсказа каноника Вышеградскаго оказывается, что союзниками Бѣлы въ 1132 г. были Чехи, и что они принесли ему много пользы. Собеславъ Чешскій, женатый на сестрѣ Бѣлы, вторгнулся въ Польскую Силезію именно въ то самое время, когда Болеславъ находился въ Венгріи—18 октября 1132 г., а сраженіе, въ которомъ Бѣла восторжествовалъ надъ приверженцами Бориса, по Турочу, произошло въ праздникъ Маріи Магдалины, т. е. въ октябрѣ; такъ что, слѣдуетъ думать, именно это обстоятельство было причиною отступленія Болеслава изъ Венгріи. Canonici Wissegrad. continuatio Cosmæ: Pertz. SS. IX, 138.

271 Eodem anno dux Polonorum cum infinito exercitu in Ungariam profectus est, volens filium Colmanni, expulso rege coeco qui vocatur Bela, invitis Ungaris, intronizare... Sed ejus propositum divina Providentia destruxit, nam coecus rex cum exercitu suo ei occurrit et Bolezlaus cum suis perterritus, expectata nocte, fugam iniit, quem Hungari insecuti multos in ipsa fuga interfecerunt. Interea dux Sobezlaus — Poloniam cum exercitu suo 15 Kal. Novembris intravit, totamque partem illis regionis quae Slezsko vocatur penitus igne consumpsit и т. д.

Annal. Gradic. Pertz SS. XVII, 650. Inter principes Bœmie et Polonie fides sacra et concordia est violata, utrimque dissensionis occasione interposita. Hinc dux Polonie Ungariam intravit... et discidium inter principes ejus facere temptavit, nec quod nequiter proposuit ad effectum per-

ducere valuit. Ad dux Boemie Poloniam intravit et pro sua suique leviri injuria in magna parte eandem incendio multoque interitu vastavit.

Война за наслѣдство венгерскаго престола, въ которой приняли участіе Русскіе, Поляки, Чехи и Нѣмцы, продолжалась нѣсколько лѣтъ. Къ 1133 г. относится извѣстіе Оттона Фрейзингенскаго о помощи, оказанной королю венгерскому сыномъ герцога австрійскаго Альбертомъ, за котораго въ предыдущемъ году вышла сестра Бѣлы — Гедвига[1]). Помощь эта была нужна вслѣдствіе новаго нападенія Болеслава Кривоустаго, который не былъ даже остановленъ повтореннымъ вторженіемъ Собеслава Чешскаго въ Силезію и снова старался посадить въ Венгріи Бориса.

Otton. Frising. l. c. Verum Bela rex, ascito sibi Alberto Leopoldi marchionis filio, qui ejus sororem habuerat, ac quibusdam de regno nostro nobilibus, Boricio occurrit. Ille vero strepitu ac adhortantium voce, ex linguae idiomate multitudinem teutonicorum in acie fore cognoscens, illorum potius quam Ungarorum terrore perculsus, una cum Poloniorum duce, omissis in fuga multis, terga vertit.

Canon. Wissegrad. (Pertz. SS. IX, 138). Anno dominicae incarnationis 1133... 17 kal. februarii, acer dux Sobezlaus secundo Poloniam invasit, eamque insigni trophaeo devastavit, multos inde captivos abduxit, villas fere trecentas succendit tandem cum victoria ad propria remeavit.

Annal. Gradic. Pertz SS. XVII, sub anno 1133. Eodem anno Boemienses cum Moraviensibus quater Poloniam, nemine resistente, depopulando invaserunt, praefati vero Moravienses innata sibi probitate edificiis urbis, quae vulgo dicitur Kosli, exustis et funditus dirutis, infinitam multitudinem utriusque sexus cum multis spoliis in captivitatem duxerunt.

Въ 1134 г. Болеславъ предпринялъ, еще разъ, третій походъ въ Венгрію, но уже совершенно неудачный. Въ венгерско-австрійскихъ лѣтописяхъ объ этомъ походѣ повторяется одна и та же краткая отмѣтка; но нѣкоторыя подробности сообщаются въ польской хроникѣ Кадлубка.

1134. Bela cecus rex Ungarorum triumphavit de Polonicis, sed in dolo (Annal. Mellic. Pertz SS. IX, 502. Cp. Annal. Admuntens. ibid. 272 p. 578. Contin. Claustroneoburg. ibid. p. 613).

Бѣла Слѣпой восторжествовалъ надъ Поляками, но только посредствомъ хитрости. Хитрость эта объясняется разсказомъ Винцентія Кадлубка (Bielowski. Monumenta Poloniae historica, II, 358). Храбрый король Болеславъ не могъ быть побѣжденъ оружіемъ, но былъ однажды побѣжденъ собственною довѣрчивостію. Онъ принялъ съ своимъ обычнымъ расположеніемъ одного изъ членовъ королевскаго рода, изгнаннаго изъ отечества королемъ венгерскимъ, и рѣшился возвратить ему не только отечество, но и королевскій престолъ (Quendam enim stirpis regiae, a rege Pannoniorum adactum exilio, solito Boleslaus excipit et exhibet

1) Репелль (Geschichte Polens, 1,292) относитъ походъ Альберта Австрійскаго къ 1133 г. на основаніи Excerpta e chron. Ricardi canonici Newuburgensis.

affectum, ac non modo patriae, sed et regno restituere parat). Узнавши объ этомъ, Венгры осѣтили легковѣрнаго хитростью, и эту хитрость подстроилъ самъ король. Самые первые магнаты и сановники венгерскіе явились къ королю польскому въ видѣ пословъ. Они утверждали, что вся Венгрія готова преклониться къ подножію Болеслава и только отъ него одного ожидаетъ спасенія. Они приносили горькія жалобы на своего властителя и объясняли причины своей неумолимой ненависти къ нему. Они просили, наконецъ, вспоможенія, чтобы изгнать короля и посадить на его мѣсто изгнанника, прибавляя, что помощь нужна незначительная, ибо ихъ собственныя силы почти достаточны для цѣли, но нужно только, чтобы во главѣ предпріятія стали самъ король Болеславъ, вокругъ котораго соберется весь рой ихъ сообщниковъ и изгнанникъ, который долженъ удалить и замѣнить хищника. Король склонился на пламенныя просьбы и съ незначительнымъ количествомъ людей вступилъ въ Венгрію. На встрѣчу ему выходятъ толпы Венгровъ; тысячи прибавляются къ тысячамъ, но всѣ они мало по малу собираются въ одну массу позади польскаго отряда. На это обратилъ вниманіе одинъ изъ приближенныхъ Болеслава, Вшеборъ (сообщается длинный разговоръ его съ королемъ), но не успѣлъ склонить его къ осторожности. Между тѣмъ, какъ шло препирательство короля съ его совѣтникомъ, показывается вдали несмѣтное войско венгерское, предводимое самимъ королемъ. Венгры, находившіеся при Болеславѣ, утверждаютъ, что это спѣшитъ новая помощь со стороны ихъ сообщниковъ. Но что же вмѣсто того случилось? Спереди и сзади нападаетъ врагъ на Болеслава (длинное описаніе сраженія pp. 360, 361). Король и Вшеборъ оказываютъ чудеса храбрости, но одинъ изъ вождей первый обращается въ бѣгство. Наконецъ, польскій король, не побѣжденный, но уставшій побѣждать (vincendo fatigatus), убивъ многія тысячи, оставляетъ сраженіе».

Вмѣсто этого разсказа у Богухвала читается другой, приписываемый, впрочемъ, не первоначальному автору хроники, а ея интерполятору (Zeissberg, die Polnische Geschichtsquellen, p. 140), и носящій такое заглавіе: «Объ изгнаніи Коломановича, короля Галичскаго (de expulsione Colomanidis regis Haliciensis)». Выше у Богухвала (Bielowski, Monum. Pol. II, 508) было объяснено, что у Болеслава Кривоустаго была дочь, рожденная отъ его русской супруги (Святополковны), по имени Юдиѳь (Iuditha),
273 которую онъ выдалъ за сына венгерскаго короля Коломана (Colomani regis Hungarorum filio) и далъ ему въ видѣ приданаго кастелянство Спишъ въ пожизненное владѣніе. Потомъ король польскій, при помощи венгерскаго, поставилъ этого Коломановича королемъ Галича, и оба вмѣстѣ заставили его короновать. Затѣмъ, вслѣдъ за описаніемъ событій 1135 г., слѣдуетъ вышеозначенное повѣствованіе объ изгнаніи Коломановича (II, 516). «Русскіе князья, соединившись между собою и съ другими сосѣдними владѣтелями въ одинъ союзъ, изгнали короля галичскаго Коломановича изъ его владѣній. Онъ убѣжалъ къ своему тестю, королю

Болеславу, у котораго и прежде жилъ нѣсколько времени съ своею женою. Князья русскіе, боясь нашествія Болеслава, рѣшились обмануть хитростью того, который не могъ быть побѣжденъ оружіемъ, но могъ быть только побѣжденъ собственною довѣрчивостію. Самые первые магнаты и сановники галичскіе являются къ королю польскому въ видѣ пословъ, повергая себя самихъ и все королевство къ подножію Болеслава. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Венгры, сосѣди королевства галичскаго, свѣдомые о хитрости, задуманной русскими, приносятъ горячія жалобы, молятъ о вспоможеніи для возстановленія изгнаннаго короля. Болеславъ, обманутый льстивыми просьбами, вступаетъ въ Галичскую область съ незначительнымъ войскомъ. На встрѣчу ему выходятъ толпы Венгровъ и отряды Русскихъ въ безчисленномъ количествѣ; тысячи прибавляются къ тысячамъ. Но всѣ они собираются постепенно въ самыхъ заднихъ рядахъ войска. Вслѣдствіе ихъ вѣроломства, Болеславъ, хотя и не былъ побѣжденъ, но, оказавъ чудеса храбрости, потерявъ множество поляковъ плѣнными, для выкупа которыхъ не хватило бы всѣхъ сокровищъ Польши, воротился домой».

Въ подлинникѣ повѣствованіе Богухвала еще ближе по своей фразеологіи къ своему первообразу, т. е. къ отрывку изъ Винцентія магистра (Кадлубка); но такъ какъ оно даетъ совершенно другой смыслъ и другое содержаніе разсказу своего источника, то слѣдуетъ признать, что мы здѣсь имѣемъ намѣренное искаженіе истины, выдуманную для какихъ-то цѣлей ложь и поддѣлку. Цѣли эти, впрочемъ, прямо указаны самимъ Богухваломъ: онѣ заключаются въ объясненіи польскихъ правъ и притязаній на кастелляніи Спишъ, похищенную у Польши Венграми. Самый бракъ Коломановича на дочери короля Болеслава, по всѣмъ признакамъ, тоже выдумка, хотя она и нашла себѣ мѣсто въ самыхъ лѣтописяхъ польскихъ даже подъ двумя годами. Объ этомъ бракѣ нѣтъ ни слова у Кадлубка; а съ другой стороны извѣстно, что Юдиѳь послѣ, но еще при жизни Бориса Коломановича, выдана была совсѣмъ за другого князя. Такимъ образомъ, приходится остановиться на болѣе близкомъ по времени и болѣе достовѣрномъ показаніи Оттона Фрейзингенскаго, что Борисъ Коломановичъ породнился съ византійскимъ императорскимъ домомъ еще ранѣе 1132 г.; а для объясненія стараній Болеслава Кривоустаго, вмѣстѣ съ князьями русскими, посадить внука Мономахова на венгерскій престолъ, нужно искать какихъ-либо другихъ причинъ помимо родства. Нечего и говорить о томъ, что Борисъ Коломановичъ никогда не былъ королемъ или княземъ Галичскимъ, хотя это и принимаютъ новые венгерскіе историки (Fessler-Klein, 1, 240). 274

Въ августѣ 1135 г. Болеславъ Польскій и Собѣславъ Чешскій присутствовали, по приглашенію императора Лотара, на имперскомъ сеймѣ въ Мерзебургѣ, куда явились также послы венгерскаго короля. Благодаря посредничеству императора, между первыми двумя было заключено перемиріе, а черезъ два года и полный миръ. Болеславъ долженъ былъ отка-

заться отъ поддержки претендента Бориса, который до сихъ поръ служилъ виновникомъ раздора между Польшею съ одной стороны, Чехіею и Венгріею, съ другой. (См. Giesebrecht, Gesch. der Kaiserzeit, IV, 106).

Мы не знаемъ, куда удалился Борисъ Коломановичъ, покинутый своимъ главнымъ защитникомъ, королемъ польскимъ. Но въ 1146 г. онъ снова является на сцену, какъ соперникъ короля Гейзы, сына и преемника Бѣлы Слѣпого. Въ означенномъ году онъ прибылъ въ Ахенъ на сеймъ, гдѣ тогда находился король германскій Конрадъ, союзникъ Манунла, и, поддерживаемый Владиславомъ Чешскимъ, просилъ покровительства германскаго государя. Конрадъ, благодаря заступничеству чешскаго государя и его супруги Гертруды, т. е. сестры самого Конрада, отнесся къ притязаніямъ Бориса съ полною благосклонностію. Но непосредственной помощи онъ не могъ оказать ему, потому что былъ занятъ другими дѣлами. За то нашлись нѣкоторые имперскіе князья Бабенбергскаго дома, готовые взять его интересы подъ свою прямую и скорую защиту; при помощи ихъ, онъ нашелъ себѣ приверженцевъ въ Баваріи и Австріи; два графа изъ Восточной марки и многіе министеріалы герцога Гейнриха Баварскаго перешли, вмѣстѣ съ Борисомъ, венгерскую границу и захватили неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ Пресбургъ, причемъ гарнизонъ частью былъ истребленъ, частью захваченъ въ плѣнъ. Какъ скоро узналъ объ этомъ король Гейза, тотчасъ послалъ нѣсколькихъ венгерскихъ вельможъ, которые должны были узнать о причинѣ нарушенія мира Нѣмцами. Отвѣтъ былъ полученъ отъ жителей города Пресбурга, которые, какъ оказывается, были на сторонѣ Бориса и прямо заявили, что они признаютъ его своимъ государемъ. Вслѣдъ затѣмъ явился подъ стѣнами города самъ король съ большимъ войскомъ; нѣмецкій гарнизонъ, не видя возможности держаться, сдалъ городъ, взявъ, однако, богатый выкупъ. Сверхъ приведеннаго разсказа, читаемаго въ дѣяніяхъ Фридриха Барбароссы (Gesta Fr. 1, cap. 30, p. 48), къ этимъ событіямъ относятся слѣдующія мѣста.

Otton. Frising. Chronic. l. VII c. 33 (p. 335). Rex quoque, eadem nativitate in palatio Aquis celebrata, Baioariam ingreditur. Ibi eum Boemorum dux Labezlaus, supra nominatum Boricium secum ducens, adiit. Is flebili ac miserabili voce querimoniam suam de privatione paterni regni depromens, quatenus auctoritate imperiali, ad quam totius orbis spectat patrocinium, ei subveniatur deposcit, eiusque super hoc promissum interventu praedicti Boemorum ducis, eiusque consortis Gerdrudis, sororis regis, honesto intercedente placito impetravit. ‹2 ed. p. 367›.

275 Contin. Admuntens. (Pertz SS. IX, 581). Porsa quidam patruelis regis Ungariae Chunradum regem pecunia flexit, ut regnum Ungariae patri eius ablatum (?) sibi restitueret; a quo etiam persuasi quidam comites (въ Cod. A. comites Herimannus et Luitoldus) castrum Presburc (fraude) invaserunt, quod tamen Goutso rex forti manu requisivit.

Подробный разсказъ о нападеніи нѣмецкихъ князей на Венгрію находится у Туроча (p. 180), но въ немъ не упоминается имя Бориса, даже какъ виновника ихъ похода.

Въ слѣдующемъ (1147) году Борисъ снова является на сцену, какъ неутомимый искатель отцовской короны. Онъ хотѣлъ воспользоваться движеніемъ крестоносцевъ черезъ Венгрію и пытался склонить какъ короля французскаго Людовика VII, такъ и короля германскаго Конрада къ тому, чтобы они низложили Гейзу и возстановили его собственныя права на престолъ. Людовикъ VII получилъ посланіе Бориса, еще находясь во Франціи, въ городѣ Этампѣ, куда въ началѣ 1147 г. (въ февралѣ) явились послы византійскіе и нѣмецкіе для окончательнаго совѣщанія съ Французами о пути, который слѣдовало избрать для похода. По этому поводу упоминаетъ въ первый разъ имя Бориса извѣстный французскій историкъ второго крестоваго похода, Одонъ изъ Дейля (Odo de Diogilo-Deuil): Erat autem quidam Boricius nomine, qui jus haereditorium in regno illo (Hungariae) clamabat, et super hoc Stampas Regi nostro litteras miserat plenarie querimoniam exponentes (Patr. lat., t. 185, p. 1214). Отъ того же писателя узнаемъ мы, что король французскій письмомъ приглашалъ Бориса къ себѣ, но на пути Борисъ встрѣтился съ крестоноснымъ ополченіемъ короля Конрада, предупредившимъ, какъ извѣстно, Французовъ. Если когда, то именно теперь германскій союзникъ Мануила имѣлъ полную возможность посадить покровительствуемаго имъ претендента на венгерскій престолъ; но тогда, конечно, пришлось бы нѣсколько уклониться отъ благочестивой цѣли похода и священную войну во имя креста начать борьбою противъ христіанскаго государя. Король Конрадъ не сдѣлалъ этого; но, повидимому, не былъ также вполнѣ честнымъ и прямымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Гейзѣ и Борису. По свидѣтельству Одона, онъ взялъ отъ послѣдняго большіе подарки и далъ соотвѣтствующія обѣщанія; но потомъ заставилъ и перваго сдѣлать денежныя приношенія; такимъ образомъ, онъ извлекъ выгоды изъ того и другого. Hic dum Regi nostro veniret obviam, literas suas sequens, offendit, in quo confidere posset, imperatorem. Causam igitur suam illi exponit, multa promisit, immo, sicut audivimus, dedit et ab eo spem sui juris accepit (Odo, ibid.). Оставленный Нѣмцами, Борисъ хотѣлъ проникнуть въ Венгрію вмѣстѣ съ Французами: онъ имѣлъ обѣщанія отъ своихъ приверженцевъ, которыхъ, оказывается, было много, что, какъ скоро онъ появится, то они возстанутъ въ его пользу. Borich autem venerat consilio quorundam Hungarorum, ut si ipse regnum intrare posset, tunc a multis pro domino haberetur et relicto rege ei multi adhaererent (Thwrocz, p. 181). Вслѣдствіе того онъ, по словамъ Одона, дождался прохода Французовъ и тайкомъ вмѣшался въ ряды ихъ ополченія, что едва не послужило ему, однако, къ совершенной гибели. Король Гейза узналъ о присутствіи своего соперника и тотчасъ обратился къ Людовику съ просьбою выдать ему смертельнаго врага. Венгерскіе послы получили позволеніе сдѣлать обыскъ во французскомъ 276

лагерѣ. Борисъ хотѣлъ бѣжать, пытался отнять для этого у одного вооруженнаго воина его лошадь; но былъ схваченъ и представленъ королю Людовику, предъ которымъ долженъ былъ уже открыться. Людовикъ созвалъ своихъ вассаловъ на совѣщаніе и далъ Венграмъ такой отвѣтъ, что онъ, конечно, желаетъ оставаться, по прежнему, въ дружбѣ съ королемъ ихъ, но не можетъ, однако, выдать на вѣрную смерть человѣка, который искалъ защиты у ногъ его. Гейза былъ этимъ отвѣтомъ очень недоволенъ и удалился въ глубину своей Венгріи, а Борисъ послѣдовалъ за французами въ Константинополь. Такъ разсказываетъ французскій очевидецъ второго крестоваго похода. Но онъ самъ прибавляетъ, что были въ то время слухи, которые мы должны признать вполнѣ основательными и болѣе соотвѣтствующими положенію вещей, именно, что и король Людовикъ, подобно Конраду, съ самаго начала зналъ о присутствіи въ своемъ лагерѣ Бориса Коломановича и хотѣлъ ему покровительствовать изъ уваженія къ византійскому императору Мануилу. (Dicitur tamen hoc duos principes scisse, et gratia imperatoris Constantinopolitani... (Boricium) illis satis favorabiliter adhaesisse). Венгерскій разсказъ Туроча слегка отступаетъ отъ разсказа современника и очевидца (p. 182). Когда Гейза узналъ, что непризнанный сынъ Коломана находится въ дружинѣ короля французскаго, то послалъ ему сказать, что неприлично честнымъ людямъ платить зломъ за добро и укрывать человѣка, злоумышляющаго противъ его, короля, жизни. Послѣ этого сообщенія во французскомъ лагерѣ произошелъ споръ; всѣ спрашивали другъ друга, кто же между ними злоумышляетъ на жизнь короля, чтобы найти виновнаго и казнить его. Когда самъ Борисъ услышалъ объ этомъ, то онъ бросился къ ногамъ короля французскаго и просилъ у него прощенія и жизни, чтобы ему позволено было безъ всякой обиды сопровождать французское ополченіе до выхода изъ предѣловъ венгерскихъ. Но король Гейза опять прислалъ пословъ съ просьбою выдать ему, во имя дружбы, Бориса связаннымъ. На это Людовикъ будто-бы отвѣчалъ: «Пусть король знаетъ, что домъ короля есть подобіе храма, а ноги его какъ бы алтарь; какъ же я могу выдать того, кто искалъ убѣжища въ домѣ королевскомъ, какъ бы въ церкви, и простирался у ногъ королевскихъ, какъ бы у алтаря». На это разсужденіе Венгры возражали такимъ замѣчаніемъ, что, по ученію ихъ духовныхъ наставниковъ, церковь не допускаетъ общенія съ собою сынамъ прелюбодѣянія. Борисъ понялъ, что ему грозитъ смерть, ночью схватилъ одного королевскаго коня и убѣжалъ, убивъ дорогою встрѣчнаго конюха, который хотѣлъ задержать его. Повѣствованіе въ своихъ подробностяхъ, очевидно, не совсѣмъ точное и уступающее въ правдоподобіи вышеприведенному.

Роль, которую игралъ Борисъ Коломановичъ въ отношеніяхъ императора Мануила къ Венгріи, намъ уже извѣстна. Остается только привести указанія источниковъ объ его смерти. У Киннама, какъ было нами замѣчено, она не обозначена. Но у Оттона Фрейзингенскаго подъ 1156 г.

(Gesta Freder., II, c. 31, p. 158) мы читаемъ: «Non longe ante haec tempora Graecorum princeps cum Boricio contra Ungaros copias mittens, magnum sui detrimentum accepit exercitus, in tantum, ut et Bo- 277
ricius a quodam qui secum venerat Cumano, qui et Schitta, sagitta transfixus necaretur. Намъ оставалось отнести большой уронъ, понесенный Мануиломъ, къ ближайшему году и къ тому пораженію, которое разсказано Киннамомъ въ указанномъ мѣстѣ. Но, сверхъ того, мы думаемъ, что Каламанъ, упоминаемый Никитою Хоніатомъ въ разсказѣ о какомъ-то нашествіи Скиѳовъ, т. е. Половцевъ, долженъ быть никто иной, какъ нашъ Борисъ Коломановичъ. Это нашествіе Половцевъ стоитъ посреди между событіями, изъ коихъ одно, предыдущее, относится къ 1151 г., а другое, послѣдующее, къ 1155 г., и слѣдовательно, должно приходиться на одинъ изъ среднихъ годовъ. Между тѣмъ, послѣ половецкаго нашествія 1148 г., о которомъ Никита упомянулъ на своемъ и надлежащемъ мѣстѣ (p. 103 въ концѣ), мы не знаемъ никакого другого нашествія этихъ кочевниковъ. Мы догадываемся, что Половцы дѣйствовали не самостоятельно, а пришли на помощь Венграмъ, либо служили въ войскѣ Гейзы II. Никита разсказываетъ, что въ сраженіи съ этими Скиѳами или Куманами, перешедшими Дунай и разорявшими придунайскіе грады, Каламанъ былъ побѣжденъ, потерялъ много добрыхъ воиновъ и самъ получилъ смертельную рану, отъ которой и умеръ (См. p. 123, 124). Эти обстоятельства напоминаютъ, съ одной стороны, повѣствованіе Киннама о неудачѣ Василія Цинцилука, а съ другой, указаніе Оттона Фрейзингенскаго о гибели, постигшей Бориса именно отъ руки половецкой. Нужно прибавить, что фраза Оттона «qui secum venerat» никакъ не значитъ, что Половчинъ принадлежалъ Коломану, а что онъ съ нимъ сошелся, встрѣтился, или что-либо подобное. Послѣ Бориса остался сынъ Коломанъ, который нѣсколько разъ упоминается у византійскихъ историковъ и въ современныхъ документахъ.

III. О первыхъ Неманичахъ.

О первыхъ представителяхъ знаменитой сербской династіи Неманичей мы имѣемъ скудныя, а еще болѣе запутанныя и сбивчивыя извѣстія. Болѣе достовѣрными должны быть считаемы извѣстія, находящіяся у византійцевъ и, потомъ, въ трехъ житіяхъ св. Симеона (Стефана) Немани, изъ которыхъ два принадлежатъ его сыновьямъ, а третье—монаху Доментіану, жившему въ XIII вѣкѣ. Къ несчастію, житія сообщаютъ намъ очень краткія и общія свѣдѣнія о начальной исторіи Стефана Немани, говорятъ объ его отцѣ и братьяхъ, но не называютъ ихъ по именамъ; а Византійцы сообщаютъ значительное количество именъ, но не даютъ прямой возможности опредѣлить, о комъ собственно идетъ рѣчь: объ

отцѣ, Немани или объ его братьяхъ, или, наконецъ, о немъ самомъ. Такъ называемыя «Сербскія лѣтописи», изданныя въ разныхъ изводахъ въ «Гласникѣ», едва-ли заслуживаютъ такого названія, во всякомъ случаѣ относятся по своему происхожденію къ очень позднему времени и потому не внушаютъ къ себѣ большого довѣрія, вообще мало помогаютъ дѣлу. То же нужно сказать о сочиненіи Рацци по исторіи Дубровника (Рагузы), въ которомъ находится довольно много указаній собственно на сербскую
278 исторію, на отношенія къ республикѣ отца Немани и его самого. Рацци, писавшій въ началѣ XVII вѣка, пользовался Дубровницкими лѣтописями и назвалъ свое сочиненіе «Подробнымъ извлеченіемъ» изъ нихъ, даже знакомъ былъ, повидимому, съ сербскими сказаніями о Неманичахъ, но въ его сочиненіи вообще мало критики, а въ интересующемъ насъ отдѣлѣ обнаруживается значительная путаница въ хронологіи и генеалогіи. Въ 1160 г. является на сцену Десса или Дессанъ (Дѣжа), правнукъ Стефана, священника въ церкви боснійскаго города Тучеля (Tuchegl), отъ котораго произошла знаменитая фамилія Неманичей, и сынъ Бѣлы-Уроша, старосты или протоіерея (protoiero) въ Любомирѣ; онъ былъ воспитанъ при дворѣ короля Градиньи (Gradigna), который принадлежалъ къ другой сербской династіи и извѣстенъ также изъ хроники пресвитера Діоклейскаго. Десса низвергнулъ съ престола сына Градиньи, Родослава. Родославъ и его братья (Иванъ и Владиміръ) искали защиты у императора Мануила; но Десса завладѣлъ Зетою (Черногорьемъ) и употреблялъ всяческія средства, чтобы погубить соперниковъ, братьевъ и сыновей Родослава, нашедшихъ убѣжище въ Рагузѣ. Сыновьями этого Дессы были Неманя и Мирославъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ Рагузѣ, то дружественныхъ, то непріязненныхъ, говорится на нѣсколькихъ страницахъ (p. 21 и сл.). Десса умираетъ въ 1179 г. (p. 27). Затѣмъ (стр. 29) Стефанъ, названный въ крещеніи Неманя Крапало, внукъ Немани, сынъ Тихомила, вступаетъ въ бракъ съ Евдокіею, дочерью Алексѣя Комнина (Ангела): оказывается, что здѣсь уже говорится, по настоящему, о Стефанѣ Первовѣнчанномъ королѣ, сынѣ Стефана Немани, великаго жупана. Такимъ образомъ, Стефанъ Неманя есть тоже, что Тихомилъ или Дѣжа... Сербскія лѣтописи знаютъ Бѣлу Уроша и его сыновей Техомила и Чедомила; отъ Техомила родились: Завидъ, Страцимиръ, Первославъ и Стефанъ Неманя. То же самое въ «Сказаніи о сербскихъ господахъ», напечатанномъ у Шафарика вмѣстѣ съ сводомъ меньшихъ лѣтописей («Památky» — 2-е изданіе, сдѣланное Иречкомъ). Тамъ и здѣсь Бѣла-Урошъ обыкновенно выдается за сына Лицинія, соправителя Константина Великаго-Равноапостольнаго; отъ гоненія Лицинія онъ бѣжалъ въ Захлумію, хотя, по происхожденію, былъ всетаки племени Рашскаго; только Стефанъ Неманя воздвигся изъ Захлуміи и снова утвердилъ свою власть въ своей дѣдинѣ, Рассіи. По «Сказанію о Сербскихъ господахъ», отецъ Немани Техомилъ былъ «попомъ», а его дядя Чедомилъ — епископомъ. По другимъ извѣстіямъ, уже Бѣла-Урошъ былъ великимъ жупаномъ и покорилъ подъ

власть свою Захлумію, Травунію, Далмацію, Герцеговину и обѣ Зеты (Сербскій лѣтописецъ начала XVI столѣтія[1]).

Съ этимъ запасомъ именъ обращаемся теперь къ Византійцамъ и находимъ, что въ 1149 и 1150 г. въ Сербіи и Рассіи правятъ Урошъ и Бакхинъ; затѣмъ слѣдуютъ Примиславъ (Первославъ), Бѣлушъ и Дѣжа (Decé), родные братья. Дѣжу на первый разъ всего естественнѣе отождествить съ Техомиломъ или Дессою (Рацци) и считать его сыномъ Бѣлы-Уроша; но тогда утрачено будетъ тождество Примислава, который будетъ приходиться дядею Стефана Немани, съ Первославомъ, именуемымъ въ 279
«лѣтописяхъ» его братомъ. Притомъ, по даннымъ, вполнѣ несомнѣннымъ, время правленія Примислава вполнѣ совпадаетъ со временемъ господства старшихъ братьевъ Стефана Немани; а выступленіе на сцену Дѣжи (Δεσέ) — со временемъ (велико)жупанства Стефана Немани.

Въ житіи Симеона-Стефана Немани, написанномъ его сыномъ, святымъ Саввою, говорится, что Стефанъ Неманя достигъ власти (пріялъ владычество) 46 лѣтъ отъ роду, пребывалъ во владычествѣ 37 лѣтъ, потомъ 25 марта 1195 г. постригся въ монахи, а черезъ три года оставилъ отечество и ушолъ на Аѳонъ (въ 1197 г.), гдѣ и умеръ, проживъ всего 87 лѣтъ; онъ умеръ 13 февраля 1200 года.

Итакъ, Стефанъ Неманя родился въ 1114 г., какъ мы знаемъ изъ тѣхъ же житій, въ Зетѣ, на Рыбницѣ (рѣчка въ Черногоріи, близъ древней Діоклеи, теперешней Подгорицы, впадающая въ Морачу). Сѣлъ на владычество около 1159 г., т. е. нужно думать, сдѣлался великимъ жупаномъ, потому что, по свидѣтельству другихъ жизнеописаній, удѣлъ на востокѣ (въ Сербіи) онъ получилъ, едва выйдя изъ отрочества, а по свидѣтельству «Сказанія» пришелъ въ землю Рашскую тридцати лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ 1144 году.

Далѣе не только всѣ три житія, но и грамота одного изъ его ближайшихъ преемниковъ свидѣтельствуютъ, что Стефанъ Неманя былъ «младѣйшій сынъ во всей братіи своей» (Monum. Serb. № 48, грамота Стефана Уроша 1261 г.), что ранѣе его владычествовалъ надъ всею сербскою землею одинъ изъ старшихъ братьевъ, отъ которыхъ онъ терпѣлъ гоненія. Слѣдовательно, ранѣе 1159 г. великое жупанство принадлежало уже братьямъ Немани, и въ византійскихъ Примиславѣ и Бѣлушѣ мы должны видѣть этихъ братьевъ, точно такъ какъ въ Дѣжѣ (Δεσέ) — признавать самого Стефана Неманю.

Что же слѣдуетъ думать объ Урошѣ (Οὔρεσις), который, по свидѣтельству Никиты Хоніата (p. 121), былъ государемъ сербскимъ во время походовъ Мануила 1149 и 1150 г. и который названъ по имени также и у Киннама, какъ братъ Дѣжи (p. 113)? Сербскій великій жупанъ Урошъ несомнѣнно существовалъ въ XII ст. По свидѣтельству венгерской хро-

1) Бѣла Урошъ именуется великимъ жупаномъ въ Троношской лѣтописи, которая была въ рукахъ Гильфердинга.

ники Туроча (p. 175), на его дочери женатъ былъ Бѣла Слѣпой, сынъ герцога Алмуза; этотъ бракъ былъ устроенъ королемъ Стефаномъ II, когда онъ убѣдился, что не будетъ имѣть прямыхъ наслѣдниковъ, и, слѣдовательно, фактъ этотъ относится приблизительно къ 1130 г. (въ 1131 г. Стефанъ II умеръ). «Misit nuntios in Serviam et filiam Uros comitis magni in legitimam uxorem Belae traduxerunt, quae post multos dies procuravit Geycham». Эта дочь великаго жупана сербскаго, мать короля Гейзы II, есть извѣстная въ венгерскихъ хроникахъ и документахъ королева Елена. Банъ Бѣла (или Бѣлушъ, *Βέλοσις*), уже извѣстный намъ дядя короля Гейзы, былъ дядею его (avunculus) именно по этой Еленѣ; есть еще сомнѣніе, былъ ли онъ роднымъ братомъ Елены, какъ обыкновенно принимаютъ, потому что Киннамъ (p. 104) утверждаетъ, что этотъ знатный Сербъ только женатъ былъ на сестрѣ великаго жупана сербскаго, — мы можемъ прибавить: и на сестрѣ Елены. Подъ братомъ Первослава и Дѣжи, Бѣлушемъ, упоминаемымъ также у Киннама, слѣдуетъ, повидимому, разумѣть другое лицо; но возможно, что тутъ есть какая-
280 нибудь ошибка у византійскаго писателя. Во всякомъ случаѣ, Урошъ, отецъ Елены, не есть Урошъ (*Οὔρεσις*) 1149 и 1150 г., какъ мы это сейчасъ увидимъ. Скажемъ сначала о Бакхинѣ.

Бакхина уже Дюканжъ признавалъ за одно лицо съ Родославомъ, принадлежавшимъ къ предшествовавшей династіи сербской. Нѣкоторое основаніе къ тому подаетъ хроника Діоклейскаго пресвитера, утверждающая, что Родославъ получилъ власть надъ сербскими землями съ утвержденія императора Мануила, что потомъ возстали противъ него старые враги, которые привели Дѣжу, сына Уроша (Desam, filium Urossi), и дали ему Зету и Травунію (за Родославомъ остались: приморская область, Которъ и Скадръ - Скутари): выше былъ упомянутъ Урошъ, оставленный жупаномъ въ Расѣ при отцѣ Родослава. Возможно, что Бакхинъ есть Родославъ, но, намъ кажется, что еще скорѣе это не былъ жупанъ сербскій, а предводитель венгерскихъ войскъ, пришедшій на помощь великому жупану сербскому и носившій тоже титулъ жупана. Жупаны и даже великіе жупаны бывали и у Венгровъ (Cinnam, p. 245, 263); имена, сходныя съ Бакхиномъ, встрѣчаются въ венгерской исторіи (Vachan: Thwrosz. p. 171) и документахъ (Vahan, Bahaan: Feier, Cod. diplom. II, 93, 105). Самый разсказъ Киннама подаетъ поводъ къ такому толкованію. Мануилъ хочетъ захватить въ плѣнъ или архижупана, или же венгерскаго военачальника (p. 109); беретъ въ плѣнъ Бакхина, а затѣмъ приходятъ послы отъ (другого) архижупана (p. 112[1]).

Кто былъ Урошъ, противникъ Мануила въ 1150 г., это уже видно отчасти изъ указанія Киннама (p. 113), что онъ былъ братъ Дѣжи (*Δέσε*), а еще яснѣе изъ слѣдующаго мѣста. Между событіями 1161 г. Киннамъ (p. 204) помѣщаетъ слѣдующій отчетъ о сербскихъ дѣлахъ. «Мануилъ

1) ‹К. Гротъ. Изъ исторіи Угріи, стр. 166—167›.

прибылъ въ Филиппополь для устройства дѣлъ Сербіи. Управлявшій тогда этою страною Примиславъ (*Πρεμίσθλαβος*) и прежде уже, какъ это разсказано мною въ другомъ мѣстѣ, замышлялъ отложиться отъ царя и обнаруживалъ стремленіе къ самостоятельности; а потому царь и прежде едва не лишилъ его власти и только по милости оставилъ въ томъ же достоинствѣ. Теперь тотъ же самый Примиславъ, не обращая никакого вниманія на увѣренія и клятвы, опять сталъ питать свои преступные замыслы. Убѣдившись отсюда въ неисправимости этого человѣка, царь лишилъ его власти и передалъ правленіе брату его Бѣлушу. Сжалившись, однако, надъ судьбою Примислава, онъ, хотя и удалилъ его оттуда, чтобы лишить возможности опять дѣлать зло, однакоже подарилъ ему тучную землю съ хорошими пастбищами для скота. Впрочемъ, Бѣлушъ (*Βελούσης*), спустя немного послѣ того, какъ былъ облеченъ властію, сложилъ съ себя званіе правителя и, оставивъ отечество, удалился въ Венгрію, гдѣ жилъ еще долго, пока не умеръ. Между тѣмъ, царь, вызвавъ младшаго его брата, который назывался Дѣжею (*Δεσέ*) и владѣлъ Дендрою, богатою и многолюдною областію, сопредѣльною съ Нишемъ, и получивъ отъ него увѣреніе въ томъ, что во все время жизни будетъ ненарушимо сохранять покорность ему и, кромѣ того, уступитъ Грекамъ Дендру, которая, какъ сказано, находилась въ его пользованіи, провозгласилъ его архижупаномъ».

Отсюда 1) оказывается, что прежній Урошъ 1150 г. превращается 281
въ Примислава (= Первослава) и, слѣдовательно, никакъ не можетъ быть считаемъ отцемъ Дѣжи, кого бы мы ни разумѣли подъ этимъ послѣднимъ именемъ, и, очевидно, не одно лицо съ отцомъ венгерской королевы Елены. 2) Провозглашеніе Дѣжи великимъ жупаномъ почти совпадаетъ по времени съ извѣстнымъ намъ изъ сербскихъ житій годомъ принятія власти Стефаномъ Неманею. Можно даже допустить, что обозрѣніе событій, которое мы сейчасъ прочитали у Киннама, обнимая нѣсколько лѣтъ, помѣщено не совсѣмъ на мѣстѣ, т. е. не кончается 1161, а 1159 годомъ.

Это ведетъ насъ къ предположенію тождества византійскаго Дѣжи со Стефаномъ Неманею, великимъ жупаномъ. Дальнѣйшее обозрѣніе его исторіи по источникамъ византійскимъ подтверждаетъ такое воззрѣніе.

Въ 1163 г. Мануилъ опять былъ занятъ сербскими дѣлами. «Онъ прибылъ въ городъ Нишъ... Сербіею въ то время управлялъ Дѣжа (*Δεσέ*). Но, получивъ страну во владѣніе, онъ нарушилъ договоръ, опять заявлялъ притязанія на область Дендру; отложившись отъ римской (греческой) власти, онъ отправилъ посольство къ Алеманнамъ (Нѣмцамъ), задумавъ заключить тамъ для себя брачный союзъ; и во всемъ онъ поступалъ наперекоръ Грекамъ. Даже тогда, когда царь призывалъ его принять участіе въ войнѣ противъ Пэонянъ (Венгровъ), онъ явился мало усерднымъ и упрямымъ, имѣя въ виду отдаленныя надежды, и въ своихъ обѣщаніяхъ откладывалъ со дня на день свое прибытіе. Поэтому царь, находясь въ Нишѣ, гдѣ одна изъ дорогъ ведетъ въ Сербію, а другая къ Дунаю — въ

землю венгерскую, расположился лагеремъ тамъ, гдѣ онѣ раздѣляются. Замѣтивъ грозившую ему опасность, Дѣжа съ бывшимъ у него войскомъ прибылъ въ греческій лагерь. Царь принялъ его благосклонно и почтилъ должнымъ образомъ. Но по истинѣ, нѣтъ зла хуже, чѣмъ необузданный языкъ. Видя, что прежнее его безразсудство не навлекло на него никакой бѣды, Дѣжа сталъ заноситься мыслями и задумалъ вредить Грекамъ больше прежняго, только замыселъ свой держалъ въ тайнѣ. Такъ благодѣяніе, оказываемое злымъ людямъ, весьма часто служитъ поводомъ къ большому злу. Спустя немного времени, пришли къ царю послы отъ народа венгерскаго. Случайно встрѣтившись съ ними, Дѣжа на обыкновенный вопросъ ихъ, какъ идутъ дѣла его, откровенно отвѣчалъ, что идутъ хорошо и вполнѣ соотвѣтственно съ расположеніемъ короля ихъ, котораго онъ прямо назвалъ своимъ господиномъ. Узнавъ о томъ, царь не хотѣлъ болѣе медлить, но позвалъ Дѣжу къ суду, выставилъ на лицо его обвинителей и соучастниковъ, которые были свидѣтелями его измѣны, и, выпудивъ у него признаніе, держалъ его подъ стражею, хотя безъ всякаго безчестія; именно, окопалъ его палатку валомъ и въ ней стерегъ его по обычаю, принятому въ лагеряхъ, такъ что это мѣсто по сему случаю было прозвано валомъ Дѣжи; а потомъ, немного спустя, отправилъ его въ Византію и держалъ подъ стражею во дворцѣ». (Cinnam. pp. 212—214. Русскій переводъ, стр. 235).

Валъ Дѣжи напоминаетъ Дѣжево поле, Дѣжево село, въ которомъ, по преданію, любили пребывать Неманя и его потомки, и которое находится вблизи Расы (Новаго Пазара) (см. Гильфердинга, Поѣздка по Гер-
282 цеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи). Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ тождество Дѣжи и Стефана Немани. Важнѣе было бы извѣстіе Киннама о пребываніи Дѣжи въ Константинополѣ, если бы его указаніе на время этого пребыванія было нѣсколько опредѣленнѣе: «не много времени спустя» — можетъ значить и менѣе одного года, можетъ значить и девять или десять лѣтъ. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ изложеніи Киннама не только не говорится о заключеніи Дѣжи въ Константинополѣ, но и вообще при сербскихъ дѣлахъ не называется болѣе по имени сербскій великій жупанъ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Дѣжа сошелъ со сцены.

Въ 1165 г., когда Мануилъ готовился къ большому походу въ Венгрію, къ нему пришли на помощь подвластные Византіи Сербы, равно какъ и Русскіе (Cinnam. p. 236).

Въ 1166 г. византійскіе отряды, направлявшіеся въ Далмацію, свободно проходили черезъ Сербію (Cinnam. p. 249). Въ числѣ византійскихъ завоеваній на Адріатическомъ побережьѣ упоминается и сербская Діоклея или Дукля (близъ теперешней Подгорицы). «Но не прошло еще довольно времени, продолжаетъ Киннамъ, какъ Мануилъ узналъ о волненіи Сербовъ и Венгровъ и спѣшилъ предупредить ихъ нашествіе. Но они, тотчасъ же какъ услышали объ его приближеніи, тотчасъ остановили

свое движеніе и продолжали ненарушимо хранить договоръ» (Cinnam. p. 249).

Нужно думать, что здѣсь идетъ рѣчь о событіяхъ 1168 г., которыя подробнѣе описаны у Никиты Хоніата и у Вильгельма Тирскаго. Никита (p. 178) только на этомъ мѣстѣ упоминаетъ въ первый разъ о Дѣжѣ, но уже какъ о лицѣ давно извѣстномъ: «Царь между тѣмъ, намѣреваясь отомстить Дѣжѣ (τὸν Δεσέ), который къ своимъ прежнимъ дѣламъ присоединилъ еще худшія, спѣшилъ отправиться въ Сербію. Но Дѣжа, издали внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ, и въ особенности справедливо опасаясь, чтобы не потерпѣть ему, въ случаѣ вторженія царя въ его страну, какого-либо вреда и непріятностей, чрезъ пословъ усильно проситъ царя о позволеніи безбоязненно явиться къ нему. Получивъ это позволеніе, онъ дѣйствительно пріѣзжаетъ, окруженный свитою сатраповъ, и является къ царю; но царь осыпаетъ его упреками за коварство и высылаетъ отъ себя, отказавъ въ мирѣ. Онъ даже подвергается опасности быть задержаннымъ, однакожъ ему позволили воротиться домой, послѣ того какъ онъ обязался страшными клятвами перемѣнить свое поведеніе и впредь не дѣлать ничего противнаго царю. Но невозможно было, чтобы хамелеонъ измѣнилъ свой цвѣтъ на бѣлый цвѣтъ истины, хотя онъ и легко принимаетъ всякій другой цвѣтъ. Когда Дѣжа вышелъ отъ царя, душу его въ одно и то же время волновали разныя страсти. Онъ стыдился, что приходитъ къ царю, сердился, что съ нимъ такъ дурно обошлись, жалѣлъ, что оградою клятвъ стѣснилъ себя въ выборѣ рѣшеній. Наконецъ, пренебрегши всѣмъ, что обѣщалъ и въ чемъ клялся царю противъ собственнаго убѣжденія, этотъ варваръ облекается въ обычную кожу барса, явно одобривъ слова трагика и сказавъ: «Языкъ клялся, но душа не связана клятвою» (стр. 173 русскаго перевода). 283

Лѣтомъ 1168 г. Вильгельмъ, архидіаконъ Тирскій, былъ отправленъ королемъ іерусалимскимъ Амальрихомъ для переговоровъ съ Мануиломъ объ общей экспедиціи противъ Египта. По этому поводу онъ самъ сообщаетъ намъ слѣдующія извѣстія о Сербіи (lib. XX, cap. 4). «Въ это время императоръ находился въ Сербіи: это гористая и поросшая лѣсами, трудно доступная страна, лежащая по срединѣ между Далмаціей, Венгріей и Иллирикомъ. Сербы возмутились, надѣясь на тѣснины путей, ведущихъ къ нимъ, и на непроходимость своей страны. Древнія преданія говорятъ, что весь этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе отъ ссыльныхъ и отправленныхъ въ изгнаніе, которые осуждены были ломать камни и добывать металлы въ этихъ мѣстахъ,— отсюда онъ получилъ имя, указывающее на рабство (servitutis). Теперь это народъ необразованный, безъ всякой дисциплины, обитатель горъ и лѣсовъ, незнакомый съ земледѣліемъ; Сербы богаты стадами домашняго и вьючнаго скота, молокомъ, сыромъ, масломъ, мясами, медомъ и воскомъ. Они имѣютъ правителей, называемыхъ жупанами (quos suppanos vocant), иногда служатъ императору, а иногда, выходя изъ горъ и лѣсовъ, опустошаютъ

всю окрестную страну, такъ какъ они люди смѣлые и воинственные. Именно, вслѣдствіе такихъ невыносимыхъ обидъ противъ сосѣдей, императоръ пошелъ на нихъ съ большою храбростью и съ безчисленнымъ войскомъ. Покоривъ ихъ и наложивъ руки на главнаго ихъ князя, онъ воротился въ провинцію Пелагонію, гдѣ мы и встрѣтились съ нимъ въ городѣ Битолѣ. (Quibus subactis et praecipuo eorum principe mancipato - - in civitate Butella occurrimus»).

Затѣмъ, въ промежуткѣ до 1173 г., мы встрѣчаемъ еще разъ у византійскаго писателя (Cinnam. p. 271) упоминаніе Сербовъ, какъ союзниковъ Мануила, а потомъ имѣемъ цѣлый рядъ любопытныхъ извѣстій, въ которыхъ уже прямо дѣйствующимъ лицомъ называется Стефанъ Неманя, однако съ несомнѣнными указаніями, что онъ уже давно игралъ главную роль среди своего народа. На сей разъ мы можемъ начать сопоставленіе источниковъ съ «Извлеченія изъ Дубровницкихъ лѣтописей», составленнаго Петромъ Луккаричемъ въ началѣ XVII ст. (Copioso ristretto degli Annali di Rausa di Giacomo di Pietro Luccari, p. 25. In Venetia, 1605).

«Неманя отвергнулъ свое родовое имя, какъ прозваніе слишкомъ низкое, и образовалъ другое изъ своего собственнаго имени. (Nemagna rifiuto il suo casato, come cognome troppo basso, et formó un' alt(r)o dal suo proprio nome)». Замѣтимъ мимоходомъ, что отвергнутое имя было никакъ не Неманя, потому что въ позднѣйшихъ документахъ Неманя употребляетъ именно это прозваніе (Miklosich, Monum. Serbica, № 9: «и постави ме веліега жупана, нареченаго въ свѣтѣмь крещени Стѣфана Неманоу»): слѣдовательно, если въ замѣткѣ Луккарича есть историческая истина, то оставленное прозваніе могло быть именно Дѣжа или Десса. «Тогда удалились въ Рагузу (Дубровникъ) Родославъ и Иванъ, которые пришли съ помощью отъ Грековъ, чтобы воротить свое отече-
284 ство. Несмотря на всѣ усилія ихъ враговъ, Рагузинцы не хотѣли выдать ихъ и предать въ непріятельскія руки; но, ободривъ ихъ, отослали ихъ къ императору Мануилу. Владиміръ (братъ Родослава) былъ разбитъ подъ Приштиною (этотъ городъ прежде назывался Преславою) и, перевязавъ рану, спасся въ Рагузу, гдѣ чрезъ нѣсколько дней умеръ и былъ погребенъ въ церкви св. Маріи (Santa Maria alle Pile), въ которой тогда отправлялась служба Греками - - -. Неманя хлопоталъ о томъ, чтобы сербскіе епископы, подчиненные (suffraganei) церкви Рагузской, были впредь подвластны митрополіи св. Петра въ Рассіи. Эта церковь, въ настоящее время разоренная варварами, находится въ окрестностяхъ Новаго-Пазара, построеннаго Македонинномъ Езе (Ese) на берегу р. Рашки. Рагузская синьорія, опасаясь за свое положеніе, разоряемая набѣгами варваровъ, была принуждена съ мольбами и новыми обязательствами искать помощи каждаго: поэтому не хотѣла ни сама рѣшить вопроса, ни передать его тотчасъ въ Римъ на рѣшеніе, но старалась протянуть время въ надеждѣ, что оно подастъ какой-нибудь удобный случай для

отысканія врачевства. Но такъ какъ Неманя высокомѣрно настаивалъ на рѣшеніи, то Рагузинцы отвѣчали ему, что рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ должно принадлежать папѣ. Отсюда началась война; но на помощь нашей сторонѣ, какъ болѣе правой, явился Θеодоръ Падіатъ и потомъ лично самъ императоръ Мануилъ. Неманя съ Мирославомъ были разбиты и бѣжали въ горы. Получивъ потомъ обѣщаніе безопасности, они сошли со скалъ и бросились къ ногамъ императора, который простилъ ихъ преступленія, заставивъ ихъ заключить миръ съ Рагузою».

Соотвѣтственно этому разсказу, мы имѣемъ слѣдующія византійскія свѣдѣнія.

1) Никита (p. 206—207, русскій переводъ, стр. 205) говоритъ о прибытіи Мануила весною (1173 г.) въ Филиппополь. «До него дошелъ слухъ, что сербскій сатрапъ, а тогда былъ такимъ Стефанъ Нееманъ (*ἦν δὲ τότε ὁ Νεεμᾶν Στέφανος*), сдѣлался черезчуръ дерзкимъ, что, какъ человѣкъ безпокойный, онъ съ излишнею заботливостью занимается тѣмъ, что его вовсе не касается, что, питая ненасытимое честолюбіе и желая прибрать въ тѣхъ краяхъ все къ рукамъ своимъ, онъ тѣснитъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ одному съ нимъ колѣну, мечомъ преслѣдуетъ свой родъ и даже, не зная мѣры, старается захватить Хорватію и присвоить себѣ власть надъ Каттарами (*τῶν Καττάρων*, Котора). Поэтому, желая въ самомъ дѣлѣ удостовѣриться въ намѣреніяхъ Неемана, императоръ посылаетъ Θеодора Падіата. Но у топарха Неемана столько было вражды и гордости, что онъ тотчасъ началъ войну съ Римлянами (Греками) безъ предварительнаго объявленія. Когда же самъ царь положилъ наказать его, онъ, показавшись не надолго на полѣ битвы, скрылся и снова искалъ себѣ убѣжища въ горахъ и спасенія на утесахъ. Затѣмъ, мало по малу, смирясь и уменьшая прежнюю гордость, онъ, наконецъ, преклонилъ свою голову къ ногамъ императора, растянувшись во всю длину своего огромнаго роста, и молилъ о помилованіи. Онъ опасался, какъ бы ему не лишиться владычества надъ Сербами, и какъ бы его власть не перешла къ другимъ, которые болѣе его были достойны ея и 285
которыхъ онъ низложилъ, самъ поднявшись на верхъ власти. Вообще, императоръ такъ легко управлялся съ этимъ человѣкомъ и такъ легко заставлялъ его возвращаться къ прежней покорности, когда замѣчалъ, что онъ уклоняется отъ прямого пути и начинаетъ смотрѣть слишкомъ свободно, или предается на сторону короля Алемановъ, или пристаетъ къ Венграмъ, какъ не управляется и пастухъ съ небольшимъ стадомъ. А Нееманъ такъ боялся его, какъ не боятся и дикіе звѣри своего царя, льва. Часто императоръ съ одною даже колесницею и съ своею охранною стражею оставлялъ римскіе предѣлы, и лишь только устремлялся противъ него, тотчасъ же измѣнялъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, согласно съ своимъ желаніемъ»...

2) Киннамъ (p. 286, русскій переводъ, стр. 318) передаетъ исторію въ слѣдующемъ видѣ. «Подчиняясь вліянію Венеціи, Сербы задумали

отложиться. --- Утвердивъ Бѣлу на (венгерскомъ) престолѣ, царь направилъ путь къ Венграмъ, чтобы отплатить имъ за дерзость. И вотъ что для меня удивительно: прежде чѣмъ собралось все войско, онъ, съ немногими тысячами вступивъ въ страну чрезъ крутыя и утесистыя мѣста, поспѣшилъ встрѣтиться съ архижупаномъ. Этотъ, не смотря на безчисленное союзное войско, которое онъ успѣлъ собрать, убѣжалъ въ самомъ началѣ сраженія и, когда страхъ овладѣлъ его душою, отправилъ къ царю пословъ просить прощенія въ своихъ поступкахъ; не могши же получить его, просилъ по крайней мѣрѣ безопаснаго доступа. Когда царь согласился на это, онъ подошелъ къ престолу съ непокрытою головою, съ руками обнаженными по локоть, босыми ногами, съ веревкою на шеѣ, съ мечомъ въ рукѣ, и предавалъ себя въ полное распоряженіе царя. Тронутый этимъ, царь отпустилъ ему вину. Окончивъ это дѣло, онъ выступилъ изъ Сербіи, ведя вслѣдъ за собою архижупана».

Если предположеніе о тождествѣ Дѣжи и Немани основательно, то оно находитъ себѣ здѣсь новое подтвержденіе: о Дѣжѣ было ранѣе сказано у Киннама, что онъ когда-то былъ отведенъ въ Константинополь; теперь мы это читаемъ о Неманѣ.

3) О пребываніи Немани въ Константинополѣ сохранилась память въ рѣчи знаменитаго Евстаѳія Солунскаго, произнесенной именно въ 1173 или въ 1174 г. (Tafel, De Thessalonica, p. 434 примѣч.). «Не умолчу я здѣсь и о Неманѣ, который и въ другихъ случаяхъ давалъ мнѣ поводъ къ торжественнымъ рѣчамъ, будучи невидимъ, а не задолго предъ симъ привлекъ на себя мои глаза и мое удивленіе; мужъ не столькихъ локтей, сколько ихъ природа отмѣриваетъ людямъ, но многимъ превосходящій (обычную мѣру роста) и величественный своимъ видомъ. Прежде онъ старался мужаться и навыкъ противиться и устремлялся къ войнѣ; но скоро онъ переучился на добро отчасти страхомъ, еще болѣе ранами, а нынѣ и самъ принимаетъ содѣйствующее участіе въ тріумфѣ. Онъ, который былъ прежде бѣглымъ рабомъ и скрывался отъ своего господина, теперь предпочелъ бы подвергнуться всяческой непріятности, чѣмъ лишиться его лицезрѣнія. И вотъ онъ въ самомъ дѣлѣ бѣжитъ, чтобы видѣть царя, какъ спѣшилъ бы кто отъ тьмы къ солнцу, и пріемлется съ кротостью и входитъ въ радость господина своего. Тотъ, кото-
286 рый не имѣлъ свободы безопасно ступать по родной ему землѣ, уже приходитъ къ царицѣ городовъ, радуясь тому, что допускается къ желанному лицезрѣнію и является уже прямо собственнымъ и поистинѣ достаточнымъ поручителемъ за свою покорность, а не (заявляетъ это) отъ другого очага. Онъ обозрѣваетъ своимъ взглядомъ тѣ (мозаическія) изображенія, на которыхъ представляются твои подвиги [рѣчь обращается къ Мануилу], которыя художественно составили для памяти руки живописцевъ, обозрѣваетъ сцены, которыя касаются его самого: какъ онъ то возбуждаетъ собственный народъ къ возстанію, то самъ выступаетъ оплитомъ или конникомъ, а въ другомъ мѣстѣ готовится взяться рукою

за мечъ; какъ онъ много разъ строитъ войско на видномъ мѣстѣ и ставитъ засаду, а въ концѣ концовъ бываетъ побѣждаемъ и наполняетъ бѣгствомъ равнину и горные склоны, и всячески обращается въ рабство. Видя все это изображеннымъ, онъ киваетъ всему утвердительно и признаетъ торжественность зрѣлища. За одно только онъ сердится на живописца, что онъ не вездѣ называетъ его рабомъ при отдѣльныхъ частяхъ трофея, и что къ прозванію Нееманъ не прибавлено вездѣ слово «рабъ». О царское мужество! которымъ такой значительный народъ и этотъ знаменитый народоначальникъ до такой степени приведены къ смиренію и повержены въ рабство. Опять — о кротость! вслѣдствіе которой варвары не смотрятъ на свои прежнія неудачи и свои раны, но со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ снисходительнѣйшему владыкѣ» (p. 419—420).

Дальнѣйшая исторія Немани не возбуждаетъ какихъ-либо недоумѣній. «Царь лютый и кровопроліятель», разрушившій миръ съ великимъ жупаномъ и не называемый по имени въ житіяхъ, есть имп. Андроникъ. Неманя воевалъ противъ него въ союзѣ съ венгерскимъ королемъ и дошелъ до Срѣдца. Объ этой войнѣ Бѣлы III съ Андроникомъ говоритъ Никита Хоніатъ (p. 359. Ср. 347), не упоминая только объ участіи въ ней сербскаго жупана. Въ 1186 г. великій жупанъ Стефанъ Неманя, съ братьями Страцимиромъ и Мирославомъ, заключилъ договоръ съ Дубровникомъ, оригиналъ котораго сохранился до нашего времени (Miklosich, Monum. Serbica, № 3. Ср. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятн. И. И. Срезневскаго, XLVI. Записки Акад. Наукъ, XXII, кн. I, стр. 143). Итакъ, имена братьевъ Немани почти вѣрно переданы въ сербской лѣтописи; по крайней мѣрѣ, имя Страцимира или Стразимира. Что касается Мирослава, то хотя это имя и различествуетъ нѣсколько отъ Первослава, но всетаки очень близко къ нему. Впрочемъ, запись на одномъ сербскомъ Евангеліи XII вѣка указываетъ намъ другого Мирослава: «князю великославному Мирославоу, сыну Завидиноу» (И. И. Срезневскій, тамъ же, стр. 137). Завидъ же, не упомянутый въ грамотѣ 1186 г., былъ, по лѣтописямъ, братъ Стефана Немани (самое имя существовало и на Руси). Итакъ, если Первославъ и Мирославъ одно и то же лицо, или другими словами, если было два Мирослава—братъ и племянникъ Немани,—то погибшій послѣ сраженія при Паньтинѣ старшій братъ Немани былъ Завидъ.

Въ заключеніе приводимъ извѣстія о Неманѣ и его братьяхъ, находящіяся у одного изъ историковъ крестоноснаго похода Фридриха Барбароссы. Они названы здѣсь великими графами Сербіи и Рассіи (magni comites de Servia et Crassia). «Когда императоръ достигъ города Ниша, нѣкогда укрѣпленнаго, но при Андроникѣ, тираннѣ греческомъ, отчасти разрушеннаго королемъ Бѣлою Венгерскимъ, то явился великій графъ (comes) Неаманъ (Neaman) и родной его братъ Казимеръ (Crazi- 287
merus), и вышли оба на встрѣчу императору съ великою пышностію и были почетнымъ образомъ приняты имъ самимъ и князьями, 27 іюня (1189 г.). Въ знакъ своей преданности они предложили въ роскошномъ

изобиліи вино, ячмень и муку, овецъ, быковъ, а въ числѣ прочихъ даровъ также дали шесть морскихъ быковъ или тюленей, ручного вепря и трехъ живыхъ оленей, также ручныхъ. Они почтили подобнымъ образомъ и нѣкоторыхъ князей, наиболѣе близкихъ къ императору, виномъ, быками и овцами. Въ то же время они предлагали себя и всѣхъ своихъ (подданныхъ) съ оружіемъ на помощь въ настоящемъ походѣ, особенно противъ короля греческаго, если онъ вздумаетъ противодѣйствовать христовой рати... Упомянутые графы заняли силою меча и лука своего городъ Нишъ и его окрестности до самаго Срѣдца (usque ad Stralitz) и всю эту землю, исторгнутую изъ подъ власти Грековъ, присвоивали себѣ; намѣреваясь распространить свое господство еще далѣе и во всѣ стороны расширить свою власть, а также съ цѣлью получить самую землю, пріобрѣтенную военною доблестью изъ руки римскаго императора, они предлагали ему ленную присягу и вѣрность къ вѣчной славѣ имперіи, когда къ этому они не были понуждаемы какимъ-либо страхомъ, но одною только любовію къ Тевтонскому царству». Фридрихъ Барбаросса отвергъ это предложеніе, потому что онъ поднялъ оружіе для Христа и освобожденія Святой Земли, а не противъ какого-либо христіанскаго государя, хотя бы и короля греческаго, если только онъ исполнитъ свои обѣщанія содѣйствовать успѣху предпріятія. «Они объяснились съ императоромъ также о другомъ дѣлѣ, уже ранѣе замышленномъ (aliud negotium... primitus etiam agitatum), прося, чтобы оно было покончено въ его присутствіи въ силу императорскаго авторитета, именно, чтобы дочь герцога Далмаціи была выдана за его сына. Эта просьба, по соизволенію императора и по совѣту князей, получила достойное исполненіе: упомянутый герцогъ Бертольдъ (Perhtoldus) обѣщалъ выдать свою дочь въ ближайшій Юрьевъ день въ областяхъ Истріи указанному юношѣ, по имени Тогу (Tohu), на такомъ условіи, чтобы этотъ Тогу и его наслѣдники отъ дочери герцога Бертольда, послѣ смерти отца, наслѣдовали ему во всей полнотѣ власти предпочтительно предъ всѣми другими братьями, каковой договоръ сами графы утвердили, давши свои правыя руки». Далѣе прибавляется, что «графы Сербіи и Рассіи (comites de Servia et Crassia), въ союзѣ съ Кало-Петромъ Болгарскимъ, завоевали отъ Грековъ часть Болгаріи. (Ansberti, Historia de expeditione Friderici imperatoris: Fontes rerum Austriac. Script. V, 22—24). Этотъ союзъ продолжался и въ 1193 г., какъ мы это узнаемъ изъ сочиненія Никиты Хоніата (p. 569). Что же касается до брака сына Немани на дочери нѣмецкаго герцога, титулъ котораго заключалъ притязаніе на Далмацію, то этотъ бракъ, во всякомъ случаѣ, долженъ считаться не состоявшимся; а который именно изъ сыновей Немани разумѣется подъ названіемъ Тогу, сказать опредѣлительно мы не умѣемъ [1]).

1) ‹Лѣтопись Дубровника: Chronica Ragusina Junii Restii въ Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, t. 25. Zagr. 1893. В. Качановскій. Общій взглядъ на древнюю исторію Сербіи и ея источники (Вѣстникъ славянства 1893 г., стр. 72—84)›.

IV. Извѣстія русской лѣтописи, объясняющія византійско-венгерскія отношенія. 288

Для объясненія нѣкоторыхъ извѣстій у Византійцевъ и для установленія болѣе точной хронологіи, мы воспользовались Ипатскою или, точнѣе, Кіевскою лѣтописью. Во всей исторической литературѣ того періода, къ которому относится наше изслѣдованіе, трудно найти другой источникъ, по живости, подробности, полнотѣ и отчетливости могущій равняться съ извѣстіями Кіевской лѣтописи, касающимися Изяслава Мстиславича и заимствованными, какъ полагаютъ (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія 1, 27), изъ записокъ какого-либо соратника Изяслава Мстиславича. Ни риторическія произведенія византійской исторической музы, ни сухія и краткія лѣтописи Запада не представляютъ ничего подобнаго. Что касается до хронологіи, то, благодаря послѣдовательности разсказа и многочисленнымъ указаніямъ на дни недѣли и числа мѣсяца, на времена года, она стоитъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ и можетъ служить повѣркою для другихъ источниковъ, между прочимъ, византійскихъ. Мы сообщаемъ здѣсь обозрѣніе ея съ осени 1149 года по осень 1151 года, отмѣчая тѣ извѣстія, которыя относятся къ борьбѣ Мануила съ венгерскимъ королемъ Гейзою.

1149 годъ.

Стр. 267. Сраженіе Изяслава съ Юріемъ, въ которомъ разбитъ Изяславъ. «Се же бысть мѣсяца августа въ 23 день» (Ипат. стр. 267 въ концѣ); а по Лаврентьевскому списку (стр. 306) во вторникъ: слѣдовательно въ 1149 г. Юрій вступаетъ въ Кіевъ, а Изяславъ удаляется во Владиміръ-Волынскій.

Стр. 269. Изяславъ посылаетъ просить помощи у своего зятя, короля Гейзы, у Ляховъ и чешскаго князя, своего свата Володислава. «Король же ему отречеся, река ему: «ратенъ есмь съ царемъ; яже буду пороженъ, а самъ поиду, а пакы ли, а полкы своя пущю». Изяславъ посылаетъ во второй разъ къ польскому, чешскому и угорскому государю и говоритъ: «братье съ Рожества Христова полѣзите на кони». Ляхи пошли и съ Рождества Христова «полѣзоша на кони»; «а король бы не пороженъ и пусти ему Угоръ 10 тысячъ» и т. д.

Здѣсь кончается 1149 г. и начинается

1150 годъ.

Стр. 271. Угры, помогавшіе Изяславу противъ Юрія, уходятъ домой.

Стр. 272. Андрей подъ Луцкомъ спасается отъ угрожавшей ему опасности заступленіемъ святаго Ѳеодора: «бысть бо память святаго Федора въ тъ день» (т. е. 17 февраля).

Стр. 273. Владимірко Галичскій принимаетъ роль примирителя между Юріемъ (Вячеславомъ I) и Изяславомъ, приходитъ изъ Галича «братолюбиемъ свѣтяся».

Стр. 274 и слѣд. «Веснѣ приспѣвши, миръ створиша». Юрій сажаетъ въ Кіевѣ Вячеслава, котораго Изяславъ скоро заставилъ воротиться въ Вышгородъ. Юрій и Владимірко Галичскій идутъ къ Кіеву; Изяславъ возвращаетъ Кіевъ Вячеславу. Владимірко заставляетъ Изяслава удалиться изъ Кіева, и самъ отправляется назадъ въ Галичъ.

289 Стр. 281. Юрій еще остается въ Кіевѣ, и его сынъ Андрей проводитъ праздникъ Воздвиженія Креста (14 сентября) въ Переяславлѣ. Зимою Изяславъ пересылается съ Андреемъ, но не искренне.

Стр. 282. Въ то же время онъ снова вступаетъ въ сношенія съ королемъ Гейзою, отправляетъ въ Угры брата своего Владиміра сказать своему зятю: «Ты ми еси самъ реклъ, ако же Володимеръ (Галичскій) не смѣетъ головы склонити; язъ те есмь Гюргя ис Кіева выгналъ, и Володимеръ, пришедъ, свѣчався со Олговичи, и погналъ мя ис Кіева; нынѣ же, брате, акоже ми еси самъ въреклъ, полѣзи же на конѣ».

Король собралъ всю свою дружину и всѣ свои полки, самъ сѣлъ на коня и послалъ сказать Изяславу, чтобы онъ тоже шелъ на встрѣчу со всѣми силами: теперь Володимеръ (Галичскій) узнаетъ, кого онъ задѣлъ.— Но Владимірко имѣлъ пріятелей въ Уграхъ, которые ему дали знать, что король уже идетъ на него; когда Гейза взялъ Санокъ и угрожалъ Перемышлю, явился здѣсь Владимірко. Онъ вступилъ въ сношенія съ архіепископомъ Кукнишемъ, съ двумя бискупами, а также съ мужами королевскими, и посредствомъ подкупа склонилъ ихъ къ тому, чтобы они уговорили короля воротиться домой. Король послушалъ ихъ и началъ толковать: «Се нынѣ уже есть не время, рѣкы ся смерзываютъ, а поидемъ домови; оже уже рѣкы ся установятъ, а тогда како ны съ ними Богъ дасть». Бяшеть бо о Дмитровѣ дни уже (26 октября). Король ушелъ, взявъ съ собою своего шурина Владиміра (Мстиславича), — за котораго тогда же была сосватана «бановна» или дочь бана (Бѣлы).

Стр. 283. Отпуская Володимера, король говорилъ: «Отцу моему и своему брату поклонишися Изяславу, и се ему явиши: царь на мя Грецкый въставаетъ ратью, и сеѣ ми зимы и весны (1150—1151) нелзѣ на конь к тобѣ всѣсти; но обаче, отце, твой щитъ и мой не разно еста: аче ми самому нѣлзѣ, а помочи коли хочеши, 10-ли тысячъ, болшали, а то ти послю; а оже Богъ дастъ лѣтѣ, то я въ твоей воли есмь, а тогда своея обиды помьстивѣ, а какъ намъ Богъ дастъ».

1151 годъ.

Стр. 284 и слѣд. Изяславъ снова отправляетъ Володимера къ королю съ просьбою о помощи и съ такими словами: «Оже царь въсталъ ратью, акоже ти съ нимъ Богъ дастъ, оже ти самому нѣлзѣ, а помочь ми пусти, какоже ми еси самъ реклъ, а мнѣ Богъ помочникъ на Гюргя

и на Олговичѣ, и на Галичкаго князя». Володимеръ привелъ брату на помощь 10 тысячъ Угровъ; Изяславъ вступаетъ съ ними въ Кіевъ; Владимірко Галичскій, который дѣйствовалъ за одно съ Юріемъ, раздраженный его оплошностью, уходитъ въ свой Галичъ. Изяславъ посылаетъ къ Вячеславу.

Стр. 290. Умеръ Ростиславъ Юрьевичъ въ Переяславлѣ, «свитающе великому пятку» (т. е. 6 апрѣля).

Стр. 291—292. Вячеславъ и Изяславъ отправляютъ назадъ угорскій отрядъ съ великою честію; потомъ посылаютъ къ королю Мстислава Изяславича съ такимъ наказомъ, что они весьма благодарны королю: онъ поступилъ съ ними, какъ родной братъ съ роднымъ братомъ, или 290
сынъ съ отцомъ, и что они, съ своей стороны, готовы будутъ всегда заплатить тѣмъ же: его обида будетъ ихъ обидою; имъ нечѣмъ откупиться какъ только главою своею, и что они снова разсчитываютъ на его помощь: «нынѣ такоже свое дѣло сверши добро, самого тебе не зовемъ, занеже царь ти ратенъ, но пусти намъ помочь, любо такуже, пакы а силнѣйшю того... занеже Гюргий есть силенъ; — нынѣ же, брате, сеѣ весны помози намъ; дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь; пакы ли ся ты отъ царя управиши, а ты буди намъ помощникъ».

Стр. 292. Юрій въ то же время посылаетъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу: «Се уже Изяславъ въ Киевѣ, а пойдита ми въ помочь». Святославъ пошелъ въ понедѣльникъ святой недѣли (т. е. 9 апрѣля).

Стр. 293. Юрьевъ день (23 апрѣля). Извѣстная битва въ лодкахъ на Днѣпрѣ между Изяславомъ, Юріемъ, съ союзниками съ обѣихъ сторонъ. Сраженіе при Рутѣ. Владимірко, узнавъ объ этомъ, ворочается назадъ, но, услышавъ, что Мстиславъ Изяславичъ идетъ съ венгерскою помощью, нападаетъ и истребляетъ пьяныхъ Угровъ.

Стр. 306. Изяславъ получилъ объ этомъ вѣсть незадолго до праздника Бориса и Глѣба, т. е. 24 іюля, и потомъ извѣстилъ короля о несчастіи, постигшемъ его людей.

Стр. 308. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтка: «В лѣто 6660», обозначающая начало индикта, т. е. сентябрь 1151 г., и подробно описывается походъ самого короля Гейзы. На р. Сапѣ Изяславъ соединился съ Гейзою; Владимірко стоялъ на другой сторонѣ ея; онъ потерпѣлъ пораженіе и сталъ просить мира, ссылаясь между прочимъ, предъ королемъ на то: «Отецъ твой бяше слѣпъ, а язъ отцу твоему до сыти послужилъ своимъ коншемъ и своими полкы за его обиду, и съ Ляхы ся есмь за нь билъ» (стр. 311). Не смотря на сопротивленіе Изяслава и Мстислава, миръ, какъ извѣстно, былъ данъ хитрому Володимірку.

Все это относится къ осени 1151 г. Только послѣ (стр. 316) упоминается начало зимы («уже бо бяше къ заморозу») и затѣмъ (стр. 317 въ началѣ) февраль 1152 года.

ЮЖНО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА [1].

(1156—1157).

Возвращеніе южной Италіи съ давняго времени составляло главную цѣль политики Мануила. Онъ не отказался отъ нея и по смерти своего союзника, короля Конрада III (15 февраля 1152), на котораго онъ такъ много разсчитывалъ. Онъ не изъявилъ готовности примириться съ Норманами и послѣ смерти Рожера (26 февраля 1154), хотя его преемникъ, король Вильгельмъ, самъ сдѣлалъ первый шагъ къ миру, отправивъ въ Византію посольство и предлагая возвратить все то (людей и имущество), что захватилъ Рожеръ въ Ѳивахъ, Коринѳѣ и Корфу.

Фридрихъ I Барбаросса, будущій разоритель городовъ ломбардскихъ, по наружности поддерживалъ сначала добрыя отношенія со дворомъ византійскимъ и даже, казалось, готовъ былъ содѣйствовать планамъ Мануила. Онъ принялъ обязательства такого рода еще при жизни своего дяди, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Константинополѣ, на возвратномъ пути изъ крестоваго похода. Конрадъ, по собственному сознанію Фридриха, завѣщалъ своему наслѣднику быть въ дружбѣ и тѣсномъ союзѣ съ византійскимъ императоромъ [2]). Идя на встрѣчу желанію, выраженному въ письмѣ Мануила, о взаимномъ укрѣпленіи дружбы, Барбаросса уже въ мартѣ 1153 года заговорилъ о брачномъ союзѣ съ одною изъ византійскихъ принцессъ, хотя для этого ему прежде нужно было развестись со своею первою женою. Это, по его словамъ, послужило бы къ большему скрѣпленію согласія и къ при-

---

1) Статья эта служитъ непосредственнымъ продолженіемъ отрывка, напечатаннаго во II томѣ «Славянскаго Сборника», и необходима для связи съ послѣдующими главами, въ которыхъ венгерскія и славянскія отношенія выступаютъ снова на первый планъ. ‹Славянскій Сборникъ, т. III, стр. 372—400›.

2) Monum. Corbeiens., p. 548.

ращенію (владѣній) той и другой имперіи [1]). При этомъ онъ извѣ- 373
щалъ о своемъ намѣреніи при наступленіи лѣта предпринять походъ на Апулію и Калабрію. Аббатъ Вибальдъ, который приписывалъ себѣ проектъ брачнаго союза короля Гейнриха — теперь умершаго—съ византійскою принцессой, увѣрялъ Мануила въ своей преданности и въ своемъ настойчивомъ желаніи достигнуть осуществленія своей мысли, склонивъ въ ея пользу Фридриха [2]).

Въ сентябрѣ 1153 года Фридрихъ отправилъ въ Константинополь торжественное посольство, возвѣщенное гонцами, привезшими его письмо (писанное въ мартѣ). Во главѣ посольства былъ знаменитый Ансельмъ Гавельбергскій (въ Брауншвейгѣ), который уже разъ посѣтилъ Византію при Кало-Іоаннѣ и Лотарѣ II; его сопровождалъ Александръ Гравина, норманскій владѣтель изъ южной Италіи, перешедшій въ Византію вслѣдствіе преслѣдованій короля Рожера и уже служившій нѣсколько разъ посредникомъ между двумя имперіями. Послы должны были вести рѣчь о бракѣ и достигнуть соглашенія относительно войны противъ короля сицилійскаго [3]). Что касается брака, то невѣстою императора была Марія, дочь севастократора Исаака, племянница Мануила, славившаяся своею красотой, а относительно военнаго соглашенія византійскіе источники утверждаютъ, что послы Фридриха заявили о готовности своего государя исполнить прежде данныя вмѣстѣ съ королемъ Конрадомъ обязательства— содѣйствовать Грекамъ въ пріобрѣтеніи Италіи, т. е. Апуліи и Калабріи [4]). Если эти обѣщанія были дѣйствительно теперь вновь высказаны, то едва-ли на этотъ разъ съ полною искренностью. Повидимому, Фридрихъ Барбаросса игралъ въ двойную игру.

---

1) Ad augmentum firmioris concordiae et incrementum utriusque imperii. Wibaldi epistol. № 410 (Monum. Corbeiens., p. 548).

2) Instanter persuadere non cessavi, quatinus - - dominus meus Fridericus imperator cum constantissimo imperio vestro fedus amicitiae iniret et de sanguine vestro uxorem duceret. — Благодаритъ за присланный бѣлый аксамитъ (pro examito albo). № 411, p. 550.

3) Otton. Frising. «Gesta», p. 110. Quam pro hoc negocio (ducenda alia uxore), quam pro Gwillegelmo Siculo — utriusque imperii invasore debellando.—Имя Вильгельма, который умеръ только въ концѣ февраля 1154 года, стоитъ здѣсь ошибочно.

4) Cinnam. p. 135: *ἐπὶ τῇ Ἰταλίας κατακτήσει Ῥωμαίοις ὑπηρετήσειν ὑπέσχοντο.*

Столько-же, сколько византійскій императоръ, и даже гораздо болѣе, ему нуженъ былъ въ дѣлахъ итальянскихъ папа Евгеній III. Онъ долженъ былъ имѣть въ виду пріобрѣтеніе императорской короны, получить которую можно было только въ Римѣ. Правда, ему представлялась нѣкоторая возможность обойтись и въ этомъ
374 случаѣ безъ римскаго первосвященника. Послѣдователи Арнольда Брешіанскаго — римская республика и сенатъ — присвоивали право избранія императоровъ римскихъ самому римскому народу, помимо духовенства и монаховъ, смѣшивающихъ въ своемъ ученіи Божеское и человѣческое. Но такія демократическія притязанія вовсе не гармонировали съ высокимъ представленіемъ Барбароссы о достоинствѣ императорской власти и должны были казаться для него лично оскорбительными. Вмѣсто римской республики, онъ вступилъ въ союзъ съ папою Евгеніемъ III. Фридрихъ обязался не заключать мира съ Римлянами безъ согласія и воли римскаго престола, но покорить ихъ власти папской, какъ это было прежде. Съ другой стороны, король германскій, будущій императоръ, и папскій престолъ взаимно обязались противодѣйствовать утвержденію Грековъ по эту сторону моря; если византійскій императоръ сдѣлалъ нашествіе на какую-либо область Италіи, то какъ Фридрихъ, такъ и папа употребятъ всѣ усилія для его изгнанія [1]). Этотъ договоръ былъ заключенъ въ мартѣ 1153 года, почти въ то самое время, когда начались переговоры въ Константинополѣ, и, безъ сомнѣнія, мѣшалъ искреннему и прямому соглашенію между двумя императорами.

Послы византійскаго императора, отправленные въ концѣ ноября 1153 года изъ Пелагоніи для утвержденія предположенныхъ союзныхъ условій, нашли, что Фридрихъ Барбаросса говоритъ вовсе не въ томъ тонѣ, какъ они ожидали, что, по выра-

---

1) Любопытный документъ, относимый Яффе къ январю или февралю 1153 года: Monum. Corbeiens., p. 547. Regi autem Grecorum ex ista parte maris terram non concedet (papa); quod si ille (визант. импер.) invadere presumpserit, domnus papa viribus beati Petri eum ejicere curabit. — Документъ этотъ представляетъ проектъ договора съ папской стороны; самая договорная грамота заключаетъ, впрочемъ, неважныя для насъ измѣненія. См. Pertz, Monum. Germ. Leges II, 92. Она относится къ марту мѣсяцу. Относительно Грековъ обязательство со стороны Фридриха выражено такъ: Graecorum quoque regi nullam terram ex ista parte maris concedet; quod si forte ille invaserit, pro viribus regni, quantocius poterit ipsum ejicere curabit.

женію византійскаго источника, онъ питалъ намѣренія вовсе не здравыя. Ничего не сдѣлавъ, они воротились назадъ, взявъ только обѣщаніе съ Барбароссы, что онъ отправитъ второе посольство для продолженія переговоровъ [1]). Это второе посольство, рекомендованное письмомъ Вибальда къ Мануилу, 1154 года [2]), не принесло удовлетворительныхъ предложеній, или принесло такія, которыя не могли быть приняты Мануиломъ [3]). Въ Кон- 375
стантинополѣ, однако, знали, что Фридрихъ уже готовится къ походу въ Италію. Если тамъ хотѣли дѣйствовать, то не слѣдовало терять времени, потому что обстоятельства были въ высшей степени благопріятны.

Въ южной Италіи господствовало всеобщее волненіе и неудовольствіе противъ новаго короля, прозваннаго Вильгельмомъ Злымъ. Бароны норманскіе были оскорблены въ своей феодальной гордости тѣмъ, что король далъ управлять собою какому-то Майо, человѣку, принадлежавшему къ племени покоренному; они помнили, что отецъ его нѣкогда торговалъ масломъ на улицахъ города Барп [4]). Человѣкъ такого низкаго происхожденія завладѣлъ теперь довѣренностью короля, достигъ званія великаго эмира — первый санъ въ королевствѣ,—и съ ненавистью плебея преслѣдовалъ всѣхъ вельможъ и даже родственниковъ короля. Графъ Робертъ Лорителли (Бассавилла), двоюродный братъ Вильгельма, заподозрѣнный въ намѣреніи овладѣть трономъ, опасаясь за свою свободу, отказалъ въ повиновеніи канцлеру Анскотину, которому было ввѣрено управленіе Апуліей, и удалился въ Абруццы, сопровождаемый своими вассалами [5]).

Въ туземномъ населеніи существовало глухое, но тѣмъ не менѣе сильное раздраженіе противъ норманской власти. Не были еще изглажены и слѣды греческаго господства; уничтоженіе

---

1) Cinnam. p. 135. *Βασιλεὺς δὲ τοὺς λόγους ἀποδεξάμενος πρέσβεις καὶ αὐτὸς ἐπὶ Φρεδερίκον ἔπεμψεν, ἐμπεδοῦν τὰ δεδογμένα κελεύσας. ἀλλ' ἐκεῖνοι — μηδὲν ὑγιὲς βεβουλεῦσθαι τὸν ἄνδρα διαγνόντες, ἄπρακτοι ἐκεῖθεν ἀπηλλάττοντο, δευτέρᾳ πρεσβείᾳ πρὸς βασιλέα χρῆσθαι αὐτὸν ἀναπείσαντες.*

2) Wibaldi epist. № 432. (Monum. Corbeiens. p. 568).

3) Cinnam. p. 135: *ἧς καὶ αὐτῆς ἀποψηφισθείσης.*

4) Hugon. Falcandi histor.: Murator. VII, 265. Barensem humili ortum genere: ibid., pag. 261.

5) Anscotinus у Гугона-Фалканда: Murator. VII, 213. Ascittinus: Romuald. Salernit., Pertz, SS. XIX. Asclentino: Annales Casin. ibid. pag. 311.

монастырей греческихъ, преслѣдованіе греческаго духовенства возбуждало ропотъ въ греческомъ населеніи Апуліи и Калабріи, обращало его сочувствіе къ Византіи. Слухъ о смерти короля, пущенный въ ходъ противниками Майо, произвелъ взрывъ, поднявшій всю Апулію. «Тогда, говоритъ Гуго Фалкандъ, современный авторъ исторіи «О тираніи Сицилійской», непостоянный народъ апулійскій задумалъ возвратить себѣ свободу, которой онъ никогда не умѣлъ сохранять за собою. Жалкое племя, которое не имѣетъ достаточно мужества для войны и не хочетъ, однако, жить въ спокойствіи, хватается за оружіе, составляетъ тайныя общества (societates contrahit), начинаетъ укрѣплять замки»[1]).

376 Ссора короля сицилійскаго съ папою Адріаномъ IV, который только-что вступилъ на папскій престолъ (въ декабрѣ 1154), еще болѣе усиливала затрудненія норманскаго правительства. Папа Адріанъ IV не хотѣлъ признать за королемъ Вильгельмомъ королевскаго титула, который онъ носилъ еще при жизни отца, бывъ коронованъ безъ вѣдома и согласія римскаго престола, — и въ своемъ посланіи наименовалъ его только «господиномъ Сициліи»[2]). Вильгельмъ отослалъ назадъ папскаго посла и кардинала, который принесъ ему папскую грамоту не съ надлежащимъ титуломъ. Не удовольствовавшись такимъ поступкомъ, взволновавшимъ всю папскую курію, онъ далъ своему канцлеру приказаніе вступить въ область Беневентскую, входившую въ составъ наслѣдія св. Петра. Жители Беневента упорно защищались, они

---

1) Murator. VII, 264. Оттонъ Фрейзингенскій (Gesta p. 156) прямо говоритъ о существованіи всеобщаго расположенія къ Византійцамъ. Praeterea totus pene populus in civitatibus oppidisque manens, eo quod jam diu Gwillehelmi huius ut pridem patris sui Rogerii tyrannide premeretur, tanquam de jugo tam gravi liberari optans, illis (Graecis) adhaerebat. Ср. также Robert de Monte (продолжатель Сигиберта): Pertz, SS. VI, 505. Cives illius (urbis Bar) Graecis faventes. Киннамъ (p. 141) говоритъ о какомъ-то норманскомъ владѣтелѣ (Ричардѣ, владѣтелѣ города Антро), что онъ отличался крайнею жестокостью; лишеніе рукъ и ногъ было у него обычнымъ наказаніемъ. Ненависть, которую населеніе питало къ этому феодалу, выразилась страшнымъ образомъ (p. 144). Священникъ, убившій его въ сраженіи съ Греками, вырвалъ у него внутренности и вложилъ ихъ ему въ ротъ, какъ знакъ его кровожадности.

2) Romuald. Salernit. Pertz, SS. XIX, 428. Histor. Pontific. Pertz, SS. XX, 539.— Вильгельмъ, какъ объяснено въ послѣднемъ источникѣ, былъ коронованъ епископомъ Панорма безъ вѣдома и согласія папы.

убили даже своего архіепископа, который былъ на сторонѣ Нормановъ. Въ самомъ лагерѣ Нормановъ они нашли себѣ помощниковъ и союзниковъ. Нѣсколько бароновъ, недовольные правительствомъ (быть можетъ, возмущенные въ своей совѣсти войною противъ папы), вошли въ городъ и присоединились къ его защитникамъ; другіе, оставивъ войско, разошлись по домамъ. Осада рушилась сама собою. Но тѣмъ не менѣе папа Адріанъ долженъ былъ опасаться на слѣдующую весну еще болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Вильгельма, которыя, въ самомъ дѣлѣ, не долго замедлили [1]).

Въ виду опасности, папа Адріанъ IV, посовѣтовавшись съ кардиналами, прибѣгнулъ къ обычному оружію папской политики. Король Вильгельмъ былъ подвергнутъ церковному отлученію; его недовольные подданные получили поощреніе и прямое приглашеніе къ возстанію противъ своего государя. Папа вошелъ въ сношеніе не только съ Робертомъ Лорителли, но и съ другими знатными изгнанниками, призывая ихъ поднять оружіе противъ короля и своимъ «первосвященническимъ словомъ» обѣщая имъ непремѣнную и неизмѣнную помощь римской церкви [2]). Въ то же время Адріанъ IV не усомнился вступить въ сношеніе и съ болѣе отдаленнымъ, но наиболѣе надежнымъ врагомъ норманскаго владычества. Хотя договоръ Евгенія III съ Барбароссой былъ обязателенъ и для его преемника, но Адріанъ IV имѣлъ полное право объяснять его такъ, какъ объяснялъ король Фридрихъ, т. е. что онъ не запрещаетъ призывать византійскаго императора въ Италію на помощь, а только обязываетъ не давать ему возможности утвердиться въ ней.

Поэтому Адріанъ IV не прочь былъ вступить въ союзъ не только съ Фридрихомъ Барбароссою, но и съ самимъ императоромъ византійскимъ. Сомнѣнія могутъ быть только относительно момента, когда этотъ союзъ былъ заключенъ. Но мы имѣемъ полное право думать, что уже теперь, въ 1154 году, положено основаніе соглашенію, которое обнаружилось въ слѣдующемъ (1155) году.

---

1) Romuald. Salernit. Pertz, SS. XIX, 428.

2) Vita Adriani: Murator. t. III, 442. Cp. Guillelmi Tyrens. lib. XVIII, cap. 2 (Patr. lat. 201, 709). ‹Recueil des histor. des croisades. Hist. occidentaux, t. I›.

Не трудно замѣтить, что, несмотря на колебанія и постоянно, повидимому, смѣняющіяся комбинаціи, очень простые и постоянные принципы проявляются въ политикѣ державъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ итальянскихъ. Византійскій императоръ, папскій престолъ, глава Священной Римской имперіи германскаго народа, Венеціанская республика вступаютъ въ союзы, взаимно враждуютъ, но самою природой вещей опредѣлены ихъ существенные, неизмѣнные интересы.

Папство очень много было обязано Норманамъ и вовсе не имѣло интереса уничтожать ихъ власти на югѣ Италіи. Кого-бы иначе оно могло противопоставить нѣмецкимъ императорамъ? Но необходимо, чтобы Норманы были покорными слугами и вассалами римскаго престола. Получивъ корону отъ Рима, они должны быть вѣрными папской тіарѣ. Всякій разъ, какъ Норманы уклоняются отъ своего призванія, вступаютъ во вражду съ престоломъ папскимъ, римская курія противопоставляетъ имъ притязанія той или другой имперіи, или обѣихъ вмѣстѣ. Восточная и западная имперіи одинаково имѣли притязанія на господство въ Италіи, но для одной важнѣе было господство на югѣ полуострова, для другой—на сѣверѣ его. Между ними возможно было, слѣдовательно, временное соглашеніе, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цѣли; но, при одномъ только признакѣ ея достиженія, начиналось взаимное соперничество, и опасность для Нормановъ проходила благополучно. Когда гроза собиралась съ той или съ другой стороны, Норманы обращались съ раскаяніемъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ и покорно становились на колѣна предъ намѣстниками св. Петра; тѣ, въ свою очередь, опирались на нихъ, чтобы не допустить Византіи или Германіи утвердиться прочно въ Италіи. Будущая владычица морей и европейской торговли, умная Венеціанская республика была естественною союзницей Византіи, пока дѣло шло о томъ, чтобы не допускать господства Нормановъ южной Италіи на Адріатическомъ морѣ, не позволять имъ утвердиться въ Албаніи или на островахъ Іоническихъ, когда Византія дарила имъ Далматинское побережье и открывала привилегированные рынки въ предѣлахъ своей имперіи. Но Венеціанцамъ вовсе не было желательно, чтобы Византія утверждалась въ самой Италіи; это

было бы для нихъ то же самое, если бы Норманы утвердились на другомъ берегу Адріатики: оба берега — въ рукахъ одной державы.

Намѣреніе Грековъ утвердиться въ Италіи заставляло Венеціанцевъ опасаться за свои привилегіи, торговыя и политическія. Мы видѣли, что, когда Мануилъ, послѣ сдачи Корфу, велѣлъ своему адмиралу занять на другомъ берегу моря городъ Анкону, Венеціанцы помѣшали исполненію этого плана. По тѣмъ же самымъ причинамъ въ 1154 году, когда Мануилъ рѣшительно готовился перенести свою борьбу съ Норманами въ южную Италію, прежняя союзница оставила его. Венеція въ томъ же самомъ (1154) году заключила союзъ съ Вильгельмомъ I, получивъ, конечно, большія торговыя выгоды въ торговлѣ съ Сициліей [1]).

Но у Венеціи тоже были соперницы. Генуя и Пиза завидовали тѣмъ выгодамъ, которыя Венеція извлекала изъ дружбы съ Византіей, и готовы были воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для пріобрѣтенія подобныхъ же преимуществъ. Если Венеція была за Нормановъ, то Византіи не представлялось особенной трудности склонить на свою сторону Геную и Пизу.

Лѣтомъ 1155 года изъ Византіи отправлены были въ Италію два знатные посла, Михаилъ Палеологъ и Іоаннъ Дука, оба носившіе высокій титулъ «севастовъ»; ихъ сопровождалъ уже извѣстный намъ Александръ Гравина. Послы повезли съ собою
въ Италію большія груды византійскаго золота. Мимоходомъ они 379
побывали въ Генуѣ, надавали здѣсь щедрыхъ обѣщаній относительно торговыхъ правъ въ Константинополѣ и положили начало союзу Генуи съ Имперіей, который былъ потомъ скрѣпленъ осенью того же года Димитріемъ Макрополитомъ [2]).

---

1) Договоръ въ изданіи Тафеля: Fontes rerum Austriac. XII, 135 (№ LVI) Danduli Chron. Murat. XII, 286. Dominicus Mauroceno — pacis fervidus, cum Guillelmo rege ad pacem devenit, terrasque Venetorum a Ragusio infra et eos similiter, exceptis illis, quos in favorem Constantinopolitani imperatoris inveniret, secures reddidit, et immunitates plurimas in suo regno negotiatoribus Venetis indulsit.

2) Договоръ заключенъ Димитріемъ Макрополитомъ, какъ онъ названъ въ грамотѣ (Demetrius Macropolites) 12 ноября 1155 года. Но въ документѣ этого Димитрія есть ссылка на предшествовавшіе переговоры: Si vero Paleologus vel subitus (sevastus?) promiserit vobis specialem embolum et speciales scalas,

Главное назначеніе пословъ, однако, было не въ этомъ. Они получили наказъ представиться императору Фридриху Барбароссѣ, который лѣтомъ 1155 года совершилъ свой итальянскій походъ и оказалъ папѣ большую услугу, предавъ сожженію знаменитаго предводителя республиканской и антипапистской партіи Арнольда Брешіанскаго, получивъ за то императорскую корону, которой не успѣлъ надѣть на себя его предшественникъ. Въ инструкціи посламъ было сказано, что, если они найдутъ еще Фридриха въ Италіи, по ту сторону Альпъ, то имъ обоимъ слѣдовало представиться ему; если же они услышатъ, что Фридрихъ оставилъ Италію, то Михаилъ Палеологъ съ деньгами долженъ итти въ Италію, а Дука Іоаннъ одинъ явиться къ Фридриху. Въ томъ и другомъ случаѣ, послы, конечно, должны были склонять Фридриха къ походу на югъ въ пользу Византіи; но, не достигнувъ цѣли, что̀ было особенно вѣроятно во второмъ случаѣ — если Фридрихъ измѣнитъ обѣщаніямъ [1]), — послы должны были дѣйствовать на свой страхъ, и медлить имъ не было нужно. Въ ихъ рукахъ были деньги, позади ихъ были византійскіе корабли и союзники. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ окрестностяхъ Анконы, только что высадившись на сушу, послы узнали о близкомъ присутствіи Фридриха Барбароссы, возвращавшагося послѣ своей коронаціи въ Германію. Совершивъ въ честь римскаго престола жестокую казнь надъ ученикомъ Абеляра, поссорившись съ Адріаномъ за стремя, которое императоръ не хотѣлъ подержать, когда папа сходилъ съ коня, Барбаросса возвращался назадъ, не исполнивъ тѣхъ надеждъ, которыя не него возлагались. Папа надѣялся, что Фридрихъ возвратитъ ему земли апостольскаго престола, занятыя королемъ сицилійскимъ. Бароны, возставшіе противъ Майо и своего короля, также разсчитывали на вмѣшательство Фридриха въ дѣла южной Италіи. Барбаросса, дѣйствительно,
380 имѣлъ намѣреніе предпринять походъ въ Апулію и Калабрію: это доказывается его требованіемъ, обращеннымъ къ Пизанцамъ, которые вышли ему на встрѣчу еще при походѣ къ Риму; онъ

---

dominus meus sanctissimus dabit vobis easdem. Договоръ напечатанъ: Sauli. Della Colonia dei Genovesi in Galata», II, 181. Buchon, Nouvelles recherches, v. II, p. 11.

1) *Κἂν ἐκεῖνος τῶν δεδογμένων ἀμελήσῃ*. Cinnam. p. 135.

велѣлъ имъ приготовить свои корабли противъ Вильгельма Сицилійскаго [1]).

Надѣясь на содѣйствіе германскаго императора, папскіе союзники, князья Апуліи и Калабріи, всѣ изгнанники норманскіе собрались въ Римѣ; нѣкоторые изъ нихъ—Робертъ, князь Капуи, Андрей Рупе-Канина — отправились впередъ въ свои прежнія владѣнія; города и замки сдавались имъ безъ сопротивленія, потому что жители ожидали вслѣдъ за ними появленія самого императора. Но Фридрихъ ушелъ назадъ. Его войско не могло долѣе бороться со страшными, сильными жарами Кампаніи и не хотѣло итти далѣе [2]).

Дука Іоаннъ, ничего не достигнувъ въ лагерѣ Фридриха, возвращался назадъ; по дорогѣ онъ встрѣтился съ послами Роберта Лорителли, которые также были у Фридриха, предлагали ему всю Италію и Сицилію, если онъ воротится назадъ и вступитъ въ союзъ съ ихъ господиномъ; но также получили отказъ [3]). Александръ Гравина, сопровождавшій Дуку, вступилъ въ разговоръ со своими земляками, узналъ, зачѣмъ они были въ Анконѣ, и какъ они ничего не достигли.

— Друзья мои, замѣтилъ Александръ, теперь близко тотъ человѣкъ, который поможетъ вамъ достигнуть цѣли посольства.

— Кто это такой?

— Императоръ римскій!

Александръ объяснилъ при этомъ, что здѣсь, въ Италіи, неподалеку находится Михаилъ Палеологъ, лицо самаго высокаго сана, а главное съ большимъ количествомъ денегъ, и что цѣль

---

1) Otton. Frising. Gesta Frider., p. 131.

2) Otton. Frising. Gesta Frider., p. 144: inter haec princeps Capuae, Andreas Apuliae comes caeterique eiusdem provinciae exules, Campaniam et Apuliam cum legatione imperatoris ingredientes, civitates, castella, caeteraque quae olim habebant municipia sine contradictione recipiunt и т. д.

3) Inde euntes versus Anconam, Paliologum nobilissimum principem Graecorum et Maroducam socium ejus cum caeteris nunciis Constantinopolitani obvios habuimus. Qui ut in Apuliam iremus, et hostem utriusque imperii Willehelmum potentia virtutis nostrae conterere vellemus, infinitam pecuniam nobis dare spoponderunt. Quia vero militia nostra propter multos labores et bella nimis attrita fuit, placuit magis principibus redire, quam in Apuliam descendere. Sicque nobis redeuntibus et Graecis cum superbia multitudinis suae et copiosa pecunia in Apuliam euntibus Paliologus post adeptum Barum и т. д. Письмо Фридриха къ Оттону Фриз.: Gesta, p. 4.

его прибытія — пріобрѣтеніе южной Италіи для византійскаго
381 императора. Послы Роберта Лорителли не замедлили вступить въ сношенія съ Палеологомъ [1]). Устроено было свиданіе въ городѣ Вести; соглашеніе было легко достигнуто. Въ союзѣ съ Робертомъ Лорителли, въ болѣе или менѣе явномъ союзѣ съ папою, который, со своей стороны, окруженный недовольными и изгнанниками норманскими, вторгнулся въ Беневентскую область, началъ свои дѣйствія въ Италіи императоръ византійскій.

Первыя дѣйствія Палеолога и Дуки въ южной Италіи были очень успѣшны. Въ городѣ Вести, который былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія Греками, Палеологъ имѣлъ свиданіе съ Робертомъ Лорителли, причемъ былъ заключенъ формальный договоръ о союзѣ. При взятіи крѣпости, въ которой командовалъ мѣстный итальянскій уроженецъ (не Норманъ?), Мануилъ въ первый разъ былъ провозглашенъ государемъ жителями южной Италіи. И въ другихъ мѣстахъ туземное населеніе, спасая свои поля, легко признавало власть византійскую и дружелюбно встрѣчало Грековъ. Первое сопротивленіе встрѣтилось подъ городомъ Трани, жители котораго объявили, что они не сдадутся до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлаетъ Бари. Палеологъ отправился къ этому послѣднему городу.

Многолюдный Бари, знаменитая столица Апуліи, казался неприступнымъ и съ суши, и съ моря [2]). Высокія стѣны опоясывали его на сушѣ, сильный гарнизонъ находился внутри и состоялъ, повидимому, изъ Нормановъ и Сарациновъ [3]). Первая попытка Грековъ приблизиться къ городу (съ моря) была встрѣчена тучею камней, пущенныхъ съ городскихъ стѣнъ, и градомъ стрѣлъ — снизу. Но мѣстное населеніе, по крайней мѣрѣ, значительная часть его вовсе не была такъ враждебно настроена къ

---

1) Hugon. Falcandi histor. Murator. (изд. 1725 г.) VII, 265. Sic ubique re turbata, tumultuque exorto, - - - comes Lorotelli plerasque maritimas occupat civitates. Imperator etiam Graecorum a comite rogatus auxilium, speque ductus recuperandi Apuliam, nobilissimos ac praepotentes viros cum maxima pecunia mittit Brundusium. Cp. Romuald. Salern., Pertz, SS. XIX, 428.

2) Бари имѣлъ тогда населеніе въ 50,000 жителей: Falcon. Beneventan., Murator. (изд. 1724 г.) V, 128. Barum civitatem valde munitam... quadringentos enim milites princeps civitatis secum detinebat, praeter cives quinquaginta millia habitantium.

3) Cinnam. p. 138. *βαρβάρων στρατιά*, а выше: *ἀνὴρ Ἰταλός* (p. 137).

Грекамъ, чтобы не слушать льстивыхъ рѣчей Палеолога и Александра Гравины. Палеологъ обѣщалъ большія блага не только въ будущемъ, но непосредственно сейчасъ въ настоящемъ, если жители передадутъ городъ византійскому императору. На эти рѣчи къ Грекамъ перебѣжало значительное количество народа: одни выѣхали на лошадяхъ, другіе моремъ на лодкахъ; они при- 382
глашали Грековъ войти въ городъ въ незатворенныя ворота. Но едва только приблизился одинъ корабль къ городу, на зубцахъ городской стѣны показались вооруженные люди. Прежде чѣмъ они взялись за оружіе, Александръ Гравина выскочилъ съ корабля и, вынимая изъ-за пазухи византійское золото, кричалъ обращаясь къ верху: «Кто любитъ свободу и деньги, иди къ намъ». Неизвѣстно, что болѣе соблазняло Барійцевъ — свобода, или деньги; но цѣлая толпа ихъ вышла изъ города и принесла присягу въ вѣрности византійскому императору. Другая часть населенія, преданная норманской власти, увидѣвъ измѣну и не имѣя возможностя защищать городъ, удалилась въ замокъ. Но, кромѣ главной цитадели, въ Бари было другое укрѣпленіе, въ которомъ находился храмъ св. Николая. Палеологъ овладѣлъ имъ ловкою хитростью: нарядивъ нѣсколько человѣкъ въ черное монашеское платье, онъ отправилъ ихъ рано утромъ къ воротамъ укрѣпленія; ворота безъ труда открылись передъ мнимыми монахами, которые оказались вооруженными солдатами, и укрѣпленіе попало въ руки Грековъ. Главная цитадель держалась всетаки цѣлыхъ семь дней послѣ этого, пока не пришелъ на помощь къ Грекамъ норманскій баронъ Лорителли; вѣроятно, не столько силы военныя, имъ приведенныя, сколько его вліяніе заставило и другую часть населенія вмѣстѣ съ гарнизономъ согласиться на сдачу.

Ненавистная туземному промышленному и торговому греко-итальянскому населенію твердыня норманскихъ бароновъ и властителей, замокъ города Бари былъ разрушенъ жителями и сравненъ съ землею, несмотря на просьбы греческаго стратига, несмотря на его денежныя обѣщанія и готовность выкупить для императора такую полезную добычу [1]). Городъ Трани передался

1) Annal. Casin., Pertz. SS. XIX, 311.

Грекамъ немедленно послѣ взятія Бари; точно также Джіовенаццо [1]).

Попытка норманскаго канцлера — воротить назадъ Трани неожиданнымъ нападеніемъ — кончилась неудачей. Палеологъ призвалъ къ себѣ на помощь Дуку, который на дорогѣ отразилъ при Барлеттѣ (тутъ былъ и канцлеръ) нападеніе норманскаго владѣтеля мѣстечка Антро; и потомъ, вмѣстѣ съ Палеологомъ, пошелъ противъ Антро, гдѣ укрылся Норманъ Ричардъ. Греки были уже разбиты и едва держались за каменною оградой, кото-
383 рою, по мѣстному обычаю, огражденъ былъ по дорогѣ находившійся лугъ, но смерть норманскаго предводителя, убитаго камнемъ, пущеннымъ рукою одного греческаго священника изъ Трани, разстроила Нормановъ и дала верхъ Грекамъ. Антро и еще нѣкоторые пункты были заняты ими; Монополи на мѣсяцъ получилъ перемиріе.

Успѣхи Грековъ были уже значительны и обѣщали быть еще значительнѣе, такъ какъ вскорѣ Палеологъ и Дука получили сильныя подкрѣпленія: Іоаннъ Ангелъ приплылъ изъ Греціи съ флотомъ, на которомъ посажена была «массагетская» и французская конница [2]). Папа Адріанъ изъявилъ готовность дѣйствовать заодно съ греческими вождями. Его послы явились въ Бари и требовали, чтобы Дука и Палеологъ, либо одинъ изъ нихъ, явился въ Римъ для самыхъ важныхъ переговоровъ, такъ какъ папа собралъ большія силы и желаетъ соединить свое оружіе съ византійскимъ противъ нормановъ [3]). Греческіе вожди сами отказались итти, они послали только одного изъ царскихъ секретарей, по имени Василаки, съ порученіемъ нанять на деньги нѣсколько всадниковъ. Они, очевидно, хотѣли уже дѣйствовать вполнѣ само-

---

1) *Γιβενάντζιον,* Giovenazzo.

2) Cinnam. p. 148. *Μασσαγετῶν τε καὶ Γερμανῶν ἱππέων καὶ δὴ καὶ Ῥωμαίων.* — Подъ Массагетами у византійцевъ разумѣются кавказскіе народы: то Абхазы, то Аланы. Tzetzes chiliad. V, vers. 586 (p. 179). *Μητρὸς ἦν* (говоритъ о себѣ) *Μασσαγέτιδος, ἤγουν ἐξ Ἀβασγίδος. Ἴβηρες δὲ καὶ Ἀβασγοὶ καὶ Ἀλανοὶ ἓν γένος.* Ср. Niceph. Gregor. I, 204. Въ 1300 году эти Массагеты или Аланы, желая переселиться въ предѣлы имперіи, прислали посольство Андронику старшему: *τῷ βασιλεῖ πέμπουσί τινες τῶν ὑπὲρ τὸν Ἴστρον Μασσαγετῶν λαθραίαν πρεσβείαν, Ἀλανοὺς ἡ κοινὴ τούτους καλεῖ διάλεκτος.*

3) Cinnam. p. 146. *ἤδη γὰρ (ἔφασαν) δυνάμεις ὡς πλείστας αὐτὸς ἠθροικὼς Ῥωμαίοις συμμαχήσειν ἐν παρασκευῇ γέγονεν.*

стоятельно, имѣя въ виду только свои интересы. Это очень ясно доказывалось ихъ поведеніемъ въ отношеніи къ Роберту Лорителли. Получивъ отъ него письмо, что войска королевско-сицилійскія грозятъ ему опасностью, Палеологъ и Дука сначала не хотѣли итти къ нему на помощь. «Мы пришли не для того, чтобы помогать Роберту Бассавиллѣ, а для того, чтобы при содѣйствіи Роберта покорить для нашего императора южную Италію. Только усиленныя просьбы Роберта, повторенная клятва быть вѣрнымъ союзу съ Греками склонили вождей къ тому, чтобы помочь Норману. При Малфеттѣ византійская армія встрѣтилась съ девятью сицилійско-норманскими графами, во главѣ которыхъ стоялъ канцлеръ, какъ главный вождь вассаловъ королевскихъ. Благодаря преимущественно личной храбрости Іоанна Дуки, Греки одержали еще одну побѣду, взяли Малфетту и съ торже- 384
ствомъ воротились въ Барп [1]). По всей Италіи распространились слухи о необыкновенныхъ успѣхахъ Грековъ; имя Нормановъ теряло всякое обаяніе [2]).

Среди такого торжества неожиданнымъ и тяжелымъ ударомъ была смерть одного изъ главныхъ вождей, Палеолога. Заболѣвъ изнурительною лихорадкой, онъ умеръ, постригшись въ монахи, и завѣщалъ своему товарищу Дукѣ дѣятельно продолжать такъ счастливо начатое завоеваніе Италіи [3]). Дука, оставшись одинъ, перенесъ свои дѣйствія далѣе на югъ, къ Тарентскому заливу. Взявъ Полимили (*Πολυμόλιον*), Мазафру (Мазафра въ трехъ миляхъ отъ Тарента), едва не захвативъ крѣпкаго Молизе, отразивъ одного изъ норманскихъ вождей, называемаго Фламандцемъ (*Φλάμιγγος*), — онъ подошелъ къ самому Таренту и, не видя возможности взять городъ, воротился назадъ, но съ богатою добычей. Византійскій историкъ [4]) говоритъ, что эти мѣста представляли въ то время страну въ высшей степени богатую, счастли-

---

1) Cinnam. p. 147, 149—150.

2) Otton. Gesta, p. 156. Diffamabatur non solum per vicinas regiones, sed et ad nos usque pervenit, Gwillehelmum vel vitam finisse vel ex vi morborum sensum amisisse, Graecos jam omnes illas provincias possidere.

3) Cinnam. p. 151. Otton. Gesta, p. 156. Mortuus fuit ibi Palologus et ad terram suam deportatus. Ср. письмо Фридриха: Paliologus post adeptum Barum --- obiit.

4) Cinnam. p. 154.

вую, обильную всякими благами. Византійскіе солдаты продавали десять быковъ за одинъ золотой статиръ; столько-же брали они за 130 овецъ.

Вмѣсто Тарента Дука снова обложилъ Монополи, которому дано было прежде мѣсячное перемиріе съ условіемъ, что жители сдадутся, если до окончанія этого срока къ нимъ не придетъ помощь. Помощь не пришла, но, надѣясь теперь на близость ея (Фламинга), граждане Монополи показали нѣкоторое упорство. Видно, впрочемъ, что и здѣсь было двѣ партіи или два класса жителей: одни болѣе держались Нормановъ, другіе не чувствовали такого отвращенія къ Грекамъ, какъ первые. Греческая партія довольно скоро согласилась сдать городъ и крѣпость и признать византійскую власть; она уступила даже требованію Дуки принять византійскій гарнизонъ въ наказаніе за неисполненное обѣщаніе сдать городъ черезъ мѣсяцъ. Другая сторона, которая была противъ Грековъ, послала тайкомъ призывъ къ Фламандскому предводителю Сицилійцевъ, который стоялъ недалеко. Тотъ обѣщалъ скоро притти на помощь, а пока отрядилъ сто всадниковъ, которые, хотя и успѣли пробраться въ городъ, но немного могли помочь ему, не могли даже доставить торже-
385 ства норманской партіи. При первомъ угрожающемъ движеніи Дуки большинство горожанъ стало молить о пощадѣ, увѣряя, что Норманы призваны безъ общаго согласія[1]). Дука, позволивъ себѣ нѣсколько постращать виновныхъ своимъ гнѣвомъ, скоро простилъ ихъ и занялъ городъ. «Фламингъ» былъ только въ двадцати стадіяхъ, когда Греки взяли его; увидѣвъ царскія знамена на башняхъ, онъ воротился назадъ.

Была уже весна 1156 года, и съ ея появленіемъ нужно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны короля, который успѣлъ укротить возстаніе на островѣ Сициліи. Было извѣстно, что онъ собираетъ большое войско въ Сициліи. Предвидя опасность, Іоаннъ Дука послалъ въ Константинополь письмо къ императору Мануилу, прося подкрѣпленій въ виду предстоящей борьбы. Силы его были, какъ онъ пишетъ, достаточны для покоренія и удержанія (всей) Италіи, но благоразуміе требовало обез-

1) *Ἄνευ κοινῆς γνώμης*. Cinnam. p. 157.

печить имъ успѣхъ и на будущее время [1]). Между тѣмъ, около Пасхи (15-го апрѣля) Дука началъ осаду Бриндизи, послѣ Бари самаго важнаго пункта на апулійскомъ берегу Адріатики. Стѣны города, сохранившіяся еще отъ древности римской или даже греческой, поражали современниковъ Киннама своею необычайною прочностью. Штурмовать ихъ стѣнобитными, камнеметательными машинами оказалось дѣломъ совсѣмъ безполезнымъ. Но не такъ безполезными оказались камни, метаемые черезъ стѣны въ городъ. Едва жертвою ихъ пала на улицѣ одна старуха, которой камнемъ размозжило голову, невоинственные граждане подняли крикъ и стоны. Каждому казалось, что надъ нимъ, какъ надъ Танталомъ «виситъ камень», по выраженію византійскаго писателя. Граждане сейчасъ же заговорили о сдачѣ, скоро рѣшили этотъ вопросъ утвердительно, а военный гарнизонъ убѣжалъ въ замокъ (акрополь [2]). Чрезъ нѣсколько времени въ виду Бриндизи явились корабли сицилійскіе и успѣли-было пройти въ гавань, но немногочисленная эскадра греческая изъ 14 судовъ, обнадеженная и обманутая мнимымъ царскимъ письмомъ, въ которомъ Мануилъ будто-бы извѣщалъ о немедленномъ прибытіи помощи, сражалась такъ храбро, что непріятель ушелъ назадъ, выбравшись изъ гавани съ большимъ урономъ. Но зато всѣ попытки 386
Іоанна Дуки принудить къ сдачѣ гарнизонъ акрополя разбились о крѣпкія стѣны, «сросшіяся какъ будто въ одинъ камень»: ни стѣнобитныя орудія, ни подкопы внизу не могли сдѣлать большого вреда имъ.

Просьба о подкрѣпленіяхъ, посланная Дукой Мануилу, не была оставлена безъ вниманія. Алексѣй Вріенній (Комнинъ), сынъ Анны Комнины, носившій званіе великаго адмирала, получилъ приказаніе собрать сухопутныя и морскія войска и отправиться въ Италію. Вріенній (Комнинъ) не успѣлъ, однако, собрать всѣ

---

1) Письмо у Киннама, p. 158.

2) Вильгельмъ Тирскій, XVIII, cap. 7 (Patr. lat. t. 201, 715). Constantinopolitanus imperator violenter invaserat, ita ut postquam dominus patriarcha (Іерусалимскій) cum suis ab Hydrunto usque Brundusium pervenisset, domini imperatoris familia urbem praedictam, tradentibus eam civibus, iam recepisset in suam, solo praesidio civitatis, in quo pauci erant, in fidelitate domini regis perseverante.

морскія силы, какія указалъ ему императоръ; слухи о близкой опасности, которая грозила Дукѣ, заставили его поспѣшить [1]).

Положеніе Дуки, дѣйствительно, становилось неблагопріятнымъ; въ виду грозы, надъ нимъ собиравшейся, его начинали оставлять союзники. Робертъ Лорителли еще и прежде не пользовался особенною довѣренностью Грековъ; они подозрѣвали его въ измѣнѣ. Еще при жизни Палеолога онъ потребовалъ взаймы десять тысячъ золотыхъ монетъ; когда Палеологъ прислалъ ему только четыре тысячи, и не въ видѣ займа, а въ видѣ подарка отъ императора, Робертъ оскорбился и оставилъ греческій лагерь. По смерти своего товарища Дука счелъ за лучшее удовлетворить вполнѣ требованія Нормана, и съ тѣхъ поръ тотъ раздѣлялъ съ Греками всѣ опасности, участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Теперь, видя, что дѣла Грековъ принимаютъ неблагопріятный ходъ, что они не могутъ взять бриндизійскаго замка, а между тѣмъ приближается король Вильгельмъ, Робертъ оставилъ своихъ союзниковъ; онъ объявилъ, что отправляется набирать новыя войска, съ которыми потомъ и придетъ къ нимъ на помощь. Самъ-же, между тѣмъ, ушелъ въ Беневентъ къ папѣ. Всадники изъ Марки Анконской потребовали двойного жалованья и, не получивъ его, ушли домой. Наконецъ, уже въ виду врага, предъ самымъ сраженіемъ, наемный французскій отрядъ перешелъ къ Норманамъ [2]).

Распоряженія греческихъ вождей не отличались достаточнымъ благоразуміемъ. Предложеніе отступить заблаговременно въ Бари было отвергнуто, какъ постыдное доказательство трусости; между тѣмъ, попытка принудить къ сдачѣ цитадель въ Бриндизи кончилась снова неудачей. Король Вильгельмъ рѣшился
387 запереть Грековъ со всѣхъ сторонъ — и на сушѣ, и на морѣ. Сицилійскіе корабли уже стояли противъ Бриндизійской гавани у одного островка въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ греческаго флота и гавани: послѣ этого можно было предвидѣть, что неудача на сухомъ пути предастъ Грековъ совершенно въ руки Сицилійцевъ, если они не откроютъ себѣ заблаговременно выхода въ море. Въ

1) Cinnam. p. 165.

2) *Μοῖρά τις Κελτῶν οὐκ ἀγεννής, μισθοῦ Ῥωμαίοις δουλεύουσα.* Cinnam. p. 167.

ожиданіи помощи изъ Константинополя, Дука и Алексѣй Комнинъ оставались въ бездѣйствіи, теряя драгоцѣнное время. Они принуждены были принять сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, когда Вильгельмъ подошелъ къ городу со всѣми своими силами, далеко превосходившими своею численностью византійскую армію. Разбитые на сухомъ пути, въ виду самаго города, Византійцы нигдѣ не могли найти себѣ убѣжища, крѣпость была въ рукахъ Нормановъ, узкій выходъ изъ гавани былъ запертъ сицилійскими кораблями. Вся армія, оба полководца — Комнинъ и Дука — попались въ плѣнъ королю Вильгельму; весь флотъ, большая казна были добычею непріятеля. Это случилось 28 мая 1156 года[1]). Вильгельмъ отправилъ греческихъ полководцевъ въ Палермо и страшно наказалъ бароновъ Апуліи, взятыхъ въ плѣнъ; одни изъ нихъ были повѣшены, другихъ лишили зрѣнія.

Послѣ взятія Бриндизи король сицилійскій направился къ городу Бари. Страшная участь постигла столицу Апуліи. Беззащитное населеніе вышло къ нему на встрѣчу, моля о пощадѣ. Но король, указывая на развалины своего замка, разрушеннаго горожанами, объявилъ, что онъ поступитъ съ ними на основаніи строгой справедливости: «Вы не пощадили моего дома, я не на- 388
мѣренъ щадить вашихъ домовъ. Но я позволяю вамъ свободно удалиться съ вашимъ имуществомъ». Два дня срока дано было

---

1) Cinnam. p. 168. Ср. Hugo Falcand. Murator. VII, 268. Rex Brundusium venit; ubi cum Graecis conflicturus, ad pugnam jubet milites expediri. Graeci vero, ubi comitis Roberti, cujus praestolabantur adventum, vident se defraudatos auxilio, fortunam eligunt experiri. Anceps in principio pugna fuit, inde Graeci, non valentes amplius hostiles impetus sustinere, fusi caesique sunt, magna pars eorum cum ducibus Panormum transvecti. — Также Romuald. Salernitan., Pertz, SS. XIX, 428. Rex Wilhelmus, prout melius potuit, per mare et terram congregavit exercitum, et recto itinere Brundusium venit. In quo Sebasto et Cominiano (Комнинъ) et reliquos potentes Grecorum cum multo exercitu et stolio congregatos invenit, qui castrum Brundusii et gentem regis vehementer impugnabant. Comes autem Robbertus, adventu regis cognito, Brundusium reliquit et Beneventum se contulit. Rex vero Wilhelmus per mare et per terram Brundusium potenter obsedit, et per mare et terram viriliter impugnando, in hore gladii debellavit, cepit Grecorum nobiles, et stolium ac pecuniam multam, et plures de baronibus et hominibus Apulie, qui ei rebelles extiterant, de quibus multos suspendi et excecari fecit. Annales Casinens., ibid. XIX, 311. A. 1156: Wilhelmus rex Siciliae venit Brundusium, et cepit illud mense Maii die 28. — Otton. Gesta, p. 156. Marangone. Annales Pisani, Pertz, SS. XIX, 242. Ходили слухи, едва ли, впрочемъ, заслуживавшіе вѣроятія, что Византійцевъ пало 40 тысячъ. См. Annales Rudberti Salisburgens. Pertz, SS. IX, 776.

жителямъ для сборовъ къ выселенію. По истеченіи ихъ, стѣны были разрушены до самаго основанія, самый городъ сравненъ съ землей. «Такимъ образомъ, говоритъ современникъ Гуго Фалкандъ, могущественная столица Апуліи, знаменитая своею славою, сильная своимъ богатствомъ, гордая благороднымъ и знатнымъ происхожденіемъ своихъ гражданъ, предметъ общаго удивленія по красотѣ своихъ зданій, лежитъ теперь обращенная въ груду камней» [1]). Вильгельмъ двинулся отсюда къ Беневенту, гдѣ находился другой его непріятель, папа Адріанъ IV.

Папа Адріанъ IV, какъ извѣстно, рѣшился на сближеніе съ Греками, раздраженный противъ короля сицилійскаго, который въ 1154 году осаждалъ Беневентъ, а въ маѣ и іюнѣ 1155 года разорилъ нѣсколько городовъ въ Кампаніи. Онъ съ тѣмъ большею готовностью могъ протянуть руку греческимъ вождямъ, Дукѣ и Палеологу, что Фридрихъ Барбаросса не исполнилъ своихъ обѣщаній и, кромѣ того, оказался человѣкомъ строптивымъ и неуступчивымъ. Когда Барбаросса ушелъ въ обратный путь, ничего не сдѣлавъ противъ сицилійскаго короля, папа предоставленъ былъ собственнымъ силамъ и средствамъ. Желая поднять противъ Вильгельма движеніе въ собственныхъ его владѣніяхъ, Адріанъ IV вошелъ въ сношенія со всѣми недовольными, со всѣми изгнанниками норманскими, которые были лишены своихъ владѣній Рожеромъ и Вильгельмомъ. По его увѣщаніямъ, Робертъ Сорренто, бывшій князь Капуи, Андрей Руне-Канина, братъ бывшаго графа и герцога Апуліи Райнульфа, Ричардъ de Aquila, графъ Фонди вторгнулись въ разныя области норманскія и заняли владѣнія, на которыя они имѣли наслѣдственныя права. Когда Греки дѣйствовали въ Апуліи, Робертъ Сорренто занялъ все княжество Капуанское до Неаполя и Салерно. Графъ Андрей захватилъ графство Алифу. Графъ Ричардъ взялъ Теано и Суессу. Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ папѣ

1) Hugo Falcandi. Murat. VII, 269. Ita praepotens Apuliae civitas - - jacet nunc in acervos lapidum transformata. — Cp. Annal. Ceccanens., Pertz, SS. XIX, 284: Guillelmus - - venit Barim et destruxit eum, et fecit ex eo villas. Annales Casinens., ibid., p. 311: destruxit Barum. Annal. Pisani, ibid., p. 243. Любопытна замѣтка въ Annal. Palidienses, Pertz, SS. XVI, 89: Barum civitatem, quia Grecis praesidio fuit, eliminatis plebibus monachorum solummodo habitationem esse precepit.

Робертъ Лорителли. Но, во всякомъ случаѣ, дѣйствія папы и его 389
союзниковъ въ Кампаніи и въ области рѣкъ Гарильяно и Вультурно шли рука объ руку съ завоеваніями Грековъ на восточномъ берегу; папа дѣйствовалъ какъ союзникъ Грековъ. Вслѣдъ за византійскими и своими (норманскими) союзниками двинулся и самъ папа Адріанъ и вошелъ въ Беневентъ.

Здѣсь въ Беневентѣ нашелъ его король Вильгельмъ; Робертъ Лорителли, оставившій Грековъ въ Бриндизи, графъ Андрей и другіе враги короля окружали папу. Папа увидѣлъ невозможность противиться королю сицилійскому и заключилъ съ нимъ миръ, пожертвовавъ своими союзниками, которые отчасти имъ самимъ были вовлечены въ возстаніе. Они были выключены изъ мирнаго договора, но, по ходатайству папы, имъ позволено было безопасно оставить владѣнія короля, на которыя они имѣли притязанія и которыя теперь находились въ ихъ рукахъ. Услышавъ объ этомъ, князь Капуи Робертъ Сорренто бѣжалъ изъ области, но, захваченный на рѣкѣ Гарильяно своимъ прежнимъ союзникомъ графомъ Ричардомъ и преданный въ руки королевскихъ чиновниковъ, онъ былъ отправленъ въ Палермо, брошенъ въ тюрьму и тамъ ослѣпленъ. Графъ Робертъ Лорителли ушелъ въ Абруццы, Андрей тоже бѣжалъ въ Анкону. Послѣ многихъ переговоровъ, устроено было свиданіе короля и папы. Король преклонилъ покорно свои колѣна предъ Адріаномъ, призналъ себя его вассаломъ, былъ благосклонно принятъ намѣстникомъ св. Петра и получилъ отъ него инвеституру, т. е. три знамени—одно королевства Сициліи, другое—герцогства Апуліи, третье—княжества Капуи [1]).

Примирившись самъ съ Вильгельмомъ, Адріанъ IV предлагалъ, повидимому, свое посредничество своему союзнику, императору Мануилу [2]). Императоръ Мануилъ былъ сильно огорченъ извѣстіями о судьбѣ, постигшей его полководцевъ при Бриндизи. Дѣло возстановленія византійской власти въ Италіи, стоившее

---

1) Annales Casinens. Pertz, SS. XIX, 311. Annales Ceccanens., ibid. p. 284.

2) Никита Хоніатъ (p. 128), замѣтивъ, что Мануилъ желалъ мира, продолжаетъ: *οὐκ ἀηδῶς τοίνυν ἀλλ' ἀσμένως δεξάμενος τὴν τοῦτο ἐπισκήπτουσαν πρεσβείαν τοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης προέδρου, καὶ ὡς Ἄγγελον εὐξύμβολον ἀσπασάμενος.*

такихъ большихъ издержекъ (говорятъ, истрачено около 300 кентинаріевъ [1]), было разрушено однимъ ударомъ. Однако, онъ не
390 пришелъ въ отчаяніе и рѣшился сдѣлать еще одну попытку поправить дѣло. Въ Анкону, которая была главнымъ операціоннымъ базисомъ византійской политики и военныхъ предпріятій въ Италіи, отправленъ съ большими деньгами протостраторъ (т. е. оберъ-шталмейстеръ) Алексѣй, сынъ великаго доместика Аксуха, человѣкъ, отличавшійся и военными знаніями, и большимъ искусствомъ въ переговорахъ [2]). Смотря по обстоятельствамъ, Алексѣй могъ дѣйствовать переговорами или военными средствами, если онъ ихъ найдетъ въ византійской казнѣ. Алексѣй скоро успѣлъ собрать значительное наемное войско среди Итальянцевъ. Графъ Андрей Рупе-Канина явился его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ и важнѣйшимъ орудіемъ византійской политики въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ [3]). Въ сопровожденіи Контостефана, норманскій графъ явился и въ Римѣ, вербуя вездѣ охотниковъ на византійское золото и враговъ сицилійскимъ Норманамъ. Папа Адріанъ хотѣлъ быть вѣрнымъ своему договору съ Вильгельмомъ [4]) и принялъ гостей неблагосклонно, — онъ не хотѣлъ дозволить имъ явиться на улицахъ Рима съ знаменемъ византійскаго императора. Но знатные и вліятельные друзья Византіи, которыхъ Мануилъ считалъ полезнымъ имѣть во всѣхъ важныхъ пунктахъ Италіи, взволновали римское населеніе, которое при Арнольдѣ Брешіанскомъ отвыкло, а теперь еще не привыкло вновь быть покорнымъ папѣ; знамя византійскаго императора принято было съ почетомъ, и Контостефанъ получилъ возможность нанимать кого-хочетъ въ византійскую службу. Адріанъ IV, по свидѣтельству Киннама, подвергнулъ римское населеніе церковному отлученію [5]).

---

1) Nicet. p. 127. Кентинарій — сто литръ, литра около 250 рублей; слѣдовательно, около семи милліоновъ съ половиною ‹золотомъ›.

2) Cinnam. p. 169. Nicet. p. 128.

3) Cinnam. p. 170. *Ἀνδρέαν κόμητα πόλεως Ἰταλικῆς.*

4) Ibid. *ὁ Ῥώμης ἀρχιερεὺς Γιλιέλμῳ φιλίαν ἤδη ὁμολογήσας.*

5) Cinnam. p. 171. *Ἐπιτιμίῳ τὸν δῆμον καθυποβάλλει.* Въ хроникѣ Дандоло тоже говорится объ интердиктѣ, наложенномъ на городъ около этого времени, хотя поводъ къ тому указывается нѣсколько иначе. Murator., XII, 287. Hadrianus -- propter vulnerationem unius cardinalis usque ad condignam satisfactionem urbem supposuit ecclesiastico interdicto.

Теперь онъ считалъ неестественнымъ и невозможнымъ союзъ стараго Рима съ новымъ, указывалъ народу на преступность сочувствія и пособія схизматическому императору. «Вы должны скорѣе помогать королю сицилійскому; онъ членъ одной съ вами церкви; грѣхъ оставить его безъ помощи въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ соперникомъ» [1]). Увѣщанія папы подѣйствовали мало. Когда одинъ дворянинъ римскій, испугавшись отлученія, измѣнилъ своимъ обязательствамъ въ отношеніи къ императору византій- 391
скому, толпа казнила его «in effigie». Ея угрожающее положеніе заставило Адріана снять отлученіе съ города Рима. Римляне потомъ дѣйствительно участвуютъ въ предпріятіяхъ Грековъ и графа Андрея, направленныхъ противъ Нормановъ. Въ хроникѣ одного монастыря записано, что въ ноябрѣ 1156 года графъ Андрей пришелъ съ Греками и Римлянами, завоевалъ всю область графа Фонди, сжегъ Trajectum, захватилъ земли монастыря Монтекассинскаго, нѣсколько городовъ и мѣстечекъ предалъ пламени [2]). Въ январѣ 1157 года эти предпріятія продолжались съ возрастающею смѣлостью. Греки и Римляне одержали побѣду надъ воинами короля сицилійскаго при Санто-Жермано, 200 человѣкъ взяли въ плѣнъ, взяли самый городъ, преслѣдовали бѣгущихъ Сицилійцевъ до монастыря Монте-Кассино, взяли самую гору Монте-Кассино и владѣли ею до начала марта (9 марта [3]).

Въ Константинополѣ очень гордились такими успѣхами, которые въ сущности принадлежали болѣе византійскому золоту,

---

1) Cinnam. p. 171.

2) Annales Ceccanenses, Pertz, SS. XIX, 284. A. 1157, ind. 6: Mense novembris venit comes Andreas cum Romanis et Graecis et aliis multis. Acquisivit totam terram Fundanam, et cremavit Trajectum. Pro vindicta principis acquisivit terram sancti Benedicti... Cp. Annales Casinens., ibid. p. 311.

3) Cinnam. p. 171. *Πόλιν τε οὖν, ἣ ἀπὸ Γερμανοῦ τοῦ ἐν ἁγίοις τὴν προσηγορίαν ἔχει, πολέμῳ παρεστήσαντο.* Annal. Casinens., Pertz, SS. XIX, 311. A. 1158. Comes Andreas sexto die mense ianuario cepit Sanctum Germanum - - - Terra autem sancti Benedicti reddidit se prefato comiti Andreae, qui sequenti die ascendit Casinum, et acriter pugnavit, sed nihil profecit... Cp. Annal. Ceccanens. ibid. p. 284. Ann. 1158, ind. 6 (= 1157). Hoc anno in festivitate Innocentum, feria quarta post epiphania, perrexit comes Andreas super civitatem Sancti Germani, et pugnavit cum militibus regis, et devicit eos, apprehendit ex illis plus quam ducentos et omnia spolia eorum; alii fugerunt ad monasterium sancti Benedicti, et comes misit civitatem in suo jure, et ascendit in montem, et possedit monasterium usque in festo quadraginta martyrum, dimisit omnem terram, et ivit Anconam. Ср. также Hugo Falcand. p. 273.

чѣмъ какимъ-либо доблестямъ Грековъ. Много хвастовства и еще болѣе лести нужно было для того, чтобы, за подвиги наемныхъ кондотьери, прославлять императора завоевателемъ Италіи. Византійскіе историки говорятъ о тридцати итальянскихъ городахъ, покорившихся Восточной имперіи. Имена ихъ можно было читать на стѣнахъ дворца Влахернскаго, на которыхъ подвиги императора были изображаемы въ великолѣпныхъ мозаическихъ картинахъ [1]). Не даромъ самъ императоръ жаловался на безобразную лесть, которую допустили художники. Гораздо болѣе идетъ
392 къ дѣлу похвала, высказанная въ надгробной рѣчи императору, знаменитымъ Евстаѳіемъ Солунскимъ. «Не было другого, кто бы лучше его разумѣлъ ту сторону военнаго искусства, которая состоитъ въ томъ, чтобы, безъ всякаго пролитія крови подданныхъ, доставлять имъ величайшіе военные трофеи, чтобы побѣждать враговъ врагами. Этотъ драконъ Сицилійскаго острова — *δράκων ὁ νησιωτικός*, который думалъ изрыгать пламя своего гнѣва выше кратеровъ Этны, много разъ былъ укрощаемъ оружіемъ императора, а еще болѣе былъ обуздываемъ домашними врагами, которыхъ возбуждало противъ него искусство самодержца» [2]).

Слѣдуетъ полагать, что въ глазахъ самого Мануила военныя дѣйствія, продолжавшіяся въ Кампаніи и въ области Неаполитанской, не имѣли другой цѣли, какъ только занять короля сицилійскаго дома, чтобы онъ не отмстилъ за Апулію и Калабрію вторженіемъ въ предѣлы имперіи по слѣдамъ Роберта, Боэмунда и Рожера. Въ 1158 году лѣтомъ Мануилъ все еще не могъ считать себя обезпеченнымъ въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, страшная туча собиралась надъ Италіей, которая грозила затопить ее отъ самыхъ Альпъ до южнаго конца и острова Сициліи включительно. Императоръ Мануилъ не располагалъ такими средствами въ Италіи, чтобы самостоятельно дѣйствовать въ виду готовящихся или уже начинающихся событій. Фридрихъ Барбаросса, несмотря на свои торжественныя увѣренія, вовсе не думалъ содѣйствовать Грекамъ въ пріобрѣтеніи Апуліи и Калабріи. Въ своемъ письмѣ

---

1) Cinnam. p. 172. Nicet. p. 269. Eustath. Thessalonic. opusc. p. 419.
2) Eustath. opuscula, ed. Tafel, p. 199.

къ Оттону Фрейзингенскому онъ насмѣшливо и полупрезрительно говоритъ о Грекахъ, встрѣтившихъ его въ Анконѣ, которые, надѣясь на свое множество и деньги, шли въ Апулію; ихъ деньги, по его словамъ, всецѣло достались Вильгельму. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ нужнымъ продолжать съ ними переговоры, хотя уже не могло болѣе итти и рѣчи о бракѣ, такъ какъ Барбаросса нашелъ себѣ жену гораздо ближе Византіи.

Послѣ Анконскаго свиданія, въ августѣ 1155 года, онъ отправилъ въ Константинополь знаменитаго аббата Вибальда, который получилъ наконецъ возможность лично увидѣть императора, которому заочно онъ такъ былъ преданъ. Можно думать, что Вибальдъ дѣйствовалъ въ пользу союза Византіи съ Барбароссой. Папа Адріанъ IV писалъ послѣ, что онъ не вѣритъ тѣмъ, которые говорятъ, будто аббатъ Вибальдъ дѣйствовалъ въ Греціи 393
противъ папы и святой римской церкви. Но, не вѣря, онъ, однако, требовалъ отъ него, чтобы онъ доказалъ свою вѣрность будущимъ своимъ поведеніемъ; поэтому Вибальдъ впредь долженъ былъ противодѣйствовать совѣтникамъ Фридриха, враждебнымъ папству [1]). Въ 1156 году Вибальдъ воротился изъ посольства, сопровождаемый греческими послами. Этихъ пословъ Барбаросса не хотѣлъ допустить къ себѣ, даже хотѣлъ наказать ихъ, какъ измѣнниковъ [2]). Императоръ германскій былъ въ высшей степени недоволенъ на своихъ греческихъ друзей за ихъ успѣхи въ южной Италіи, которые молва еще преувеличивала. «Хотя онъ и ненавидѣлъ Вильгельма, говоритъ Оттонъ, однако вовсе не хотѣлъ, чтобы посторонніе люди захватили то, что входило въ границы его имперіи и было несправедливо захвачено неистовою тиранніей Рожера» [3]). Онъ обвинялъ Грековъ въ томъ, что они завоевали Апулію собственно обманомъ, говорилъ о какихъ-то письмахъ съ его печатью, которыя они получили отъ него въ Анконѣ воровскимъ способомъ (per surreptionem), которыми они потомъ воспользовались для того, чтобы заставить себѣ сдаться приморскіе города; «показывая письма, Греки лгали, будто самъ императоръ германскій уступилъ имъ эти города». Легко догадаться, что

1) Jaffé, Monum. Corbeiens., p. 585.
2) Ottonis Frising., Gesta Frider., p. 156.
3) Ibid.

письма въ самомъ дѣлѣ были даны, и очень возможное дѣло, что, согласно съ прежними увѣреніями, Фридрихъ уступалъ ими въ пользу Грековъ Апулію и Калабрію. Но онъ не разсчитывалъ, что его письма такъ хорошо подѣйствуютъ (въ его глазахъ именно они все сдѣлали), и былъ раздраженъ. Раздраженіе его доходило до такой степени, что онъ на сеймѣ въ Вюрцбургѣ (іюнь 1166 года) взялъ съ князей имперіи клятвенное обязательство слѣдовать за нимъ въ походъ, предпринимаемый «по причинѣ нашествія Грековъ въ Апулію» [1]).

Итакъ, вмѣсто похода противъ Нормановъ въ союзѣ съ Греками, рѣшенъ былъ походъ на Грековъ, который, во всякомъ случаѣ, обратился бы въ пользу норманскаго короля. Однако, эти воинственныя рѣшенія какъ неожиданно были приняты (неожиданно, по крайней мѣрѣ, для византійскихъ пословъ, прибывшихъ съ полномочіями для окончательнаго скрѣпленія брачнаго договора Барбароссы съ родственницей Мануила), такъ же скоро были оставлены. Въ іюнѣ 1156 года Барбаросса совѣщался о
394 томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ послами Мануила, предать-ли ихъ казни, какъ измѣнниковъ, или съ безчестіемъ отпустить назадъ; а чрезъ мѣсяцъ, на сеймѣ въ Нюренбергѣ, эти послы были допущены предъ лицо императора, и грамоты, ими принесенныя, были приняты. Отвѣтъ на предложенія Мануила, конечно, не могъ быть удовлетворительнымъ, потому что бракъ Фридриха съ Беатрисою Бургундскою былъ уже совершившимся фактомъ; а на просьбу о помощи противъ Венгріи, съ которою Византія желала возобновить борьбу, несмотря на заключенный миръ, послѣдовалъ прямой отказъ [2]). Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ отправилъ съ своей стороны новое посольство въ Константинополь. Порученія, данныя послу, которымъ былъ капелланъ германскаго государя, по имени Стефанъ, намъ не извѣстны; но, во всякомъ случаѣ, самое рѣшеніе отправить его свидѣтельствовало, что открытый разрывъ съ наслѣдственнымъ византійскимъ союзникомъ былъ или устраненъ, или отсроченъ. Угадать причину по-

1) Ibid. p. 157. Propter invasionem Graecorum in Apuliam.

2) Ibid. p. 158. Praedicti nuncii non solum ob firmandum connubium ad imperatorem venerant, sed etiam ad vindicandam suam de Ungaris — injuriam; in utroque frustrati sunt. — Объ отправленіи капеллана Стефана, здѣсь же.

ваго поворота въ настроеніи государя, въ такой степени твердаго и стойкаго въ своихъ рѣшеніяхъ, было бы очень легко, если бы даже она не была намъ прямо указана. Въ промежуткѣ между двумя сеймами, іюньскимъ и іюльскимъ, получены были новыя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ южной Италіи, т. е. о майскомъ пораженіи Византійцевъ при Бриндизи королемъ сицилійскимъ Вильгельмомъ, что, по выраженію самого Барбароссы, равнялось совершенному искорененію Грековъ изъ Апуліи [1]). Вотъ почему далекая экспедиція на югъ полуострова, всегда непріятная нѣмецкимъ князьямъ, предполагалась ли она противъ Нормановъ, или противъ Грековъ, могла быть спокойно отсрочена. Другая, ближайшая задача выступала на первый планъ. Честь и права имперіи, по убѣжденію Фридриха и его совѣтниковъ, гораздо болѣе страдали въ сѣверной Италіи, чѣмъ въ южной. Города Ломбардіи, гордые своимъ богатствомъ, могуществомъ и образованностью, давно относились къ власти имперской, какъ къ пустому призраку; изъ своего римскаго похода для коронаціи Барбаросса вынесъ впечатлѣнія, оскорблявшія его наиболѣе задушевныя и наиболѣе глубокія убѣжденія и понятія, и борьба,
которая должна была наполнить цѣлыя тридцать лѣтъ его даль- 335
нѣйшаго царствованія, уже была рѣшена въ его суровой и непреклонной душѣ. На первомъ сеймѣ, который Фридрихъ держалъ послѣ своего возвращенія въ Германію (октябрь 1155 въ Регенсбургѣ), уже шла рѣчь о походѣ противъ города Милана, подвергнутаго заранѣе имперской опалѣ, и представители общины Веронской обязались принять въ немъ участіе. Въ 1156 году чешскій государь Владиславъ, носившій до сихъ поръ титулъ князя или герцога, получилъ отъ императора королевскую корону; цѣною высокаго титула была полная и безусловная помощь императору въ походѣ на Миланъ. Наконецъ, въ концѣ марта 1157 года принято было окончательное рѣшеніе, по которому весна 1158 была опредѣлена какъ срокъ движенія германскихъ

---

1) Ibid. p. 156. Non multo tamen post, ex quo cognovit Gwillehelmum, fusis Graecis, Apuliam et Calabriam recepisse, consilium mutavit.—Ср. письмо къ Вибальду въ мартѣ 1157 года. Monum. Corbeiens. p. 588 № 456. Ex quo Graecorum gentem de Apulia exterminatam esse comperimus.

дружинъ за Альпы [1]). Результатомъ похода въ Польшу, совершоннаго въ промежуткѣ (августъ 1157 года), было то, что и Болеславъ польскій, по примѣру чешскаго князя, далъ клятвенное обѣщаніе принять участіе въ ломбардской экспедиціи. Пока гроза собиралась надъ сѣверною Италіей, Византійцы успѣли отчасти поправить свои дѣла въ южной и все еще держались въ средней. Не совсѣмъ они были искоренены и въ Апуліи, а въ Маркѣ Анконской укоренились такъ прочно, что отсюда могли расширять свои происки во всѣ стороны. Союзъ Мануила съ ломбардскими городами не былъ невозможностью, какъ это доказали послѣдующія событія. Преданія о власти Восточнаго императора крѣпко держались въ бывшемъ Равенскомъ экзархатѣ, и особенно въ самой Равеннѣ, наполненной памятниками византійскихъ намѣстниковъ. Здѣсь, прежде всего, могли встрѣтиться притязанія обѣихъ имперій. Такимъ образомъ, возможность столкновенія между ними не была устранена и послѣ отмѣны Барбароссою похода въ южную Италію. Чѣмъ болѣе грозны и величавы были приготовленія Фридриха, тѣмъ менѣе онъ былъ расположенъ допускать чужія притязанія. Болѣе, чѣмъ когда-либо, проникнутый гордымъ сознаніемъ своего могущества, высокимъ представленіемъ о своей императорской власти, для осуществленія которой онъ поднималъ міръ германскій и славянскій, Барбаросса принялъ новое посольство Мануила, прибывшее
396 осенью 1157 года. Несмотря на богатые дары, присланные ему союзникомъ, несмотря на родственныя напоминанія, которыми озаботилась императрица Ирина, византійскіе послы встрѣтили опять самый дурной пріемъ; было усмотрѣно, что ихъ рѣчи, надутыя и запутанныя, дышатъ греческою надменностью и не выражаютъ прямо уваженія, подобающаго римскому государю и властителю города и міра [2]). Ясно, что дѣло шло объ император-

1) Вышеуказанное письмо къ Вибальду: Scire te volumus, quod expeditionem, quam apud Wirzbur in Apuliam indiximus - - - principibus duximus relaxandam. Inde est, quod die Palmarum (24 марта) Fulde ex consilio principum expeditionem indiximus Mediolanum a proxima vigilia pentecosten futura usque annum Ulme promovendam. Cp. Annal. Colon. maximi: Pertz, SS. XVII, 766.

2) Gesta Frider., III, c. 6 (p. 168, 169). Fastum regalem et Graecum in subornato sermone videbantur sapere tumorem... Spernentes ampullosa, non nisi eam quam deceret Romanum principem et Urbis ac Orbis dominatorem, reverentiam suis salutationibus apportarent.

скомъ титулѣ. Мы знаемъ, что послѣ Фридрихъ хвалился предъ однимъ изъ преемниковъ Мануила, Исаакомъ Ангеломъ, будто бы покойный и славный предшественникъ Исаака всегда, именно даже во время враждебныхъ отношеній, именовалъ его подобающимъ образомъ и не отрицалъ въ немъ его императорскаго сана [1]). Это одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ, что, несмотря на возвышенность своего характера, Барбаросса иногда способенъ былъ извращать истину. Именуя себя римскимъ императоромъ, Мануилъ не могъ давать того же титула своему сопернику [2]). То, что можно было терпѣть прежде, казалось невыносимымъ и оскорбительнымъ теперь, когда, во имя идеи, обозначаемой желаннымъ титуломъ, осуждены были на гибель и разореніе цвѣтущіе города Ломбардіи, когда въ Грекахъ, все остающихся въ Анконѣ, Барбаросса расположенъ былъ видѣть соперниковъ и, пожалуй, союзниковъ ломбардскимъ общинамъ, тоже отрицавшимъ его право. Говорятъ, что только просьбами и слезами вымолили себѣ снисхожденіе послы византійскаго императора и допущены были, изъ уваженія къ императрицѣ Иринѣ и къ памяти Конрада III, присутствовать при посвященіи въ рыцари племянника первой и Конрадова сына, Фридриха, какъ этого желала тетка, сдѣлавшая такой наказъ посламъ и приславшая на сей торжественный случай свои подарки [3]). Отношенія между двумя имперіями всетаки остались мало пріязненными.

Въ іюлѣ 1158 года Фридрихъ Барбаросса перешелъ Альпы,
ведя за собою самое многочисленное войско, какое только соби- 397
ралось когда-либо впродолженіе среднихъ вѣковъ. Византійцы съ своими отвлеченными имперскими притязаніями, опиравшіеся на политическую интригу, на золото, расточаемое наемнымъ кондотьери, осуждены были, во всякомъ случаѣ, играть жалкую роль въ виду этой грозной тучи, бросавшей свою тѣнь до самыхъ

1) «Chronic. magni Presbyteri», Pertz, SS. XVII, 510. Antecessor vero ipsius, piae recordationis, Emanuel, et quando inimici eramus ad invicem, nomen nostrum expresse posuit in literis suis, nec in aliquo dignitatibus nostrae majestatis derogavit.

2) Кромѣ сейчасъ приведеннаго случая (см. Gesta Frider., IV, cap. 76, p. 339), гдѣ говорится тоже, повидимому, не совсѣмъ вѣрно, что будто Барбаросса склонилъ Мануила называть себя самого императоромъ новаго Рима: но уже изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Мануилъ нѣкоторое время называлъ себя просто императоромъ Рима.

3) Gesta Frider., III, cap. 6 (p. 169).

южныхъ оконечностей полуострова. Имъ не пришлось воспользоваться всеобщимъ смущеніемъ Италіи, чтобы привести въ малонадежную пристань Восточной имперіи напуганную добычу. Двое изъ высшихъ сановниковъ германскаго императора, канцлеръ Рейнальдъ и пфальцъ-графъ Оттонъ были имъ отправлены впередъ для возстановленія имперскаго авторитета и для приведенія къ присягѣ городовъ Италіи, не желающихъ раздѣлить судьбу, на которую былъ обреченъ Миланъ. Они прибыли въ Равенну и, принятые съ большимъ почетомъ архіепископомъ города и его 14-ю епископами, хотѣли приступить къ исполненію даннаго имъ порученія. Но, къ величайшему своему неудовольствію, они узнали, что всѣ городскія власти, которыхъ слѣдовало привести къ присягѣ, и во главѣ ихъ самъ подеста, ушли къ Грекамъ въ Анкону. Присягу, которой требовалъ для себя черезъ своихъ уполномоченныхъ Фридрихъ Барбаросса, представители Равенской общины, въ числѣ 300 человѣкъ, хотѣли принести другому императору, предъ византійскимъ сановникомъ, который находился въ Анконѣ, обѣщалъ имъ много золота и за то получилъ обязательство оказывать ему защиту противъ кого бы то ни было. Послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго ожиданія, канцлеръ и пфальцъ-графъ, не скрывая своего гнѣва, оставили Равенну и направились по дорогѣ къ Анконѣ. На пути они встрѣтили равеннскаго подесту и его свиту, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ; путешественники возвращались, обремененные будто-бы византійскимъ золотомъ и тѣмъ болѣе безпомощные противъ вооруженныхъ нѣмецкихъ рыцарей, хотя число послѣднихъ и было совершенно ничтожно. Духъ мужества осѣнилъ канцлера Рейнальда, какъ онъ самъ объ этомъ послѣ свидѣтельствовалъ, и, надѣясь на Господа, онъ бросился самъ-двѣнадцатый на мирную толпу друзей Византіи; произошла схватка, въ которой подеста, его сынъ и шесть наиболѣе знатныхъ гражданъ Равенны были захвачены въ плѣнъ, а остальные бѣжали. Отдавъ своихъ плѣнниковъ подъ стражу властямъ города Римини, Нѣмцы направились далѣе; страхъ, наведенный на всѣ сосѣднія общины ихъ энергическимъ дѣйствіемъ съ Равеннатами, былъ такъ великъ,
398 что приморскіе города: Пезавро, Фано, Синигалья и другіе безпрекословно отворяли имъ ворота и объявляли покорность запад-

ному Цезарю. Только Анкона, гдѣ находился центръ византійскаго вліянія и лично пребывалъ протостраторъ Алексѣй, хотѣла сохранить вѣрность Восточному императору и не выслала имъ на встрѣчу депутаціи съ приглашеніемъ вступить въ городъ. Канцлеръ Рейнальдъ Дассель узналъ теперь, если этого онъ не зналъ прежде, что въ городѣ находится византійскій «логоѳетъ», что открытая цѣль его пребыванія здѣсь есть наборъ наемныхъ воиновъ, называемыхъ солдатами (soldarii), а дѣйствительная — покореніе приморскихъ сосѣднихъ городовъ силою или хитростью. Слѣдовало навести страхъ на Анконитанцевъ, и сдѣлать это было не трудно: съ разныхъ сторонъ собраны были пѣшія и конныя войска и расположились лагеремъ на морскомъ берегу, угрожая осадою, приступомъ, разореніемъ всего, что находилось внѣ городскихъ стѣнъ. Напуганные жители приступили къ византійскому агенту Мануила, чтобы онъ спасъ ихъ отъ угрожающей бѣды и укротилъ нѣмецкую ярость. Устроено было свиданіе въ нѣмецкомъ лагерѣ, куда явился Алексѣй Аксухъ въ сопровожденіи своихъ навербованныхъ воиновъ и былъ принятъ при звукѣ трубъ и подъ сѣнью нѣмецкихъ знаменъ. Канцлеръ Барбароссы и пфальцъ-графъ Оттонъ угрожающимъ тономъ спрашивали византійцевъ, какъ они осмѣлились, безъ согласія законнаго императора, распоряжаться въ Италіи, говорили объ извѣстной хитрости Данаевъ и вѣроломствѣ Грековъ; такъ какъ они теперь уличены во враждѣ къ Римской имперіи, то за оскорбленіе величества — pro crimine lesae majestatis — подлежатъ смертной казни. На это Византійцы, съ неменьшею ученостью и съ соотвѣтствующимъ силѣ угрозъ трепетомъ, возражали, что они сами знаютъ Юліевъ законъ о величествѣ (lex Iulia majestatis), но что онъ неприложимъ къ нимъ, и что обвиненіе во враждебныхъ намѣреніяхъ противъ германскаго императора не имѣетъ никакого основанія. Замѣчательно, что, по словамъ самого Оттона Фрейзингенскаго, Греки не могли быть уличены въ какомъ-либо обманѣ; съ нихъ взяли большіе подарки и позволили имъ воротиться въ отечество. Анкона, а затѣмъ и Равенна принесли присягу на вѣрность Фридриху Барбароссѣ [1]).

1) Весь разсказъ о событіяхъ въ Равеннѣ и Анконѣ основанъ на письмѣ канцлера Рейнальда (см. Sudendorf, «Registrum», II, 131), который почти бу-

399 Полу-комическая сцена въ Анконскомъ предмѣстьѣ имѣла, однако, важное значеніе для византійской политики. Сдѣлалось до очевидности яснымъ, что германскій союзникъ вовсе не намѣренъ дѣлиться чѣмъ бы то ни было въ Италіи съ другою имперіею. Съ потерею Анконы утраченъ былъ главный базисъ византійскаго вліянія и византійскаго дѣйствія на полуостровѣ, такъ какъ городъ Бари лежалъ въ развалинахъ, а успѣхи въ норманской Кампаніи не представляли прочнаго и серьезнаго пріобрѣтенія уже по самой ихъ отдаленности отъ восточнаго берега Адріатики. Сверхъ того, они были достигнуты при помощи союзниковъ, которые теперь стали измѣнять; такъ поступилъ, по крайней мѣрѣ, графъ Андрей Рупе-Канина, перешедшій на службу къ Барбароссѣ. Въ довершеніе всего приходилось снова познакомиться съ опасностями норманскаго морского нашествія, причемъ нельзя было разсчитывать на флотъ Венеціанской республики, заключившей съ Вильгельмомъ выгодный для себя договоръ. Въ іюнѣ 1158 года, слѣдовательно, въ одно время съ событіями въ Равеннѣ и Анконѣ, норманскія галеры, въ числѣ 140, и 24 быстроходныхъ судна, снаряженныя еще прошедшимъ лѣтомъ, явились въ водахъ византійскихъ подъ начальствомъ адмирала Стефана; безпрепятственно подошли они къ Негропонту, гдѣ стояла византійская эскадра, и нанесли ей пораженіе; затѣмъ Норманы взяли, ограбили и сожгли городъ Негропонтъ, направились отсюда въ заливъ Воло къ городу Алмиру и сдѣлали съ нимъ то же самое; здѣсь, между прочими зданіями, сгорѣла церковь святаго Іакова, принадлежавшая пизанскимъ купцамъ; нѣсколько другихъ приморскихъ городовъ также пострадали; говорятъ, что сорокъ наиболѣе быстрыхъ судовъ проникли въ самый Босфоръ, и хотя ничего не могли сдѣлать серьезнаго, а только дали возможность пустить нѣсколько серебряныхъ и позолоченныхъ стрѣлъ во Влахернскую церковь, въ честь и отъ имени короля Вильгельма, но всетаки это нашествіе навело большой страхъ на жителей столицы [1]).

квально повторенъ въ «Annales Colonienses maximi» (Pertz, SS. XVII, 767). Разсказъ Оттона Фрейзингенскаго или Рагевина, его продолжателя (Gesta Frider., III, cap. 20, p. 190), въ сущности согласенъ во всемъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей.

1) Наиболѣе подробный и вполнѣ достовѣрный разсказъ о норманскомъ нашествіи 1158 года въ «Annales Pisani» (Pertz, SS. XIX, 243). Guilielmus

Все это вмѣстѣ взятое дѣлало необходимымъ заключеніе мира 400
съ королемъ сицилійскимъ. Напрасно было мечтать о пріобрѣтеніи Апуліи или Кампаніи, когда союзникъ, на котораго разсчитывали для достиженія подобныхъ результатовъ, помѣшалъ удержаться даже въ Анконѣ. Легко было предвидѣть, что если бы Грекамъ въ самомъ дѣлѣ удалось утвердиться въ южной Италіи вопреки Норманамъ, то имъ пришлось бы потомъ имѣть дѣло съ германскимъ императоромъ. Задачею византійской политики теперь должно было сдѣлаться противодѣйствіе стремленіямъ Гогенштауфеновъ, а не союзъ съ ними. Фридрихъ Барбаросса считалъ себя государемъ всей Италіи и былъ намѣренъ вынудить признаніе своей власти въ Капуѣ, Апуліи, Калабріи и Сициліи, въ чьихъ бы рукахъ ни были эти владѣнія. Во время борьбы съ ломбардскою лигою онъ дѣйствительно замышлялъ походъ съ этими цѣлями на югъ полуострова.

Лѣтомъ 1158 года заключенъ былъ миръ между Вильгельмомъ Сицилійскимъ и Мануиломъ [1]). Этотъ миръ означалъ отреченіе отъ блестящихъ плановъ, долго лелѣемыхъ въ Византіи. Онъ означалъ также разрывъ дружбы и союза между двумя

---

rex Cicilie a kalendis Aprelis usque ad kalendas Octubres fecit stolum 140 galearum et 24 dermonum (= δρόμωνες), qui dermones portaverunt 400 milites. Quem stolum rex Guilielmus in mense Iunio misit cum suo amirato et cum multis de suis baronibus super imperatorem Constantinopolitanum; qui stolus pervenit ad Negropo, ubi erat exercitus imperatoris Constantinopolitani et magnus stolus de mari. Amiratus regis Guilielmi bellum viriliter incepit in mari et in terra, eosque devicit et superavit, et totum stolum imperatoris Constantinopolitani retinuit, et civitatem Negropo pugnando fortiter cepit, destruxit et expoliavit, et multam pecuniam inde atraxit, civitatem et stolum maris in continenti igne combussit. Mox etiam civitatem Almiro audacter aggressus est, eamque civitatem et sanctum Iacobum Pisanorum cum turre cepit et expoliavit eamque igne incendit. Postea magnam partem Romanie devastavit et expoliavit... Флотъ воротился въ сентябрѣ. — У Ромуальда Салернитанскаго (Pertz, SS. XIX, 499) говорится только о разореніи Егрипа (Негропонта) и сосѣднихъ городовъ. О появленіи эскадры предъ самою столицею упоминаетъ византійскій источникъ (Nicet. p. 130). Киннамъ молчитъ совершенно объ этомъ фактѣ, какъ и вообще о сицилійской экспедиціи 1158 года.

1) Annal. Casinens., Pertz, SS. XIX 311, sub anno 1158. Imperator Constantinopolitanus fecit pacem cum rege Siciliae usque ad triginta annos. Ср. «Annal. Romuald. Salernit.» ibid. p. 499. Киннамъ (p. 172 и сл.) представляетъ побужденія Мануила къ заключенію мира въ такомъ видѣ, который мало соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Приводимая имъ переписка Мануила и короля Вильгельма поражаетъ своимъ страннымъ тономъ и всего скорѣе есть подѣлка, едва ли не вышедшая изъ византійской канцеляріи.

имперіями, завязанныхъ еще при Лотарѣ и Кало-Іоаннѣ и еще болѣе скрѣпленныхъ личными отношеніями Конрада и Мануила, и вмѣсто того подготовилъ союзъ Мануила съ Александромъ III и ломбардскими городами противъ Фридриха Барбароссы. Но византійскія вооруженныя силы уже не видали болѣе Италіи [1]).

---

1) ‹Событія, о которыхъ говорится въ статьяхъ «Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ», подвергнуты подробному обслѣдованію въ сочиненіи F. Chalandon, Les Comnène, v. II. Paris 1912›.

На отдѣльномъ оттискѣ (своевременно не попавшемъ въ руки редактора) В. Г. Васильевскій сдѣлалъ слѣдующія добавленія:

Къ стр. 378 прим. 1.

[Hadriani IV vita, a Bosone cardinali conscripta (Pontificum Romanorum vitae, ed. Watterich, II, 332): Eodem tempore supradictus rex Siciliae, postquam excommunicationis sententia percussus est, in contemptu coepit haberi a suis, et cum salubria fidelium suorum consilia de satisfactione praestanda contemneret, in sua elatione ac fatuitate fere solus remansit. Quippe maiores eius comites atque barones cum maioribus Apuliae civitatibus ubi a tanta eum perversitate revocare nullatenus potuerunt, eo relicto nuncios ad domnum Adrianum Papam].

Къ стр. 378, къ словамъ «Михаилъ Палеологъ и Іоаннъ Дука»:

[По разсказу Бозона, біографа папы Адріана (Watterich, p. 333), Палеологъ привезъ письма къ папѣ съ предложеніемъ союза и обѣщаніе денежной помощи. О союзѣ съ Греками Адріана (ibid. p. 332): interea imperator Graecorum maximum de thesauro pecuniam per quemdam principem suum nomine Paliologum misit Anconam. Scripsit etiam eidem Pontifici, rogans et petens ab eo ut de civitatibus Apuliae, quae sitae sunt in maritimis, tres eidem imperatori eo tenore concederet, ut ipse ad expugnandum praedictum regem et de tota Sicilia expellendum sufficienter eidem Pontifici vires tam in pecunia quam in militibus et aliis armatorum praesidiis indeficienter conferret. Praeterea quinque millia libras auri eidem Papae eiusque curiae nihilominus dare promisit. Pro his ergo, quae contra ipsum regem quotidie tractabantur valde perterritus...]

Къ стр. 389 прим. 2.

[Hadriani IV et Wilhelmi regis concordia Beneventana (Watterich, II, 352): caesis et comprehensis in manu bellica... Graecis et barbaris nationibus, quae regnum nostrum nulla earum vi, sed proditorum nostrorum dolositate intraverant].

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИКОНОБОРЦЕВЪ[1].

Histoire de la civilisation hellénique par M. C. Paparrigopulo, professeur d'histoire à l'université d'Athènes. Paris, 1878.

Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts von Dr. Karl Eduard Zachariae von Lingenthal. Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage. Berlin, 1877. <3 Aufl. Berlin 1892>.

Ὁ πρόχειρος νόμος. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Edidit C. E. Zachariae, i. u. d. Heidelbergae, 1837.

Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini et cet. Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852.

Ecloga privata aucta, Ecloga ad prochiron mutata et Epanagoge aucta (Ius graeco-romanum. Pars IV). Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1865.

O znaczeniu prava rzymskiego i rzymsko-byzantinskiego u narodów słowianskych. W dodatku excerpta serbskie z praw rzymsko-byzántynskich. Wyložyl, objasnil i wydal R. Hube. Warszawa, 1868.

Первоначальный Славяно-русскій Номоканонъ. Сочиненіе А. С. Павлова. Казань, 1869.

Судебникъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, Указы дополнительные къ Судебнику и т. д. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской академіи наукъ 1768 г.

Въ настоящей статьѣ будетъ идти рѣчь объ Эклогѣ царей 258
Льва и Константина и о такъ называемыхъ «земледѣльческихъ законахъ» изъ Юстиніановыхъ книгъ. Главная наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить отношенія, въ которыхъ находятся къ двумъ поименованнымъ памятникамъ

---

1) <Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 199, стр. 258—309, октябрь 1878 г.; ч. 200, стр. 95—129, ноябрь 1878 г.>.

византійскаго законодательства таковые-же два славяно-русскіе, именно — «Законъ судный людемъ», печатаемый въ нашей Кормчей, и «Уставъ о земскихъ дѣлахъ», приписываемый Ярославу Мудрому. Въ сущности только послѣдняя часть задачи потребовала отъ насъ новыхъ изслѣдованій; относительно всего прочаго
259 мы должны были ограничиться повтореніемъ того, что было сказано другими. Изданія и сочиненія, которыми мы пользовались, обозначены нами наверху; во главѣ ихъ мы поставили новѣйшее сочиненіе профессора аѳинскаго университета Папарригопуло. Съ симъ послѣднимъ мы сочли умѣстнымъ и полезнымъ ознакомить читателей нашей статьи, во-первыхъ, потому, что сочиненіе г. Папарригопуло само по себѣ представляетъ явленіе, достойное вниманія, а во-вторыхъ, потому, что именно въ этой книгѣ иконоборческое законодательство выставлено хотя и не въ новомъ, но въ особенно яркомъ свѣтѣ, такъ что оно даетъ смыслъ и значеніе всей внутренней исторіи византійскаго государства до самаго разрушенія его Латинянами. Вмѣсто предполагаемой неподвижности и безжизненнаго однообразія византійской исторіи, въ книгѣ г. Папарригопуло намъ представляется живая борьба за преобразовательныя начала, обнимавшія всѣ стороны общественнаго и государственнаго быта, борьба съ разными перипетіями длившаяся въ продолженіе вѣковъ. Два небольшіе законодательные памятника, самая принадлежность которыхъ иконоборческой эпохѣ долго оставалась неизвѣстною или сомнительною, являются здѣсь лозунгомъ широкой и смѣлой революціи. Эклога съ своими дополненіями получаетъ первостепенное значеніе не только въ спеціальной исторіи римскаго права, но и въ общей исторіи человѣчества.

I.

О книгѣ г. Папарригопуло.

«Исторія еллинской цивилизаціи», появившаяся сначала на новогреческомъ языкѣ, представляетъ, по признанію автора, плодъ его тридцатилѣтнихъ занятій исторіей своего народа; она излагаетъ въ сжатомъ видѣ изслѣдованія и воззрѣнія, содержа-

щіяся въ его пятитомной Исторіи еллинскаго народа (*Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους*), весьма уважаемой на родинѣ и хорошо извѣстной съ давнихъ поръ и въ другихъ странахъ, хотя бы и однимъ спеціалистамъ. Благодаря современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, новое сочиненіе г. Папаррригопуло, вскорѣ послѣ своего появленія въ Аѳинахъ, было переведено на французскій языкъ и напечатано въ Парижѣ. Какъ патріотическій голосъ ученаго Грека, обращающагося къ симпатіямъ образованной Европы съ напоминаніемъ о заслугахъ и правахъ своей націи, сочиненіе г. Папаррригопуло было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ французскою публикой; отзывы ученыхъ журналовъ указываютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, сопровождаемымъ 260
чаще одобреніемъ, чѣмъ порицаніемъ, на поразительную новость его взглядовъ на исторію средневѣковой Византіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и русскій читатель, который рѣшился бы взять въ руки французскую книгу аѳинскаго профессора, нашелъ бы въ ней много новаго, занимательнаго и поучительнаго. Мы, съ своей стороны, должны будемъ оставить въ сторонѣ именно то, что болѣе прямымъ образомъ относится къ современности и составляетъ публицистическое содержаніе книги. Согласно со своею задачею, мы остановимся только на основныхъ воззрѣніяхъ автора относительно прошлой жизни его народа.

Само собою разумѣется, что аѳинскій профессоръ смотритъ на исторію византійской имперіи съ національной греческой точки зрѣнія, настаиваетъ на непрерывномъ существованіи эллинизма и эллинскихъ началъ; римское господство и римскія идеи представляли только случайный временный наплывъ; окончательное торжество надъ ними эллинизма, послѣдовавшее за реакціей Юстиніана въ противоположномъ направленіи, было въ то же время началомъ новой жизни для имперіи. Отсюда, изъ тайниковъ народнаго эллинскаго духа, возникли и прогрессивныя стремленія иконоборческой эпохи... Не видно, чтобы византійская имперія чѣмъ-нибудь была обязана римскимъ государственнымъ традиціямъ... Въ этомъ отношеніи хорошимъ дополненіемъ къ воззрѣніямъ г. Папаррригопуло и нѣкоторымъ исправленіемъ односторонности, присущей его изложенію, могли бы служить замѣчанія, такъ прекрасно выраженныя въ одной изъ статей В. И. Ламан-

скаго (въ I-мъ томѣ Славянскаго Сборника). Не одно только превосходство греческой средневѣковой гражданственности, не одинъ только блескъ и величіе древнеэллинской славы и несомнѣнныя заслуги Грековъ въ позднѣйшей цивилизаціи и христіанской церкви объясняютъ ихъ господствующее положеніе въ имперіи, власть которой признавали вмѣстѣ съ Греками разныя другія народности, начиная Славянами и кончая Армянами. Важно было то, что греки называли себя всетаки Ромэями, то-есть Римлянами, что ихъ императоръ былъ римскій императоръ, представитель и носитель той идеи, высокое уваженіе къ которой вкоренено было въ умахъ народовъ со временъ Августа, Траяна, Константина. Предъ этою старою идеей, доставшейся Грекамъ по наслѣдству отъ Римлянъ, склонялись самыя смѣлыя притязанія другихъ народностей, другихъ народныхъ вождей. Правда, носить идею и преданія міродержавнаго Рима оказалось не по плечу новымъ Грекамъ. Но всетаки сами императоры, вопреки даже узкимъ и завистливымъ возгласамъ Грековъ, умѣли поддержи-
261 вать римскіе правительственные и государственные принципы, принципы справедливаго отношенія ко всѣмъ варварскимъ народностямъ...

Переходимъ къ взглядамъ автора на исторію иконоборства и постараемся изложить ихъ въ возможной полнотѣ и отчасти его собственными словами.

Истинный характеръ реформы, начало которой было положено Львомъ III, долго оставался непонятнымъ. Левъ и его преемники были прозваны иконокластами, какъ будто задача, которую они себѣ поставили, ограничивалась уничтоженіемъ иконъ. Такая оцѣнка ихъ стремленій не соотвѣтствуетъ истинѣ. Однако, такой именно взглядъ господствовалъ не только во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но и въ новѣйшія времена, — по причинамъ, которыя легко понять. Всѣ законы реформы и всѣ литературныя произведенія, къ ней благосклонныя, были усердно истребляемы, когда она, послѣ болѣе чѣмъ столѣтней борьбы, потерпѣла неудачу. Удержавъ за собою поле брани, лѣтописатели противоположной партіи не скупились на всякаго рода клеветы противъ своихъ прежнихъ соперниковъ и хранили глубокое молчаніе о наиболѣе благородныхъ ихъ дѣяніяхъ; они

говорятъ только о мѣрахъ, касавшихся иконъ; они знали, что та сторона реформы, которая бросалась въ глаза и оскорбляла привычки и мелкіе интересы большинства, наиболѣе будетъ пригодна къ тому, чтобы уронить реформу въ общественномъ мнѣніи. По счастію, сила истины беретъ верхъ даже тогда, когда люди систематически стараются скрыть ее или извратить. Ѳеофанъ и патріархъ Никифоръ, оба — заклятые враги революціи, совершавшейся въ VIII вѣкѣ; но есть осязательная разница въ оттѣнкахъ картины, которую они начертали. Страстный и увлекающійся Ѳеофанъ обезображиваетъ безъ милосердія лица и событія, о которыхъ говоритъ; Никифоръ соблюдаетъ болѣе мягкіе тоны въ своихъ приговорахъ. Если онъ осуждаетъ, а иногда даже извращаетъ факты, то всетаки не доходитъ до того, чтобы изобрѣтать басни, и не отказываетъ своимъ противникамъ во всякой добродѣтели. Съ другой стороны, хотя протоколы большого собора, постановившаго уничтоженіе иконъ, и не дошли до насъ въ неприкосновенной цѣлости, тѣмъ не менѣе они всетаки даютъ возможность составить вѣрное представленіе объ его духѣ и о ходѣ его совѣщаній. Наконецъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, Эдуардъ Цахаріэ сдѣлалъ драгоцѣнное открытіе; онъ обнародовалъ самый текстъ гражданскаго кодекса (code civil) реформаціи и снабдилъ его превосходнымъ комментаріемъ. Критическое разсмотрѣніе всѣхъ этихъ данныхъ раскрыло намъ въ концѣ концовъ истинный характеръ этой эпохи, такъ несправедливо не 262
признанной въ продолженіе вѣковъ и разсматривавшейся какъ простая борьба иконокластовъ съ иконопоклонниками. Истина заключается въ томъ, что въ VIII вѣкѣ сдѣлана была замѣчательная попытка революціи соціальной, политической и религіозной. Реформа религіозная ограничивалась осужденіемъ иконъ, запрещеніемъ употребленія мощей и уменьшеніемъ числа монастырей; она не касалась основныхъ догматовъ вѣры христіанской. Реформа соціальная и политическая, напротивъ, наложила смѣлую руку на всѣ пороки, которые подкапывали моральную и матеріальную силу общества; она отняла у духовенства общественное обученіе, уничтожила крѣпостное право (abolit le servage), старалась ограничить число рабовъ, освятила въ извѣстной степени религіозную терпимость, подчинила общему налогу цер-

ковныя имущества, однимъ словомъ — обнаружила стремленіе основать мужественное общество на тѣхъ безсмертныхъ началахъ, которымъ суждено было окончательно восторжествовать въ мірѣ только по истеченіи десяти столѣтій... При этомъ слѣдуетъ прибавить, что эллинская реформа, не касаясь основныхъ догматовъ вѣры, въ томъ, что принадлежитъ къ области соціальныхъ преобразованій, была даже болѣе широка и систематична, чѣмъ реформа, совершившаяся позднѣе въ западной Европѣ, исповѣдывала такія начала и такія доктрины, какія съ большимъ удивленіемъ встрѣчаешь въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Духъ иконоборческой реформаціи особенно ясно обнаруживается въ законодательной области; два кодекса были обнародованы при Львѣ III: уставъ крестьянскій и уложеніе гражданское (le code rural et le code civil), болѣе извѣстное подъ именемъ Эклоги. Тотъ и другой содержатъ смѣлыя нововведенія. Патронатъ (patrocinium), который прежде обременялъ двойнымъ налогомъ многихъ землевладѣльцевъ, — налогомъ, платимымъ патрону, и налогомъ въ пользу фиска, — исчезъ изъ новаго закона; сверхъ того, нѣтъ болѣе рѣчи ни о сервахъ, ни о людяхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Классъ земледѣльческій былъ освобожденъ отъ повинностей (servitudes), которымъ онъ до тѣхъ поръ былъ подчиненъ подъ разными формами и различными наименованіями. Если мы подумаемъ, что крѣпостное право (le servage) перестало удручать остальную Европу только многимъ позднѣе, и что въ извѣстныхъ странахъ оно было уничтожено только двадцать лѣтъ тому назадъ, то мы по истинѣ должны будемъ удивиться, видя, что либеральныя идеи, которыя должны
263 были обнаружить свою власть при исправленіи этого зла, возникаютъ уже въ началѣ VIII вѣка, внутри эллинизма среднихъ вѣковъ...

Существенныя измѣненія были внесены въ систему брачныхъ отношеній (la constitution du mariage), отеческой власти, опеки, наслѣдства. Семейственное право въ томъ видѣ, какъ оно установлено было Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ, было не совсѣмъ сообразно съ доктринами восточнаго эллинизма, удерживавшаго въ ихъ чистотѣ евангельскія начала. Сообразно съ этими доктринами, бракъ былъ единственнымъ союзомъ мужчины и женщины;

этотъ союзъ долженъ былъ, на сколько то возможно, оставаться не расторжимымъ, взаимныя права и обязанности русунговъ должны были оставаться равными. Юстиніаново право, хотя и подверглось вліянію христіанской догмы, въ этомъ отношеніи сохранило въ большей части своихъ постановленій много слѣдовъ древняго римскаго законодательства: оно признавало конкубинатъ и сообщало законныя права дѣтямъ, которыя отъ него происходили; оно допускало слишкомъ большую легкость въ расторженіи брака и давало отцу положеніе высшее сравнительно съ матерью. Все это законодательство подверглось теперь кореннымъ измѣненіямъ. По Эклогѣ, конкубинатъ разсматривается de jure какъ союзъ супружескій; другими словами—нужно или вступить въ бракъ съ женщиной, или отослать ее прочь. Блудъ (stuprum) подвергается разнымъ наказаніямъ, смотря по разнымъ его случаямъ. Основанія для развода сведены къ четыремъ: прелюбодѣяніе жены, безсиліе мужа, покушеніе на жизнь, проказа у одного изъ двухъ сожителей. Что касается имущества супруговъ, то принципъ, который господствуетъ въ Эклогѣ, есть тотъ, что бракъ ведетъ за собою такое же общеніе имущества (l'union des biens), какъ и общеніе лицъ, и что эта общность должна быть болѣе или менѣе полною—смотря потому, имѣютъ супруги дѣтей, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ имущество остается нераздѣльнымъ даже по смерти одного изъ супруговъ; переживший беретъ на себя управленіе не только приданымъ и предбрачнымъ даромъ (propter nuptias donatio), но и всего имущества въ совокупности, оставшагося послѣ умершаго. Сверхъ того, Эклога уничтожила до послѣднихъ слѣдовъ ту громадную власть, какую отецъ нѣкогда имѣлъ надъ сыновьями, равно какъ и всякое неравенство положенія между двумя супругами. По законодательству Льва, мать имѣетъ тѣ же права, какъ и отецъ. Для брака дѣтей требуется ея согласіе наравнѣ съ согласіемъ отца. По смерти отца, она продолжаетъ пользоваться всѣми правами отеческими не подъ видомъ опеки или попечительства, но какъ сама 164
владѣющая ими (то-есть, этими правами)...

Эклога стремилась тѣснѣе скрѣпить узы семейныя и многими постановленіями, и особенно тѣмъ способомъ, который былъ принятъ для рѣшенія вопроса о наслѣдствахъ. На основаніи правилъ

новаго законодательства, если покойникъ, умершій безъ завѣщанія, не оставилъ наслѣдниковъ по прямой линіи, то его отецъ и мать одни наслѣдуютъ его имущество, тогда какъ прежде побочные (collatéraux) въ этомъ случаѣ призывались къ наслѣдству совокупно съ восходящими. Въ этомъ можно признать то глубокое чувство приличія, которое имѣлъ законодатель реформы. Онъ хотѣлъ избѣжать всякихъ поводовъ къ процессу между родителями и ихъ дѣтями. Онъ также не хотѣлъ уменьшить тѣхъ надеждъ, какія всегда хорошо сохранять дѣтямъ въ отношеніи родителей. Не менѣе замѣчательно постановленіе Эклоги, находящееся во второмъ членѣ II-го титула; оно предписываетъ относительно совершенія брачнаго обряда, чтобы брачущіеся были христіанами; оно такимъ образомъ уничтожаетъ всякое препятствіе къ браку между лицами различныхъ исповѣданій (de communions différentes). Правда, уже Юстиніанъ ограничился воспрещеніемъ брака между христіанами и евреями. Но позднѣе церковь формально воспретила союзы между еретиками и правовѣрными. Левъ воротился къ совершенному равенству христіанъ предъ закономъ гражданскимъ, несмотря на препятствія со стороны каноническаго права, и тѣмъ далъ новое доказательство либеральныхъ принциповъ, его одушевлявшихъ. Мы ограничимся этимъ краткимъ анализомъ постановленій Эклоги... Странная вещь — слава міра сего! Тогда какъ кодексъ и пандекты дали своимъ авторамъ безсмертную славу, тогда какъ самыя нападенія, цѣлію которыхъ были Юстиніанъ и Трибоніанъ, содѣйствовали большему ихъ прославленію, — кто говорилъ до сихъ поръ о Львѣ, какъ объ отличномъ законодателѣ? Кто зналъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, имена авторовъ Эклоги — министра юстиціи Никиты, консуловъ Марина и Нонна? Ихъ дѣло имѣло только эфемерное существованіе (une durée éphemère); но теперь, когда ихъ принципы приняты гражданскимъ законодательствомъ наиболѣе передовыхъ націй, пришелъ наконецъ часъ воздать почтеніе генію этихъ людей, которые, назадъ тому тысячу лѣтъ, боролись для того, чтобы освятить доктрины, только въ наши дни восторжествовавшія...

Реакція противъ духа преобразованій, которымъ одушевлены были Левъ III и Константинъ V Копронимъ, началась уже при

Львѣ Хазарскомъ (775 — 780 гг.). Во главѣ этой реакціи 665
являются императрица Ирина, подобно большей части женщинъ, стоявшая на сторонѣ обрядности, иконъ, монаховъ, и патріархъ Тарасій. Тарасій былъ человѣкъ, выдававшійся своими знаніями, чистотою своей жизни, энергіей своего характера. Далеко не раздѣляя всѣхъ доктринъ противниковъ реформы, онъ скорѣе принадлежалъ къ особой группѣ ея приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени многіе среди партизановъ революціи стали останавливаться на той мысли, что, по истеченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ борьбы, отмѣна иконопочитанія всетаки остается не признанною со стороны народа; отсюда они заключали, что отмѣна извѣстныхъ обрядовъ и преданій церковныхъ не была необходима для торжества другихъ принциповъ революціи. Они, напротивъ, полагали, что это вмѣшательство государства въ дѣла церковныя могло сдѣлаться гибельнымъ для ихъ идей: возмущая совѣсть многихъ классовъ націи, оно по необходимости должно было вызвать реакцію; существовала опасность, что вмѣстѣ съ вопросомъ объ иконахъ погибнетъ множество полезныхъ учрежденій. Это былъ также и взглядъ Тарасія. Ирина знала его точку зрѣнія, и, какъ событія послѣ доказали, она была далека отъ того, чтобы усвоить ее себѣ. Однако, чтобы обезпечить успѣхъ своихъ первыхъ попытокъ противъ реформы, она поручила исполненіе ихъ человѣку, который былъ признанъ наиболѣе способнымъ привести ихъ къ доброму концу. Никто изъ видныхъ членовъ духовенства не бралъ на себя задачи поднять руку на постановленіе послѣдняго (иконоборческаго) собора; ни одинъ изъ монаховъ не обладалъ образованіемъ и умомъ, достаточными для такого предпріятія. Тарасій одинъ владѣлъ тою твердою волей и тѣмъ изобрѣтательнымъ умомъ, какіе были необходимы для исполненія предположеннаго дѣла. Если ревность къ своему ученію заставляла его нисходить до интриги и незаконности, геній его противостоялъ возстановленію старыхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ, союзъ заклятыхъ враговъ реформы, желавшихъ вполнѣ уничтожить все дѣло Льва Исавра и его сына Константина, съ благоразумною и умѣренною партіей, во главѣ которой находился Тарасій и которая хотѣла ограничиться отмѣной однихъ церковныхъ или религіозныхъ нововве-

деній, привелъ къ постановленіямъ седьмого вселенскаго собора. Двѣ партіи, соединившись вмѣстѣ, восторжествовали надъ третьею, которая не допускала никакого возврата къ прошедшему. Но вслѣдъ затѣмъ произошелъ разрывъ между недавними союзни-
266 ками. Партія Ставракія, которой сочувствовала сама императрица Ирина, въ своемъ первомъ успѣхѣ, въ возстановленіи иконопочитанія, видѣла только первый шагъ къ уничтоженію всѣхъ реформъ. Тарасій и его сторонники напротивъ думали, что пора остановиться, что необходимо сохранить политическое и соціальное законодательство первыхъ императоровъ Исаврійскаго дома. Началась борьба между реакціонерами и умѣренными либералами; въ ней приняли участіе недавно побѣжденные радикалы, и дѣло кончилось низверженіемъ Ирины, въ 802 году, и возведеніемъ на престолъ Никифора, который, въ числѣ своихъ друзей считалъ патріарха Тарасія. Новый императоръ принадлежалъ къ тому классу людей, которые не видѣли въ уничтоженіи иконъ необходимаго дополненія реформаціи. Онъ не касался этого вопроса; но обратилъ всѣ свои заботы и всѣ свои весьма значительныя способности на исправленіе того разстройства, въ какомъ достались ему, послѣ кратковременнаго господства евнуховъ и монашескаго фанатизма, армія, финансы, образованіе и церковь. Никифоръ дѣйствовалъ въ духѣ умѣренныхъ друзей преобразованія. Далѣе пошелъ Левъ V Армянинъ. Крайніе реформаторы были снова болѣе могущественны, чѣмъ когда-либо. Мы видѣли, что многіе изъ членовъ этой партіи при Иринѣ умѣрили свои притязанія; они согласились воротиться къ прежнему порядку въ томъ, что касалось церкви, въ надеждѣ, что большинство націи, удовлетворившись этою уступкою, перестанетъ отвергать прочія учрежденія. Убѣдившись теперь самымъ ходомъ событій въ безполезности такой жертвы и видя, что съ иконами возвратились всѣ прежнія злоупотребленія, они снова начали думать, что реформа тогда только окончательно упрочится, когда она будетъ навязана прежде всего церкви. Они склонили на свою сторону Льва V, но, несмотря на его благоразуміе и на его энергію, не успѣли восторжествовать окончательно. Монахи, простой народъ и женщины съ ужасомъ отвращались отъ нововведеній, подрывавшихъ, какъ имъ казалось, самыя основанія христіанской

вѣры. Имперія продолжала быть раздѣленною на два враждебные лагеря: одинъ изъ нихъ оставался болѣе или менѣе побѣдоноснымъ въ продолженіе приблизительно столѣтія, благодаря своему умственному превосходству; однако онъ безпрерывно подвергался нападеніямъ то прямымъ, то косвеннымъ, но всегда яростнымъ, со стороны партіи ретроградной, сила которой заключалась преимущественно въ слѣпой и преданной толпѣ.

Лица, которыя доставили торжество православію въ 842 году, руководились тѣми же воззрѣніями, какія нѣкогда одушевляли Тарасія. Они хотѣли сохранить нравственныя и матеріальныя 267
силы націи, истощаемыя въ безплодныхъ распряхъ, и пожертвовали религіозною стороною реформы. Немного послѣ Василій I Македонянинъ пошелъ далѣе: онъ въ своихъ большихъ законодательныхъ работахъ вычеркнулъ многія изъ тѣхъ постановленій, которыя имѣли цѣлію установить общество на новыхъ основаніяхъ; онъ объявилъ, что онъ отмѣняетъ ихъ, потому что они противорѣчатъ божественнымъ догматамъ. Однако, мы не должны думать, что вся эта борьба VIII и IX вѣковъ осталась совершенно безплодною. Эллинизмъ среднихъ вѣковъ никогда не могъ быть возвращенъ къ тому положенію, въ какомъ онъ находился до Льва III. Чтобъ успокоить бурю, поднятую борьбой иконокластовъ и иконопоклонниковъ, Македонская династія дѣлала видъ, что она хочетъ отложить въ сторону всѣ нововведенія и произнесла противъ нихъ осужденіе, какъ противъ чего-то нечестиваго. Но въ сущности она озабочена была тѣмъ, какъ бы спасти многія изъ учрежденій реформы, и въ большей части своихъ дѣйствій, не переставала вдохновляться тѣмъ широкимъ и либеральнымъ духомъ, которымъ руководились предыдущіе императоры. Такимъ образомъ, спасительныя намѣренія Льва III, Константина V, Никифора, Льва V и Θеофила были болѣе или менѣе осуществлены. Мысль Льва III и его приверженцевъ пережила видимое пораженіе, которому подверглось его дѣло. Высшіе классы, церковные и политическіе, совершившіе революцію VIII вѣка, сдѣлали извѣстныя уступки низшимъ классамъ; они спустили знамя, водруженное иконоборцами; но такъ какъ высшіе классы всетаки удержали въ своихъ рукахъ кормило, то они не перестали болѣе или менѣе слѣдовать тѣмъ путемъ, на который

страна уже вступила. Нѣкоторыя части предыдущаго законодательства были даже вполнѣ сохранены: 53-я книга Василикъ признаетъ морской уставъ иконоборцевъ, а 60-я книга — ихъ уставъ о наказаніяхъ. Другія нововведенія, правда, исчезли совершенно. Отношенія, установленныя между супругами, между родителями и дѣтьми, были замѣнены, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, тѣми старыми отношеніями, которыя допускались Юстиніановымъ кодексомъ. Каковы бы ни были неудобства порядковъ, вновь возстановленныхъ въ своей силѣ, они не были такого рода, чтобы препятствовать политическому возрожденію государства... Уничтоженные монастыри вновь возникли; въ томъ увлеченіи, которое неизмѣнно сопровождаетъ первые дни всякой реставраціи, было даже выстроено много новыхъ, но вскорѣ затѣмъ все-
268 таки поспѣшили окружить препятствіями неограниченное развитіе монашеской жизни. Соборъ, бывшій въ 861 году подъ предсѣдательствомъ Фотія, уже принялъ нѣкоторыя мѣры въ этомъ смыслѣ. Сто лѣтъ спустя, императоръ Іоаннъ Цимисхій прямо запретилъ строить новые монастыри и ограничилъ ихъ право получать пожертвованія и вклады.

60-я книга Василикъ, занимавшаяся земледѣльческими классами и дошедшая до насъ только въ неполной и неподлинной редакціи, повидимому, была простымъ воспроизведеніемъ Юстиніанова кодекса. Но изъ этого не слѣдуетъ, что его постановленія были въ самомъ дѣлѣ вновь возстановлены въ своей силѣ. Въ Василикахъ часто идетъ рѣчь о крѣпостныхъ (сервахъ); но многія обстоятельства утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что этотъ классъ людей не существовалъ болѣе на Востокѣ. Пира (*Πεῖρα*), юридическое сочиненіе XI вѣка, излагающее разные случаи судебной практики одного знаменитаго законовѣда, совсѣмъ не говоритъ о крѣпостномъ состояніи (servage); съ другой стороны, многочисленность позднѣйшихъ рукописей «сельскаго устава», и то, что онъ обыкновенно присоединяется къ руководству (Шестикнижнику) Арменопула, доказываетъ, что этотъ уставъ продолжалъ считаться практическимъ источникомъ права. Сверхъ того, цѣлый рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ свидѣтельствуетъ о той заботливости, которую не переставали тогда обнаруживать къ судьбѣ земледѣльческаго класса. Однимъ словомъ, въ періодъ

Македонской династіи реформація господствовала самымъ дѣйствительнымъ образомъ, не производя никакихъ внутреннихъ потрясеній. Благодаря мудрому приложенію ея принциповъ, эллинизмъ среднихъ вѣковъ имѣлъ цѣлые два вѣка цвѣтущаго благосостоянія, удивительнаго внутренняго довольства и богатства, невиданной внѣшней славы и величія.

Мы не послѣдуемъ за аѳинскимъ профессоромъ въ восторженномъ изображеніи счастливыхъ временъ эллинизма, благополучно разрѣшившаго внутреннюю задачу и вслѣдъ затѣмъ сломившаго непокорныхъ и строптивыхъ поселенцевъ славянскихъ. Многое въ его картинѣ поражаетъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ—въ родѣ бюджета въ три милліарда (франковъ), которымъ, по расчету г. Папаррригопуло (стр. 297), располагала Византійская имперія! Мы отмѣтимъ только его взглядъ на причины ея паденія съ высоты такого могущества и такой славы. По мнѣнію аѳинскаго профессора, эти причины были чисто внѣшнія, именно враждебность Запада, руководимаго религіозною нетерпимостію и въ концѣ XI вѣка нахлынувшаго неудержимымъ потокомъ на Востокъ. Первый крестовый походъ съ самаго начала былъ на- 269
правленъ не столько противъ Турокъ-Сельджуковъ, сколько противъ православныхъ Византійцевъ. Имперія нисколько не нуждалась въ помощи Запада, потому что все еще была достаточно могущественна, чтобы справиться со всѣми варварами, громившими ее въ Европѣ и Азіи. Съ восшествіемъ на престолъ новой династіи въ лицѣ Алексѣя Комнина, она уже стала подниматься послѣ временного и случайнаго ослабленія и уже успѣла восторжествовать надъ главными затрудненіями. Съ особенною настойчивостью и съ понятною цѣлію г. Папаррригопуло еще разъ настаиваетъ на своихъ доказательствахъ подложности того посланія, которымъ Алексѣй Комнинъ призывалъ будто бы помощь Запада противъ мусульманъ и невѣрныхъ... Пишущій эти строки имѣлъ случай разобрать этотъ вопросъ на страницахъ этого самаго журнала (въ статьѣ «Византія и Печенѣги» [1]), и онъ полагаетъ, что ему удалось рѣшить вопросъ окончательно и несомнѣнно въ смыслѣ нѣсколько иномъ, чѣмъ обычный теперь взглядъ, защи-

1) ‹Труды В. Г. Васильевскаго, т. I›.

щаемый съ такимъ усердіемъ въ Аѳинахъ. Какъ бы то ни было, первый крестовый походъ, по словамъ г. Папаррригопуло, не имѣлъ другихъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, что онъ ослабилъ Византійскую имперію и приготовилъ торжество Турокъ. Враждебныя отношенія крестоносцевъ, постоянно обнаруживавшіяся во время ихъ прохожденія по греческимъ областямъ и особенно поддерживаемыя честолюбивыми замыслами южно-италіанской норманнской династіи, совершенно послѣдовательно завершились извѣстнымъ событіемъ 13-го апрѣля 1204 года. Мечта, которую такъ долго питали на Западѣ, исполнилась. Константинополь былъ завоеванъ, эллинизмъ подчиненъ римскому епископу, и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскому государству на Востокѣ нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго оно уже никогда не могло оправиться. Возстановленная Палеологомъ греческая власть въ Константинополѣ представляла только слабую тѣнь своего прежняго величія... На этомъ мы останавливаемся, не касаясь послѣдней главы въ книгѣ аѳинскаго историка и профессора, которая посвящена новѣйшему эллинизму (hellénisme moderne). Наша цѣль состояла не только въ томъ, чтобы ознакомить читателей съ новымъ и любопытнымъ произведеніемъ историко-публицистической литературы, но еще болѣе въ томъ, чтобы выставить на видъ научное значеніе вопросовъ, соприкасающихся съ Эклогою Льва и Константина и съ «земледѣльческимъ уставомъ» (*νόμος γεωργικός*), приписываемымъ тѣмъ же иконоборцамъ. Изложенію проф. Папаррригопуло не чужды, конечно, нѣкоторыя преувеличенія;
270 въ немъ есть даже прямыя невѣрности и неточности, которыя отчасти обнаружатся и будутъ исправлены нами ниже; но во всякомъ случаѣ онъ прекрасно воспользовался учено-юридическими изслѣдованіями Эд. Цахаріэ для того, чтобы освѣтить весьма яркимъ, хотя искусственнымъ, но никакъ не фальшивымъ освѣщеніемъ иконоборческую эпоху въ византійской исторіи; вообще говоря, онъ вѣрно опредѣлилъ значеніе ея идеаловъ и стремленій для всего послѣдующаго развитія ново-эллинской цивилизаціи. Теперь мы обращаемся къ частному предмету своей статьи и займемся нѣсколько пристальнѣе — во-первыхъ — Эклогою.

II.

Эклога Льва и Константина.

Исторія этого законодательнаго памятника до самаго послѣдняго времени оставалась неясною и темною. Вѣрный взглядъ, усвоенный теперь наукою, былъ впервые высказанъ Биперомъ въ 1833 году [1]) и затѣмъ былъ принятъ и развитъ Эд. Цахаріэ въ предисловіи къ изданію Прохирона (1837 г.); статья объ Эклогѣ въ новѣйшей (внѣшней) исторіи римско-византійскаго права есть только буквальный нѣмецкій переводъ написанныхъ по-латыни страницъ предисловія, съ нѣкоторыми малоудачными дополненіями изъ другихъ источниковъ [2]).

Въ рукописяхъ нашъ памятникъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Избраніе законовъ вкратцѣ, учиненное Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями, изъ институтовъ, дигестъ, кодекса и новыхъ постановленій Великаго Юстиніана, съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго человѣколюбія, — изданное въ мѣсяцѣ мартѣ индикта IX, въ лѣто отъ сотворенія міра 6248» [3]). Впрочемъ, рукописи въ опредѣленіи года представляютъ довольно значительныя разночтенія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Первый вопросъ, возбуждаемый надписаніемъ, состоитъ въ томъ, какіе императоры должны быть здѣсь разумѣемы подъ
именами Льва и Константина. Для рѣшенія его прежде всего 271
нужно имѣть въ виду, что поименованіе двухъ лицъ, носящихъ императорскій титулъ, указываетъ на столь обычное въ Римской и Византійской имперіи соправительство, которое, впрочемъ, часто имѣло только формальное значеніе, такъ какъ давалось двухлѣтнимъ и трехлѣтнимъ младенцамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердился обычай одновременнаго царствованія нѣсколькихъ

---

1) Biener, Beiträge zur Revision des Justinian. Codex. Berlin. 1833. Отрывокъ приведенъ у Цахаріэ въ предисловіи къ Прохирону, p. XXI.

2) См. 86-й и 87-й томы Энциклопедіи Эрша и Грубера.

3) *Ἐκλογὴ τῶν νόμων ἐν συντόμῳ γενομένη παρὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν σοφῶν καὶ φιλευσεβῶν βασιλέων ἀπὸ τῶν ἰνστιτούτων, τῶν διγέστων, τοῦ κώδικος, τῶν νεαρῶν τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ διατάξεων, καὶ ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον, ἐκτεθεῖσα ἐν μηνὶ Μαρτίῳ ἰνδ. θ' ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ,ϛσμη'...*

лицъ, было принято за правило, чтобы какъ на общественныхъ зданіяхъ, такъ и въ надписаніяхъ законовъ обозначались имена всѣхъ соправителей; при семъ соблюдался такой порядокъ, что впереди ставилось имя императора, занимавшаго почему-либо высшее положеніе, которое въ византійскій періодъ нерѣдко было въ то же время и единственно дѣйствительнымъ правительственнымъ положеніемъ. Означенный обычай можетъ быть наблюдаемъ не только въ Ѳеодосіевомъ и Юстиніановомъ кодексахъ, но и въ законахъ, издававшихся послѣ Юстиніана; если встрѣчаются случаи видимыхъ отступленій или несоблюденіе правила, то это лучше всего объясняется всякій разъ безпечностію и небрежностію переписчиковъ. При согласіи всѣхъ рукописей, за единственнымъ неважнымъ исключеніемъ, при совершенно опредѣлительныхъ и точныхъ выраженіяхъ надписанія, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать какой-либо пропускъ или искаженіе. Слѣдовательно, мы должны думать, что виновники изданія Эклоги были соправители, что первый изъ нихъ, Левъ, былъ старшимъ по возрасту или рангу, а второй, Константинъ, младшимъ въ томъ или другомъ отношеніи, либо въ обоихъ, и что, кромѣ него, у Льва не было въ данное время никакого другого соправителя, такъ какъ иначе онъ былъ бы поименованъ въ надписаніи.

Послѣднее соображеніе совершенно устраняетъ Льва Мудраго и его сына Константина Порфиророднаго, на которыхъ долго останавливались изслѣдователи. Такъ, еще Муральтъ въ Византійской хронографіи (Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057. S.-Pétersbourg, 1855) представляетъ слѣдующія замѣчанія (1, 486): «Константинъ Багрянородный былъ коронованъ своимъ отцомъ, императоромъ Львомъ Мудрымъ, 9 іюня 911 года. Отъ этого дня до смерти Льва нужно датировать Эклогу Льва и Константина... Имена императоровъ Льва и Константина находятся въ соединеніи только въ 911 и 912 годахъ» и т. д. Но при этомъ представляется вопросъ: гдѣ же Александръ, который былъ соправителемъ своего брата во все
272 время его правленія, всегда писался въ документахъ рядомъ съ нимъ, и притомъ такъ, что послѣ рожденія и вскорѣ послѣдовавшаго коронованія Константинова занималъ средину между братомъ и племянникомъ? Въ русской лѣтописи мы можемъ отыскать

обѣ формулы, засвидѣтельствованныя самымъ документальнымъ образомъ. Въ надписаніи или заголовкѣ Олегова договора говорится о Львѣ и Александрѣ, а затѣмъ, въ самомъ договорѣ, о Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Притомъ девятый индиктъ, находящійся во всѣхъ рукописяхъ, никѣмъ не оспаривается, а онъ, въ правленіе Льва Мудраго, приходится только на 906 годъ, когда Константинъ хотя уже и явился на свѣтъ, но еще не былъ коронованъ и объявленъ соправителемъ. Въ 911 году индиктъ былъ XIV. Наконецъ, мы находимъ, что въ одной изъ новеллъ Льва Мудраго осуждаются именно тѣ постановленія о приданомъ и предбрачномъ дарѣ, которыя находятся въ Эклогѣ Льва и Константина.

Послѣ этого мы должны остановиться или 1) на Львѣ Исаврійскомъ и его сынѣ Константинѣ, возведенномъ своимъ отцомъ въ соправители 31-го марта 720 года, послѣ того какъ ему исполнился съ небольшимъ годъ отъ рожденія; или 2) на Львѣ Хазарскомъ, сынъ котораго также именовался Константиномъ, провозглашенъ былъ императоромъ въ апрѣлѣ 776 года, и слѣдовательно, былъ соправителемъ своего отца почти во все время его царствованія (775—780 гг.).

Если мы обратимъ вниманіе на условія, заключающіяся въ данныхъ лѣтосчисленія, то опять увидимъ, что ни индиктъ, ни годъ, что бы мы ни думали о точности ихъ рукописнаго обозначенія, никакъ даже близко не подойдутъ къ годамъ царствованія Льва Хазарскаго. Левъ Хазарскій и его сынъ Константинъ начали именоваться императорами съ XIV индикта и достигли вмѣстѣ только до IV (то-есть царствовали XIV, XV. I—IV инд.). Равнымъ образомъ въ ихъ совокупное царствованіе не было такихъ годовъ, которые представляли бы сходство съ наиболѣе несомнѣнными цифрами, входящими въ составъ годового обозначенія въ Эклогѣ. Къ этому мы еще возвратимся; но и теперь уже позволительно сказать, что Эклога принадлежитъ одному изъ императоровъ Исаврійскаго дома, носившему имя Льва, и всего скорѣе старшему изъ нихъ, то-есть Льву III, а не Льву IV, внуку предыдущаго. Съ этимъ вполнѣ согласны прямыя указанія на исаврійское законодательство, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ юридическихъ руководствахъ, изданныхъ при Македонской династіи.

373 Въ Эпанагогѣ (*ἐπαναγωγὴ τοῦ νόμου*), составленной при Василіи, Львѣ и Александрѣ (между 879—886 годами), въ предисловіи говорится «о несообразностяхъ, изданныхъ Исаврійцами въ противность божественному догмату и на разрушеніе спасительныхъ законовъ», которыя (несообразности) предполагалось отмѣнить, исправить и уничтожить изданіемъ новаго руководства къ познанію законовъ, именно этой самой Эпанагоги [1]).

Въ позднѣйшей дополненной редакціи той же самой Эпанагоги (Epanagoge aucta, относящаяся ко второй половинѣ X вѣка) сдѣлано такое замѣчаніе, что позволеніе брака при родствѣ въ четвертой степени, допускавшееся въ древнѣйшее время, отмѣнено исаврійскимъ закономъ, остающимся въ силѣ до сихъ поръ и воспрещающимъ брачный союзъ даже въ шестой степени [2]). Если мы возьмемъ въ руки Эклогу Льва и Константина, то найдемъ соотвѣтствующее постановленіе во второмъ титулѣ и во второмъ членѣ (II § 2).

Сюда же относится и слѣдующее мѣсто во введеніи Прохирона (Ручной книги), изданнаго Василіемъ Македоняниномъ (между 870—879 гг.). Говоря о своемъ намѣреніи издать новое юридическое руководство, императоръ ставитъ себѣ такое возраженіе: «Скажетъ кто-нибудь: такъ какъ уже наши предки оставили намъ нѣчто подобное, то почему бы не успокоиться на этомъ сокращеніи, и зачѣмъ было прибѣгать намъ ко второму избранію?... Слѣдуетъ знать, что это такъ называемое руководство содержало не столько избраніе (выборъ), сколько извращеніе добрыхъ законоположеній, допущенное намѣренно собирателемъ.... Посему еще нашими предшественниками это прежнее руководство было отвергнуто, хотя и не вполнѣ, а сколько это требовалось» [3]). Отсюда мы видимъ, что «Избраніе законовъ» (Эклога,

---

1) Zachariae, Collectio libror. juris Graecorum ineditor., p. 62: *Νῦν δὲ τὰς ἐπὶ ἐναντιώσει τοῦ εἰρημένου θείου δόγματος καὶ ἐπὶ καταλύσει τῶν σωστικῶν νόμων παρὰ τῶν Ἰσαύρων φληναφίας ἐκτεθείσας πάντη ἀποβαλομένη καὶ ἀπορρίψασα.*

2) Epanagoge aucta XV, 8 (Zachariae, Jus graecoromanum, IV, 231): *τὸ ἐκ τετάρτου βαθμοῦ δύνασθαι λαμβάνειν πρὸς γάμον τῆς ἀρχαιοτέρας νομοθεσίας ὃν ἀνῃρέθη ὑπὸ τοῦ Ἰσαυρικοῦ νόμου* и т. д.

3) *Ἐπειδὴ δὲ καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν τι τοιοῦτο γέγονε, φαίη τις ἂν ἴσως, ὅτου δὴ χάριν οὐκ ἐν ἐκείνῃ τῇ συντομίᾳ σχολὴν ἄγοντας πρὸς δευτέραν ἐκλογὴν ἐληλυθέναι ἡμᾶς; εἰδέναι χρὴ, ὡς οὐκ ἐκλογὴ μᾶλλον ἢ ἀνατροπὴ ὁ καλού-*

ἐκλογή) въ общежитіи носило также названіе «руководства» (ἐγχειρίδιος), а что здѣсь рѣчь идетъ именно объ иконоборческой 274
Эклогѣ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и кажется очевиднымъ само по себѣ.

Наконецъ, мы уже замѣтили, что въ одной изъ новеллъ Льва Мудраго, именно въ двадцатой [1]), прямо имѣется въ виду законодательство Эклоги, хотя при этомъ не приведено ни имени законодателей, ни названія самаго юридическаго источника. Но дѣло идетъ о постановленіяхъ, которыя измѣняли древнѣйшее (то-есть, Юстиніаново) право и, въ свою очередь, были отмѣнены, по словамъ новеллы, отцомъ Льва Мудраго, то-есть, императоромъ Василіемъ, а впрочемъ и до сихъ поръ могутъ быть отысканы въ Эклогѣ.

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ показаніямъ, содержащимся въ надписаніи нашего памятника. Сверхъ именъ императоровъ, которымъ Эклога обязана своимъ происхожденіемъ, въ надписаніи отмѣченъ годъ, индиктъ и мѣсяцъ ея обнародованія. Мѣсяцъ мартъ и девятый индиктъ имѣютъ всѣ извѣстные списки; но въ обозначеніи года рукописи, какъ уже было замѣчено, расходятся; впрочемъ, болѣе рѣзкія разночтенія устраняются сами собою, какъ потому, что они принадлежатъ новымъ спискамъ, такъ и потому, что они содержатъ годы, не соотвѣтствующіе именамъ двухъ поименованныхъ въ заглавіи императоровъ. Совпаденіе сихъ двухъ основаній приводитъ насъ къ тому, что мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можемъ отвергнуть 6347, 6447 и даже 6547 годы, встрѣчающіеся въ немногихъ сейчасъ характеризованныхъ рукописяхъ. Послѣ этого остается только двоякое чтеніе, совпадающее съ годами Исаврійскихъ императоровъ. Древнѣйшіе списки Флорентійскій Медичейскій XI вѣка (описаніе котораго, между прочимъ, приведено въ «Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» И. И. Срезневскаго, XLIV), Бодлеевъ Раулинсоновскій, хотя и писанный въ XIV—

μενος ἐγχειρίδιος καθίστατο τῶν καλῶς νομοθετηθέντων κατὰ βούλησιν τοῦ συλλεξαμένου. - - - Διὰ τοῦτο ἀποτροπαῖος μὲν καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν γέγονεν ὁ πρώην ἐγχειρίδιος, οὐκ ὅλος μέντοιγε ὁλικῶς, ἀλλ' ὅσον ὤφειλεν. Zachariae. Prochiron, p. 8 и 9.

1) Zachariae, Jus Graecorom., III, 95.

XV вѣкѣ, но съ оглавленіемъ, содержащимъ заглавіе Эклоги болѣе древняго времени, именно тоже XI вѣка, такъ что оглавленіе предполагается принадлежавшимъ первоначально другому сборнику, и Валличеланскій, X вѣка, имѣютъ 6248 годъ (҂ѕσμη'). Другія, также хорошія и старинныя, хотя и не столь древнія рукописи, обыкновенно указываютъ 6247 годъ (҂ѕσμζ'); къ числу ихъ, повидимому, принадлежитъ и списокъ Московской синодальной библіотеки XV вѣка. Какъ почти всегда, новыхъ рукописей
275 больше чѣмъ самыхъ древнихъ, и потому естественно, что большинство находится на сторонѣ 6247 года. Но если обратить вниманіе на авторитетъ старшинства, то предпочтеніе нужно будетъ отдать 6248 году. Мы полагаемъ, что Цахаріэ допустилъ нѣкоторое отступленіе отъ законовъ филологической критики, остановившись на 6247 (= 739 по Р. Х.) годѣ.

Разница во всякомъ случаѣ небольшая, и оба чтенія служили бы только къ болѣе полному и окончательному подтвержденію принадлежности Эклоги Льву Исавру, если бы не существовало еще одного затрудненія, при разрѣшеніи котораго вышеозначенное различіе на одинъ годъ получаетъ уже важное значеніе. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что показаніе индикта не сходится съ показаніемъ года. Именно: девятый индиктъ, обозначаемый согласно во всѣхъ рукописяхъ Эклоги, начинается, по греческому лѣтосчисленію, съ 1-го сентября 740 года и простирается до сентября 741 года. Такимъ образомъ мѣсяцъ мартъ IX индикта есть мартъ 741 года. Но этому противорѣчитъ то, что 741 году, или точнѣе, первымъ его восьми мѣсяцамъ, соотвѣтствуетъ годъ отъ сотворенія міра 6249, а не 6248 или 6247. И наоборотъ, 6248 годъ соотвѣтствуетъ 739—740 году (отъ сентября по сентябрь) по Р. Х., а индиктъ его по сентябрь будетъ VIII.

Устранить всякія сомнѣнія относительно принадлежности Эклоги Льву Исавру и вообще относительно ея происхожденія казалось дѣломъ въ такой степени важнымъ, что даже юристы считали нужнымъ пускаться по этому случаю въ область хронологическихъ разысканій. Цахаріэ, увеличившій для себя трудность соглашенія индикта съ годомъ принятіемъ новаго чтенія или 6247 года, сдѣлалъ замѣчаніе, что способъ лѣтосчисленія у Византійцевъ не имѣлъ точной опредѣленности, и высказалъ

предположеніе, что Греки, въ эпоху Исаврійской династіи, можетъ быть, держались какой-нибудь другой системы счисленія, либо индиктовъ, либо годовъ отъ сотворенія міра. Этотъ намекъ, сколько осторожный, столько же, нужно сказать правду, мало основательный, былъ поднятъ и развитъ другимъ знаменитымъ ученымъ юристомъ, Геймбахомъ младшимъ, который даже неоднократно возвращался къ тому, что онъ считалъ счастливымъ и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ проблемы [1]). Его рѣшеніе, наконецъ, одобрено и подробно изложено въ новѣйшей Исторіи 276
греко-римскаго права въ большой нѣмецкой Энциклопедіи Эрша и Грубера [2]). Сущность дѣла въ томъ, что Геймбахъ доказываетъ существованіе во время иконоборцевъ другого лѣтосчисленія, которое относительно общеизвѣстнаго и общепринятаго заключало бы въ себѣ разницу въ одинъ годъ. Если бы Геймбаху въ самомъ дѣлѣ удалось доказать свое положеніе, то результатъ его соображеній могъ бы имѣть важность и для русской исторіи, въ которой существуетъ такая же проблема относительно мартовскаго года. Во всякомъ случаѣ, на соображеніяхъ Геймбаха стоитъ остановиться... Онъ излагаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Хронографъ Ѳеофана показываетъ намъ, что у Грековъ были въ употребленіи два способа счисленія лѣтъ по Р. Х., римскій и александрійскій, римская эра и александрійская. Послѣдній, то-есть, александрійскій способъ лѣтосчисленія Ѳеофанъ называетъ болѣе правильнымъ и употребляетъ оное, когда при вступленіи на престолъ извѣстнаго императора отмѣчаетъ годъ міровой эры, т. е., годъ отъ созданія міра. Только въ двухъ мѣстахъ (p. 117, 345) прибавляетъ онъ рядомъ и счетъ годовъ по римскому способу, при чемъ оказывается между двумя системами счисленія разница въ 16 лѣтъ. Именно: въ первомъ изъ подразумѣваемыхъ мѣстъ Ѳеофанъ полагаетъ смерть императора Зенона по римскому счисленію въ 5999 году, а по александрійскому —

---

1) См. Kritische Jahrbücher für die deutsche Rechtswissenschaft. Erster Jahrgang 1837, въ рецензіи на изданіе Цахаріэ: «Ὁ πρόχειρος νόμος», подписанной G. E. H(eimbach), p. 1857; ср. также Anecdota ed. G. E. Heimbach (Lipsiae, 1838), tom. I, p. 270 (въ примѣчаніяхъ).

2) Tom. 86, p. 215. Сочиненіе, продолжающееся и въ слѣдующемъ томѣ, принадлежитъ другому Геймбаху.

въ 5983. Во второмъ случаѣ онъ относитъ смерть Льва Исавра къ 6248 году римской эры и къ 6232 александрійской. Если мы болѣе внимательнымъ образомъ разсмотримъ оба эти показанія по отношенію ихъ къ годамъ отъ Р. Х., то убѣдимся, что они сдѣланы не по одному расчету, и что тутъ есть разница на одинъ годъ. Если Ѳеофанъ полагалъ смерть императора Зенона (=мѣсяцъ апрѣль, индиктъ XIV, 491 годъ по Р. Х.) въ 5999 году отъ сотворенія міра по римскому счисленію, то, держась того же самаго способа считать, онъ долженъ былъ бы помѣстить кончину императора Льва Исаврійскаго, послѣдовавшую въ іюнѣ 741 года, вовсе не подъ 6248 годомъ, а подъ 6249 (то-есть, 491 + 5508 = 5999, и 741 + 5508 = 6249). Единогласное свидѣтельство рукописей хронографа, а съ другой стороны — стоящій рядомъ въ совершенно правильномъ соотвѣтствіи але-
277 ксандрійскій годъ не допускаютъ возможности дѣлать какія-либо поправки въ означенной цифрѣ. Слѣдовательно, приходится признать, что смерть императора Льва Исаврійскаго сосчитана по особой системѣ, отличающейся отъ прежней на одинъ годъ.

Далѣе Геймбахъ открываетъ и тотъ самый пунктъ, откуда собственно пошла разница, гдѣ начинается это отставаніе римской міровой эры на одинъ годъ (противъ индикта и) противъ годовъ отъ Р. Х. Этотъ пунктъ падаетъ на десятое лѣто правленія Льва, на годъ открытаго объявленія войны иконамъ; а до того времени система счисленія у Ѳеофана остается его обыкновенною и правильною системою. Въ повѣствованіи Ѳеофана о десятомъ годѣ Льва поражаетъ Геймбаха слѣдующее явленіе: Ѳеофанъ прямо и ясно относитъ къ десятому году правленія Льва то, что случилось лѣтомъ IX индикта (въ лѣто 726 года), въ чемъ пока еще нѣтъ никакого отступленія отъ обычнаго порядка; но далѣе Ѳеофанъ относитъ къ тому же десятому году правленія Льва и то, что случилось 18-го октября X индикта (= октябрь 727 года). Причина этого явнаго измѣненія въ способѣ лѣтосчисленія, по словамъ Геймбаха, неизвѣстна, но почти не подлежитъ сомнѣнію, что она находится въ связи съ исторіей иконоборства. Нѣсколькими примѣрами, которыхъ нѣтъ ни малѣйшей нужды здѣсь повторять, Геймбахъ старается подтвердить справедливость своего открытія и прослѣдить дальнѣйшіе признаки

особаго иконоборческаго счисленія въ хроникѣ Θеофана до самой смерти Константина Копронима (775 г.), вмѣстѣ съ которою греческій писатель будто бы воротился къ обычному лѣтосчисленію.

По нашему мнѣнію, разсужденіе Геймбаха не имѣетъ твердаго основанія, и зданіе, имъ возведенное, рушится при первомъ прикосновеніи критики. Во-первыхъ, хотя и вѣрно то, что императоръ Левъ Исавръ умеръ въ іюнѣ 741 года, и что этотъ годъ своими лѣтними мѣсяцами относится къ 6249 году отъ сотворенія міра, такъ что Θеофанъ не долженъ былъ бы обозначать событія 6248 годомъ, если онъ держался обыкновенной системы счисленія, но въ томъ-то и вопросъ: въ 741 ли году умеръ Левъ Исавръ по взгляду Θеофана? Дѣло въ томъ, что годъ отъ Р. Х. совсѣмъ не означенъ у Θеофана; Геймбахъ заимствовалъ правильную дату изъ новѣйшихъ сочиненій и обращается съ нею къ Θеофану, который также легко могъ ошибаться и во второмъ случаѣ, въ расчетѣ годовъ отъ Р. Х., какъ и въ первомъ, въ расчетѣ лѣтъ отъ созданія міра. Необходимо имѣть въ виду, кромѣ ошибокъ переписчиковъ и издателей, самыя техническія трудности, которыя приходилось преодолѣвать Θеофану при пе- 278
реложеніи лѣтъ царствованія на разныя лѣтосчисленія. Онъ не имѣлъ тѣхъ пособій, какія мы имѣемъ.

Что касается десятаго года Льва Исаврійскаго, въ который будто бы включены Θеофаномъ два лѣта и чуть не двѣ полныя осени двухъ различныхъ годовъ (726 и 727), то здѣсь вмѣсто всяхихъ хитросплетеній Геймбаху слѣдовало обратить вниманіе на существованіе разночтенія въ самомъ текстѣ греческой хроники. Вмѣсто прежняго обычнаго чтенія, указывающаго на 18 октября десятаго индикта, уже въ боннскомъ изданіи стоитъ: *ιή τοῦ Ἀπρηλλίου μηνὸς τῆς ἰ ἰνδικτιῶνος* (Theophan. I. 623: 18 апрѣля мѣсяца X индикта), и конечно, замѣна сдѣлана съ полнѣйшимъ правомъ. Извѣстно, что существуетъ почти буквальный латинскій переводъ хроники Θеофана, сдѣланный еще въ IX вѣкѣ Анастасіемъ Библіотекаремъ. Какое же чтеніе имѣлъ предъ своими глазами Анастасій? Decimo quarto Kalendas Maias decimae indictionis (Theophan., II, 212), за четырнадцать дней до календъ майскихъ — такъ стоитъ въ переводѣ Анастасія — есть

дата, вполнѣ соотвѣтствующая 18-му апрѣля. Итакъ, Геймбаху вовсе не удалось доказать, что Ѳеофанъ въ отдѣлѣ своей хроники, посвященной Льву Исаврійскому, держится двухъ системъ лѣтосчисленія и начинаетъ вторую съ десятаго года царствованія этого государя. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Геймбахомъ въ подтвержденіе того, что система лѣтосчисленія, остающаяся позади однимъ годомъ, встрѣчается въ хроникѣ до смерти Константина Копронима, одни совершенно не идутъ къ дѣлу, такъ какъ вполнѣ объяснимы съ точки зрѣнія обычнаго лѣтосчисленія, а другіе, хотя и представляютъ неправильности, но вовсе не какія либо особенныя, а напротивъ, совершенно обычныя цѣлому творенію Ѳеофана, какъ оно дошло до насъ. Рѣшительно безъ всякаго основанія Геймбахъ утверждаетъ, что съ 775 года всѣ Ѳеофановскіе годы выдерживаютъ провѣрку по обыкновенной системѣ; напротивъ, почти до самаго конца сочиненія идетъ рядъ годовъ въ перемежку то съ правильнымъ, то съ неправильнымъ обозначеніемъ міровой эры. Было бы слишкомъ утомительно, если бы мы вздумали примѣрамъ Геймбаха противопоставлять другіе обратнаго характера; мы приглашаемъ всякаго желающаго прослѣдить въ хронографіи Муральта хотя бы только правленіе Константина VI и его матери Ирины, или взять для образца хотя бы только 786 и 877 годы и сличить настоящія и правильныя цифры, выставляемыя Муральтомъ, съ приводимыми
279 вслѣдъ затѣмъ при частныхъ ссылкахъ Ѳеофановскими цифрами. . .[1]).

Возвращаемся, наконецъ, къ надписанію Эклоги. Такъ какъ не оказывается серьезныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ на то, чтобы въ періодъ иконоборства употреблялась какая-либо спеціальная и особая система лѣтосчисленія, то не остается никакой возможности примирить годъ, означенный въ надписаніи, съ индиктомъ, стоящимъ тутъ же рядомъ. Мы думаемъ, что нужно отказаться отъ всякихъ попытокъ исправленія цифръ, такъ хорошо сохраненныхъ преданіемъ, тѣмъ болѣе, что 6247 годъ,

---

1) Muralt, Essai de chronographie byzantine de 395 à 1057, pag. 378, 379. Событіе, случившееся въ сентябрѣ 786 года, относится Ѳеофаномъ къ 6278 году (слѣдовало бы 6279), въ сентябрѣ 787—къ 6279 (слѣдовало бы 6280) и т. д.

который можно было избрать вмѣсто 6248, еще менѣе соотвѣтствуетъ девятому индикту. По нашему мнѣнію, нужно выбирать между индиктомъ и годомъ, если мы желаемъ остановиться на чемъ-нибудь положительномъ и точно опредѣленномъ. Общее правило то, что въ случаѣ несогласій и столкновеній, подобныхъ настоящему, индиктъ имѣетъ преимущество предъ обозначеніемъ года отъ сотворенія міра. Счетъ по индиктамъ былъ общепринятымъ во всякаго рода офиціальныхъ документахъ; сорокъ седьмая новелла Юстиніана, опредѣлившая законныя формы датированія всяческихъ общественныхъ и частныхъ юридическихъ актовъ, предписывала, наряду съ годомъ правленія императора и съ именами консуловъ, отмѣчать годъ индикта; о какой-либо другой эрѣ нѣтъ и рѣчи. Одинъ изъ элементовъ полнаго офиціальнаго обозначенія хронологіи, предписаннаго Юстиніаномъ, исчезъ самъ собою; если нужна была краткость, то изъ двухъ остальныхъ индиктъ имѣлъ преимущество предъ годами царствованія императора, а чаще нѣсколькихъ императоровъ. Изъ этого мы хотимъ вывести то заключеніе, что Эклога первоначально появилась съ обозначеніемъ одного индикта (и мѣсяца), и только впослѣдствіи переписчики стали прибавлять, по соображенію, годъ отъ сотворенія міра и, какъ это весьма часто случалось, впадали въ ошибки. Если позволительно высказать нѣсколько смѣлую мысль, то мы даже полагаемъ, что съ самаго начала не было никакой необходимости отыскивать десятый индиктъ въ концѣ царствованія Льва Исавра, что 726 годъ отъ Р. Х. (6218 алекс., 6234 римской міровой эры), также совпадающій съ IX индиктомъ, даже лучше могъ бы соотвѣтствовать всѣмъ даннымъ условіямъ, чѣмъ 741 годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ котораго императоръ Левъ 280
кончилъ свою жизнь. Мы сейчасъ должны будемъ перейти къ предисловію Эклоги; при чтеніи его намъ встрѣтится нѣсколько выраженій, какъ будто не совсѣмъ идущихъ къ государю, уже двадцать пять лѣтъ проведшему на престолѣ. Напротивъ, если мы допустимъ, что Эклога, носящая имена Льва и Константина, была издана въ десятый годъ правленія перваго, по истеченіи шести лѣтъ послѣ коронованія второго, то намъ будутъ представляться совершенно естественными и указанія на благія намѣренія, принятыя въ началѣ царствованія, и надежда на успѣхи

въ борьбѣ съ внѣшними врагами, еще имѣющіе только послѣдовать въ будущемъ.

Предисловіе Эклоги вообще на столько важно и любопытно, что мы рѣшаемся привести его въ почти полномъ русскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что старинный переводъ въ нашей Кормчей совсѣмъ не отличается вразумительностію, но сдѣланъ, повидимому, механически, безъ пониманія смысла, который, впрочемъ, и не легко поддается правильному и въ то же время близкому къ подлиннику выраженію на русскомъ языкѣ.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа императоры Левъ и Константинъ:

«Господь и Творецъ всего, Богъ нашъ, создавшій человѣка и отличившій его самовластіемъ (самоопредѣленіемъ, свободною волею), далъ ему, по слову пророка (Ис. VIII, 4), законъ на помощь и посредствомъ онаго сдѣлалъ извѣстнымъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего избѣгать для того, чтобы одно было избираемо, какъ содѣйствующее спасенію *(ὡς σωτηρίας ὄντα πρόξενα)*, а другое отметаемо, какъ ведущее къ наказанію. И никто изъ соблюдающихъ оправданія Его, или чего да не будетъ, отметающихъ оныя, не будетъ обманутъ относительно сообразнаго съ тѣми или другими дѣйствіями воздаянія. Ибо Самъ Богъ провозвѣстилъ то и другое, а сила словъ Его, обладающая непреложностію и воздающая каждому по дѣламъ его, по словамъ Евангелія, не прейдетъ . . .

Поелику Онъ, вручивъ намъ, какъ это было Ему благоугодно, державу царствія, сдѣлалъ тѣмъ явное признаніе *(δεῖγμα τοῦτο — ἐποιήσατο)* нашей къ Нему любви, смѣшанной со страхомъ, повелѣвъ намъ, по слову верховнѣйшаго главы апостоловъ, Петра, пасти вѣрное Ему стадо, то мы питаемъ такое убѣжденіе, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы мы первѣе и болѣе могли воздать Ему (благодарность), какъ управленіе ввѣренными намъ отъ Него
281 людями въ судѣ и правдѣ, такъ чтобы съ этихъ поръ разрѣшился всякій союзъ беззаконія, расторглись сѣти насильственныхъ обязательствъ *(βιαίων συναλλαγμάτων διαλύσεσθαι στραγγαλίας)*, и пресѣчены были стремленія согрѣшающихъ, и чтобы такимъ образомъ мы увѣнчаны были отъ Его всемогущей руки побѣдами надъ врагами — славнѣе и честнѣе облегающей нашу главу діадемы,

чтобъ устроилось намъ мирное царствованіе и прочный общественный порядокъ *(εὐσταθὲς τὸ πολίτευμα)*.

«Занятые такими заботами и устремивъ неусыпно разумъ къ изысканію угоднаго Богу и полезнаго обществу *(τῷ κοινῷ)*, мы поставили впереди всего земного справедливость, какъ посредницу съ небеснымъ, острѣйшую всякаго меча въ борьбѣ со врагами вслѣдствіе той силы, которая пріобрѣтается служеніемъ ей. Зная, что законоположенія, изданныя прежними царями, содержатся во многихъ книгахъ, и что заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ труднопостижимъ, а для другихъ, особенно же для обитающихъ внѣ сего богохранимаго града, и совершенно недоступенъ, мы созвали славнѣйшихъ нашихъ патриціевъ, славнѣйшаго квестора и славнѣйшихъ ипатовъ (консуловъ) и прочихъ имѣющихъ страхъ Божій и повелѣли собрать всѣ ихъ книги къ намъ, и разсмотрѣвъ всѣ съ усерднымъ вниманіемъ, мы сочли приличнымъ, чтобы въ этой (одной) книгѣ — частію сообразно съ тѣмъ, что содержится въ тѣхъ книгахъ благоприличнаго, частію сообразно съ тѣмъ, что мы вновь постановили, — были болѣе ясно и кратко изложены рѣшенія *(κρίσεις)* относительно дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся *(ἐπὶ συχναζόντων πραγμάτων)*, и разныхъ договорныхъ сдѣлокъ *(συναλλαγμάτων)*, а также (были опредѣлены) наказанія, соотвѣтствующія обвиненіямъ, ради удобообозримаго познаванія силы таковыхъ божественныхъ законовъ, ради добраго и здраваго *(ἐν εὐκρινείᾳ)* разрѣшенія дѣлъ, ради справедливаго наказанія проступковъ и ради остановки и исправленія расположенныхъ поползновенно къ преступленію».

По объясненію новѣйшихъ ученыхъ, подъ множествомъ книгъ, которое дѣлало затруднительнымъ познаніе права, нужно разумѣть заступившія мѣсто Юстиніановыхъ законныхъ книгъ греческіе ихъ переводы и разнаго рода комментаріи, вытѣснившіе совершенно употребленіе самыхъ подлинниковъ. Количество такого рода произведеній, сдѣлавшихся необходимыми для болѣе основательнаго изученія права, было столь громадно, что едва ли 282
даже тогдашнія публичныя библіотеки могли удовлетворять запросамъ. Притомъ положеніе юриспруденціи было тогда столь печальное, что, какъ видно изъ словъ императора, даже въ Константинополѣ находилось немного такихъ лицъ, которыя были бы

въ состояніи понимать тѣ переводы и толкованія, а внѣ столицы и совсѣмъ не было такихъ людей. Наконецъ, вслѣдствіе большого количества книгъ, изъ которыхъ приходилось почерпать познаніе законовъ, вслѣдствіе разнообразія излагавшихся въ нихъ мнѣній толкователей, объяснить и согласить которыя люди того времени были не въ состояніи по своей малой образованности, произошла въ гражданскомъ правѣ значительная путаница. Вотъ обстоятельства, на которыя указываютъ императоры Левъ и Константинъ и которыя привели къ сознанію необходимости издать, подъ освященіемъ публичнаго авторитета, юридическое руководство, легко всякому доступное и въ то же время достаточное для рѣшенія дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся въ судебной практикѣ. Лица, на которыхъ возложено было порученіе составить нужное руководство, не названы по имени въ той редакціи предисловія, которая принята за основаніе при установленіи текста въ новѣйшемъ полномъ изданіи Эклоги; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не съ вѣтру взяты тѣ собственныя имена, которыя встрѣчаются во многихъ, хотя бы и не въ самыхъ древнихъ, рукописяхъ нашего памятника и перешли отсюда въ переводъ русской Кормчей. Въ послѣдней мы читаемъ: «Призвавше славныя наша патрикія, преславнагоубо Никиту, патрикія и куестера, и преименитаго ипата и писца Марина и Марія и прочія, божій страхъ имѣюща». Въ ватиканскомъ и парижскомъ спискахъ такъ называемой Частной Эклоги, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, этому соотвѣтствуютъ: «Никита — славнѣйшій патрицій и квесторъ, славнѣйшіе патриціи Маринъ и Ноинъ — славнѣйшіе ипаты». А въ рукописи, находящейся въ библіотекѣ св. Марка и содержащей особеннаго рода юридическій компендіумъ съ предисловіемъ Эклоги въ началѣ, вмѣсто того читается: «Никиту, славнѣйшаго патриція и квестора нашего, славнѣйшихъ нашихъ патриціевъ Никиту и Марина, славнѣйшихъ ипатовъ и писцовъ»[1]). Обыкновенно говорятъ, что тутъ названы

1) Разночтенія приведены у Цахаріэ, въ изданія Эклоги (стр. 11, прим. 42); при изданія Прохирона также было напечатано все предисловіе Эклоги, и здѣсь читалось (стр. XXVII): *μετακαλεσάμενοι Νικήταν τὸν ἐνδοξότατον πατρίκιον καὶ κοιαίστωρα ἡμῶν τούς τε ἐνδοξοτάτους ἡμῶν πατρικίους Νικήταν καὶ Μαρῖνον, τοὺς ἐνδοξοτάτους ὑπάτους καὶ ἀντιγραφεῖς, καὶ λοιπούς τὸν τοῦ θεοῦ φόβον ἔχοντας.*

лица, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній (Leute, von denen übrigens keine Kunde vorhanden ist); но мы имѣемъ всяческія основанія предполагать, что два раза упомя- 283
нутый у Ѳеофана патрицій Маріанъ или Маринъ тожественъ съ патрикіемъ, ипатомъ и писцомъ (= секретаремъ) Маринномъ Эклоги. Подъ 6230 (738) г. мы читаемъ о взятіи въ плѣнъ Арабами Евстаѳія, сына Маріана патриція *(Εὐστάθιον, τὸν υἱὸν Μαριανοῦ τοῦ πατρικίου)*, а далѣе, подъ 6232 г. (правильнѣе было бы — 6233=741 г.), снова сообщается намъ, что въ одинъ годъ съ кончиной императора Льва, послѣ многихъ истязаній, былъ замученъ блаженный Евстаѳій, сынъ знаменитаго Марина патриція *(υἱὸς Μαρίνου τοῦ περιβλέπτου πατρικίου)*. Итакъ, былъ во время императора Льва какой-то извѣстный Маринъ, причина знаменитости котораго остается не объясненною въ источникахъ. Здѣсь же нужно припомнить и того Марина ипата (консула) и писца (*ἀντιγραφέα* — секретаря), къ которому патріархъ Германъ, въ 730 году оставившій свой престолъ, написалъ одно посланіе. Важно для насъ то, что имя Марина принадлежитъ, повидимому, первой половинѣ царствованія Льва Исавра, хотя, конечно, онъ могъ быть въ живыхъ и тогда, когда его сынъ Евстаѳій попался въ плѣнъ къ Арабамъ. Если принимать слова императорскаго манифеста, служащаго предисловіемъ къ Эклогѣ, въ совершенно буквальномъ смыслѣ, то обязанность патриція Марина и его, еще менѣе извѣстныхъ въ исторіи, товарищей состояла только въ томъ, что они должны были собрать и представить предъ лицо государя законныя книги, которыми они до сихъ поръ руководствовались въ своей судебной практикѣ. Но совершенно естественно, что послѣдовавшее затѣмъ разсмотрѣніе и исправленіе прежняго законодательства, дополненіе его на основаніи новѣйшихъ законоположеній, выборъ и редакція постановленій, долженствующихъ войти въ новый судебный уставъ или руководство, все это также не было предметомъ личнаго вдохновенія двухъ вѣнценосцевъ, а дѣломъ законодательной комиссіи, состоявшей изъ призванныхъ ими лицъ. Объ отношеніи новаго права, изложеннаго въ Эклогѣ, къ старому Юстиніановскому рѣчь будетъ ниже, а теперь мы снова должны обратиться къ предисловію, въ которомъ находится слѣдующее любопытное обращеніе къ судьямъ:

«Тѣхъ, которые поставлены исполнять законъ мы убѣждаемъ и вмѣстѣ заклинаемъ воздерживаться отъ всякихъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго помысла износить рѣшенія истинной справедливости, не презирать нищаго, не оставлять безъ обличенія сильнаго *(δυνάστην)*, неправду дѣющаго, не такъ (вести себя), чтобы по наружности, на словахъ превозносить правду и спра-
284 ведливость, а на дѣлѣ предпочитать несправедливость и лихоимство, какъ нѣчто болѣе полезное, но напротивъ, когда тяжутся предъ ними двѣ стороны, одна обидящая, а другая пострадавшая, то (стремиться къ тому), чтобы обѣ снова были поставлены въ совершенно равное одна къ другой отношеніе *(εἰς τὸ πρὸς ἀλλήλους ἴσον αὐτοὺς ἵστασθαι)*, и чтобы столько именно было отнято у обидящаго, сколько они найдутъ пострадавшимъ обидимаго. Тѣ, въ душу которыхъ не вложено заранѣе истинной справедливости, которые или подвержены подкупу деньгами, или благопріятствуютъ дружбѣ, или мстятъ за непріязнь къ себѣ, или же боятся (чужаго) могущества, всѣ тѣ не могутъ править праваго суда, доказывая на себѣ истину словъ псалмопѣвца: «Аще убо во истину правду глаголете, правая судите сынове человѣчестіи: ибо въ сердце беззаконіе дѣлаете на земли; неправду руки ваши сплетаютъ». Равнымъ образомъ и мудрый Соломонъ, приравнивая приточно неравенство суда къ неравной мѣрѣ, говоритъ: «Мѣрило велико и мало — мерзко предъ Господомъ».

«И вотъ все это сказано нами въ видѣ увѣщанія и предупрежденія тѣмъ, которые понимаютъ, что справедливо, но извращаютъ истину. Что же касается тѣхъ, для которыхъ это (пониманіе) остается неудободостижимымъ по причинѣ скудости смысла, для которыхъ воздать каждому свое представляется дѣломъ недостижимымъ, тѣ, по слову Сираха, ни отъ Господа величества да не ищутъ, ни отъ царя сѣдалища да не просятъ, ни судіи быти да не варяютъ (не спѣшатъ), неправды никакія же отъяти могуще. А тѣ, которые причастны и смысла, и ума и владѣютъ дѣйствительнымъ пониманіемъ справедливаго, пусть они прямо зрятъ относительно судовъ...

«Сіе да разумѣютъ и сообразно съ симъ да поступаютъ тѣ, которые поставлены нашимъ благочестіемъ судить тяжбы, и которымъ поручены праведныя мѣрила (вѣсы) благочестивыхъ на-

шихъ законовъ. Этимъ мы тщимся угодить Богу, вручившему намъ скипетръ царствія. Съ этимъ оружіемъ и съ Его помощію хотимъ крѣпко противостоять врагамъ. Мы вѣримъ, что и порученное Его властію нашей кротости христоименное стадо при этомъ (справедливости въ судахъ) возрастетъ въ добрѣ и преуспѣетъ. Съ этимъ мы надѣемся возстановить древнее правосудіе въ государствѣ.

«Такъ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «Не судите на лица, но праведный судъ судите», то справедливо воздерживаться отъ всякаго дароиманія. Ибо написано: «Горе оправдающему нечестиваго даровъ ради и пути смиренныхъ уклоняющемуся и правду правдиваго отмещущу, ихъ же корень яко персть будетъ, и цвѣтъ яко прахъ изыдетъ, зане закона Господня исполнити не восхотѣша. Мзда бо и дарове ослѣпляютъ очи и мудрыхъ». 285
Посему, всячески стараясь положить предѣлъ такому злому стяжанію, мы рѣшили давать мзду (жалованье) изъ нашего благочестиваго сакеллія (казначейства) славнѣйшему квестору и писцамъ или секретарямъ *(τοῖς ἀντιγραφεῦσι)* и всѣмъ служащимъ по дѣламъ судебнымъ, съ тѣмъ, чтобы они уже ничего не брали съ какого бы то ни было лица, судимаго у нихъ, дабы не исполнилось на насъ глаголемое пророкомъ: «Продаша на сребрѣ праведнаго», и чтобы не навлечь намъ гнѣва Божія, сдѣлавшись преступниками его заповѣдей».

Въ послѣднихъ строкахъ содержится указаніе на очевидное намѣреніе императора Льва Исаврійскаго сдѣлать юстицію совершенно для всѣхъ доступною и безденежною. Попытка, если она была осуществлена въ дѣйствительности, должна быть поставлена тѣмъ въ большую заслугу и честь иконоборнымъ законодателямъ, что она противорѣчила прежнимъ привычкамъ судебныхъ чиновниковъ получать въ свою пользу разнаго рода спортулы, величина которыхъ опредѣлялась отчасти законовъ, отчасти обычаемъ. Нужно прибавить, что и въ послѣдующій періодъ, при Македонской династіи, вновь вошли въ силу постановленія Юстиніановыхъ законныхъ книгъ и новеллъ; поборы въ пользу лицъ, отправлявшихъ судейскую обязанность въ извѣстномъ данномъ случаѣ, и частію въ пользу второстепенныхъ подчиненныхъ ихъ помощниковъ, вновь являются подъ весьма разнообразными на-

именованіями *(συνήθειαι, ἐφόδια, παραμυθίαι, ἐκταγιατικά)*; запрещено было только вымогательство (*ἐκβιβαστικά*).

Переходимъ теперь къ характеристикѣ внутренняго содержанія Эклоги Льва и Константина.

Эклога состоитъ изъ 18-ти титуловъ или граней; первые три содержатъ постановленія о бракѣ, обрученіи, о приданомъ; четвертый титулъ — о дареніи и различныхъ его формахъ; пятый и шестой — о завѣщаніяхъ и о наслѣдствѣ безъ завѣщанія; седьмой — объ опекѣ или попечительствѣ; восьмой — объ отпущеніи рабовъ на свободу или о вольноотпущенныхъ; отъ девятаго титула до тринадцатаго идутъ правила о разнаго рода обязательствахъ; въ четырнадцатомъ говорится о свидѣтеляхъ; въ пятнадцатомъ — о заимообразныхъ сдѣлкахъ, признаваемыхъ и не признаваемыхъ закономъ *(περὶ διαλύσεων κουρουμένων ἢ ἀνατρεπομένων)*; въ шестнадцатомъ — de castrensi peculio vel quasi castrensi; титулъ семнадцатый содержитъ въ
286 себѣ главу уголовнаго права о наказаніяхъ и, наконецъ, восемнадцатый гласитъ о раздѣленіи военной добычи.

Такимъ образомъ, рѣчь идетъ сначала о личныхъ правахъ, потомъ объ обязательствахъ и искахъ (de obligationibus et actionibus), потомъ являются постановленія публичнаго права, куда относятся правила объ особенно пріобрѣтенныхъ воинскихъ вещахъ (de castrensi peculio), и, наконецъ, уголовное право въ титулѣ о наказаніяхъ; впрочемъ, въ отдѣлахъ о личныхъ правахъ встрѣчаются нѣкоторыя постановленія, входящія въ область вещнаго (вотчиннаго) права, какъ-то — о приданомъ и о наслѣдствѣ. Ясно, что Эклога относительно порядка и системы существенно отступаетъ отъ книгъ Юстиніанова законодательства, институтовъ, кодекса и пандектъ. Нужно думать, говоритъ Цахаріэ, что какъ система Эклоги, такъ и ея пробѣлы ведутъ свое начало отъ самихъ составителей этого руководства и объясняются ихъ сознательнымъ расчетомъ; что если совсѣмъ почти опущено ученіе о пріобрѣтеніи собственности, то это потому, что споры о правѣ собственности всетаки рѣже встрѣчаются въ судахъ, а въ предисловіи выражено намѣреніе ограничиться сопоставленіемъ наиболѣе обычныхъ въ общежитіи дѣлъ; что если ни слова не сказано о сервитутахъ, то и на это были особыя причины: споры,

касающіеся этого рода отношеній, согласно съ духомъ тогдашняго времени, рѣшались болѣе на основаніи обычнаго права извѣстной области или страны, чѣмъ на основаніи общихъ правилъ.

Титулы Эклоги состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ немногихъ главъ (параграфовъ), которыя имѣютъ тѣсную внутреннюю связь и составляютъ какъ бы одинъ связный трактатъ. Наиболѣе обширный семнадцатый титулъ содержитъ 52 главы или статьи, наиболѣе краткій, послѣдній, — одну статью. Что касается источниковъ, изъ которыхъ заимствованы отдѣльныя постановленія, то въ самомъ надписаніи Эклоги указаны институты, пандекты, кодексъ и новеллы Юстиніана, сверхъ того, въ предисловіи упомянуто о дополненіяхъ, сдѣланныхъ самими вѣнценосными виновниками всего предпріятія; но здѣсь не ясно, разумѣются ли при этомъ ранѣе изданныя новеллы Льва Исавра, или только имѣются въ виду его рѣшенія по поводу разнаго рода сомнѣній и вопросовъ, возникавшихъ (имѣющихъ возникнуть) при составленіи новаго уложенія[1]). Своими источниками составители Эклоги пользовались однако такъ, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ 287
буквальнаго заимствованія, и въ большей части случаевъ трудно рѣшить, откуда взята извѣстная отдѣльная статья; они измѣняли выраженія источниковъ, чтобы сдѣлать рѣчь, гдѣ это казалось имъ нужнымъ, болѣе краткою и ясною; они допускали еще болѣе существенныя измѣненія, касавшіяся уже самаго содержанія. Въ новое уложеніе было внесено много такого, что не согласовалось съ Юстиніановымъ правомъ и даже прямо противорѣчило его началамъ, при чемъ иное, быть можетъ, существовало уже ранѣе въ обычномъ правѣ и въ судебной практикѣ, а другое, безъ сомнѣнія, было вновь придумано и постановлено. Важное значеніе Эклоги въ томъ именно и состоитъ, что съ ея появленіемъ начинается новый періодъ въ исторіи греко-римскаго права, прости-

---

1) Слова: *διά τε τῶν παρ᾽ ἡμῶν νεαρῶς θεσπισθέντων* (p. 11) обыкновенно понимаются въ томъ смыслѣ, что здѣсь разумѣются новеллы, ранѣе изданныя Львомъ Исавромъ; но грамматическая, правда, довольно запутанная, конструкція рѣчи допускаетъ и другое толкованіе, такъ какъ аористъ причастія можетъ относиться и къ будущему времени. Другое подобное мѣсто въ самой Эклогѣ (II, 3): *κατὰ τὰ παρ᾽ ἡμῶν ἀρτίως εὐσεβῶς νομοθετούμενα* — еще скорѣе можетъ быть понимаемо въ смыслѣ законодательныхъ рѣшеній, современныхъ составленію руководства, не предшествовавшихъ оному.

рающійся до вступленія на престолъ династіи Македонской, до эпохи реставраціи Юстиніановскаго права. Намъ полезно будетъ ближе познакомиться съ наиболѣе важными и характеристичными чертами, которыми проявлялся новый духъ и новыя воззрѣнія въ наиболѣе важной области человѣческаго и общественнаго развитія, въ области права. Начнемъ съ постановленій, касающихся государственной власти.

Эклога прилагаетъ и къ государственной верховной измѣнѣ тѣ правила, которыя въ кодексѣ Юстиніана были постановлены относительно оскорбленій величества: «Если кто умышляетъ, дѣлаетъ происки *(φρατριάζων)* или составляетъ заговоръ *(συνωμοσίας)* противъ царя или противъ христіанскаго государства, тотъ подлежалъ бы по настоящему въ тотъ же самый часъ умерщвленію, какъ замысливший разрушеніе всего. Но дабы этимъ не могли воспользоваться иныя лица, часто враждебно расположенныя къ другому, и не стали убивать безъ суда, послѣ принося то оправданіе, что онъ (убитый) говорилъ противъ царя, предписывается преступника на мѣстѣ заключать подъ крѣпкую стражу, дѣлать докладъ о немъ царю и затѣмъ поступать, какъ онъ разсудитъ и изволитъ» (XVII, 3) [1]). Позднѣйшее византійское право
288 опять отказалось отъ такого опредѣленія. Прохиронъ и Эпанагога выражаются совершенно кратко: «Умысливший на царскую безопасность *(κατὰ σωτηρίας)* подвергается смертной казни и конфискаціи» (Prochir. XXXIX, 10; Epanag. XL, 12). Василики (царскія книги) возвращаются къ Юстиніанову праву; позднѣйшія законныя книги тоже не принимаютъ въ свой составъ приведенной нами статьи изъ Эклоги. Съ исторической точки зрѣнія слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ процессахъ противъ иконоборцевъ соблюдалось, повидимому, означенное правило Эклоги [2]).

---

1) *Ἀλλ' ἵνα μή τινες καὶ ἐχθρωδῶς πολλάκις διακείμενοι πρός τινα ἀκρίτως φονεύσωσιν, ἀπολογίαν προσφέροντες* и т. д. Цахаріэ (Gesch. des gr.-röm. Rechts, p. 314) переводитъ: Allein damit nicht Richter etwa aus Feindschaft gegen Jemand denselben ohne Recht tödten . . . ‹3 Aufl. p. 337›. Но, повидимому, въ текстѣ Эклоги въ данномъ мѣстѣ вовсе не имѣются въ виду судьи, а высказывается опасеніе, совершенно соотвѣтственное предположенію, что собственно всякій частный человѣкъ имѣлъ бы право убивать измѣнника на мѣстѣ...

2) Напримѣръ, нѣчто подобное можно найти въ Житіи Стефана Новаго.

Въ Эклогѣ мы не находимъ никакихъ постановленій противъ иконопочитателей, а этого мы могли бы съ нѣкоторымъ правомъ ожидать въ томъ случаѣ, еслибъ она была издана послѣ объявленія войны иконамъ, что послѣдовало въ десятый годъ правленія Льва Исаврійскаго. Равнымъ образомъ, въ нашемъ памятникѣ не говорится ничего о Евреяхъ, хотя мы знаемъ изъ исторіи, что они тоже не пользовались расположеніемъ верховной власти въ данное время... Вмѣсто того, въ титулѣ «о наказаніяхъ» мы встрѣчаемъ угрозу смертною казнію манихеямъ и монтанистамъ. Относительно послѣднихъ можно замѣтить, что, по свидѣтельству Ѳеофановой хроники, они, вмѣстѣ съ Евреями, въ шестой годъ правленія Льва III, были насильственно обращаемы въ христіанство и принуждаемы къ крещенію... Положительныхъ признаковъ большей, чѣмъ прежде, терпимости къ иновѣрцамъ и еретикамъ было бы напрасно искать въ новомъ законодательствѣ, если только мы не будемъ придавать слишкомъ много значенія извѣстному уже намъ умолчанію въ статьяхъ о дозволенныхъ и не дозволенныхъ бракахъ... Правда, чта Цахаріэ находитъ еще иное доказательство большей, чѣмъ въ Юстиніановыхъ книгахъ, терпимости исаврійскихъ законовъ. Онъ указываетъ на то, что Эклога отказываетъ въ содѣйствіи свѣтскаго мірского принужденія при обращеніи отступниковъ отъ христіанства и предоставляетъ все дѣло одной церкви. Но намъ кажется, что приводимая въ ссылкѣ статья вовсе не имѣетъ такого значенія, какое придаетъ ей знаменитый ученый. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ ней говорится о лицахъ, отрекшихся отъ «непорочной христіанской вѣры» во время нахожденія въ 289
плѣну непріятельскомъ, то-есть, вслѣдствіе принужденія, подобнаго тому, отъ котораго мученическою смертію погибъ сынъ одного изъ составителей Эклоги, патриція Марина (см. выше); если такія лица, какимъ-либо случаемъ освободившись изъ-подъ власти невѣрныхъ, возвращались въ отечество, то предполагалось, что вмѣстѣ съ тѣмъ они непремѣнно должны будутъ возвратиться и къ истинной религіи, но, конечно, всетаки будутъ нуждаться въ церковномъ наказаніи или исправленіи.

Церковное право убѣжища, не смотря на ограниченія, существовавшія уже въ Юстиніановомъ законодательствѣ, нерѣдко

могло служить препятствіемъ правильному ходу правосудія. Эклога постановляетъ, что никто не можетъ быть силой исторгнутъ изъ храма, въ которомъ онъ нашелъ себѣ убѣжище, и въ этомъ отношеніи она, повидимому, уничтожаетъ даже то прежде существовавшее исключеніе, по которому отказывалось въ церковной защитѣ убійцамъ; но за то она прибавляетъ, что если пострадавшій отъ преступленія предъявитъ священнику данной церкви вину убѣжавшаго и потребуетъ его выдачи, то при необходимыхъ гарантіяхъ *(μετὰ τῶν ἀσφαλῶν)*, требованіе его должно быть исполнено, и бѣжавшій подъ церковный кровъ выдается для того, чтобы дѣло его могло быть разсмотрѣно свѣтскимъ судьею. Кто прибѣгнетъ къ насилію для достиженія такой же цѣли, тотъ подвергается только тѣлесному наказанію *(ἀλλαχτὰ λαμβανέτω)*, вмѣсто прежней смертной казни, а исторгнутый изъ своего убѣжища преступникъ всетаки подлежитъ обычному судебному преслѣдованію и наказанію. Въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть новыхъ ограниченій правъ церковнаго убѣжища; позднѣйшее законодательство Македонской династіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, отказалось отъ того, что могло быть причислено къ исаврійскимъ несообразностямъ.

Къ статьямъ Эклоги, которыя не были отмѣнены или замѣнены въ Прохиронѣ и Эпанагогѣ, нужно прежде всего отнести весь семнадцатый титулъ. Система уголовныхъ наказаній, принятая въ Эклогѣ, существенно отличается отъ Юстиніановыхъ карательныхъ постановленій. Характеристическая черта ея — изобиліе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказаній, которыя хотя уже и допускались въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, но только въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ. Исаврійскіе императоры, напротивъ, съ какимъ-то особымъ предпочтеніемъ грозятъ именно тѣми унизи-
290 тельными и позорными казнями, которыя состоятъ въ лишеніи человѣка тѣлесныхъ членовъ, въ физическомъ изуродованіи его. Здѣсь мы находимъ: отсѣченіе руки (XVII, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 46, 47), урѣзаніе языка (XVII, 2), выкалываніе глазъ или ослѣпленіе (XVII, 15), отрѣзаніе носа (XVII, 23—27), чѣмъ и злоупотреблялъ и чѣмъ былъ ранѣе того наказанъ Юстиніанъ Ринотметъ. Низшая степень этого рода наказаній есть наказаніе розгами и палочными ударами, для обозначенія которыхъ употреб-

ляется рядъ выраженій съ довольно темными оттѣнками въ значеніи[1]). Изъ другого рода наказаній, состоящихъ въ лишеніи и ограниченіяхъ свободы, встрѣчается только изгнаніе или ссылка (*ἐξορία*), которая является въ видѣ самой низшей степени наказанія и обыкновенно соединяется съ предварительною тѣлесною экзекуціей и обритіемъ волосъ на головѣ и бороды (XVII, 4, 11, 13, 15, 24, 28, 29, 36—44, 47, 48).

Цахаріэ не оставилъ безъ замѣчанія, что въ Эклогѣ нигдѣ не говорится о заключеніи въ монастырь въ видѣ наказанія, и объясняетъ это враждебнымъ монашеству характеромъ исаврійскаго законодательства. Нужно однако замѣтить, что этой враждебности къ иконамъ и монастырямъ, особенно проявившейся при Константинѣ Копронимѣ, совсѣмъ нѣтъ слѣдовъ въ Эклогѣ. Совершенно напротивъ, особыми статьями охраняется цѣломудріе монахинь и оскорбленіе ихъ сравнивается съ оскорбленіемъ церкви Божіей (XVII, 23, 24), и также не забыты земные интересы монастырей, которымъ безусловно позволяется отдавать свои недвижимыя имущества въ безсрочное оброчное содержаніе свѣтскимъ людямъ (XII, 4)[2]). Но за то намъ остается только повторить замѣчаніе Цахаріэ относительно возможной оцѣнки уголовнаго права Эклоги; на основаніи того, что въ немъ господствуютъ тѣлесныя и членовредительныя наказанія, не должно всетаки считать его варварскимъ, а слѣдуетъ помнить, что, въ большей части случаевъ, эти наказанія заступили мѣсто смѣртной казни[3]), 291
что здѣсь устранены квалифицированные ея виды, равно какъ и конфискація, существовавшія въ Юстиніановомъ правѣ; однимъ словомъ, мы должны признать, что Юсаврійскіе императоры могли

---

1) *Τύπτεσθαι δέρεσθαι μαστίζεσθαι* или *μάστιγας τύπτεσθαι, ἀλλαχτὰ λαμβάνειν*. Послѣднее выраженіе, затруднявшее позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ, должно собств нно значить «получить смѣну». Одинъ парижскій кодексъ сообщаетъ къ нашему свѣдѣнію, что смѣна равна 70 ударамъ (*ἀλλαχτὸν ὃ ἐστὶν ἑβδομήκοντα φραγγέλια*), а самое орудіе наказанія — *φραγγέλιον* (flagellum?), то-есть, бичъ или плеть, имѣетъ въ длину локоть или и больше толщину въ два пальца и есть нѣчто нѣжное и безопасное . . .

2) *Ἄδειαν ἐχέτωσαν καὶ διηνεκεῖς ἐμφυτεύσεις ποιεῖν*. Постановленія объ отдачѣ церковныхъ имуществъ въ наемъ и аренду находятся уже въ Юстиніановомъ законодательствѣ.

3) Само собою разумѣется, что и въ самой Эклогѣ всетаки удержана смертная казнь для наиболѣе тяжкихъ преступленій (см. XVII, 33, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 52).

съ полнымъ основаніемъ провозгласить о большемъ человѣколюбіи своего законодательства *(ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον)*. Сверхъ того, въ честь ему нужно поставить и то, что Эклога угрожаетъ одинаковыми наказаніями бѣднымъ и богатымъ, простымъ и сановнымъ, разумѣется, съ тѣми исключеніями, которыя совершенно умѣстны при денежныхъ или имущественныхъ штрафахъ, тогда какъ въ Юстиніановомъ правѣ не рѣдко встрѣчались ничѣмъ не оправдываемыя отступленія отъ началъ справедливаго равенства.

Статья объ убійствѣ раба (XVII, 49), конечно, не говоритъ въ пользу мягкости нравовъ въ Византіи VIII столѣтія. Оно не наказывается, если смерть послѣдовала послѣ обычнаго наказанія палками или плетью *(λώροις ἢ ῥάβδοις)*, но всетаки жизнь раба охраняется: если онъ умеръ или вслѣдствіе безмѣрныхъ истязаній, или же вслѣдствіе отравы, то законъ преслѣдуетъ господина, какъ убійцу. Воровство въ Юстиніановомъ правѣ разсматривалось какъ частный проступокъ, совершенно исправляемый возвращеніемъ украденнаго по требованію пострадавшаго — иногда въ двойной или болѣе цѣнѣ. По Эклогѣ оно вызываетъ не только гражданское преслѣдованіе, но и уголовное наказаніе — отсѣченіе руки, а въ болѣе легкихъ случаяхъ — изгнаніе или палочные удары.

Что касается системы личныхъ правъ, то мы уже видѣли, какой высокій характеръ придаетъ въ этой области иконоборческому законодательству историкъ греческаго народа, и знаемъ, что всѣ его представленія о содержаніи этого законодательства заимствованы у Цахаріэ. Цахаріэ первый замѣтилъ, что юридическое пониманіе брачныхъ отношеній въ законахъ христіанскихъ императоровъ весьма мало отражало въ себѣ вліяніе христіанства, и что законодательство Юстиніана и здѣсь не представляетъ существенныхъ нововведеній; что только позднѣйшимъ императорамъ, которыхъ церковные историки хотѣли опозорить прозваніемъ иконоборцевъ, было предоставлено ввести въ жизнь на-
292 стоящее христіанское брачное право. Мы не будемъ повторять здѣсь того, что уже было выше сказано о юридическомъ непризнаніи конкубината, о преслѣдованіи всякихъ внѣбрачныхъ половыхъ связей угрозою тѣлесныхъ и имущественныхъ наказаній.

Сверхъ того, Эклога расширила область кровныхъ родственныхъ и духовнородственныхъ отношеній, служащихъ препятствіемъ къ браку, и, что всего важнѣе, рѣшительно провозгласила его нерасторжимость, ограничивъ основанія для развода только четырьмя крайними случаями. Трудно оцѣнить все добро и все громадное зло, которое заключалось для будущихъ временъ въ двухъ знаменитыхъ главахъ второго титула Эклоги, хотя собственно въ византійскомъ свѣтскомъ законодательствѣ впослѣдствіи и были сдѣланы нѣкоторыя смягченія въ смыслѣ возвращенія къ Юстиніанову праву. Либеральный греческій историкъ, отчасти сожалѣющій, что иконоборцамъ не удалось ихъ дѣло, какъ бы оправдывающій возстановленіе иконопочитанія при патріархѣ Тарасіи предъ современнымъ просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, говорящій о принципахъ Эклоги и нашей Кормчей такимъ языкомъ, какимъ другіе говорятъ о принципахъ 1789 года (съ ними, впрочемъ, и сравниваются начала иконоборческаго законодательства: см. выше), вмѣстѣ съ строго-консервативнымъ нѣмецкимъ юристомъ безусловно восхваляетъ все находящееся въ первыхъ титулахъ Эклоги. Г. Папарригопуло, какъ мы видѣли, вполнѣ слѣдуетъ толкованіямъ Цахаріэ по вопросу о принципѣ имущественныхъ отношеній супруговъ въ Эклогѣ. Взглядъ Цахаріэ, что иконоборческое законодательство предполагаетъ законную систему общности имуществъ между супругами, можно было считать даже общепринятымъ. Однако, мы видимъ, что и онъ подвергается нѣкоторому оспариванію со стороны компетентныхъ русскихъ юристовъ. Они утверждаютъ, что идея общности имуществъ между супругами занесена въ исторію греко-римскаго права изъ нѣмецкаго только благодаря предрасположенію изслѣдователя къ своимъ національнымъ началамъ. Хотя приданое и предбрачный даръ и разсматриваются въ Эклогѣ, какъ особая имущественная масса, но не подлежитъ сомнѣнію, что Эклога, подобно кодексу Юстиніана, считаетъ это имущество, во время брачной жизни супруговъ, собственностью жены, состоящею только въ управленіи и пользовладѣніи мужа. За бездѣтною смертью жены, мужъ обязанъ возвратить или выдать это имущество родственникамъ ея, за вычетомъ своей наслѣдственной доли; въ случаѣ же бездѣтной смерти мужа, это имущество, какъ

собственность жены, переходитъ въ ея управленіе и распоря-
293 женіе, и сверхъ того, жена получаетъ свою наслѣдственную долю изъ имущества мужа ($^1/_4$). Если по смерти мужа остались дѣти, то въ руки вдовы-матери, какъ опекунши дѣтей, переходитъ, сверхъ ея собственнаго имущества, и все имущество мужа; оно остается въ ея рукахъ впредь до раздѣла ея съ дѣтьми, при которомъ мать получаетъ часть равную одной дѣтской долѣ... Изъ всѣхъ этихъ постановленій Эклоги не возможно, говорятъ намъ, вывести заключенія о существованіи законной системы общности имуществъ между супругами. Къ этому мы прибавимъ только то филологическое замѣчаніе, что императоръ Левъ Мудрый, въ своей двадцатой новеллѣ критикующій постановленія иконоборцевъ объ отношеніи супруговъ по имуществу, называетъ жену госпожею предбрачнаго дара съ того самаго момента, какъ заключенъ бракъ (Zachariae, Jus Graecorom., III, 96: *καὶ τούτου (ὑποβόλου) κυρίαν καθίστασθαι τὴν γαμετήν)*, что съ другой стороны, въ самой Эклогѣ жена по смерти мужа при дѣтяхъ-наслѣдникахъ называется только «держательницею своего приданаго и всего мужнина имущества» (II, 5: *ἐγκάτοχον τῆς τε προικὸς αὐτῆς καὶ ἀνδρῴας ἁπάσης ὑπάρξεως)*, и что если въ одномъ изъ позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ мы и встрѣчаемъ выраженіе, что для жены должно быть общимъ *(κοινὰ)* все, что̀ принадлежитъ ея мужу (*Πεῖρα*, p. 79), то это сказано болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ юридическомъ смыслѣ.

Отношеній между родителями и дѣтьми Эклога касается только мимоходомъ, но замѣтно, что она еще дальше пошла въ дѣлѣ смягченія суровыхъ римскихъ преданій объ отеческой власти, чѣмъ Юстиніаново законодательство. Въ Эклогѣ нѣтъ рѣчи о какихъ-либо особенныхъ личныхъ проявленіяхъ отеческой власти: права и обязанности, изъ нея проистекающія, принадлежатъ въ одинаковой степени отцу и матери. Пока живы отецъ и мать, до тѣхъ поръ, по общему правилу, опека не допускается; за исключеніемъ того случая, когда мать-вдова вступаетъ во второй бракъ, она, какъ мы видѣли, управляетъ всѣмъ оставшимся послѣ умершаго мужа имуществомъ; тотъ изъ родителей, который остался въ живыхъ, отецъ или мать, имѣетъ право въ своемъ завѣщаніи назначить сиротѣ опекуна. Наконецъ, дѣти для

вступленія въ бракъ нуждаются не просто въ согласіи отца, подъ властію котораго они находятся, а вообще въ согласіи родительскомъ[1]). Что касается опеки надъ сиротами, то въ этомъ отно- 294
шеніи замѣчательно, во-первыхъ, уничтоженіе всякаго различія между опекой (tutela), основанною на семейныхъ интересахъ и семейной власти, и попечительствомъ (cura), учрежденнымъ въ видахъ общественнаго публичнаго интереса; самая опека, подобно прежнему попечительству надъ взрослыми, понимается какъ отправленіе общественной обязанности: взглядъ, который, впрочемъ, уже и ранѣе начиналъ заявлять себя и привелъ къ участію государственной власти въ назначеніи опекуна. Во-вторыхъ, Эклога содержитъ въ себѣ то новое и важное постановленіе что сироты, которымъ не назначено было опекуновъ въ завѣщаніи родителей, поступаютъ подъ церковную защиту: въ Константинополѣ — подъ защиту сиротскаго дома *(ὀρφανοτροφεῖον)* или какого другого богоугоднаго учрежденія, а въ провинціяхъ — епископовъ, монастырей и Божіихъ храмовъ. Изъ постановленій наслѣдственнаго права замѣчательно то, которое, между прочимъ, подало поводъ къ неловкимъ выраженіямъ г. Папарригопуло объ ожиданіи со стороны дѣтей отеческаго наслѣдства[2]), то-есть, что во второй степени, за неимѣніемъ нисходящихъ, призываются къ наслѣдству отецъ и мать умершаго съ исключеніемъ его братьевъ и сестеръ, въ чемъ заключается прямое отступленіе отъ Юстиніанова права. Въ этой статьѣ, хотя она и вызывалась уже измѣненіемъ системы супружескихъ имущественныхъ отношеній, историкъ римско-византійскаго права находитъ новое доказательство болѣе высокаго и здраваго пониманія сущности и блага семьи, чѣмъ это можно было замѣтить въ Юстиніановомъ законодательствѣ, гдѣ между прочимъ дѣти неловкимъ образомъ поставлены на ряду съ ихъ собственными родителями, какъ сонаслѣдники[3]). Еще яснѣе обнаруживается превосходство Эклоги

---

1) Ecl. I, 1: *ἐκ γονέων καὶ συγγενῶν αὐτῶν συναινέσεως*. Одна рукопись вмѣсто *συγγενῶν* читаетъ *κηδεμόνων* (опекуновъ). Въ славянорусскомъ переводѣ: родителей и ближнихъ совѣщаніемъ.

2) Il a voulu ne pas diminuer les espérances qu'il est toujours bon que les enfants conservent à l'égard de leurs parents.

3) Zachariae v. Lingenthal, Geschichte des Gr.-röm. Rechts, p. 113 <3 Aufl. p. 137>.

въ другихъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ ею въ существовавшихъ до нея правилахъ о наслѣдствѣ. Руководимые вѣрнымъ тактомъ, Исаврійскіе императоры отказались отъ опредѣленія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слѣдовало по закону принимать, что отецъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи дѣтей лишился права на полученіе послѣ нихъ наслѣдства. Подобно этому постановленію, возбуждающему тяжелое чувство, и конечно, не служившему къ поддержанію родительскаго авторитета, слѣдуетъ признать также неудачною попытку Юстиніана точно опредѣлить «случаи неблаго-
295 дарности», вслѣдствіе которыхъ отецъ имѣлъ бы право въ своемъ завѣщаніи лишить виновныхъ дѣтей всякаго наслѣдства; совершенно невозможно безъ вреда для отеческаго авторитета свести къ извѣстнымъ видамъ все разнообразіе причинъ, по которымъ родители справедливо могли бы гнѣваться на своихъ дѣтей. Совершенно другое дѣло, еслибъ опредѣлялись причины, на основаніи которыхъ дѣти, какъ недостойные, исключались бы отъ наслѣдства по закону, а не въ силу заявленной отеческой воли. Въ такомъ смыслѣ и приняты основанія для исключенія дѣтей отъ наслѣдства въ исаврійскомъ законодательствѣ; они имѣютъ не то значеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ отцу или матери позволяется лишить своихъ дѣтей наслѣдства, но что при такихъ-то и такихъ-то проступкахъ противъ родителей дѣти должны быть лишены наслѣдства по закону, то-есть, безъ завѣщанія.

Эклога очень бѣдна постановленіями относительно правъ обязательственныхъ. Сообразно съ духомъ народа, который всегда держался стараго правила: naturaliter licere contrahentibus se circumvenire и не считалъ простое соблюденіе даннаго слова дѣломъ разумѣющимся само собою, а напротивъ, склоненъ былъ ради денежной выгоды къ обману и нарушенію договоровъ, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ его государей[1]), и Эклога не только удерживаетъ старыя формальности, обусловливающія дѣйствительность обязательствъ, но и вводитъ еще новое предписаніе, чтобъ особаго рода заемныя сдѣлки, заключавшіяся съ призываніемъ имени Божія, непремѣнно заключались письменно и при трехъ свидѣтеляхъ (Ecl., XV, 1). Съ другой сто-

1) См. новеллу Романа Младшаго: Zachariae, Jus Graecorom., III, 287.

роны, Эклога отказывается отъ прежняго юридическаго воззрѣнія, что клятвопреступленіе или ложная присяга вообще суть преступленія, не подлежащія вѣдѣнію свѣтскаго судьи, и угрожаетъ отрѣзаніемъ языка всякому, кто дастъ клятву надъ святымъ Евангеліемъ по приговору ли судьи, или для подкрѣпленія своего показанія, и потомъ окажется присягнувшимъ ложно (XVII, 2).

Въ царствованіе Исаврійской династіи и въ продолженіе всего иконоборческаго періода Эклога заступала у греческихъ юристовъ мѣсто институтовъ, служила руководствомъ при юридическомъ преподаваніи и была даже не одинъ разъ подвергаема ученой переработкѣ. Цахаріэ, такъ много сдѣлавшій для исторіи греко-римскаго права, кромѣ Эклоги Льва и Константина, напечаталъ еще такъ называемую Частную умноженную Эклогу (Ecloga privata aucta); есть еще просто Частная Эклога (Ecloga 296
privata), не напечатанная потому, что она представляетъ очень мало отступленій отъ «Избранія Законовъ», изданнаго Львомъ Исаврійскимъ. Не только частная Эклога, но и Эклога частная распространенная, по мнѣнію Цахаріэ, высказанному въ болѣе позднее время, принадлежатъ еще иконоборческому періоду[1]). Когда послѣ восшествія на престолъ Василія Македонянина снова вошло въ честь Юстиніаново законодательство, и началась реставрація въ его пользу, то Эклога, осужденная прямо въ предисловіяхъ къ новымъ императорскимъ уложеніямъ (Прохирону и Эпанагогѣ), повидимому, должна была утратить всякое значеніе. Тѣмъ не менѣе, императоры Василій, Левъ и Александръ сами заимствовали многія статьи изъ осужденной ими книги и внесли ея положенія какъ въ свои собственные законники, такъ и въ Василики. Юристы продолжали пользоваться удобнымъ и привычнымъ руководствомъ; стараніе приноровить его къ новымъ потребностямъ было поводомъ къ новой его переработкѣ, послѣ которой явилась «Эклога, измѣненная по Прохирону» (Ecloga ad Prochiron mutata), въ новѣйшее время тоже напечатанная Цахаріэ.

---

1) См. предисловіе въ четвертомъ томѣ Jus Graecorom. предъ Ecloga privata aucta. Прежде Цахаріэ имѣлъ другой взглядъ, который и былъ высказанъ въ изданіи Прохирона.

III.

Законъ судный людемъ.

Мы видѣли, что Эклога Льва и Константина, несмотря на то, что была упразднена и даже прямо осуждена новымъ законодательствомъ Македонской династіи, всетаки пользовались большимъ уваженіемъ у позднѣйшихъ юристовъ, какъ это доказывается неоднократными переработками ея, предпринимавшимися со стороны частныхъ лицъ, и самою многочисленностію ея списковъ, принадлежащихъ X и слѣдующимъ вѣкамъ. Всего болѣе страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться на первый взглядъ то прочное положеніе, которое досталось на долю еретическаго законодательства въ судебныхъ книгахъ православной церкви, и въ частности русской. Совершенно напрасно новѣйшій греческій историкъ (г. Папаррпгопуло) говоритъ, что Эклога имѣла эфемерное значеніе, что она была позабыта вмѣстѣ съ достойными
297 вѣчной славы именами ея авторовъ. Имена патриціевъ Марина и Никиты и теперь еще могутъ быть читаемы на страницахъ русской Кормчей книги, которая уже не мало вѣковъ составляетъ необходимую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую обычную принадлежность церковнаго обихода. Эклога, хотя и подъ другимъ названіемъ, досихъ поръ входитъ въ составъ дѣйствующаго у насъ церковнаго права... Извѣстно, что какъ греческая церковь въ мірскихъ дѣлахъ, подлежавшихъ суду ея настоятелей, пользовалась свѣтскимъ законодательствомъ и на основаніи его произносила свои сужденія, такъ не могла обойтись безъ знакомства съ постановленіями мірской власти греко-римскихъ императоровъ и древняя русская церковь, подобно, впрочемъ, всякой другой православной. При греческихъ собраніяхъ и сводахъ церковныхъ законовъ, на ряду съ правилами, ведущими свое происхожденіе отъ св. отцовъ и учителей церкви и относящимися къ духовной дисциплинѣ, въ древнее время помѣщались тѣ краткія руководства к познанію мірскихъ законовъ, которыя были освящены публичнымъ авторитетомъ верховной власти. Такой чести удостоивается не только Прохиронъ блогочестиваго императора Василія Македонянина, но и Эклога Льва и Константина, противъ которой въ

немъ произнесено суровое осужденіе. Знаменитый Флорентійскій кодексъ, содержащій греческій Номоканонъ XI вѣка, приписанный Вальсамону, заключаетъ въ то же время одинъ изъ лучшихъ списковъ Эклоги. Въ Московской синодальной библіотекѣ Эклога точно также находится въ сборникѣ преимущественно каноническаго характера и т. д. Что касается славяно-русскаго перевода Эклоги, то сколько мы можемъ судить, остается еще не рѣшеннымъ и неяснымъ, когда и гдѣ онъ былъ сдѣланъ, и съ котораго времени онъ входитъ въ составъ русскаго Номоканона, то-есть, сборника церковныхъ и мірскихъ законовъ, которыми управлялась церковь въ дѣлахъ ея вѣдомства. Въ печатной русской Кормчей Эклога носитъ заглавіе: «Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ»; она помѣщается здѣсь вслѣдъ за такъ называемымъ «Градскимъ закономъ», то-есть, Прохирономъ Василія Македонянина, составляя сорокъ девятую главу Кормчей. Такъ какъ прототипомъ печатной Кормчей послужила Рязанская Кормчая 1284 года, то можно было бы ожидать, что Эклога находится въ сей послѣдней. Розенкампфъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи пишетъ: «Печатная Кормчая составлена по харатейному Рязанскому номоканону 1284 года... Въ древнѣйшихъ спискахъ Кормчей XII вѣка находится Законъ Градскій (= Прохиронъ), вездѣ безъ заглавія и безъ предисловія, 298
а Законъ Льва Мудраго (= Эклога) помѣщенъ токмо въ нѣкоторыхъ спискахъ и вездѣ съ тѣмъ же предисловіемъ и заглавіемъ, которыя помѣщены въ печатной Кормчей книгѣ». Замѣтимъ мимоходомъ, что сколько можно судить по описаніямъ рукописей, то во многихъ, хотя и не весьма древнихъ рукописныхъ сборникахъ, надписаніе Эклоги нѣсколько иное; именно: «Леона и Константина, вѣрная царя — зачатковъ 17» (см. Описаніе рукописей Царскаго, №№ 214, 217). Розенкампфъ приводитъ даже отрывокъ изъ Закона Льва Мудраго по Рязанскому харатейному списку[1]). Тѣмъ не менѣе въ новѣйшихъ описаніяхъ Рязанской Кормчей, которыя, как и слѣдовало ожидать, оказываются совершенно точными, не упоминается объ

1) Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей (изд. 1829 г.), стр. 135, прим.

Эклогѣ или Законѣ Льва Мудраго, а только отмѣчается Законъ Градскій (*ὁ πρόχειρος νόμος*[1]). Это возбуждаетъ въ насъ тѣмъ большее недоумѣніе, что и въ сербскихъ Кормчихъ 1262 и 1305 года, съ которыми Рязанская Кормчая имѣетъ такое большое сходство и одинаковый составъ, повторяется подобное явленіе. Есть слѣды, которые указываютъ на присутствіе въ нихъ Эклоги, но есть и сомнѣнія. Въ сербской Кормчей, переписанной въ 1305 году сербскимъ римскимъ епископомъ Григоріемъ и находящейся теперь въ Воскресенскомъ монастырѣ, на листѣ 262-мъ читается: «Заповѣди Леѡна прѣмоудраго цра и сна ѥго Костаньтина багрород'наго. Закона Градскаго главы различны. Въ четырехъ десетехъ гранахъ». По описанію И. И. Срезневскаго, всему этому длинному заглавію соотвѣтствуетъ переводъ греческаго Прохирона царей Василія (Константина и Льва); но *Πρόχειρος νόμος* равняется только Закону Градскому, первая же часть надписанія совершенно напоминаетъ заглавіе печатной Кормчей: «Леона царя Премудраго и Кон-
299 стантина вѣрною царю главизны», то-есть подразумѣваетъ переводъ Эклоги Льва Исаврійскаго и его сына Константина Копронима[2]). Пропущено ли самимъ переписчикомъ соотвѣтствующее тому содержаніе или оно выпало впослѣдствіи, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ здѣсь указаніе, что и въ серб-

---

1) Статья И. И. Срезневскаго объ Иверской Кормчей: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV. — Рязанская Кормчая 1284 года находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ что мы собственными глазами могли убѣдиться въ отсутствіи занимающей насъ статьи въ этомъ первообразѣ печатной Кормчей. Розенкампфъ приводитъ два раза отрывокъ о раздѣленіи добычи (= о полонѣ), оба раза по Рязанскому харатейному списку. Первый отрывокъ взятъ дѣйствительно изъ Градскаго Закона (Прохирона), помѣщеннаго вполнѣ въ Рязанской Кормчей; но второй отрывокъ (на стр. 135 изд. 1829 г.)—о раздѣленіи корысти—представляетъ переводъ родственной статьи изъ Эклоги; у Розенкампфа онъ всетаки приписанъ Рязанскому харатейному списку.

2) Къ этому нужно прибавить, что отрывокъ о бракахъ запрещенныхъ (изъ втораго титула Эклоги) приводится въ одной Парижской рукописи съ надписаніемъ, въ которомъ находится и самое выраженіе заповѣдь (*διάταξις*); а въ одной Вѣнской рукописи, содержащей частную Эклогу (Ecloga privata), отдѣльныя грани называются не *τίτλοι*, а *διατάξεις* (заповѣди); см. Zachariae, Prochiron, p. XLI, прим. 107. Статья о сербской Кормчей 1305 года, принадлежащая И. И. Срезневскому, на которую мы ссылаемся, находится въ Starine, Knjiga III, 128 и сл. U Zagrebu, 1871.

скихъ Кормчихъ помѣщалась иногда Эклога на ряду съ Закономъ Градскимъ въ срока титулахъ...

Законъ Леона и Константина, помѣщаемый въ нашей печатной Кормчей, не многимъ отличается отъ греческаго своего подлинника. Въ немъ считается только шестнадцать титуловъ (граней) вмѣсто восемнадцати греческой Эклоги, но на самомъ дѣлѣ недостаетъ въ сравненіи съ нею только одного, именно двѣнадцатаго, пропущеннаго, можетъ быть, не совсѣмъ случайно, такъ какъ въ немъ содержатся постановленія объ емфитевсисѣ, то-есть, о такой формѣ владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, которая и послѣ не была усвоена русскимъ законодательствомъ. Сверхъ того, шестнадцатый титулъ (грань) Кормчей заключаетъ въ себѣ два титула греческаго подлиннаго изданія. Онъ озаглавленъ: «Зачало 16, имѣя главъ 45, о раздѣленіи корысти». На самомъ дѣлѣ о раздѣленіи корысти говорится только въ одной главѣ, составляющей въ греческой Эклогѣ восемнадцатый титулъ, а все прочее есть семнадцатый титулъ Эклоги—о казняхъ. Нужно думать, что соединеніе этихъ двухъ разнородныхъ зачалъ (титуловъ, граней) произошло случайно. По крайней мѣрѣ въ вышеуказанныхъ рукописныхъ экземплярахъ Закона царей Льва и Константина считается семнадцать зачалъ. Итакъ, за исключеніемъ двѣнадцатаго титула, все другое, что только есть въ греческой Эклогѣ, находится и въ Законѣ Леона русской Кормчей. Впрочемъ, независимо отъ пропуска одного титула и отъ соединенія двухъ послѣднихъ въ одно зачало, замѣчаются еще отступленія въ порядкѣ расположенія титуловъ и главъ (статей), котораго придерживается Кормчая. Зачатокъ шестой: «о воинскихъ особь стяжаныхъ вещехъ», поставленный на шестомъ мѣстѣ, занимаетъ въ греческой Эклогѣ шестнадцатое. Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи Кормчая 300
болѣе сходится съ частною распространенною Эклогою (Ecloga privata aucta), въ которой титулъ «о воинскихъ особь стяжаныхъ вещехъ» тоже занимаетъ шестое мѣсто (въ Ecloga privata — седьмое), и въ которой отдѣльныя главы внутри титуловъ тоже иногда имѣютъ свои особыя заглавія. Однако, порядокъ въ расположеніи статей уголовнаго характера въ шестнадцатомъ (= семнадцатомъ) титулѣ въ русской редакціи совсѣмъ осо-

бенный; онъ не сходится ни съ однимъ изъ изданныхъ доселѣ изводовъ греческой Эклоги... О позднѣйшемъ переводѣ восемнадцати титуловъ Эклоги Льва и Константина вмѣстѣ съ одиннадцатью посторонними титулами, совершенномъ въ XVII вѣкѣ Епифаніемъ Славинецкимъ, нѣтъ нужды здѣсь говорить: переводъ былъ сдѣланъ съ извѣстнаго изданія Леунклавія.

Кромѣ простого перевода греческой Эклоги, въ нашей Кормчей печатается еще одинъ, даже болѣе интересный памятникъ, находящійся въ близкомъ и очевидномъ родствѣ с нею. Мы разумѣемъ «Законъ судный людемъ царя Константина Великаго», составляющій сорокъ шестую главу печатной Кормчей. Не въ одномъ только видѣ и не въ одной только редакціи, а въ двухъ нѣсколько отличныхъ видахъ законодательство иконоборцевъ присутствуетъ въ судебныхъ сборникахъ православной церкви. Кратчайшая славянская переработка Эклоги есть вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшій памятникъ славянскаго законодательства, болѣе древній, чѣмъ наша Русская Правда.

Еще баронъ Розенкампфъ, въ своемъ «Обозрѣніи Кормчей книги», отыскивая греко-римскіе источники Закона Суднаго, высказалъ мысль, что этотъ законъ не можетъ быть считаемъ простымъ переводомъ съ греческаго подлинника, подобно другимъ отдѣламъ Кормчей, а представляетъ передѣлку различныхъ статей византійскаго права примѣнительно къ быту Славянъ, только что принявшихъ христіанство. Онъ выражался прямо, что «Законъ Судный должно причислить къ первоначальному составу собранія правилъ, къ Болгарамъ препровожденнаго».

Что касается первой стороны вопроса, то-есть, отношенія Закона Суднаго къ греческимъ его источникамъ, то баронъ Розенкампфъ могъ указать нѣсколько греко-римскихъ статей, соотвѣтствующихъ главамъ Закона Суднаго, какъ онъ изданъ въ нашей Кормчей. Онъ замѣтилъ также, что заглавіе, указывающее на царя Константина Великаго, какъ виновника или автора закона, не принадлежитъ древнѣйшимъ рукописямъ памятника,
301 въ которыхъ просто читается: «Законъ судный людемъ». Отсюда слѣдовало, что источники закона свободно могутъ быть отыскиваемы въ позднѣйшемъ византійском законодательствѣ, хотя бы и не носящемъ имени Константина. Но въ то время, когда ба-

ронъ Розенкампфъ писалъ свое изслѣдованіе, еще не была издана подлинная греческая Эклога, а изданіе Леунклавія во многомъ могло вводить въ заблужденіе. Труды и изданія Цахаріэ и здѣсь способствовали разъясненію дѣла. Въ настоящее время уже ни подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ источникомъ Закона Суднаго была именно Эклога Льва Исавра, и что имя Константина Великаго принадлежитъ только позднѣйшему переписчику русскаго памятника; встрѣтивъ уже въ первомъ параграфѣ приведенную тамъ ссылку на слова Константина Святаго, переписчикъ рѣшилъ, что онъ былъ авторомъ всего сборника, а не тѣхъ только статей, которыя приводятся отъ его имени. Можетъ быть, что находящееся въ греческомъ подписаніи Эклоги упоминаніе о Константинѣ (Копронимѣ) также способствовало утвержденію невѣрнаго представленія. Настоящее отношеніе Закона Суднаго къ Эклогѣ въ первый разъ было указано, сколько мы знаемъ, варшавскимъ ученымъ, сенаторомъ Р. Губе, труды котораго въ области изданія и объясненія средневѣковыхъ варварскихъ законодательствъ имѣютъ европейскую извѣстность. Не меньшаго уваженія заслуживаетъ и его небольшая книжка, заглавіе которой мы поставили наверху своей статьи. Въ ней было показано, что въ главной своей части Судный Законъ есть ничто иное, какъ передѣлка титула о наказаніяхъ Эклоги Льва и Константина съ прибавленіемъ нѣсколькихъ постановленій, взятыхъ изъ какихъ-то другихъ источниковъ, что изъ 32 статей или параграфовъ, составляющихъ Судный Законъ въ Кормчей, 25 несомнѣнно взяты изъ указаннаго титула Эклоги, что изъ нея же заимствована статья «о полонѣ» (= о раздѣленіи добычи), и прибавимъ—статья семнадцатая о правѣ церковнаго убѣжища[1]), и наконецъ, что первая начальная статья, опредѣляющая наказаніе людямъ, продолжающимъ держаться языческихъ обрядовъ, а равно параграфъ о судьяхъ и о послухахъ (свидѣтеляхъ), основаны отчасти на различныхъ постановленіяхъ императоровъ и 302

1) Почему почтенный авторъ изслѣдованія «О значеніи права римскаго» полагаетъ, что семнадцатая статья Закона Суднаго не заимствована прямо изъ Эклоги,—мы не догадываемся. Она носитъ всѣ признаки буквальнаго, хотя и не совсѣмъ точнаго по смыслу перевода съ греческаго и соотвѣствуетъ т. XVII § 1 Эклоги.

древнихъ римскихъ законахъ, частію составлены на основаніи преданія отцовъ церкви[1]). Нашъ русскій ученый А. С. Павловъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи «О первоначальномъ русскомъ Номоканонѣ», повидимому, безъ всякаго знакомства съ сочиненіемъ Р. Губе, еще точнѣе и подробнѣе объяснилъ соотношеніе между Суднымъ Закономъ и греческою Эклогой. Изъ разсмотрѣнія составленной имъ таблицы параллельныхъ соотвѣтствующихъ мѣстъ того и другой оказывается, что Законъ Судный переводитъ буквально Эклогувъ слѣдующихъ десяти главахъ: 12, 15, 18, 21—24, 26, 31, 32. Другія главы представляютъ болѣе или менѣе значительную передѣлку, которая состоитъ въ томъ, что вмѣсто уголовнаго наказанія, назначаемаго Эклогою за тѣ или другія преступленія, Законъ Судный, въ противоположность «закону людскому», опредѣляетъ церковное наказаніе или замѣняетъ греческую казнь (отсѣченіе руки, носа, головы, ослѣпленіе, палочные удары) денежною пеней и продажей. Это замѣчается въ главахъ 25, 27, 28, 29. Сверхъ того оказалось, что рѣзче нужно отличать двѣ редакціи Суднаго Закона. Та редакція, въ которой Законъ Судный является въ Кормчей, есть болѣе краткая; помимо ея существуетъ обширная редакція. Въ противоположность краткой редакціи, входящей обыкновенно въ сборники каноническаго права, списки обширной редакціи составляютъ принадлежностъ памятниковъ свѣтскаго законодательства лѣтописей[2]). Обширная редакція Закона Суднаго представляетъ тѣ же извлеченія изъ Эклоги, но съ дополнительными статьями, числомъ до 45, заимствованными большею частію изъ законовъ Моисеевыхъ. Но что для насъ особенно важно, текстъ этой обширной редакціи, насколько онъ имѣетъ своимъ источникомъ Эклогу, отличается отъ текста краткой, или точнѣе сказать, не

---

1) Баронъ Розенкампфъ ‹стр. 140 сл.› старался ближе опредѣлить происхожденіе первыхъ статей Закона Суднаго. По его мнѣнію, первая статья извлечена изъ конституціи или новеллъ преемниковъ Константина; онъ указывалъ между прочимъ на Cod. Theod, L. XVI, tit. 12 и Cod. L. I, tit. 11. Статья о судѣ и свидѣтеляхъ извлечена изъ второй книги Апостольскихъ правилъ.

2) Обширная редакція встрѣчается въ приложеніяхъ къ лѣтописямъ и въ рукописяхъ такъ называемаго «Мѣрила Праведнаго». Она была издана Дубенскимъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, т. II, Строевымъ — въ Софійскомъ Временникѣ, и снова, въ томѣ VI Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, при первой Софійской Лѣтописи.

дополненной редакціи большею близостію къ греческому подлиннику. Именно здѣсь нѣтъ постоянныхъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній наряду съ уголовными или въ замѣнъ 303
этихъ послѣднихъ, хотя и встрѣчаются другія отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги. Это обстоятельство невольно заставляетъ предполагать, что текстъ обширной редакціи Закона Суднаго, представляющій извлеченіе изъ Эклоги, древнѣе соотвѣтственнаго текста краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ первый независимъ отъ послѣдняго. Это видно уже изъ того, что въ немъ находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ въ текстѣ печатной Кормчей[1]). Такимъ образомъ необходимо допустить, что подъ именемъ Закона Суднаго существовали двѣ славянскія компиляціи изъ Эклоги, изъ коихъ одна назначена была преимущественно для судей духовныхъ, а другая—для гражданскихъ (А. С. Павловъ. Номоканонъ, стр. 99).

Теперь является другой вопросъ, который уже былъ поставленъ и предположительно рѣшенъ барономъ Розенкампфомъ: у какого славянскаго плетени, когда и для какой потребности сдѣлана была указанная компиляція, составленъ былъ Законъ Судный?

Прежде всего, нельзя ни минуты останавливаться на такомъ предположеніи, что Законъ Судный явился послѣ перевода на славянскій языкъ Эклоги, что онъ представляетъ извлеченіе изъ печатаемаго теперь въ Кормчихъ Закона премудраго Леона и Константина вѣрныхъ царей. Противъ этого говоритъ уже то обстоятельство, что славянскій переводъ Эклоги является только въ русскихъ Кормчихъ позднѣйшаго состава, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ его существованія ранѣе XIII вѣка, между тѣмъ какъ Законъ Судный составляетъ принадлежность древнѣшаго русскаго Номоканона, существованіе котораго можетъ быть документально доказано уже относительно XII столѣтія, а по весьма

1) Напримѣръ, въ первой части Закона Суднаго по тексту Русскихъ Достопамятностей и Софійской Лѣтописи находится слѣдующая статья: «Иже съ мужатою женою обрѣтается, носа обѣма урѣзати, и да тепетася (да битъ будетъ); аще ли самъ моужь заступитъ (застанетъ) я, да побіетъ я обаи, яко пса оузрѣсти (у мерзости)». Этой статьи, соотвѣтствующей т. XVII, § 27 Эклоги, не находится въ спискахъ Кормчей.

основательнымъ соображеніемъ ученыхъ должно быть возведено къ первымъ временамъ существованія на Руси христіанства[1]).
304 Въ переводѣ Эклоги, названномъ Закономъ Льва Мудраго и Константина, гораздо менѣе признаковъ древности или даже не русскаго происхожденія, чѣмъ въ Судномъ Законѣ. Все, что̀ указываетъ на естественно предполагаемый сербскій подлинникъ перевода, едва ли не заключается въ одномъ выраженіи «хуса», которымъ переведено греческое слово, означающее военный лагерь (*φόσσατον*), въ 33-й статьѣ, соотвѣтствующей XVII титулу, § 10 греческой Эклоги[2]). Законъ Судный, какъ увидимъ ниже, гораздо богаче такими примѣрами.

Между древнѣйшими рукописями славянскихъ Номоканоновъ, извѣстными въ настоящее время, первостепенное мѣсто занимаетъ рукопись Румянцевскаго музея, описанная еще Востоковымъ (Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 275, № 230;

---

1) Къ доводамъ, которые А. С. Павловъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи противъ новыхъ воззрѣній пр. Макарія, мы, съ своей стороны, можемъ прибавить именно то документальное свидѣтельство, которое относится къ XII вѣку, но, кажется, до сихъ поръ осталось не замѣченнымъ. Въ описи церковнаго имущества Аѳонскаго монастыря Ксилургу, составленной въ 1143 г. и напечатанной въ Актахъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря (изданныхъ Ф. А. Терновскимъ, Кіевъ, 1873) мы находимъ перечисленіе русскихъ книгъ, которыми пользовались русскіе монахи, нѣкогда владѣвшіе обителью, и въ числѣ ихъ Номоканонъ (см. стр. 54—56): *Βιβλία ῥούσικα ἀπόστολοι ε. - - - συναξάρια δ. παροιμία μία. μηναῖα ιβ. πατερικὰ δ. ψαλτήρια ε· Ὁ ἅγιος Ἐφραίμ. Ὁ ἅγιος Παγκράτιος. Ὡρολόγια ε. Νομοκανὸν α.* Изъ ряда перечисленныхъ здѣсь сочиненій можетъ возбудить недоумѣніе только «Св. Панкратій». Въ припискѣ, находящейся въ концѣ Житія св. Антонія, принадлежащаго къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ славянской письменности X вѣка, мы читаемъ, что слявянскій переводчикъ, «будучи принужденъ отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли», преложилъ «не точію Антонія Великаго житіе, но и пречуднаго Петрова ученикова Панкратія». Объ этой записи см. сообщеніе Сахарова о славянскомъ переводѣ Житія Антонія въ X вѣкѣ (Москвитянинъ, 1845 г., ч. VI, № 12, стр. 156 и 157); ср. Правосл. Собесѣдникъ, 1859 г., ч. III, 254 и 1858 г., III, 255, и преосв. Макарія, Исторію Русской Церкви, V, 250. Запись сообщена также А. Н. Поповымъ въ описаніи Хлудовскаго торжественника XIV вѣка, но въ этомъ спискѣ самое имя Панкратія выпало (см. Описаніе библіотеки А. И. Хлудова, стр. 393): «не се токъмо житіе великаго Анѳонія, но и пречюднаго чюдотворца непотаіенаго житіи». Полагаютъ, что переводъ совершенъ по порученію Іоанна, экзарха Болгарскаго, при царѣ Симеонѣ.

2) Извѣстно, что слово «хуса» встрѣчается еще въ славянскомъ переводѣ Амартола, въ рукописи Костромскаго Богоявленскаго монастыря. С. А. Гедеоновъ, теперь уже покойный авторъ сочиненія «Варяги и Русь», построилъ на этомъ словѣ цѣлую теорію о древнѣйшемъ названіи Русскихъ Хоусарами, а отсюда Дромитами (въ греческомъ переводѣ).

ср. Розенкампфъ, стр. 106) и содержащая систематическій сборникъ каноновъ въ 50 титулахъ, принадлежащій Константинопольскому патріарху Іоанну Схоластику, VI вѣка. Это и есть, нужно думать, первоначальный славянскій Номоканонъ. При немъ, въ видѣ дополнительныхъ статей, помимо отрывковъ изъ Эклоги (о запре- 305
щенныхъ бракахъ) и Прохирона, находится уже и Законъ Судный людемъ, помѣщенный здѣсь почти вслѣдъ за Номоканономъ Схоластика и вовсе не приписываемый Константину Великому, какъ мы уже объ этомъ замѣтили выше. По сужденію такого знатока, какимъ былъ Востоковъ, языкъ этой рукописи достигаетъ древнѣйшей поры славянской письменности, тогда какъ самая рукопись относится только къ XII или XIII вѣку. «Хотя почеркъ и указываетъ на XIII столѣтіе», говоритъ Востоковъ, — «но языкъ перевода во многихъ мѣстахъ сохраненъ древнѣйшій, по коему несомнѣнно заключать можно, что сіе собраніе церковныхъ правилъ есть первое на языкѣ словенскомъ, за коимъ слѣдовали уже другія, кои отчасти изъ сего заимствовались». Такъ, нужно думать, именно изъ этого собранія, которое для краткости будемъ называть, вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV, стр. 66), Устюжскою Кормчею, заимствовали Законъ Судный позднѣйшіе сборники, заключающіе въ себѣ уже такъ называемый Фотіевъ Номоканонъ (Указатель каноновъ въ 14 титлахъ), смѣнившій Номоканонъ Схоластика, и представляемые у насъ Новгородскою Кормчею 1280 г. (Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 67). Другіе изслѣдователи припомнили при этомъ случаѣ преданіе о томъ, что еще св. Меѳодій въ числѣ другихъ книгъ совершилъ и переводъ Номоканона, что приводило бы насъ къ половинѣ IX в., ко времени крещенія Болгаръ. Нѣкоторымъ (въ числѣ ихъ Р. Губе) казалось болѣе сообразнымъ съ исторіей болгарскаго просвѣщенія отнести составленіе Закона Суднаго ко времени царя Симеона (893—927 гг.). Во всякомъ случаѣ, если Востоковъ не ошибся относительно глубокой древности языка, которымъ написана Устюжская Кормчая (что̀ конечно, предположить весьма трудно), то родину нашего памятника следуетъ искать на славянскомъ югѣ, именно въ землѣ Болгарской, гдѣ славянская письменность процвѣтала уже въ началѣ X вѣка.

А что Востоковъ не ошибался относительно глубокой древности нашего памятника, на это, кромѣ филологическихъ и литературныхъ признаковъ, можетъ быть приведено еще одно очень важное доказательство, именно, отношеніе Суднаго Закона къ Русской Правдѣ. Русскіе изслѣдователи уже давно пришли къ убѣжденію, что Законъ Судный старѣе письменной Русской Правды (Дубенскій, въ Предисловіи къ изданію Закона — Русскія достопам., II, 139), и замѣтили, что нѣкоторыя статьи Русской Правды заимствованы изъ Закона Суднаго (Калачовъ, Из-
306 слѣдов. о Русской Правдѣ, стр. 122). Любопытно, что заимствованнымъ изъ источника, имѣющаго несомнѣнную византійскую родословную, оказывается въ Русской Правдѣ именно такая статья, въ которой скандинависты находили всего болѣе норманнскаго (Погодинъ, Изслѣдов., III, 381). Въ полной редакціи Закона Суднаго читается: «Аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ ѣздитъ, да ся тепетъ (подвергается ударамъ) по три краты»[1]). Русская Правда представляетъ ту же статью въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ: «Аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не испрошавъ его, то положити три гривнѣ». Къ этому А. С. Павловъ прибавляетъ слѣдующее соображеніе: Въ пространной редакціи Церковнаго устава св. Владиміра нѣсколько разъ повторяется типическая фраза: «то все далъ есми по правиламъ св. отецъ и по первыхъ царей уряженью»: не слѣдуетъ ли находить въ послѣднихъ словахъ ясное указаніе на Константина, перваго христіанскаго государя, и на Законъ Судный? Точно также, когда митрополитъ Иларіонъ сравниваетъ заботливость Владиміра объ уставленіи закона для новопросвѣщенныхъ людей съ дѣятельностью Константина, который тоже съ помощію духовенства и епископовъ полагалъ людямъ законъ на Никейскомъ соборѣ, то не имѣется ли здѣсь въ виду именно Судный Законъ,

---

1) Русскія достопам., II, 166; Полное собраніе лѣтописей, VI, 75. Въ той редакціи Суднаго Закона, которая напечатана въ Кормчей, указанной статьи нѣтъ. Нужно прибавить, что нѣтъ ея и въ греческой Эклогѣ, гдѣ говорится только о томъ случаѣ, когда кто возьметъ коня, чтобы доѣхать до опредѣленнаго мѣста, но поѣдетъ дальше и попортитъ его: въ такомъ случаѣ виновникъ вреда долженъ вознаградить хозяина .. Дополненіе о пользованіи конемъ безъ позволенія хозяина было вполнѣ естественно; что оно имѣетъ въ Законѣ Судномъ византійское происхожденіе, показываетъ родъ наказанія.

по представленію Иларіона, принадлежавшій тоже Константину Великому?... На сколько могутъ имѣть ‹мѣсто› подобныя соображенія, мы предоставляемъ судить читателямъ[1]). Обратимъ лучше вниманіе на самое содержаніе и характеръ законодательства, содержащагося въ Судномъ Законѣ.

Знаменитый авторъ сочиненія «О значеніи римскаго и римско-
византійскаго права у славянскихъ народовъ» весьма справедливо 307
замѣчаетъ, что содержаніе этого небольшого уложенія вполнѣ соотвѣтствуетъ степени народнаго развитія, какую мы должны предполагать у только что обратившихся въ христіанство Болгаръ. Бо̀льшая часть заключающихся въ немъ постановленій имѣютъ уголовный характеръ. Первая статья, какъ уже намъ извѣстно, грозитъ наказаніемъ тѣмъ, кто совершаетъ языческія требы; статьи отъ 3-й до 14-й опредѣляютъ наказанія за преступленія противъ цѣломудрія, какъ-то — за изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, двоеженство; статьи 15-я и 16-я трактуютъ о поджогѣ намѣренномъ и не намѣренномъ (=Эклога, XVII, 41); статья 18-я — о самоуправствѣ; статья 22-я — объ отрекшихся отъ христіанской вѣры во время плѣна; статья 23-я — о поврежденіи чужого коня при неправильномъ пользованіи онымъ; 24-я — о запирающихъ или убивающихъ чужой скотъ; статьи 25-я и 26-я — о кражѣ; 27-я — опять о тѣхъ, кто загоняетъ чужой скотъ; статья 28-я — о грабежѣ мертвыхъ тѣлъ въ могилахъ; 29-я — о святотатствѣ; 30-я — о насильственной продажѣ свободнаго человѣка; 31-я — о присвоеніи чужого раба. Помимо этихъ чисто уголовныхъ постановленій, въ статьѣ 2-й говорится объ обязанностяхъ судей; въ 3-й, 19-й, 20-й и 21-й — о свидѣтеляхъ; въ статьѣ 4-й — о раздѣлѣ военной добычи, въ статьѣ 17-й — о церковномъ убѣжищѣ (=Экл., XVII, 7). Дѣйствительно, всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ первоначальными правдами (leges) Германскихъ народовъ (barbarorum), легко согласится съ тѣмъ, что именно таковъ дол-

---

1) Вотъ подлинныя слова изъ Похвалы Иларіона: «Онъ (Константинъ) со святыми отцы Никейскаго собора законъ человѣкомъ полагаше; ты же съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто совѣщавашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставити»... Повидимому,

женъ быть первоначальный кодексъ народа Болгарскаго, только что вступившаго на поприще христіанскаго и государственнаго развитія. Что лучше можетъ характеризовать право народа, только что обратившагося въ христіанство и силой оружія добивающагося обезпечить свою независимость, какъ не двѣ указанныя статьи о людяхъ, еще предающихся привычнымъ языческимъ обрядамъ, и о раздѣленіи добычи, взятой у непріятеля (Hube, pag. 13)? Только одно обстоятельство можетъ возбудить сомнѣніе: въ Судномъ Законѣ, по крайней мѣрѣ въ той его редакціи, которая находится въ Кормчей, мы не находимъ постановленій о наказаніи за убійство, нанесеніе побоевъ или безчестья, за обиды словомъ или бранью, то есть, за преступленія наиболѣе важныя и обычныя, такъ что на этомъ основаніи въ Судномъ Законѣ трудно было бы признать полный кодексъ новаго государства Болгарскаго, а пришлось бы видѣть только отрывокъ или этого самаго, или какого ‹нибудь› другого неизвѣстнаго намъ законодательства. Затрудненіе устраняется весьма легко,
308 если мы допустимъ, что собственно свѣтскимъ болгарскимъ уложеніемъ была болѣе полная редакція Суднаго Закона, близкая къ той, которая встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ, или, другими словами, что Законъ Судный подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ при включеніи первоначальныхъ болгарскихъ первообразовъ въ (русскую) Кормчую... Вѣроятно, было опущено все то, что не отвѣчало понятіямъ и взглядамъ церковныхъ судей... Къ числу выпущенныхъ статей принадлежала и та, которая трактуетъ о «враждѣ» и находится въ изданіяхъ Суднаго Закона внѣ Кормчей (Русскія достоп., II, 181; Полное собр. лѣтоп., VI, 78): «Аще кто вражду сотворитъ, Моисѣй бо поруци (пророкъ и законодавецъ поручилъ): да идеть рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли ся искупить, то одъ земли отженеться». Подъ словомъ «вражда» разумѣется всякое дерзкое нападеніе на свободнаго человѣка, сопровождаемое побоями, ранами или даже убійствомъ. Родина такого выраженія, по за-

---

именно указаніе на Никейскій соборъ, дѣятельность котораго не относилась къ свѣтскому законодательству, исключаетъ представленіе о мірскихъ законахъ и во второй половинѣ параллели.

мѣчанію Губе, есть южная славянщина[1]). Такимъ образомъ, образуется полное уложеніе, вполнѣ способное удовлетворять потребностямъ новообразующагося государства. Притомъ мы получаемъ еще одно выраженіе, ведущее насъ на югъ, помимо тѣхъ, которыя уже и безъ того находятся въ обѣихъ редакціяхъ Суднаго Закона. Именно, кромѣ вражды, встрѣчающейся только въ полной редакціи, слѣдуетъ обратить вниманіе на слова «жупанъ» и «воевода», которыми переводятся греческія выраженія «*στρατηγοί*» и «*ἄρχοντες*» въ статьѣ о раздѣленіи военной добычи, а также на рядомъ стоящее выраженіе къметище[2]).

Всѣ эти выраженія ясно говорятъ, что Законъ Судный людемъ первоначально былъ составленъ для другого славянскаго племени, не для русскаго... Ими подтверждаются историческія соображенія въ пользу болгарскаго происхожденія памятника. Если мы допустимъ, что мнимый законъ царя Константина Святаго явился вскорѣ послѣ крещенія Болгаръ, то для насъ будетъ 309
совершенно понятно, почему законодатель обратился именно къ Эклогѣ иконоборческихъ императоровъ, какъ къ источнику и образцу для своего труда. Въ то время, когда Болгаре принимали христіанство, Эклога еще сохраняла свою силу и была имъ съ давнихъ поръ извѣстна, какъ дѣйствующее право среди стариннаго мѣстнаго населенія нѣкоторыхъ областей, ими завоеванныхъ въ VIII и IX вѣкахъ. Что Болгаре чувствовали послѣ своего обращенія въ христіанство настоятельную потребность въ писанныхъ законахъ, видно изъ отвѣтовъ папы Николая царю Борису, присланныхъ въ 866 году. Отсюда мы узнаемъ, что Болгаре просили о сообщеніи имъ свѣтскихъ законовъ (leges vos mundanas postulare perhibetis), и папа отправилъ имъ нуж-

---

1) Ср. Ireček, Geschichte der Bulgaren, p. 407: Zu den Bulgarischen Bussen gehörte die Vražda für den Todtschlag, die im XIV Jahrhund. schon griechisch fun (*φόνος*) genannt wurde. ‹Иречекъ. Исторія болгаръ, стр. 525›.

2) Въ печатной Кормчей: аще ли обрящутся етери отъ тѣхъ дерзнувше, или къ метищу (sic) или простыхъ людей, подвигъ и храборство содѣявше: обрѣтаяйся князь и т. д. Въ греческомъ текстѣ этому соотвѣтствуетъ слѣдующее мѣсто: *εἰ δὲ εὑρεθῶσί τινες ἐκ τῶν ἀρχόντων ἀνδρείως φερόμενοι, ὁ εὑρισκόμενος στρατηγός*... Какъ будто въ греческомъ нѣсколько словъ выпало... Сверхъ того, не должно быть оставлено безъ вниманія слово стлязь, которымъ въ Судномъ Законѣ постоянно переводится греческое *νόμισμα* = златникъ.

ныя книги (de mundana lege libros missis nostris dedimus), въ которыхъ они могли найти указаніе на то, какъ слѣдуетъ поступать съ заговорщиками, замыслившими убить царя, съ убійцами, съ прелюбодѣемъ, пойманнымъ вмѣстѣ съ чужою женою, съ ворами, похищавшими чужой скотъ... Намъ нѣтъ нужды разсуждать о томъ, какую именно книгу отправилъ Болгарамъ папа[1]). Во всякомъ случаѣ она содержала «почтенные законы Римлянъ» (venerandae Romanorum leges), какую-либо часть или же переработку Юстиніанова права, имѣвшую тогда авторитетъ на латинскомъ западѣ. Послы папы, однако, обязаны были принести съ собою назадъ ссуженные имъ экземпляры требовавшихся законныхъ книгъ, такъ что едва ли удалось Болгарамъ изучить ихъ въ достаточной степени. Въ 870 году Болгарскій царь опять возвратился къ восточной православной церкви и къ союзу съ Константинопольскимъ патріархомъ. Вмѣсто недолговременнаго вліянія римскаго должно было снова вступить въ силу греческое. Если настоятельно ощущаемая потребность осталась не удовлетворенною, если вскорѣ послѣ 870 года пришлось обратиться къ источникамъ греческаго законодательства, то развѣ было что̀ другое болѣе близкое и сподручное, кромѣ Эклоги Льва и Константина? Прохиронъ императора Василія появился только между 870 и 879 годами.

95

IV.

Уставъ о земскихъ дѣлахъ.

Во многихъ, притомъ наиболѣе древнихъ, рукописяхъ Эклога Льва и Константина является съ разнаго рода дополнительными приложеніями, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ такъ называемый «земледѣльческій законъ» (*νόμος γεωργικός* и во множ. *νόμοι γεωργικοί*). Какъ было по наслѣдству, это приложеніе переходитъ къ другимъ позднѣйшимъ руководствамъ и ручнымъ книгамъ, предназначавшимся замѣнять осужденное произ-

---

1) Этотъ вопросъ, между прочимъ, обсуждается въ книгѣ проф. Богишича: Pisani Zakoni na Slovenskom Jugu (U Zagrebu, 1872), стр. 12—13.

веденіе еретическихъ государей. Прохиронъ и Эпанагога Василія Македонянина, а равно и частныя переработки офиціальныхъ законниковъ, въ особенности такъ называемый «Шестикнижникъ» Арменопула (XIV в.), нерѣдко украшаются прибавкою земледѣльческаго закона, обыкновенно приписываемаго здѣсь Юстиніану. Уже въ ватиканскомъ сборникѣ X вѣка законы императоровъ Льва и Константина, Василія и Александра сопровождаются крестьянскимъ уставомъ, какъ мы можемъ иначе называть *νόμος γεωργικός* (leges rusticae, agrariae)[1]). Изъ пяти сборниковъ Московской синодальной библіотеки, содержащихъ въ себѣ этотъ уставъ, въ двухъ онъ слѣдуетъ за Шестикнижникомъ Арменопула; въ самомъ древнемъ, относимомъ къ XI или
XII вѣку, имѣетъ впереди «Избраніе отъ закона, Богомъ даннаго 96
Израильтяномъ Моисеемъ» (*Ἐκλογὴ τοῦ παρὰ Θεοῦ διὰ τοῦ Μωϋσέως δοθέντος νόμου*), извѣстное по печатной Кормчей и находящееся также въ сейчасъ упомянутой ватиканской рукописи[2]). Не приводимъ указаній на кодексы Парижской, Оксфордской и другихъ библіотекъ; свѣдѣнія о нихъ можно найти въ сочиненіяхъ Цахаріэ, Геймбаха и Мортрейля (Mortreuil, Histoire du droit Byzantin). Замѣтимъ только, что крестьянскій уставъ вошелъ уже въ самый составъ Эклоги, измѣненной по Прохирону (Ecloga ad Prochiron mutata), и образуетъ въ ней титулы XXIV и XXV, удѣливъ не малое число статей и для смежныхъ титуловъ.

Крестьянскій уставъ является въ различныхъ редакціяхъ или изводахъ, смотря по тому, при какомъ юридическомъ памятникѣ онъ находится. До сихъ поръ въ печати существуетъ только самая младшая редакція, именно та, которую Арменопулъ присоединилъ къ своему руководству. Здѣсь Земледѣльческій законъ

---

1) Recensio manuscriptorum codicum, qui ex universa bibliotheca Vaticana selecti procuratoribus Gallorum jure belli — traditi fuere (Lipsiae, 1803), pag. 70, № 1168.

2) Matthaei, Codicum graec. bibliothec. Mosquens. notitia (Lipsiae, 1805), p. II, №№ XLI, XLIV, XXXVIII <= Арх. Владиміръ, Систем. описаніе рукописей Моск. Синод. библ., ч. I, М. 1894, №№ 331, 330, 318>. Два остальные кодекса (№№ LI; LVI <= Влад. №№ 326, 322>) принадлежатъ XV и XVI столѣтіямъ; послѣдній замѣчателенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ и Эклогу въ 18-ти титулахъ.

раздѣляется на титулы (пятнадцать въ изданіи Леунклавія, десять въ новомъ изданіи Геймбаха) и содержитъ въ себѣ 97 статей, не считая предисловія (praefatio), состоящаго изъ 6 параграфовъ. О древнѣйшей редакціи мы знаемъ, что она вовсе не имѣетъ раздѣленія на титулы и состоитъ только изъ 83 статей, расположенныхъ совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ у Арменопула, притомъ съ значительными отступленіями въ самомъ ихъ текстѣ. Статьи, являющіяся въ изданіяхъ Арменопула позднѣйшими прибавками или вставками, суть слѣдующія (по изданію Геймбаха, Const. Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos. Lipsiae, 1851): tit. *A* § 17. tit. *Δ* §§ 2 и 8. tit. *E* § 3. tit. *Στ.* § 6 и 7. tit. *Z* §§ 5 и 6. tit. *H* § 6. tit. *I* §§ 2, 3, 5, 10, 11[1]).

Въ надписаніяхъ, которыя придаются въ рукописяхъ крестьянскому уставу, онъ нерѣдко называется «Земледѣльческимъ закономъ Юстиніана» *(νόμος γεωργικὸς Ἰουστινιανοῦ)*, и подобнымъ же оглавленіемъ онъ обнаруживаетъ свое присутствіе въ «Эклогѣ измѣненной по Прохирону», гдѣ двадцать пятый титулъ
97 обозначается слѣдующимъ образомъ: «О земледѣльцахъ — царя Юстиніана» *(περὶ γεωργῶν Ἰουστινιανοῦ τοῦ βασιλέως)*. На основаніи этого надписанія прежде полагали, что изданіе «Земледѣльческаго закона» принадлежитъ близкому по времени предшественнику иконоборцевъ, печальной и трагической памяти Юстиніану II Ринотмету (685—695 и 705—711 гг.). Но есть другія нѣсколько полнѣйшія заглавія, которыя представляютъ дѣло въ иномъ видѣ. Въ нихъ указывается только на происхожденіе крестьянскаго устава изъ Юстиніановыхъ книгъ путемъ выбора, то есть, извлеченія, при чемъ, конечно, разумѣется законодательство Юстиніана I[2]). Однако, и на этомъ указаніи нельзя остановиться. Только немногія статьи устава могутъ быть возведены къ Юстиніановымъ книгамъ, какъ своему источнику;

---

1) По свидѣтельству Цахаріэ, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, предисловіе (prooemium), а равно и раздѣленіе на обозначенные счисленіемъ титулы, находятся не во всѣхъ рукописяхъ Шестикнижника и не во всѣхъ изданіяхъ Земледѣльческаго закона.

2) Эти заглавія весьма разнообразны; наиболѣе краткія: «*νόμος γεωργικὸς κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν Ἰουστινιανοῦ βιβλίων*». «*Νόμοι γεωργικοὶ κατ' ἐκλογὴν τῆς θείας λήξεως Ἰουστινιανοῦ βασιλέως*» и т. п.

большая часть ихъ даетъ совершенно новое право, такъ что считать Земледѣльческій законъ простою компиляціей изъ древнѣйшихъ источниковъ представляется невозможнымъ[1]).

Такимъ образомъ мнѣніе, которое долгое время было общепринятымъ, что Земледѣльческій законъ есть частная компиляція какого-нибудь юриста VIII или IX вѣка, оказывается не соотвѣтствующимъ содержанію нашего памятника. Оно не соотвѣтствуетъ также и его стилю, такъ какъ въ немъ постоянно господствуетъ повелѣвающій законодательный способъ выраженія, указывающій на офиціальное происхожденіе. Если же поставить вопросъ о времени, когда могъ быть изданъ новый крестьянскій уставъ, то предположеніе о VIII вѣкѣ, основанное на томъ, что онъ въ рукописяхъ часто образуетъ составную часть древняго приложенія въ Эклогѣ (Appendix Eclogae), нужно признать имѣющимъ весьма большую вѣроятность. Вѣроятность эта пріобрѣтаетъ степень совершенной достовѣрности, если мы обратимъ вниманіе на внутреннее и внѣшнее родство Земледѣльческаго закона съ Эклогою Льва и Константина. Наказанія, которыми угрожаетъ Земледѣльческій законъ, не только тѣ же самыя, что и въ Эклогѣ, но и описываются они тѣми же самыми выраженіями. Терминъ, употребляемый для обозначенія судей, и самое обращеніе къ нимъ (*τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταί*, да разсудятъ послуси) встрѣчаются одинаково въ Эклогѣ (V, 5. X, 1. XVII, 47) и въ Земледѣльческомъ законѣ (1 § 9 и др.). Постановленіе Земледѣльческаго закона о различномъ вознагражденіи за вола или осла, смотря по тому — палъ ли онъ на той работѣ, 98
для которой былъ выпрошенъ у хозяина, или на другой (§ 18), совершенно аналогично съ извѣстнымъ намъ правиломъ Эклоги о чужомъ конѣ. Постановленія Эклоги о поджогѣ или порубкѣ чужого лѣса и о поджогѣ въ городѣ (XVII, 40, 41) совершенно

---

1) ‹Изданія Земледѣльческаго закона: 1) А. С. Павлова (Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. 38). 2) Ferrini (Byzantin. Zeitschr. Bd. VII). 3) Ashburner (Journal of hellenic studies, v. 30 — 1910 г.). О Земледѣльческомъ законѣ: Герцбергъ. Исторія Византіи, приложеніе П. В. Безобразова. О крестьянахъ: Б. Панченко, Крестьянская собственность въ Византіи. Софія. 1903. П. Мутафчиевъ. Селското землевладѣние въ Византия. София. 1910. Ср. рецензію П. Безобразова (Визант. Врем., т. XVII, 336—346). Ashburner, The farmers law (Journal of hell. studies, v. 32 — 1912 г.)›.

соотвѣтствуютъ статьямъ крестьянскаго устава о поджогѣ чужого тростника, деревьевъ или гумна и сноповъ (VIII, 2 и 4). Въ крестьянскомъ уставѣ пастуху назначается различное наказаніе, смотря по тому, какимъ орудіемъ онъ убилъ или ослѣпилъ извѣстное животное изъ своего стада (III, 7); подобное же различеніе орудій убійства въ Эклогѣ принимается въ отношеніи къ убійству человѣка (XVII, 47). Эклога и Земледѣльческій законъ иногда восполняютъ себя взаимно самымъ яснымъ образомъ. Въ Эклогѣ предвидится тотъ случай, когда быкъ или баранъ будетъ убитъ въ дракѣ съ соотвѣтствующею скотиною другого хозяина (XVII, 9), а также предусматриваются случаи угона чужого стада (ibid. 13); но только въ Земледѣльческомъ законѣ находится постановленіе, что если кто найдетъ въ лѣсной чащѣ вола и, зарѣзавъ его, возьметъ себѣ его мясо, то подвергнется отсѣченію рукъ (VI, 4). Нѣкоторые случаи разногласія между Земледѣльческимъ закономъ и Эклогою (XVII, 11, 13; ср. Leg. rust. II, 1—7) объясняются какъ особенности крестьянскаго права. Все приводитъ насъ къ тому заключенію, что Земледѣльческій законъ изданъ или современно съ Эклогою Льва и Константина, или же немного послѣ, и во всякомъ случаѣ долженъ считаться памятникомъ Исаврійскаго иконоборческаго законодательства.

По своему содержанію «*νόμος γεωργικὸς*» можетъ быть характеризованъ какъ земское полицейское уложеніе. Онъ главнымъ образомъ занимается разнаго рода кражами: лѣса, полевыхъ и садовыхъ плодовъ и т. п., проступками и недосмотрами пастуховъ, поврежденіями животныхъ и отъ животныхъ — въ родѣ потравы и т. д., и здѣсь частію повторяетъ съ бо́льшими или меньшими измѣненіями опредѣленія Юстиніанова права (interdictum de arboribus caedendis), частію вводитъ свои собственныя новыя правила. Сверхъ того, здѣсь и тамъ, а главнымъ образомъ въ началѣ выставляются такія положенія, которыя совершенно справедливо могутъ быть считаемы принципіальными нововведеніями, созданіемъ особеннаго и своеобразнаго крестьянскаго права и открываютъ намъ весьма драгоцѣнный и совершенно не ожиданный просвѣтъ на положеніе земледѣльческаго класса въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Первое, что бросается въ глаза при изученіи данныхъ, находящихся въ Земледѣльческомъ законѣ, есть совершенное отсут- 99
ствіе всякихъ указаній на колонатъ или, другими словами, на крѣпостное право, господствовавшее въ Римской имперіи отъ временъ Константина Великаго до Юстиніана. Знаменитое установленіе, созданное государственнымъ геніемъ римскаго народа уже въ періодъ упадка, но, можетъ быть, послужившее орудіемъ величайшаго прогресса въ исторіи человѣчества, если мы признаемъ, что оно возникло не только въ замѣну рабства-невольничества, но даже изъ нѣдръ его, установленіе, переданное потомъ въ наслѣдство новому западно-европейскому міру, совершенно, повидимому, исчезло въ имперіи, справедливо почитавшей себя прямою преемницею стараго Рима[1]). О колонахъ, адскриптиціяхъ (adscriptitii, ἐναπόγραφοι), вообще о прикрѣпленіи къ землѣ нигдѣ въ Законѣ земледѣльческомъ нѣтъ рѣчи; точно такъ же ничего не знаетъ крестьянскій уставъ иконоборцевъ и о патронатѣ (patrocinium) крупныхъ землевладѣльцевъ, что служило почти только другимъ выраженіемъ для обозначенія того же самаго отношенія. Существуютъ, конечно, крестьяне, обработывающіе не свои участки, а земли крупныхъ землевладѣльцевъ, но все показываетъ, что они не крѣпки землѣ и обладаютъ правомъ свободнаго перехода. Если сбѣжитъ съ своего участка крестьянинъ, то ему угрожаетъ не насильственное водвореніе на

---

1) Въ высшей степени интересный и важный вопросъ о происхожденіи колоната едва ли можетъ почитаться окончательно разрѣшеннымъ, несмотря на появленіе новаго изслѣдованія, спеціально посвященнаго этому вопросу (Die Entstehung des Colonats. Von B. Heisterbergk. Leipzig, 1876). Все, что новый изслѣдователь говоритъ противъ теоріи, производившей колонатъ отъ германскихъ поселеній на римской почвѣ (Capitulanten-theorie), можетъ быть признано совершенно вѣрнымъ. Но мы вовсе не находимъ, чтобы д-ръ Гейстербергкъ успѣлъ окончательно устранить теорію Родбертуса, развитую съ такимъ знаніемъ и блескомъ въ его статьяхъ, помѣщавшихся въ журналѣ Б. Гильдебранда (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik) за 1864 годъ (Zur Geschichte der agrarischen Entwickelung Roms unter den Kaisern oder die Adscriptitier, Inquilinen und Colonen). По этой теоріи, изложеніе которой здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко и потому должно быть оставлено до другого удобнаго случая, римскіе свободные люди, прикрѣпленные къ землѣ и обязанные извѣстными повинностями къ государству и землевладѣльцу (= колоны), ведутъ свою родословную отъ прежнихъ рабовъ-невольниковъ классической древности.

прежнее жительство, а совершенно иного рода невыгоды[1]). Если крестьянинъ, снявшій для обработки участокъ земли у землевла-
100 дѣльца, броситъ его, не докончивъ своего дѣла, то онъ обязывается закономъ только вознаградить господина за нанесенный ему ущербъ. Если крестьянинъ безъ вѣдома землевладѣльца распашетъ или засѣетъ на его землѣ участокъ земли, то хозяинъ можетъ согнать его безъ всякаго вознагражденія[2]). Правильнымъ образомъ крестьяне могутъ пользоваться чужою землею только на основаніи прямой передачи *(ἔκδοσις)* или на основаніи молчаливой терпимости земледавальца *(τοῦ χωροδότου)*. Въ первомъ случаѣ отношенія крестьянина къ господину и количество платимаго имъ оброка или аренды опредѣлялись, конечно, самыми условіями передачи. Въ нѣсколько позднѣйшихъ источникахъ этотъ оброкъ называется «договоромъ» (*πάκτον: Πεῖρα* XV, 2), или же, какъ въ урбарныхъ описяхъ латинскаго времени, appactuaciones[3]). Но другой случай, кажется, былъ самымъ распространеннымъ, то-есть, крестьяне чаще всего садились на чужой землѣ только съ невысказаннаго согласія владѣльца: въ этомъ случаѣ крестьяне платили свою дань извѣстнымъ процентомъ съ своей жатвы. Отъ стараго названія этой дани—морта *(μόρτη)* сами крестьяне такого рода назывались мортитами *(μορτίτης*, по новогречески: *ἐμοριάρης* или *ἐπίμορτος)*. Относительно мортитовъ Земледѣльческій законъ содержитъ слѣдующее весьма любопытное постановленіе, которое мы приводимъ съ начала по Уставу о земскихъ дѣлахъ, носящему имя Ярослава Мудраго. «Десятина нивы: сѣявшему девять споповъ, а имѣющему землю десятый снопъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ». *Μορτίτου μέρος δεμάτια θ'. χωροδότου μέρος δεμάτιον ἕν. Ὁ δὲ ἐκτὸς τούτων μεριζόμενος θεοκατάρατος*[4]). (Часть мортита —

---

1) Leg. rust., I, 13, 14; ср. Zachariae, Geschichte, pag. 238, 241 и здѣсь ниже. ‹Глава о Земледѣльческомъ законѣ въ 3 изд. значительно перероботана, p. 249—257›.

2) Leg. rust., I, 11. 2, 7; Zachariae, Gesch., pag. 240, Anmerk. 841 и здѣсь ниже ‹въ 3 изд. этого примѣчанія нѣтъ›.

3) Buchon, Nouvelles recherches sur la princ. franc. de la Morée, I, p. 419, II, pag. 55, 74, 245; Tafel und Thomas, Urkunden, II, 208.

4) ‹Cap. 10 ed. Ashburner: *μορτίτου μέρος δεμάτια ἐννέα, τοῦ χωροδότου δὲ μέρος δεμάτιον ἕν. ὁ δὲ ἐκτὸς τούτων μεριούμενος θεοκατάρατος*›.

девять сноповъ, часть земледавальца — одинъ снопъ и т. д.). Отсюда видно, что подать, именуемая мортою, равняется простой десятинѣ, какъ это подтверждается документами позднѣйшаго времени. Сверхъ того, приведенное нами постановленіе, очевидно, основывается на Моисеевомъ законѣ (Левитъ XXVII, 30 или Числъ XVIII, 21), что становится болѣе понятнымъ, когда мы припомнимъ, кому главнымъ образомъ принадлежали въ средніе вѣка недвижимыя поземельныя имущества. До Константина Копронима, стремившагося совсѣмъ уничтожить монастыри и конфисковавшаго въ пользу казны ихъ земли, большая часть удобной для сельскаго хозяйства территоріи на востокѣ находилась 101
въ рукахъ церкви, точно такъ, какъ то же самое было на западѣ до временъ Карла Мартела, проводившаго свою секуляризацію параллельно съ мѣрами иконоборцевъ и едва ли безъ всякаго вліянія со стороны византійскаго движенія... Однако, простая десятина за пользованіе чужою землею должна показаться тѣмъ болѣе низкою платою, что, какъ мы далѣе увидимъ, рядомъ существовалъ другой обычай — отдачи земли исполу. Какъ можно было ожидать, что помѣщикъ отдастъ свою землю мортитамъ за десятину жатвы, когда ему представлялась другая возможность вступить въ договоръ съ половникомъ? Сомнѣніе это уже давно разрѣшалось предположеніемъ, что половниковъ было не довольно, и указаніемъ на то, что половникъ обыкновенно заключалъ свой договоръ только на одинъ годъ, а слѣдовательно, только мортитъ или десятинникъ могъ обезпечить постоянную обработку земли. Цахаріэ прежде считалъ такія объясненія недостаточными и думалъ, что мортитъ, кромѣ десятины собственнику земли, долженъ былъ вносить за себя и всѣ общественныя подати, между тѣмъ какъ половникъ, принимающій участокъ только на короткій срокъ отъ посѣва до жатвы, уже поэтому не могъ быть обязанъ уплатою поземельной подати. Но теперь, въ новомъ ‹2-мъ› изданіи своей Исторіи Греко-Римскаго права, Цахаріэ тоже отказался отъ своего первоначальнаго объясненія, которое онъ придумалъ для загадочной десятины. Онъ полагаетъ теперь, что въ тѣ безпокойныя времена, особенно тяжелыя для земледѣльческаго класса, большимъ землевладѣльцамъ, которые не могли сами хозяйничать на своихъ владѣніяхъ

и только развѣ отчасти могли хозяйничать черезъ управителей, и въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найти крестьянъ, которые согласились бы на иныхъ условіяхъ и на болѣе долгій срокъ обработывать ихъ земли. Помѣщикамъ поневолѣ приходилось считать себя счастливыми, когда находился кто-нибудь, бравшійся хотя бы за своевольную и случайную обработку ихъ полей. Можетъ быть, пониженіе до простой десятины той дани, которая прежде всетаки составляла большій процентъ, именно простиралась до
102 шестого снопа [1]), послѣдовало въ Земледѣльческомъ законѣ именно въ видахъ поощренія къ воздѣлыванію впустѣ лежащихъ полей. Впрочемъ, въ крестьянскомъ уставѣ разныхъ редакцій находится указаніе на то, что такой порядокъ не нравился землевладѣльцамъ и что они принимали мѣры къ его измѣненію, вѣроятно, вскорѣ послѣ иконоборческой эпохи. Еще въ очень древнихъ рукописяхъ нашего памятника помѣщается въ концѣ въ старинномъ извлеченіи эдиктъ префекта Зотика, изданный въ 512 году и воспрещающій пріемъ чужихъ крестьянъ [2]), а въ новѣйшихъ изводахъ это приложеніе входитъ уже во внутренній составъ Земледѣльческаго закона (Leg. rust. 1, 17). Соотвѣтственно съ возможностію свободнаго перехода на сторонѣ крестьянъ, за землевладѣльцами, конечно, признавалось право во всякое время удалять ихъ со своей земли. Однако, существовало, повидимому, такое правило, что помѣщикъ не могъ согнать крестьянина съ участка, на которомъ тотъ сидѣлъ въ продолженіе тридцати лѣтъ: въ этомъ случаѣ въ пользу крестьянина начинала дѣйствовать давность. Вѣроятно, этою давностію объясняется та статья Эклоги, которая запрещаетъ отдавать въ наемъ

---

1) Du Cange, Glossarium graecit. sub v. *μόρτη*. Здѣсь приводится мѣсто изъ комментарій Евстаѳія Солунскаго къ Одиссеѣ, которое гласитъ, что морта есть народное выраженіе, что оно означало шестую часть плодовъ, которая давалась эктиморіямъ. Евстаѳій дѣлаетъ при этомъ ссылку на какой-то анонимный риторическій словарь.

2) Эдиктъ изданъ Цахаріэ въ его *Ἀνέκδοτα*, p. 275: *Μηδεὶς ἀλλότριον ὑποδεχέσθω γεωργόν. εἰ δὲ ὑποδέξηται, ἀποδιδότω αὐτὸν τῷ χωρίῳ, ὃ καταλέλοιπε, καὶ εἴ τινα λόγον ἔχοι περὶ αὐτοῦ ἢ αὐτὸς ὁ ὑποδεξάμενος ἢ ὁ πρὸς τὸ χωρίον ἐπαναχθεὶς, τούτῳ κεχρήσθω παρὰ τῷ ἄρχοντι. Εἰ δὲ παραβῇ, διδότω τῷ ταμιείῳ ιβ' λίτρας ἀργύρου, διπλασίας δὲ τῷ κυρίῳ τοῦ χωρίου, καὶ οὕτως ὑπὸ τοῦ ἄρχοντος ἀναγκαζόμενος ἀποδοῦναι τὸν γεωργὸν, μετὰ τοῦ* peculiou *καὶ πάσης ζημίας καὶ βλάβης.*

(аренду) государственныя, императорскія и церковныя земли болѣе чѣмъ на 29 лѣтъ, дабы право свободнаго распоряженія оставалось неограниченнымъ и не стѣсненнымъ.

Помимо крестьянъ, обработывающихъ чужую землю, Земледѣльческій законъ знаетъ также и крестьянъ собственниковъ. Что для насъ особенно важно и что составляетъ вторую любопытную и характеристичную черту нашего памятника, онъ содержитъ несомнѣнныя указанія на общинное устройство и общинное землевладѣніе, какъ принадлежность быта свободныхъ земледѣльцевъ. Вся земля, исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается, какъ собственность цѣлой общины *(κοινότης τοῦ χωρίου)*; члены ея *(χωρῖται)* въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества (*κοινωνοί* = socii), что впрочемъ вовсе не исключаетъ фактическаго отдѣльнаго пользованія [1]). Когда житель извѣстнаго поселенія найдетъ подходящее для себя мѣсто внутри общинной земли и построитъ на немъ мельницу, то остальные члены общины не только могутъ объявить 103
свои притязанія на мѣсто, какъ принадлежащее всей общинѣ, но даже имѣютъ право, возмѣстивъ издержки, сдѣлаться совладѣтелями *(κοινωνοί)* въ самой мельницѣ [2]). Впрочемъ, всегда есть возможность предложить дѣлежъ общинной земли, что называется *μερισμὸς* или *μερισία*. Каждый получаетъ тогда свой участокъ *(μερίς, σκαρφίον)*, свое мѣсто *(τόπος)*, дѣлается самостоятельнымъ господиномъ *(κύριος* или *δεσπότης)* того куска земли, поля или виноградника, который выпалъ на его долю. Нужно думать, что пастбища, служащія выгономъ для скота, оставались всетаки въ общинномъ владѣніи. Принципъ дѣленія остается неяснымъ въ крестьянскомъ уставѣ, а позднѣйшіе источники допускаютъ толкованія какъ въ пользу равенства участковъ, такъ и въ пользу соразмѣрности ихъ съ тою долей участія въ платимыхъ всею общиною податяхъ, которая до тѣхъ поръ лежала на каждомъ отдѣльномъ членѣ [3]). Дѣлежъ можетъ быть

1) Leges rustic., VII, 1 ‹cap. 32 ed. Ashburner›: *Ἐὰν δένδρον ἀνατραφῇ ὑπό τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ.*

2) Leg. rustic., X, 6 ‹cap. 82 ed. Ashburner›, cp. Ecloga ad Prochiron mutata, XXV, 20 и 21.

3) Zachariae, Gesch. pag. 237. *Πεῖρα* XXXVII, 1. 2 и Sententia Cosmae in Leunclav. Jus Graecorom. II, 167.

признанъ неправильнымъ и отмѣненъ, если при этомъ потерпѣлъ одинъ изъ членовъ общины[1]). Своимъ участкомъ крестьянинъ или пользуется самъ, обработывая его съ помощью рабовъ, или отдаетъ другимъ свои отдѣльныя поля или свой виноградникъ, для обработки исполу, что представляется обычнымъ явленіемъ. Такой половникъ называется *ἡμισειαστής* (а въ новогреческомъ *μεσιακάρης (ἡ)μισυαρικός)*. Какъ полный хозяинъ своего участка, крестьянинъ всегда можетъ воспротивиться вторженію третьяго посторонняго лица въ его долю. Но если онъ допустилъ, что кто-либо другой разработалъ его заросшую лѣсомъ землю *(ἔνυλον χώραν)*, то онъ долженъ дозволить этому постороннему пользоваться плодами его трудовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и только по истеченіи ихъ можетъ потребовать возвращенія своего земельнаго участка[2]). Если хозяинъ находится въ отсутствіи, и кто-нибудь выстроится на его землѣ или разведетъ на ней свой виноградникъ, то по возвращеніи своемъ прежній владѣлецъ долженъ примириться съ тѣмъ, что случилось, если ему предложенъ будетъ эквивалентъ или соразмѣрное вознагражденіе въ видѣ такого же поземельнаго участка *(ἀντιτοπία)*[3]). Что касается
104 общественныхъ податей, то само собою разумѣется, пока общинная земля еще не поступала въ раздѣлъ, онѣ вносились всею общиною; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ[4]). Такимъ образомъ все-таки оставалось то юридическое воззрѣніе, что земля, принадлежащая извѣстной совокупности членовъ, составляющихъ общину, есть общая ихъ собственность, и что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ первоначальнаго принципа общинности. Взглядъ этотъ остался господствующимъ и въ позднѣйшемъ византійскомъ правѣ. Сотни лѣтъ послѣ нашей эпохи все еще говорится о «сельскомъ мірѣ» *(ὁμάδες τῶν χωρίων)* и о «сельскихъ общинахъ» *(ἀνακοινώσεις χωρίων* или *πενήτων)*, и остается въ силѣ то вытекающее изъ названнаго принципа правило, что общинная

---

1) Leg. rustic., I, 8; ср. Sententia Cosmae magistri.
2) Leg. rust., I, 12 ‹cap. 17 ed. Ashburner›.
3) Leg. rust., X, 1, 4 ‹cap. 21 ed. Ashburner›.
4) Leg. rustic., I, 13, 14. См. объясненіе этихъ статей у Цахаріэ, Gesch., pag. 238, Anmerk. 837 и здѣсь ниже.

земля не можетъ быть разсматриваема какъ имѣніе, лишенное хозяина, пока остается налицо хотя одинъ крестьянинъ (*χωρίτης*), и что участокъ, сдѣлавшійся празднымъ, то-есть, безгосподнымъ, достается общинникамъ (*συγχωρίταις*) въ извѣстномъ отношеніи къ ихъ участію во взносѣ общей подати[1]).

Если теперь поставить вопросъ, откуда появились въ Византійскомъ государствѣ и въ византійскомъ общественномъ устройствѣ такія совершенно новыя начала, какъ свобода крестьянскаго перехода и общинное владѣніе землею, то уже на первый взглядъ представляется болѣе правдоподобнымъ, что оба эти принципа находятся между собою во внутренней связи и соединены не одною только хронологическою одновременностію проявленія. Въ такомъ случаѣ, едва ли даже одну минуту можно останавливаться на теоріи фискальнаго происхожденія общиннаго землевладѣнія, которая уже выставлялась въ видѣ, конечно, простого предположенія самимъ Цахаріэ. Возможно, говоритъ онъ, что воззрѣніе о коллективномъ правѣ собственности на общинную землю всѣхъ живущихъ на ней образовалось совершенно простымъ образомъ изъ фискальнаго правила, по которому каждый членъ общины отвѣчаетъ за исправное поступленіе подати, слѣдующей со всей общинной земли: правило это очень легко могло привести къ теоріи, что собственно и первоначально каждый имѣетъ извѣстныя права по отношенію ко всей этой землѣ. 105
Однако, римскіе куріалы очень долго страдали вслѣдствіе подобнаго принципа круговой отвѣтственности, а не пришли къ воззрѣніямъ, противорѣчившимъ складу греко-римскаго общественнаго и юридическаго быта. А главное, возможно ли, чтобы законодатель возлагалъ на общину отвѣтственность за исправное поступленіе поземельныхъ податей и въ то же время давалъ ея членамъ право переходить съ одного мѣста на другое? Освобожденіе крестьянъ отъ патроната крупныхъ землевладѣльцевъ, конечно, могло быть декретировано императорскимъ постановленіемъ; но весьма невѣроятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населенія, бывшей послѣдствіемъ славянскихъ передви-

1) См. новеллы императоровъ Романа Лекапина и Константина Багрянороднаго (935 и 947 годовъ); Zachariae, Jus Graecorom., III, 243, 252; ср. p. 284, 315; *Πεῖρα*, IX, 9. XV, 10.

женій, какой-либо законодатель, обладающій здравымъ смысломъ, рѣшился провозгласить и съ своей стороны, притомъ безъ всякаго принужденія, что всякій можетъ искать себѣ кровъ и землю, гдѣ онъ хочетъ. Совершенно иное дѣло, если мы предположимъ, что законъ не предшествовалъ этнографическому и вмѣстѣ соціальному перевороту, а послѣдовалъ за нимъ, и только призналъ то, что уже существовало въ жизни. Второе возможное объясненіе, которое также представлялось знаменитому историку греко-римскаго права, несравненно вѣроятнѣе. Съ первой половины VII вѣка по Р. Х. цѣлыя массы славянскихъ народностей вступаютъ въ предѣлы имперіи и занимаютъ здѣсь опустошенныя ихъ предшественниками области; равнымъ образомъ цѣлыя толпы изгнаннаго туземнаго населенія должны были сообща искать себѣ убѣжища въ другихъ областяхъ. Здѣсь лежитъ начало свободы крестьянскихъ переходовъ, и здѣсь же, безъ сомнѣнія, кроется источникъ новыхъ воззрѣній на способъ владѣнія землею. Еще въ X вѣкѣ славянскія поселенія Сагудатовъ и Дреговичей около Солуня сохраняли, судя по описанію Каменіаты, свою старинную общинную организацію[1]). Мы имѣемъ полное право предполагать, что именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соотвѣтствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиціи строгаго римскаго права о личной собственности и позднѣйшія установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ.

Уставъ, явившійся на свѣтъ не безъ славянскаго вліянія, не
106 долженъ былъ оставаться совершенно чуждымъ славянскому языку и въ позднѣйшія времена. Мы переходимъ къ славянскимъ переработкамъ и переводамъ Земледѣльческаго закона. Прежде всего предстоитъ намъ сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сербскомъ сборникѣ законодательныхъ статей, обыкновенно встрѣчающемся въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Номоканономъ и Законникомъ Стефана Душана (впереди послѣдняго) и носящемъ слѣдующее заглавіе: «Благовѣрнаго и христолюби-

1) Cameniat. in Theophan. continuat., p. 495; ср. Ireček, Gesch. der Bulgar. p. 410 ‹Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 529›.

ваго царя Иоустиниѩна законь». Этотъ сборникъ, имѣющій двѣ рецензіи — краткую и болѣе пространную, — въ первой, болѣе древней, состоящей изъ 33 статей, раздѣляется на слѣдующія обозначенныя особыми надписями рубрики: 1) о записаніи, 2) о блудѣ, 3) о проданіи и купленіи законь, 4) о виноградѣхь и нивахь, 5) законь дѣлателѥмь, 6) о залогахь, 7) о крагы (кражѣ) законь, 8) о повтореніи законь, 9) о женахь, 10) о раздѣленіи земли законь [1]). Общее надписаніе указываетъ источникъ любопытнаго сборника, предназначавшагося служить дополненіемъ Душанову законнику, въ Юстиніановомъ правѣ. Въ самомъ дѣлѣ, постановленія, находящіяся въ первомъ отдѣлѣ, оттуда ведутъ свое начало, хотя и не всѣ, и не прямымъ, непосредственнымъ образомъ, такъ какъ матеріалъ, почерпнутый въ Юстиніановыхъ книгахъ, подвергся переработкѣ въ духѣ позднѣйшаго времени. Составитель сборника, конечно, относилъ свое надписаніе не къ одному только первому отдѣлу, но желалъ освятить авторитетомъ великаго римскаго законодателя цѣлую свою компиляцію. Тѣмъ не менѣе, въ сборникѣ обнаруживается присутствіе нѣкоторыхъ статей изъ Эклоги Льва и Константина; болѣе десяти постановленій заимствовано изъ Земледѣльческаго закона (весь пятый отдѣлъ и весь четвертый), и наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ довольно важное постановленіе о правѣ выкупа взято изъ новеллы Константина Багрянороднаго 922 года. Статьи, взятыя изъ Эклоги (28, 31), касаются одна кражи въ церкви (ср. Ecloga, XVII, 15), другая — наслѣдства жены послѣ мужа (Ecloga, II, 4).

Въ примѣръ того, какъ переведены греческія статьи Земле- 107
дѣльческаго закона, мы приводимъ слѣдующій образецъ:

Ἐὰν γεωργὸς μορτίτης θερίσας ἄνευ γνώμης τοῦ χωροδότου,	Аще дѣлатѣль раздѣлить снопіе десетноѥ кромѣ волѥ

1) Краткая редакція напечатана въ видѣ приложенія къ означенному въ заголовкѣ нашей статьи сочиненію Р. Губе, а также въ книгѣ г. Зигеля (Законникъ царя Стефана Душана, С.-Пб., 1872), по списку, сообщенному В. И. Ламанскимъ. Болѣе подробная редакція, не представляющая, впрочемъ, особаго для насъ интереса, находится въ Сербскомъ лѣтописѣ 1859. Изданіе принадлежитъ Георгіевичу. ‹Т. Флоринскій. Законодательные памятники Стефана Душана. Кіевъ. 1889›.

κουβαλίσῃ τὰ δράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπικαρπίας αὐτοῦ.

имоущаго ниву и снопіе ѡднѣсеть, да ѡтженетсе ꙗко тать ѡтъ въсего плода нивнаго [1]).

Изъ разсмотрѣнія составныхъ частей сборника, являющагося, повидимому, мѣстною сербскою компиляціей изъ разныхъ византійскихъ источниковъ, вытекаетъ то заключеніе, что въ земляхъ сербскихъ не только привилось Юстиніаново право, но въ частности укоренились Эклога и Крестьянскій уставъ, что Эклога, отмѣненная въ своемъ дѣйствіи Василіемъ Македонянпномъ, всетаки могла сохранять въ Сербіи свое значеніе, какъ это доказываютъ взятыя изъ нея статьи о наслѣдствѣ вдовъ, не вошедшія въ Прохиронъ и византійское право, но замѣненныя тамъ возстановленными Юстиніановскими правилами. Этотъ послѣдній фактъ дорогъ тѣмъ, что онъ еще разъ указываетъ на особенное значеніе Эклоги для славянскихъ племенъ. То явленіе, что постановленія новеллы 922 года вполнѣ были приняты въ Сербіи, служитъ доказательствомъ непрерывнаго вліянія Византіи на юридическій бытъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ, несмотря на ихъ большую или меньшую независимость. Частое употребленіе греческихъ словъ (діатакси, прикія, помикь) въ сербскомъ «Законѣ Юстиніана», обличающее крайнюю невыработанность собственнаго юридическаго языка, заставляетъ догадываться, что его текстъ появился на свѣтъ гораздо ранѣе XIV вѣка и эпохи Душанова Законника.

Переходимъ теперь къ тѣмъ слѣдамъ, которые оставилъ *νόμος γεωργικός* въ древней русской письменности.

Первый слѣдъ мы находимъ въ такъ называемой Ефремовской Кормчей (Синод., № 227), относимой теперь къ XI или XII вѣку (И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XLIV, 66), и слѣдовательно, самой древней представительницѣ русскаго Номоканона. При ней находится перечень статей, вошедшихъ въ собраніе, переведенный съ греческаго извѣстнаго изслѣдователямъ текста (А. С. Павловъ, Первоначальный Номоканонъ; Voelli, Biblioth. juris canon. II, 793), но въ концѣ предста-

1) Въ изданіи Губе напечатаны en regard по сербски и по гречески всѣ статьи, заимствованныя изъ Земледѣльческаго устава ‹cap. 9 ed. Ashburner›.

вляющій значительное къ нему дополненіе. Въ числѣ восьми статей, отмѣченныхъ въ этой послѣдней части перечня, находятся, между прочимъ:

24) Иоустиниана иже въ блаженной памяти царя закон ъ. 108

— Того же законъ морьскыи.

25) Василиа Костьнтина и Льва благочестивыихъ царь законъ, и т. д. (остальныя шесть статей духовнаго содержанія).

Къ сожалѣнію, порядокъ расположенія главъ въ самой книгѣ былъ не тотъ, какой въ перечнѣ; поименованныя нами статьи занимали въ Кормчей самое послѣднее мѣсто, если только онѣ въ ней когда-нибудь были, а въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ утрачены.

Такъ какъ дополненіе перечня не взято, повидимому, изъ греческаго подлинника, то всетаки нужно предполагать существованіе на славянскомъ языкѣ тѣхъ статей, на которыя въ немъ дѣлается указаніе. Но какія же это статьи? . . . Касательно закона царей Василія, Константина и Льва не можетъ быть никакого сомнѣнія: это — Прохиронъ или Законъ градскій послѣдующихъ Кормчихъ. Труднѣе рѣшить, что разумѣлось подъ № 24-мъ . . .

Ефремовская Кормчая была переписываема въ позднѣйшее время. Соловецкая рукопись XV вѣка (Казанской духовной академіи) представляетъ почти совершенную съ нея копію, въ которой находится то, чего недостаетъ въ подлинникѣ; но опять-таки и въ Соловецкой Кормчей нѣтъ Іустиніанова особаго закона, равно какъ и морского закона. На этомъ основаніи А. С. Павловъ (Первоначальный Номоканонъ, стр. 52) полагалъ, что слова перечня: «Иоустиниана царя законъ» имѣли въ виду тѣ три новеллы Юстиніана, которыя въ Соловецкомъ спискѣ находятся подъ отдѣльными заглавіями и присутствуютъ также въ Ефремовской Кормчей, хотя безъ окончанія третьей новеллы. Очевидно, что такая догадка не можетъ быть признана основательною. Ни сами по себѣ, ни въ соединеніи съ 87 главами Іоанна Схоластика, новеллы никогда не называются закономъ, а постоянно новыми заповѣдями. Притомъ, что еще важнѣе,

Юстиніана царя законъ стоитъ рядомъ съ морскимъ закономъ, приписываемымъ, по обыкновенію, тому же законодателю. Но морской законъ *(νόμος ναυτικός)* совсѣмъ не имѣетъ никакой связи съ новеллами, а напротивъ, однороденъ по своему происхожденію и по своему характеру съ Закономъ земледѣльческимъ. Мы уже видѣли, что Земледѣльческій законъ надписывается въ греческихъ спискахъ подлинника: «Законъ Юстиніана царя», или какъ въ одномъ сборникѣ (№ XLIV по каталогу Маттеи)[1]) Синодальной библіотеки: «Законы земледѣльческіе, по избранію изъ книгъ блаженной памяти *(τῆς θείας λήξεως)* Юстиніана
109 царя», то-есть, почти тѣми же словами, какія стоятъ въ перечнѣ Ефремовской Кормчей (ср. выше). Къ этому слѣдуетъ прибавить наблюденіе, которое легко можетъ быть почерпнуто изъ любого каталога рукописей. Земледѣльческій законъ, вмѣстѣ съ морскимъ закономъ, нерѣдко встрѣчаются въ греческихъ сборникахъ каноническаго содержанія и при этомъ весьма часто стоятъ рядомъ[2]). Все это заставляетъ насъ думать, что въ перечнѣ Ефремовской Кормчей содержится указаніе на крестьянскій уставъ иконоборцевъ въ той или другой его редакціи.

Но затѣмъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ интересующемъ насъ памятникѣ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Правда, мы теперь же можемъ сказать то, что уже было отчасти замѣчено другими: Уставъ о земскихъ дѣлахъ, приписываемый Ярославу Мудрому (такъ, въ изданіи Л. Максимовича, Указатель россійскихъ законовъ, т. II, 5. Москва, 1805), есть, въ сущности, тотъ же самый «Земледѣльческій законъ» *(νόμος γεωργικός)*, которымъ мы до сихъ поръ занимались. Напрасно нѣкоторые русскіе ученые полагаютъ, что земскій уставъ только отчасти, хотя и во многомъ, заимствованъ изъ византійскихъ источниковъ (Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 161), или что онъ представляетъ извлеченіе изъ греческихъ сельскихъ законовъ (Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, II, 464). Земскій уставъ есть совершенный и буквальный переводъ съ

---

1) <= № 330 Влад.>.

2) См. напримѣръ, Catalog. cod. manuscr. Bibliothecæ regiæ, II, 303, и описаніе Бодлеевой библіотеки при изданіи Прохирона Цахаріэ, p. 317, 323. Mathaei, II, 319, № 38 <= 318 Влад.>.

греческаго и уже потому не можетъ быть приписываемъ Ярославу (какъ полагаетъ Лешковъ), не говоря о томъ, что новость его слога и свойство наказаній, опредѣляемыхъ въ немъ за различныя преступленія, не допускаютъ мысли о древнемъ русскомъ его происхожденіи. Несомнѣнно, что текстъ земскаго устава, изданный Максимовичемъ, носитъ всѣ признаки XVIII столѣтія, едва ли даже XVII. Можно было бы подумать, что онъ заимствованъ изъ рукописей Епифанія Славинецкаго, переведшаго на славянскій языкъ съ эллинскаго весь сборникъ Леунклавія (см. Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей). Однако, это предположеніе не оправдывается; земскій уставъ, приписываемый Ярославу, переведенъ съ иного греческаго извода, чѣмъ изданный Леунклавіемъ, какъ это обнаруживается при первомъ же сличеніи системы и порядка статей въ томъ и другомъ. 110

Опять нѣсколько иной и притомъ болѣе старинный видъ Устава земледѣльческаго представляютъ «древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ», изданные Семеномъ Башиловымъ, Императорской Академіи Наукъ переводчикомъ, при Судебникѣ царя Ивана Васильевича (въ С.-Петербургѣ, 1768 г.). Здѣсь нашъ памятникъ напечатанъ по рукописи, подаренной въ 1746 г. Академіи Наукъ Устюжской эпархіи канцеляристомъ Поповымъ, писанной, по мнѣнію Башилова, въ прошедшемъ, то-есть, въ XVII вѣкѣ и содержавшей въ себѣ Судебникъ и рядомъ съ нимъ законы изъ Юстиніановыхъ книгъ. Послѣдніе начинаются предисловіемъ, которое для насъ имѣетъ большой интересъ. «Предсловіе книгъ законныхъ, иміже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ...». Затѣмъ слѣдуетъ текстъ предисловія, который мы приводимъ вполнѣ, на-ряду съ греческимъ подлинникомъ, дабы читатель имѣлъ предъ глазами образецъ и языка и перевода.

Господу и Спасу нашему Ісусу Христу рекшу: не судите на лица, но праведный судъ судите; всякого мьздоимства оттужатися праведно. Писано бо есть: горе оправдающимъне-

Τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ εἰρηκότος μὴ κρίνετε κατ' ὄψιν, ἀλλὰ τὴν δικαίαν κρίσιν κρίνατε, πάσης δωροληψίας ἀπέχεσθαι δίκαιον. γέγραπται γὰρ οὐαὶ οἱ δικαιοῦντες τὸν

честиваго мьзды ради и путь смиреныхъ отлучающаго, правду праведнаго въсхищающихъ отъ него, ихже корения яко персть будетъ, занеже закона Господня исполнити не въсхотѣша; мьзды бо и дарове ослѣпляють мудрыхъ очи. Отнюдуже таковаго сквернаго прибытька отложение всяческы творити тщимся отъ благочестивыхъ князиї и славныхъ судиї, и от всѣхъ, идеже коли пригодится расужати, праведными главизнами приїмати, и всякому лицю праведный судъ даяти, мьзду от Бога чающе прияти праведную, и не посулова дѣля правду презрѣти, да и не на насъ
111 пророческое слово исполнится глаголющее: отдаша на сребрѣ правду; и гнѣва божия привлечемъ на ся, заповѣдей преступницы бывше.

ἀσεβῆ ἕνεκα δώρων καὶ ὁδὸν ταπεινῶν ἐκκλίνοντες, τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου αἴροντες ἀπ᾽ αὐτοῦ· ὧν ἡ ῥίζα ὡς χοῦς ἔσται, καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν ὡς κονιορτὸς ἀναβήσεται, ἀνθ᾽ ὧν τὸν νόμον κυρίου πληροῦν οὐκ ἐθέλησαν· ξένια γὰρ καὶ δῶρα ἐκτυφλοῖ σοφῶν ὀφθαλμούς. Ὅθεν τῆς τοιαύτης αἰσχροκερδίας ἀναστολὴν παντελῶς ποιεῖσθαι σπουδάζοντες, ἐκ τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν σακελλίου ὡρίσαμεν τῷ τε ἐνδοξοτάτῳ κοιαίστωρι, τοῖς ἀντιγραφεῦσι, καὶ πᾶσι τοῖς ἐπὶ τοῖς δικαστικοῖς κεφαλαίοις καθυπουργοῦσι τοὺς μισθοὺς παρέχεσθαι, πρὸς τὸ ἐξ οἱουδήποτε προσώπου παρ᾽ αὐτοῖς κρινομένου μηδὲν αὐτοὺς λαμβάνειν τὸ σύνολον, ἵνα μὴ τὸ ὑπὸ τοῦ προφήτου λεγόμενον καὶ εἰς ἡμᾶς πληρωθῇ· ἀπέδοντο ἀργυρίῳ τὸ δίκαιον, καὶ μέλλωμεν ἐντεῦθεν θεϊκῆς τυγχάνειν ἀγανακτήσεως τῶν ἐντολῶν αὐτοῦ παραβάται γενόμενοι.

Итакъ, это есть послѣдняя часть предисловія Эклоги Льва и Константина, выше переведенная нами по русски[1]); нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ здѣсь у Башилова, она изложена въ Кормчей (вмѣстѣ со всѣмъ введеніемъ къ закону царей Леона и Константина); наконецъ, тотъ же самый отрывокъ изъ Эклоги встрѣ-

1) См. стр. 169. Нужно замѣтить, что это предисловіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ prooemium, которое находится при греческомъ Земледѣльческомъ законѣ въ новыхъ его редакціяхъ (см. въ изданіи Арменопула у Геймбаха).

чается и отдѣльно въ рукописяхъ: «Предсловіе книгъ законныхъ, ими же годится всяко дѣло исправити всѣмъ православнымъ царемъ и княземъ и всѣмъ властелемъ православнаго христіанства» (Строева, Описаніе рукописей Царскаго, № 414; ср. № 48).

За предсловіемъ въ изданіи Башилова ‹стр. 2› слѣдуютъ: «Законы земледѣлнии отъ Оустьяновыхъ книгъ», съ двумя еще частными оглавленіями. Въ самомъ началѣ, вслѣдъ за общимъ оглавленіемъ, стоятъ слова: «О земледѣлцехъ», и затѣмъ, гораздо ниже (на стр. 16): «О мелницахъ». Этимъ собственно кончаются законы земледѣльческіе. Законъ о казнехъ (стр. 17), главы о прелюбодѣйствѣ (стр. 32), о раздѣленіи браковъ (стр. 34), о послусѣхъ (стр. 39) подходятъ только подъ общую рубрику «книгъ законныхъ, ими же годится всякое дѣло исправляти», но уже не принадлежатъ къ «законамъ земледѣлнымъ»; источникъ ихъ — Прохиронъ Василія Македонянина.

Если мы сравнимъ Башиловское изданіе законовъ земледѣлныхъ съ Уставомъ о земскихъ дѣлахъ Ярослава (у Максимовича), то придемъ къ тому заключенію, что въ сущности мы имѣемъ одну и ту же переводную редакцію греческаго Земледѣльческаго устава, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ Уставѣ о земскихъ дѣлахъ недостаетъ «предсловія», принадлежащаго собственно къ болѣе обширному цѣлому, и затѣмъ въ самомъ началѣ текста недостаетъ восьми статей или параграфовъ (точнѣе семи съ половиной, такъ какъ восьмая обрѣтается не въ полномъ и искаженномъ видѣ). Все остальное совершенно тожественно по содержанію и по изложенію, за исключеніемъ непра- 112
вильностей и подновленій языка, а также небрежностей редакціи въ изданіи Максимовича.

Башиловскій текстъ Земледѣльныхъ законовъ, хотя болѣе исправный и толковый, а въ то же время и болѣе древній, чѣмъ текстъ Устава о земскихъ дѣлахъ, всетаки еще слишкомъ новъ, чтобы мы могли приписать его Ефремовской Кормчей, въ которой упоминается о Юстиніановомъ законѣ. Нужны были бы указанія на существованіе другихъ изводовъ, чтобы промежутокъ могъ быть признанъ восполненнымъ. Но такъ какъ славянскія рукописи не представляютъ, повидимому, никакихъ желатель-

ныхъ данныхъ[1]), то мы обратимся къ сравненію русскаго текста съ греческимъ печатнымъ. При этомъ намъ представляются слѣдующія явленія:

1) Русскій текстъ отличается отъ печатныхъ греческихъ изданій совсѣмъ другою системой и порядкомъ расположенія отдѣльныхъ статей.

2) Русскій текстъ отличается отъ греческаго печатнаго количествомъ статей; вмѣсто 97 статей, считающихся въ текстѣ Арменопула, нашъ переводъ заключаетъ въ себѣ, если мы сосчитаемъ статьи надлежащимъ образомъ, только 83. Правильный счетъ состоитъ въ томъ, что мы раздѣляемъ на двѣ статьи одну Башиловскую статью тамъ, гдѣ она соотвѣтствуетъ двумъ греческимъ и т. п. Такихъ случаевъ, впрочемъ, немного (всего три), потому что и въ рукописи Попова статьи хотя и не были отличены цифрами, но начинались красною литерою, такъ что издатель «только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздѣленіе статей дѣлалъ по ихъ разуму и по своему разсмотрѣнію». Въ одномъ случаѣ двѣ отдѣльно напечатанныя статьи пришлось намъ соединить вмѣстѣ, сообразно съ греческимъ подлинникомъ.

3) Изъ тѣхъ четырнадцати статей, которыя были перечислены выше и которыя, составляя принадлежность болѣе новыхъ печатныхъ греческихъ изводовъ, не встрѣчаются въ древнѣйшихъ рукописяхъ, въ русской редакціи нѣтъ цѣлыхъ тринадцати. Такъ, прежде всего, нѣтъ статьи, запрещающей одному землевладѣльцу принимать крестьянъ другого. Но 83-я статья, то-есть послѣдняя статья русскихъ земледѣлныхъ законовъ, гла-
113 сящая, что пасущіе овецъ на чужой землѣ отдадутъ вдвое, соотвѣтствуетъ третьей статьѣ пятаго титула, отсутствующей въ рукописяхъ греческихъ.

4) На основаніи двухъ послѣднихъ чертъ мы могли бы заключить, что русскій уставъ о земскихъ дѣлахъ почти вполнѣ соотвѣтствуетъ тому древнѣйшему составу греческаго Земледѣльческаго закона, о которомъ мы знаемъ только по сообщеніямъ

---

1) «Закони о земледѣлцѣхъ» находятся въ отмѣченной нами рукописи, бывшей Библіотеки Царскаго (№ 414), и здѣсь они отдѣлены отъ предсловія статьями «о судіяхъ и о властеляхъ», которыя встрѣчаются и въ Кормчихъ. Но самая рукопись принадлежитъ только XVII столѣтію.

Цахаріэ. Но если данныя, сообщаемыя изслѣдователемъ, изучавшимъ юридическіе памятники почти во всѣхъ книгохранилищахъ Европы, вполнѣ точны, то-есть, если въ греческихъ рукописяхъ Земледѣльческаго закона въ 83 статьяхъ нѣтъ другого отличія отъ состава печатныхъ его изданій при Арменопулѣ, кромѣ недостающихъ 14 статей, то нужно будетъ признать, что русскій текстъ не вполнѣ тожественъ по составу статей съ древнѣйшимъ греческимъ первообразомъ. Именно, въ русской Башиловской редакціи недостаетъ, сверхъ указанныхъ 13, еще цѣлыхъ 6 статей, которыя мы можемъ читать въ *νόμος γεωργικός*, печатаемомъ при Арменопулѣ. Статьи эти находятся въ разныхъ титулахъ, которые мы, по примѣру Геймбахова изданія, означимъ греческими буквами: *A* 23, *B* 5, *E* 1, *Στ.* 9, *I* 3, 5.

Теперь спрашивается: чѣмъ же, при недостаткѣ этихъ шести статей, восполняется русская редакція до показаннаго выше числа 83? Кромѣ сейчасъ упомянутой статьи о пасущихъ овецъ на чужомъ полѣ, одной изъ 14 не находящихся въ греческихъ древнихъ рукописяхъ, мы должны здѣсь указать: a) еще одну статью (81), находящуюся только въ русскомъ текстѣ и заимствованную изъ источника, котораго мы не могли отыскать (иже отъ древа падаяй плодъ на землю моея доли побравъ неповиненъ есть), и b) четыре статьи, заимствованныя изъ Эклоги (52, 64, 65, 66), но тоже не встрѣчающіяся даже и въ полныхъ редакціяхъ греческаго Земледѣльческаго закона (слѣдовательно 83 статьи = 97 — 13 — 6 + 5). Заимствованныя изъ Эклоги статьи не всѣ даже подходятъ къ содержанію Земледѣльческаго закона. Статья, угрожающая наказаніемъ тому, кто запретъ вепря или пса чужого и уморитъ, и соотвѣтствующая XVII, 4 Эклоги Льва и Константина, можетъ быть считаема совершенно умѣстною; но статьи о скотоложствѣ и мужеложствѣ (= Eclog. XVII, 38, 39) попали въ «земледѣльные законы» неизвѣстно почему. Статья о невольномъ поджогѣ (= Eclog. XVII, 41) опять соотвѣтствуетъ остальному содержанію Закона.

Полезно будетъ для облегченія дальнѣйшихъ занятій любо- 114
пытнымъ памятникомъ приложить таблицу, объясняющую соотвѣтствіе русскаго текста по Башиловскому изданію съ греческимъ, печатаемымъ при изданіяхъ Арменопула. Титулы мы

означаемъ буквами греческаго алфавита (при чемъ для облегченія типографіи, греческую букву стигму обозначаемъ посредствомъ στ), но при статьяхъ перваго титула мы не ставимъ никакой буквы. Цифры, относящіяся къ русскому изданію, мы, понятно, выставили сами, по способу, упомянутому выше.

Баш.	Арм.	Баш.	Арм.	Баш.	Арм.
1	1	29	2, β	57	8, β
2	2	30	2, ζ	58	9, β
3	4	31	1, ζ	59	10, β
4	3	32	3, β	60	11, β
5	5	33	4, β	61	4, η
6	6	34	19	62	15
7	9	35	18	63	12, β
8	20	36	1, δ	64	Эклога
9	21	37	1, στ	65	Эклога
10	8	38	2, στ	66	Эклога
11	10	39	6, β	67	13, β
12	22	40	7, β	68	4, ε
13	25	41	3, στ	69	3, ϑ
14	24	42	4, στ	70	5, ϑ
15	11	43	1, ϑ	71	16
16	12	44	2, ϑ	72	12, στ
17	13	45	3, ϑ	73	11, στ
18	14	46	3, δ	74	8, στ
19	7	47	4, δ	75	2, ε
20	1, ι	48	5, δ	76	3, ζ
21	1, β	49	6, δ	77	6, ι
22	2, γ	50	5, στ	78	7, ι
23	1, γ	51	7, δ	79	8, ι
24	3, γ	52	Эклога	80	9, ι
25	4, γ	53	10, στ	81	?
26	5, γ	54	1, η	82	4, ι
27	6, γ	55	2, η	83	3, ε
28	7, γ	56	4, ζ		

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей, которыя мы рѣшились привести вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ (въ замѣну греческаго

подлинника), и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ. Выбраны такія статьи, которыя имѣютъ наибольшую важность по содержанію и въ то же время не могутъ быть оставлены безъ всякихъ объясненій и примѣчаній, или же такія, которыя содержатъ въ своей русской редакціи болѣе или менѣе ясные намеки на время появленія Земскаго устава и т. п. Всѣ вмѣстѣ онѣ 115
служатъ образцами языка въ русской редакціи его:

1. Достоить земледѣльцю дѣлающю свою ниву быти праведну, и не въсхыщати бразну (бразду) ближняго своего. Аще ли же кто въсхыщая разореть, и оумалитъ долю ближняго своего, аще ораную землю се створи; отступится поновления своего: аще ли всѣйбу се створи; отступится и сѣмени ї дѣла своего и плода приходящаго, иже се створивый земледѣлець[1]).

Agricolam suos colentem agros oportet esse justum neque sulcos vicini transgredi. Quod si quis fecerit et partem sibi proximam decurtaverit, si quidem in novali *(ἐν νεατῷ)* hoc fecit, amittit novationis operam *(τὴν νέωσιν αὐτοῦ);* sin et in semente terminos transgressus est, et semen et operam suam et fructum *(ἐπικαρπίαν)* is agricola amittit[1]) ‹cap. 1 ed. Ashb.›.

2. Аще кыї земледѣлець, не по вѣданию осподаря земли или селищю, внидеть, и поновить, разорявъ сѣеть, да не приїметь за трудъ поновления своего, ниже отъ плода сѣмени, ниже самое то сѣмя.

Si quis agricola inscio fundi domino eum ingressus novaverit aut conseverit, neque pro labore suo neque pro novatione neque fructum pro satione, immo nec semen sparsum recipito ‹cap. 2 ed. Ashb.›.

7. Аще двѣ селѣ сварятся о межи или о селищи; да смотрятъ судиї, и кто держалъ будетъ лѣтъ болше, то той правь будетъ: аще ли же межа давна есть, и давное держание, да будетъ неподвижима.

Si duo fundi *(χωρία)* de limite aut agro litigent, cognoscant iudices *(τηρείτωσαν οἱ ἀκροαταί),* eique qui pluribus annis possederit, ius suum reddant. Sed si antiquus sit limes, antiqua possessio inconcussa maneat ‹cap. 7 ed. Ashb.›.

---

1) Эта статья стоитъ на первомъ мѣстѣ во всѣхъ рукописяхъ, не имѣющихъ предисловія. Въ пяти сборникахъ Московской синодальной библіотеки Земледѣльческій законъ начинается словами: *χρὴ τὸν γεωργόν.*

8. Аще землдѣлець десятину отмѣритъ, а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать; да отступится всего жита своего[1]).

Si colonus partiarius citra voluntatem locatoris agrum demetens circa mergites illius fraudulenter egerit, omni suo fructu ut fur privabitur[1]).

116 9. Десятина нивы: сѣявшему девять сноповъ, а имѣющему землю десятый снопъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ, богомъ проклятъ будетъ[2]).

Partiarii pars novem sunt manipuli, locatoris autem manipulus unus. Qui vero extra haec partitur deo execrabilis est[2]) ‹cap. 10 ed. Ashb.›.

10. Аще раздѣление земли будетъ, и пообидитъ кто въ жребьихъ; волно будетъ порушати и бывшее раздѣление.

Si facta partitio aliquos laeserit in pastinationibus aut laboribus *(ἐν σκάφαις—σκαρφίοις—ἢ ἐν τόποις)*, licentia iis sit factam partitionem rescindere ‹cap. 8 ed. Ashb.›.

13. Аще кто село възметъ исполу дѣлати, отшедшу осподарю земли тоя, и розгадавь повержеть; сугубо плодъ того отдастъ.

Si is qui absentis coloni inopis agrum pro semisse suscepit *(ὁ τὴν ἡμισείαν λαβὼν τοῦ ἀγροῦ)*, poenitens agrum non coluerit, fructus in duplum praestet ‹cap. 14 ed. Ashb.›.

14. Аще же иже исполу приемый дѣлати, преже времени дѣлания розгадаетъ, и откажетъ господареви села, яко не могый дѣлати, и осподарь села небрежетъ; безвинень будетъ половинникъ.

Si colonus, qui semissem fundi inopis suscepit, ante culturae tempus poenitens domino fundi indicaverit se eum colere non posse, dominus autem fundum neglexerit, insons erit partiarius *(ὁ ἡμισειαστής)* ‹*ἡμισιατής* cap. 15 ed. Ashb.›.

---

1) Здѣсь начинается Уставъ о земскихъ дѣлахъ въ редакціи, напечатанной Максимовичемъ: «Аще крадетъ жито, а не по вѣданью осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать да отступитъ всего жита своего».

2) Текстъ Максимовича опять является въ искаженномъ видѣ: «А десятина нивы сѣявшему 10 сноповъ, а имѣющему землю 10 сноповъ; аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ».

15. Аще земледѣлець приіметъ дѣлати землю, и оукончаетъ со осподаремъ земли тоя, и задатокъ възметъ, и оучнетъ дѣлати, и обратився повержетъ; цѣну достойную земли тоя да отдастъ, землю туже да имѣетъ осподарь ея.

Si colonus culturam vineae vel agri *(ἀμπελῶνος ἢ χώρας)* suscipiens cum domino illius conventionem inierit acceptaque arrha primitias perceperit *(ἀρραβῶνα λαβὼν ἀπάρξηται)*, sed resiliens ea neglexerit, justum pretium agri aut vineae dato, agrumque aut vineam dominus ejusdem recipiat ‹cap. 12 ed. Ashb.›.

16. Аще кто земледѣлець приемъ оудѣлаетъ нечистую землю иного земледѣлца; три годы да сѣетъ, и пріемлетъ плодъ, и потомъ отдастъ имѣющему еа.

Si colonus alterius coloni locum senticosum laboraverit, per triennium fructus inde percipiet ac deinde domino eum restituet.

17. Аще изнеможетъ земледѣлець, еже дѣлати свое село, отбѣжитъ и устранится; волостель назираетъ то, да не имѣеть области никиі земледѣлець оутаити што оттого.

Si colonus propter inopiam 117
fundo suo colendo impar peregre abierit ac fugerit, tributorum exactores agri fructus colligant, nec tamen redeunte colono ejus mulctandi aut quidquam exigendi facultatem habeant ‹cap. 18 ed. Ashb.›.

18. Аще земледѣлець отбѣжитъ своего села; волостель емлетъ десятину отдѣлающихъ села того: аще ли что утаятъ; сугубо отдадятъ.

Si ex agro suo aufugerit colonus, quotannis extraordinaria tributi nomine persolvant, qui agrum possident et fructus percipiunt. Quod si non faciunt, in duplum mulctentur ‹cap. 19, ed. Ashb.›.

19. Аще кто истребитъ ниву не по вѣданию осподаря ея, и оудѣлавь посѣетъ; да ничтоже пріиметъ от плода того.

Qui alienam silvam inscio ejus domino caedit *(ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην)* ac deinde eam elaborat et conserit, nihil consequitor ex fructibus ‹cap. 20 ed. Ashb.›.

21. Аще земледѣлець оукрадетъ ралныхъ желѣзъ или лыскарь, и по времени познается; да отдаетъ на всякъ день по грошю на день: такоже иже оукрадетъ во время жнитвы серпъ, іли коситъ выкосу, или секеру во время дѣлания. (Слова «коситъ выкосу» прибавлены въ рукописи другою рукою).

Si colonus in pastinatione *(σκάφῃ)*, ligonem *(λίσγον)* vel bidentem abstulerit et post tempus detectus fuerit, luat pro eo in singulos dies siliquam unam sive folles duodenos *(κεράτιον ἓν ἤγουν φόλλας δώδεκα)*. Similiter qui tempore putationis falcem putatoriam aut messis tempore falcem messoriam aut lignationis tempore securim et similia subripuerit [1]) ‹cap. 22 ed. Ashb.›.

29. Аще кто отрѣжеть колоколъ от вола, или от овци, или от коня; яко тать биенъ будетъ: аще ли же погибнетъ животина она; да заплатитъ иже татбу колоколу сотворивый.

Si quis tintinnabulum ex bove aut ove aliove quo animali abstulerit, detectus ut fur verberetur; si nec ipsum animal reperiatur, restituat illud qui tintinnabulum furatus est.

118 31. Аще дрѣво възращено будетъ кимъ на мѣстѣ нераздѣлене, и потомъ раздѣлению бывшю прилучится во иного доли дрѣво то быти; да не имѣеть области инъ, но иже возраститъ дрѣва того... Аще ли же вопиетъ осподарь мѣста того, яко обидимъ есмь дрѣвомъ тѣмъ; да подасть дрѣво и дрѣва мѣсто таковожъ воспитавшему, и да имѣеть то.

Si arbor ab aliquo enutriatur in loco indiviso, et partitione deinde facta alterius parti obtigerit, hic arboris dominium non habeat, sed solus qui eam enutrivit. At si dominus loci reclamet, se injuria adfici, aliam pro illa arborem nutritori det et ipse hanc salvam retineat ‹cap. 32 ed. Ashb.›.

32. Аще обрящется сторожъ саду крадый овощь того мѣста,

Si custos pomarius deprehendatur furans in loco, quem cu-

1) Здѣсь текстъ Максимовича, противъ обыкновенія, представляется болѣе яснымъ: «во время жатвы серпъ или коситвы косу или сѣкиру во время дѣланія».

его же нялся стеречи, да отщетится найма своего, и зѣло да биенъ будетъ.

33. Аще обрящется пастырь напятый, и доя овець или коровъ втай осподаря своего и продая, биемъ буди, и найма своего лишенъ будетъ.

39. Аще кто оукрадетъ вола, или осля, и обліченъ будетъ; да биенъ будетъ, сугубою ценою отдасть то, и дѣлание ихъ все.

43. Аще кый холопъ зарѣжетъ вола, или борана, или кую иную животину в чащи; осподарь его заплатитъ.

59. Аще кто оукрадетъ рало, или лемешь, или подузу; казнень будетъ по числу дни оттого дни, отнелиже оукраде, на всякъ день по грошеви, а лицемъ отдасть.

63. Аще нѣцыі вжитници обрѣтутся, крадуще жито бьени будутъ сто калановъ, а жито заплатятъ; аще ли и вдругый обрящутся; биени будутъ, сугубо краденое заплатятъ. Аще-ли же втретье; да ослеплени будутъ.

stodit, mercedem suam amittat et vehementer flagelletur ‹cap. 33 ed. Ashb.›.

Si pastor mercenarius *(ποιμὴν μισθωτός)* deprendatur clam domino suo oves mulgens et lac vendens, verberatus mercede sua excidat ‹cap. 34 ed. Ashb.›.

Si quis bovem aut asinum subripuisse convictus fuerit, verberatus in duplum reddito una cum omni illius opera ‹cap. 36 ed. Ashb.›.

Si quis servus bovem vel arietem aut suem in silva mactaverit, dominus illum restituet ‹cap. 38 ed. Ashb.›.

Qui aratrum, vomerem *(ὑνεῖον)* aut jugum *(ζυγούς)* furantur, mulctentur pro numero 119
dierum, ex quo furtum est factum, in singulos dies follibus duodecim *(ιβ' φόλας)* ‹*ζυγὸν, ὑνὴν* cap. 62 ed. Ashb.›.

Qui in horreo invenitur furans frumentum, si quidem semel, centum verberibus castigator *(τυπτέσθω μάστιξιν ἑκατόν)* et frumenti domino damnum resarciat: si secundum deprehenditur hoc faciens, verberatus duplam furti aestimationem luito: si tertium, excaecator ‹cap. 68 ed. Ashb.›.

Наконецъ, приводимъ статью о мельницахъ, которая, будучи ясна сама по себѣ, не требуетъ латинскаго комментарія: «Аще кто жива въ селѣ и разсмотритъ то мѣсто обчее *(τόπον κοινόν)*

прилично мелници, и се доспѣеть (займетъ оное), и по свершенiи мелницы, и потомъ станутъ вси селяне *(ἡ τοῦ χωρίου κοινότης)* вопиюще на осподаря мелници, яко обчее мѣсто *(τὸν κοινὸν τόπον)* за свое имѣетъ; весь подобный ему отдадятъ проторь, елико на мелницю испротори, и будутъ причастни *(ἔστωσαν κοινωνοί)* дѣлу тому» ‹cap. 81 ed. Ashb.›.

Ближайшее сличенiе вышеприведенныхъ статей Земскаго устава съ греческимъ подлинникомъ и отчасти съ самымъ латинскимъ переводомъ даетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующiя новыя замѣчанiя:

1) Очевидно, что русскiй текстъ соотвѣтствуетъ одному изъ болѣе древнихъ и болѣе исправныхъ греческихъ списковъ редакцiи доселѣ никѣмъ не изданной. Такъ, вторая статья, въ которой идетъ рѣчь о земледѣльцѣ, распахавшемъ или засѣявшемъ чужую землю безъ вѣдома хозяина, лучше и толковѣе изложена (по крайней мѣрѣ, вторая ея половина) въ русскомъ переводѣ, чѣмъ въ латинскомъ. Послѣднiй правильно и точно передаетъ печатную греческую редакцiю Земледѣльческаго закона, а первый ближе къ чтенiю древнихъ рукописей, о которомъ мы узнаемъ изъ замѣтки Цахарiэ[1]). Точно такъ же въ десятой статьѣ латинскiй переводъ является неловкимъ и темнымъ потому, что онъ говоритъ объ окапыванiяхъ (in pastinationibus) въ соотвѣтствiе съ греческимъ выраженiемъ, находящимся въ общепринятомъ текстѣ *(ἐν σκάφαις)*; русскiй же текстъ, просто гласящiй о жребiяхъ (участкахъ земли), опять совпадаетъ съ чтенiемъ старинныхъ рукописей[2]).

2) Однако мы должны признать, что хорошiй и замѣчательно
120 исправный греческiй текстъ не вездѣ былъ правильно понятъ русскимъ переводчикомъ. Девятнадцатая статья представляетъ надлежащiй смыслъ только въ латинскомъ переводѣ, но не въ русскомъ изложенiи того и другого изданiя (Максимовича и Башилова). Вмѣсто того чтобы сказать: «если кто вырубитъ

---

1) Gesch. des griech.-röm. Rechts, p. 240, примѣч. 841: *Μὴ λαμβανέτω μήτε ἐργατίας* (заработную плату) *ὑπὲρ τῆς νεάσεως, μήτε ἐπικαρπίαν* (буквально — приплодъ), вмѣсто печатнаго: *μὴ λαμβανέτω μήτε ὑπὲρ τῆς ἐργατίας αὐτοῦ, μήτε ὑπὲρ τῆς νεάσεως* ‹въ 3 изд. этого примѣч. нѣтъ›.

2) См. тамъ же, p. 237, примѣч. 829 ‹въ 3 изд. этого примѣч. нѣтъ›.

(расчиститъ) лѣсъ (*ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην*) безъ вѣдома хозяина», русскій переводъ говоритъ объ истребленіи нивы, что совсѣмъ не согласно со смысломъ дальнѣйшихъ словъ статьи даже и въ русскомъ изложеніи. Статья девятая на первый взглядъ представляетъ то же самое явленіе, то есть, она изложена на русскомъ не только съ отступленіями отъ печатнаго греческаго текста, но, повидимому, и безъ яснаго пониманія смысла, въ ней заключающагося. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что русскій переводчикъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ вѣрное представленіе о византійской мортѣ (*μορτή*) и считалъ ее десятиною, хотя собственно ему слѣдовало говорить о мортитѣ (десятинникѣ). Смыслъ статьи въ греческомъ подлинникѣ тотъ, что «если крестьянинъ мортитъ, собравъ жатву безъ вѣдома земледавальца, обсчитаетъ его относительно (величины или количества) сноповъ, которые тому слѣдовали, то онъ (такой крестьянинъ), какъ воръ, лишенъ будетъ всего плода своего[1]). Хотя въ русскомъ изложеніи, кромѣ замѣны десятинника десятиной, и нѣтъ буквальной рѣчи о жатвѣ и о снопахъ, оно всетаки можетъ быть объяснено въ томъ же самомъ смыслѣ; нужно только подъ десятиной, отмѣриваемою земледѣльцемъ, разумѣть снопы, слѣдующіе господину, которые, безъ его надзора, могутъ оказаться меньше и количествомъ, и объемомъ. Можно даже предположить соотвѣтствующій греческій текстъ, такъ какъ въ рукописяхъ и въ этомъ отношеніи встрѣчаются отступленія отъ Арменопуловскаго извода и взаимныя разногласія между ними самими[2]).

3) Есть случаи, въ которыхъ разногласіе русскаго текста съ греческимъ и латинскимъ можетъ быть объясняемо стремленіемъ русскаго переводчика къ нѣкоторому примѣненію статей устава 121
къ русскому быту. Такъ, въ пятнадцатой статьѣ опущенъ

1) *Ἐὰν γεωργὸς μορτίτης θερίσας ἄνευ γνώμης τοῦ χωροδότου, κουβαλήσῃ τὰ δράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπικαρπίας αὐτοῦ* ‹cap. 9 ed. Ashburner›.

2) Послѣ того какъ предыдущія строки были уже написаны и напечатаны, мы замѣтили, что русскимъ переводомъ предполагается тотъ самый (греческій) текстъ статьи, который находится въ Эклогѣ измѣненной, t. XXV, § 6 (Jus Graeco-rom., IV, 122): «*ἐὰν γεωργὸς μορτὴν μερίσας*» и т. д. Слова: «яко тать» и въ русскомъ, и греческомъ могутъ быть относимы и къ первой, и ко второй части періода. Знаки препинанія здѣсь и тамъ поставлены издателями.

виноградникъ, а говорится только о землѣ, подлежащей обработкѣ, хотя, впрочемъ, виноградники встрѣчаются въ другихъ статьяхъ (§§ 48, 58, 76, 80); въ статьѣ тридцать третьей въ русскомъ переводѣ прибавлены коровы, которыхъ нѣтъ въ печатномъ греческомъ текстѣ; въ статьѣ двадцать девятой прибавленъ конь, тоже опущенный въ подлинникѣ.

Вообще греческій текстъ при исчисленіи домашнихъ животныхъ довольствуется поименованіемъ вола и осла, всѣхъ прочихъ обозначая неопредѣленнымъ указаніемъ на иную какую-либо животину; только Эклога, измѣненная по Прохирону, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣчаетъ и коня тамъ, гдѣ его нѣтъ въ нашемъ текстѣ Земледѣльческаго закона; русскій же текстъ Земскаго устава обыкновенно прибавляетъ въ такихъ случаяхъ къ волу и ослу еще и коня[1]). Въ статьѣ двадцать первой, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается какъ будто обрусѣвшее греческое лыскарь *(λίσγος, λισγάριον)* въ той самой формѣ, какъ оно читается и въ Лаврентьевской лѣтописи, мы находимъ два обратныхъ случая замѣны греческихъ предметовъ и наименованій русскими: 1) ножъ для обрѣзыванія винограда (*κλαδευτήριον*, falx putatoria) замѣненъ косою во время косьбы, и 2) вмѣсто византійской монеты кератія, равняющейся теперешнимъ 20—25 копѣйкамъ (пяти нѣмецкимъ серебрянымъ грошамъ) (*κεράτιον* siliqua, каратъ), поставленъ русскій или обрусѣвшій грошъ, который будетъ вполнѣ соотвѣтствовать кератію, если мы отыщемъ время, когда грошъ стоилъ впятеро больше нынѣшняго. Любопытно, что этотъ грошъ является и въ 59 статьѣ, гдѣ въ печатномъ греческомъ изводѣ слова кератій нѣтъ, а вмѣсто него названы двѣнадцать фолъ (*φόλα, φόλλις* = ? пула), каковая сумма, правда, равняется именно одному кератію. Гроши, конечно, не говорятъ за глубокую древность русскаго устава о земскихъ дѣлахъ. Точно также не говорятъ за нее и волостели, отмѣченные нами въ вышеприведенныхъ статьяхъ. Вмѣстѣ со многими другими признаками, терминъ волостели свидѣтельствуетъ о принадлежности, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго намъ

1) Такъ, въ статьѣ 34 (здѣсь нѣтъ коня въ обоихъ греческихъ текстахъ), въ 36 (здѣсь конь находится только въ Эклогѣ измѣненной), въ 48 (то же самое), и въ 41 (нѣтъ въ греческомъ).

извода крестьянскихъ русскихъ законовъ къ Московскому періоду. Не лишено значенія то обстоятельство, что оба раза слово волостель соотвѣтствуетъ такимъ греческимъ выраженіямъ, 122
которыя могли быть истолкованы, хотя и не совсѣмъ вѣрно, какъ относящіяся къ сборщикамъ государственныхъ податей. Относительно семнадцатой статьи уже одно сличеніе русскаго перевода съ латинскимъ показываетъ, что волостель здѣсь тожественъ со сборщикомъ податей (tributorum exactores). Въ слѣдующей статьѣ онъ появился въ замѣну такихъ двухъ словъ подлинника, которыя тоже говорятъ о сборѣ или уплатѣ государственной подати (tributi nomine, *τοῦ δημοσίου λόγῳ*). Однако русское изложеніе статей, какъ оно читается въ Башиловскомъ изданіи, если и казалось совершенно понятнымъ переводчику, представляется намъ весьма сомнительнымъ даже безъ всякаго сличенія съ цѣльнымъ текстомъ греческаго ихъ подлинника. Семнадцатая статья является совершенно излишнею на ряду съ восемнадцатой, которая сверхъ положенія о взиманіи десятины содержитъ и все то, что есть въ предыдущей... Если же мы обратимся къ греческому подлиннику, то и вторая статья, повидимому, такъ просто и ясно изложенная, окажется точно такъ же сомнительною... Главная бѣда въ томъ, что и самый греческій подлинникъ не представляетъ здѣсь совершенно яснаго и несомнѣннаго смысла; сличеніе печатнаго текста съ рукописнымъ не разрѣшаетъ всѣхъ недоразумѣній. Въ печатномъ греческомъ текстѣ Земледѣльческаго закона, какъ онъ былъ принятъ въ свой сборникъ Арменопуломъ, семнадцатая статья содержитъ въ себѣ именно тотъ самый смыслъ, который хорошо переданъ въ приведенномъ нами латинскомъ переводѣ: «Если крестьянинъ, оказавшись несостоятельнымъ, перестанетъ обработывать свое поле, уйдетъ на чужбину или убѣжитъ, то сборщики государственныхъ податей пусть сбираютъ хлѣбъ съ его поля, не имѣя права, въ случаѣ его возвращенія, подвергнуть его какому-либо новому взысканію или штрафу»[1]). Но въ XXV титулѣ

1) *Ἐὰν ἀπορήσας γεωργὸς πρὸς τὸ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν ‹ἀμπελῶνα› καὶ ξενιτεύσῃ* ‹deest› *καὶ διαφύγῃ, οἱ τὰ δημόσια ἀπαιτούμενοι τρυγείτωσαν τὸν ἀγρόν ‹οἱ τῷ δημοσίῳ ἀπαιτούμενοι λόγῳ ἐπιτρυγείτωσαν αὐτόν›, μὴ ἔχοντες ἄδειαν ἐπανερχομένου τοῦ γεωργοῦ ζημιοῦν ἢ ζητεῖν αὐτὸν τὸ οἰονοῦν ‹ζημιοῦν αὐτοῖς τὸν οἶνον.* cap. 18 ed. Ashburner›.

Эклоги измѣненной (Ecloga ad Prochiron mutata), содержащемъ тѣ же самые законы о земледѣльцахъ, сейчасъ приведенная нами статья изложена съ нѣкоторыми отступленіями, хотя и незначительными съ точки зрѣнія буквальности, но сообщающими совершенно другой смыслъ ея содержанію. Смыслъ этотъ будетъ слѣдующій: «Если земледѣлецъ, лишившись возможности обработывать собственное поле, убѣжитъ и уйдетъ на чужбину, то
123 его участкомъ пусть пользуются тѣ лица, которыя на основаніи податныхъ порядковъ подвергаются взысканію, при чемъ воротившійся земледѣлецъ не можетъ привлечь ихъ къ отвѣту» [1]). Важно то, что, по свидѣтельству Цахаріэ, и въ болѣе древнихъ рукописяхъ Земледѣльческаго закона встрѣчается то же самое чтеніе, особенно интересное потому, что оно говоритъ объ отвѣтственности общины за правильное поступленіе казенныхъ податей со всей земли, находящейся во владѣніи ея членовъ. Если и не въ (измѣненной) Эклогѣ, то въ рукописныхъ текстахъ Земледѣльческаго закона соотвѣтствующимъ образомъ измѣняется смыслъ и послѣдующей (восемнадцатой) статьи. Вопреки печатному греческому тексту, о которомъ можно судить по латинскому переводу, въ неизданныхъ редакціяхъ Земледѣльческаго закона здѣсь говорится не объ обязательности другихъ крестьянъ платить за ушедшаго товарища (о чемъ уже было упомянуто и въ предыдущей статьѣ), а о томъ случаѣ, когда самъ оставившій свой участокъ крестьянинъ платитъ свои повинности: «Если ушедшій съ своего поля земледѣлецъ ежегодно уплачиваетъ обычныя казенныя подати, а его сотоварищи пользуются его землей, то они въ свое время должны возмѣстить пожатое въ двойномъ количествѣ» [2]). Легко убѣдиться, что русскія статьи Устава о земскихъ дѣлахъ не соотвѣтствуютъ вполнѣ ни тому,

---

1) XXV, 13 (J. Gr.-rom. IV, 122) *Ἐὰν ἀπορήσας γεωργὸς τοῦ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν καὶ διαφύγῃ καὶ ξενιτεύσῃ, οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι τρυγείτωσαν αὐτόν, μὴ ἔχοντος ἄδειαν τοῦ ἐπανερχομένου γεωργοῦ ζημιοῦν αὐτοὺς τὸ οἰονοῦν.* Ср. Zachariae, Gesch. des griech.-röm. Rechts, прим. 838 (p. 238). ‹Въ 3 изд. этого примѣчанія нѣтъ›.

2) Въ печатномъ текстѣ (почти одинаково при изданіи Арменопула и въ Измѣненной Эклогѣ ‹XXV, 14›): *Ἐὰν γεωργὸς ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ, τελείτωσαν κατ' ἔτος τὰ ἔξτρα ὄρδινεμ τοῦ δημοσίου λόγου οἱ τρυγῶντες...* А въ рукописяхъ (см. Zachariae, l. c.): *Ἐὰν γεωργὸς ἀποδράσας ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ τελῇ κατ' ἔτος ἐξόρδινα τοῦ δημοσίου λόγου...*

ни другому греческому тексту. Сомнительно, чтобы для нихъ нужно было предполагать еще третью неизвѣстную намъ греческую редакцію; но точно также относительно восемнадцатой статьи, представляющей ясный и опредѣленный смыслъ, и притомъ довольно близкій къ греческому печатному изводу, нельзя утверждать, что отступленія ея отъ подлинника объясняются однимъ недоразумѣніемъ.

4) Приведенныя нами статьи о похищеніи чужого скота и вообще чужой собственности служатъ образцомъ цѣлаго ряда такихъ статей въ Земскомъ уставѣ. Если онѣ вызываютъ какое замѣчаніе, то уже не относительно своего сходства съ грече- 124
скимъ текстомъ, а относительно сходства по содержанію съ постановленіями XVII титула Эклоги. Въ одиннадцатой статьѣ этого титула говорится, что воровство, совершенное въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, только не въ войскѣ и не во время похода, въ первый разъ наказывается возвращеніемъ украденнаго съ прибавленіемъ его двойной цѣны, если виновный свободный и состоятельный человѣкъ; если же онъ бѣденъ *(ἄπορος)*, то онъ въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію и ссылкѣ; а во второй разъ (тотъ и другой?) подвергается отсѣченію руки. А тринадцатая статья гласитъ: «Кто угоняетъ какой бы то ни было скотъ изъ чужого стада, въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію, во второй—ссылкѣ, въ третій—отсѣченію руки, при чемъ разумѣется, что похищенное всякій разъ возвращается настоящему владѣльцу». Уже въ самомъ началѣ главы было сдѣлано замѣчаніе, что если съ этими статьями Эклоги постановленія нашего устава и не совсѣмъ сходятся, то различіе оказывается только въ частныхъ подробностяхъ и объясняется, какъ особенность примѣненія общихъ началъ въ крестьянскомъ быту.

Сверхъ того, мы должны указать здѣсь два дополненія, относящіяся къ статьѣ о мельницахъ и встрѣчающіяся въ той редакціи греческихъ земледѣльческихъ законовъ, которую намъ даетъ Эклога измѣненная по Прохирону. Если кто, живя въ извѣстномъ селеніи, безъ вѣдома владѣльца построитъ мельницу, то если онъ человѣкъ пришлый *(ξένος)*, пусть владѣетъ ею девятнадцать лѣтъ и потомъ будетъ удаленъ *(ἐξωθείσθω)*... Если

случится гоненіе отъ иноплеменниковъ, и по истеченіи времени (*μετὰ χρόνον*) одинъ изъ братьевъ (*τῶν ἀδελφῶν* — общинниковъ) освободившись построитъ мельницу, то остальные братья послѣ своего возвращенія могутъ возмѣстить расходы и безпрепятственно войти въ долю [1]).

V.

Парики.

125 Въ видѣ заключенія къ нашему изслѣдованію, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ вольныхъ крестьянъ, съ которыми познакомилъ насъ Земледѣльческій законъ. Мы воспользуемся при этомъ тѣмъ же самымъ сочиненіемъ Цахаріэ, которымъ руководились до сихъ поръ и которое обозначено въ заглавіи нашей статьи. Замѣтимъ только, что, къ удивленію нашему, высокоуважаемый изслѣдователь византійскаго права, несмотря на сорокалѣтнюю ученую дѣятельность, все еще неутомимо трудящійся надъ своимъ любимымъ предметомъ, по какому-то случаю опустилъ изъ виду недавно (именно въ 1871 году) появившійся четвертый томъ изданія Миклошича и Мюллера (Acta et diplomata graeca medii aevi) и не воспользовался имъ при пересмотрѣ своего сочиненія для новаго изданія [2]). Означенный томъ, заключающій въ себѣ акты трехъ византійскихъ монастырей, владѣвшихъ, конечно, насе-

---

1) О военномъ законѣ и о морскомъ уставѣ, которые были изданы, по мнѣнію Цахаріэ, тоже иконоборцами, мы не имѣли намѣренія разсуждать въ нашей статьѣ... О дальнѣйшихъ отдѣлахъ Башиловскаго сборника «Древнихъ законовъ изъ Юстиніановыхъ книгъ» мы уже замѣтили, что источникъ ихъ — Прохиронъ, такъ что и глава о казняхъ (или «Законъ о казнехъ») хотя и ведетъ свое начало изъ Эклоги Льва и Константина, именно представляетъ ея семнадцатый титулъ, но передаетъ ту его редакцію, въ какой онъ находится въ Прохиронѣ.

2) При перечисленіи источниковъ на четвертой страницѣ Исторіи греко-римскаго права отмѣчены только три тома указаннаго изданія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Цахаріэ давно былъ знакомъ съ кодексомъ Вѣнской библіотеки, въ которомъ заключалась часть изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ актовъ: въ своемъ собраніи новеллъ онъ помѣстилъ два или три хрисовула оттуда заимствованныхъ. ‹Въ 3 изд. отмѣчены 6 томовъ актовъ Миклошича, которыми пользовался Цахаріэ›.

ленными имѣніями, представляетъ въ настоящее время наиболѣе обильный и важный источникъ для изученія исторіи средневѣковаго греческаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній. Къ сожалѣнію, чтеніе и пониманіе любопытныхъ документовъ оказывается не совсѣмъ то легкимъ и безпрепятственнымъ; цѣлый рядъ техническихъ выраженій, для которыхъ не находится объясненія въ существующихъ словаряхъ (Дюканжа, и тѣмъ менѣе Софоклеса, очень плохомъ), заставляетъ насъ останавливаться на каждомъ шагу. Если бы кто могъ проложить здѣсь желанную дорогу и облегчить другимъ путь, то всего скорѣе такой ученый, который располагаетъ не только научнымъ знаніемъ прошедшаго, но и живымъ знакомствомъ съ современнымъ новогреческимъ бытомъ и языкомъ, какъ Цахаріэ фонъ-Лингенталь. Несомнѣнно притомъ, что данныя, заключающіяся въ сборникѣ Миклошича, могли бы послужить не только къ восполненію, но даже къ исправленію нѣсколькихъ мѣстъ въ исторіи греко-римскаго права. Примѣръ тому представляетъ вопросъ о мортѣ 126
или о десятинѣ.

Крестьянское право Исаврійскихъ императоровъ, въ сущности, сохранило свое значеніе и для послѣдующихъ столѣтій. Правда, Земледѣльческіе законы, подобно другимъ частямъ иконоборческаго законодательства, не были приняты въ составъ Царскихъ книгъ (Василикъ), изданныхъ первыми императорами Македонской династіи. LV книга Василикъ, занимавшаяся крестьянскими отношеніями, не сохранилась въ полномъ и подлинномъ своемъ видѣ; однако, дошедшіе до насъ указатели и заглавія различныхъ ея титуловъ позволяютъ намъ судить объ ея содержаніи и приводятъ къ тому убѣжденію, что здѣсь ничего не было, кромѣ старыхъ постановленій Юстиніановскаго права. Но за то, съ другой стороны, иныя данныя — многочисленность рукописей Земледѣльческаго закона за послѣдующіе вѣка, включеніе его въ видѣ приложенія въ Шестикнижникъ Арменопула, съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуютъ о существованіи такихъ воззрѣній, по которымъ Земледѣльческій законъ и въ позднѣйшее время оказывался дѣйствующимъ источникомъ права. Новая публикація Юстиніановскаго права въ Василикахъ ничего не могла измѣнить въ фактическомъ положеніи вещей. Хотя въ

Василикахъ снова и много говорилось о прежнихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ (adscriptitii, *ἐναπόγραφοι*), но тѣмъ не менѣе самый институтъ остался чуждымъ дѣйствительной жизни, какъ это обнаруживается уже изъ той неясности представленій, какая замѣчается по этому предмету у позднѣйшихъ византійцевъ. Въ сочиненіи, по самой своей сущности практическомъ, въ сборникѣ неизвѣстнаго автора, излагающемъ разные затруднительные юридическіе случаи и рѣшенія, по нимъ постановленныя знаменитымъ византійскимъ юристомъ конца X и начала XI вѣка, Евстаѳіемъ Римляниномъ (Eustathius Romanus), въ такъ называемой «*Πεῖρα*», нигдѣ не говорится о крѣпостныхъ прежняго рода. Позднѣйшіе писатели, какъ Валсамонъ, комментаторъ Фотіева Номоканона (I. 36), имѣютъ о предметѣ совершенно смутныя представленія. Такимъ образомъ Василики, повидимому, скорѣе запутали, чѣмъ подвинули впередъ разумѣніе вопросовъ крестьянскаго права...

Въ сущности крестьяне и послѣ Василикъ являются раздѣленными на два большіе класса, на свободныхъ, но податныхъ крестьянъ (*χωρίται* въ ихъ *κωμητοῦραι, ὁμάδες* или *ἀνακοινώσεις*), и на зависимыхъ крестьянъ.

Въ числѣ послѣднихъ опять выступаютъ впередъ особенно
127 замѣтнымъ образомъ первоначально вольные и владѣвшіе землею крестьяне-общинники, которые въ полномъ общинномъ составѣ попали подъ власть или добровольно поддались подъ покровительство какого-нибудь сильнаго человѣка. Это случалось частію вслѣдствіе большой нужды, какъ напримѣръ, во время голода и мора, свирѣпствовавшихъ въ 927—933 годахъ [1]), частію вслѣдствіе постепеннаго расширенія монастырскаго и церковнаго землевладѣнія, чему разительные и поучительные примѣры можно найти въ упомянутыхъ нами актахъ трехъ византійскихъ монастырей, частію, наконецъ, вслѣдствіе императорскихъ пожалованій и появившейся уже въ XI вѣкѣ системы кормленій или проній (*πρόνοια*). Основанныя такимъ образомъ зависимыя отношенія напоминаютъ отчасти до-юстиніановскій

1) Объ этомъ см. въ новеллѣ Романа Лакапина 935 года съ примѣчаніями Цахаріэ, Jus Graecorom., III, 242 и сл.

патронатъ (patrocinium). При своемъ происхожденіи они могли быть весьма разнообразны, соотвѣтственно различію обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ; но тѣ изъ этихъ отношеній, которыя удержались на долгое время и пріобрѣтали прочность, все болѣе дѣлались похожими на обыкновенныя отношенія крестьянъ къ своимъ господамъ или помѣщикамъ. Является на сцену десятина *(δεκάτη)*, платимая господину, и пастбищное *(ἐννόμιον)*[1]).

Что касается крестьянъ, обработывавшихъ чужую землю, то теперь, при Македонской династіи, было принято и признано такое правило, что крестьянинъ, просидѣвшій на владѣльческой землѣ законный срокъ давности, какъ самъ не можетъ сойти съ нея по произволу, такъ не можетъ быть и согнанъ съ нея собственникомъ. При такомъ положеніи представлялось естественнымъ признать за крестьяниномъ также нѣкоторое право на ту землю, на которой онъ водворился, признать извѣстнымъ образомъ собственность подчиненную (nutzbares Eigenthum) рядомъ съ верховною собственностію помѣщика. Слѣды такого воззрѣнія находятся уже въ Земледѣльческомъ законѣ, если только тѣ статьи, которыя позволяютъ крестьянамъ мѣняться своими участками, относятся къ крестьянамъ-мортитамъ, обработывавшимъ чужія земли. Совершенно опредѣленно высказалъ такой взглядъ Евстаѳій Римлянинъ (Eustathius Romanus), какъ мы узнаемъ изъ сборника, составленнаго его почитателемъ: «Если окажется, что парики безпрерывно обработывали свои участки и платили оброкъ (аренду) въ продолженіе тридцати лѣтъ, то господинъ 128
не имѣетъ права согнать ихъ. Ибо они являются какъ бы господами этихъ участковъ, вслѣдствіе долговременнаго пользованія, хотя и обязаны платить оброкъ. Онъ (то-есть Евстаѳій) сказалъ это, услышавъ, что покойный императоръ киръ Василій (Болгаробойца, 975—1025 гг.) часто сгонялъ своихъ париковъ»[2]).

---

1) *Πεῖρα*, XXVII, 2.

2) *Πεῖρα* XV, 2 (Zachariae, Jus Graecorom., I, 42): *Ὅτι παροίκους εὑρισκομένους ἀδιακόπως νεμηθέντας τὰ τῆς παροικίας αὐτῶν τόπια καὶ τὸ πάκτον διδόντας ἐπὶ τριακονταετίᾳ, ὁ βέστης* (Евстаѳій) *ἔλεγε μὴ ἔχειν τὸν δεσπότην ἰσχὺν ἐκδιώκειν αὐτούς, δοκοῦσι γὰρ οὗτοι ὡς δεσπόται μὲν τῶν τόπων διὰ τῆς χρονίας νομῆς, ἀνάγκην δὲ ἔχουσι παρέχειν τὸ πάκτον...* Ср. § 3: *Βοηθεῖται τῇ τριακονταετίᾳ εἰς τὸ δεσπόσαι...*

Сейчасъ употребленное нами выраженіе парики *(πάροικοι)* вскорѣ послѣ изданія Земледѣльческаго закона сдѣлалось общимъ терминомъ для обозначенія крестьянскаго земледѣльческаго сословія за исключеніемъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ одной надписи 834 года сказано объ императорѣ Θеофилѣ, что онъ былъ добръ къ своимъ парикамъ *(πρὸς τοὺς αὐτοῦ παροίκους ἀνὴρ ἀγαθός)*. Василики часто употребляютъ выраженіе парики вмѣсто латинскаго coloni. Иногда они называются *δουλοπάροικοι* не потому, чтобы они приравнивались къ рабамъ *(δοῦλοι)*, а въ отличіе отъ *κληροπάροικοι*, церковныхъ париковъ. Первоначальное понятіе сообщается въ Пандектахъ (l. 239 § 2) въ главѣ о значеніи словъ (de significatione verborum): парикъ есть incola, qui aliqua regione domicilium suum contulit (перенесъ свое мѣстожительство въ какую-либо область), не принадлежа къ ней, подразумѣвается, по своему происхожденію (origo). Юстиніанъ, который нѣсколько разъ упоминаетъ о *παροικικὸν δίκαιον* (право париковъ), соединяетъ съ этимъ побочное представленіе, что парикъ есть крестьянинъ, поселившійся на чужой землѣ, и притомъ безъ формальнаго соглашенія съ землевладѣльцемъ, только вслѣдствіе его терпимости. Итакъ, «присельничество» *(τὸ παροικικόν)* первоначально есть временное, при извѣстныхъ условіяхъ съ обѣихъ сторонъ расторжимое отношеніе между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ[1]). Но, по истеченіи долгаго и весьма долгаго времени (longum et longissimum tempus), оно можетъ превратиться въ постоянное помѣщичье-крестьянское отношеніе. Какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ Юстиніана большая часть имперіи подверглась вторженію славянскихъ народностей, и старое крестьянское населеніе отчасти
129 было вытѣснено съ своихъ прежнихъ мѣстъ. Большая часть новыхъ поселеній на латифундіяхъ прежней аристократіи должны были образоваться именно въ формѣ присельничества, парикіи. Такъ объясняется, почему имя париковъ могло мало по малу сдѣлаться общимъ обозначеніемъ для всѣхъ крестьянъ, сидѣвшихъ за господами (захребетниковъ, гинтерзассовъ). Мортиты,

1) Leg. rust. X, 1. ‹Въ новыхъ изданіяхъ Земледѣльческаго закона выраженіе *παροικικὸν* не встрѣчается›.

которые извѣстны намъ изъ Земледѣльческаго закона, являются только частнымъ видомъ париковъ; это суть парики, обработывавшіе владѣльческую землю на условіяхъ простого десятиннаго сбора. Однако, такое положеніе не могло удержаться на долго. Одна десятина жатвы тѣмъ менѣе могла удовлетворять землевладѣльца, что она не представляла никакого вознагражденія за пастбище, которымъ крестьянинъ пользовался помимо пахатнаго поля, а равнымъ образомъ за подати, вносимыя въ казну господиномъ. Притомъ, и самый десятинный сборъ, при всей своей недостаточности, долженъ былъ казаться ненадежнымъ для владѣльца, потому что парики-мортиты, если только они не подвергались дѣйствію тридцатилѣтней давности, могли по произволу мѣнять свое мѣстожительство. Понятно послѣ этого, что землевладѣльцы старались прикрѣпить своихъ париковъ къ землѣ и возвысить въ то же время ихъ повинности и оброки. Они пользовались для достиженія своей цѣли тяжелыми временами, затруднительнымъ положеніемъ крестьянъ, прибѣгали къ угрозамъ согнать ихъ съ находящихся въ ихъ пользованіи участковъ и достигали того, что крестьяне покорялись тяжелымъ условіямъ и повышеннымъ требованіямъ. Хотя морта (десятина) и не исчезла, а напротивъ, вопреки мнѣнію Цахаріэ, встрѣчается довольно часто въ источникахъ вновь изданныхъ (акты трехъ монастырей, составляющіе четвертый томъ изданія Миклошича), но всетаки парики или владѣльческіе крестьяне, называемые въ позднѣйшее время также *προσκαθήμενοι* (присѣдящіе), кромѣ этой десятины, обременены были разнообразными барщинами и оброками въ пользу своихъ помѣщиковъ[1]).

---

1) Ограничиваемся пока однимъ указаніемъ страницъ, на которыхъ встрѣчается морта, такъ какъ, съ одной стороны, мы намѣрены въ скоромъ времени воротиться къ монастырскимъ актамъ Миклошича и посвятить имъ отдѣльную статью, а съ другой четвертый томъ изданія, гдѣ напечатаны наши акты, не имѣетъ никакого указателя, который бы могъ облегчить занятія интересующихся вопросомъ. *Μορτή,* см. на стр. 35, 39, 40, 145, 218, 220, 231, 232, 235, 255, 419 (= *δεκατία,* стр. 420). Отмѣчаемъ кстати и мѣста, гдѣ встрѣчается греческая пронія, соотвѣтствующая сербской (о которой см. статью В. В. Макушева въ Ж. М. Н. Просв., сентябрь 1874 года: О проніи въ древней Сербіи). *Πρόνοια* — стр. 37, 38, 39, 71, 81, 139 и 242.

161 О СИНОДАЛЬНОМЪ СПИСКѢ ЭКЛОГИ ИМПЕРАТОРОВЪ ЛЬВА И КОНСТАНТИНА И О ДВУХЪ СПИСКАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ЗАКОНА [1]).

I.

Въ статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ намъ приходилось упоминать о различныхъ изводахъ и спискахъ Эклоги императоровъ Льва и Константина. Теперь мы имѣемъ возможность, которой лишены были прежде, сообщить болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ одномъ изъ этихъ списковъ, наименѣе извѣстномъ ученому міру, но для насъ наиболѣе дорогомъ и любопытномъ. Мы разумѣемъ списокъ Московской синодальной библіотеки, о которомъ краткое извѣстіе было дано въ каталогѣ Маттеи и о которомъ упомянулъ Цахаріэ (въ предисловіи къ изданію Эклоги), какъ о недоступномъ для его обозрѣнія или изученія. Цахаріэ не считалъ даже возможнымъ рѣшить, содержитъ ли московскій кодексъ Эклогу въ первоначальномъ видѣ, или же въ измѣненномъ или дополненномъ (Ecloga privata и Ecloga privata aucta). Маттеи могъ замѣтить только то, что Эклога синодальнаго (прежде типографскаго) сборника, имъ описаннаго, заключала въ себѣ 18 главъ и отличалась большею краткостію отъ той редакціи, какая была въ его время извѣстна по изданію Леунклавія. Но теперь мы знаемъ, что изданіе Леунклавія представляло не подлинную Эклогу въ томъ или другомъ изводѣ, а соединеніе Эклоги съ совершенно другимъ законода-
162 тельнымъ памятникомъ. Леунклавій внесъ въ свою Эклогу цѣлыхъ десять титуловъ изъ рукописи, содержавшей въ себѣ Эпанагогу Василія Македонянина. Такимъ образомъ отличіе сино-

1) ‹Ж. М. Н. Пр., январь 1879 г.›.

дальнаго списка отъ редакціи Леунклавія и то, что онъ имѣетъ 18 главъ вмѣсто 28 Леунклавіева изданія, уже могло говорить въ пользу большей подлинности и большаго достоинства синодальнаго текста. Послѣ сличенія нашего списка съ новымъ изданіемъ подлинной иконоборческой Эклоги (Collectio librorum Iuris Graeco-romani ineditorum Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852) сейчасъ же обнаруживается, что сборникъ Московской синодальной библіотеки, описанный у Маттеи въ числѣ типографскихъ подъ № LVI (Accurata codicum graecorum mss. bibliothec. Synodi notitia, p. 331—332) и отнесенный имъ по почерку къ XV или XVI столѣтію [1]), заключаетъ въ себѣ подлинную иконоборческую Эклогу Льва и Константина безъ тѣхъ существенныхъ измѣненій, которыя характеризуютъ «умноженную Эклогу», и даже безъ совокупности тѣхъ признаковъ, какіе составляютъ отличіе «частной Эклоги» (Ecloga privata) [2]).

Предлагаемъ болѣе подробное разсмотрѣніе состава и текста синодальной Эклоги.

Впереди находится оглавленіе статей, котораго нѣтъ какъ въ другихъ спискахъ Эклоги, такъ и въ печатномъ ея изданіи: «Оглавленіе новаго законодательства благочестивыхъ царей нашихъ Льва и Константина». *Πίναξ τῆς νεαρᾶς νομοθεσίας τῶν φιλευσεβῶν ἡμῶν βασιλέων Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου.* Въ этомъ оглавленіи содержаніе титуловъ обозначается тѣми же выраженіями, какія стоятъ въ текстѣ предъ каждымъ отдѣльнымъ титуломъ; но всетаки есть разногласіе между оглавленіемъ и отдѣльными заглавіями въ срединѣ текста, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе простого недосмотра. Послѣ двѣнадцатаго титула «объ эмфитевсисахъ» *(περὶ ἐμφυτεύσεων διηνεκῶν καὶ ἐμπεριγράφων)* въ оглавленіи слѣдуетъ отдѣлъ «о свидѣтеляхъ» въ видѣ тринадцатаго титула, тогда какъ внутри текста титулъ о свидѣтеляхъ занимаетъ только четырнадцатое мѣсто, а на три-

---

1) ‹У архим. Владиміра, Систем. описаніе рукоп. Моск. Синод. библ., М. 1894, описанъ подъ № 322›.

2) Частная Эклога отличается отъ Эклоги императоровъ Льва и Константина тѣмъ, что 1) она раздѣляетъ второй титулъ императорской иконоборческой Эклоги на два и 2) помѣщаетъ шестнадцатый титулъ между шестымъ и седьмымъ: первый изъ этихъ признаковъ находится, пожалуй, и въ синодальномъ спискѣ, но второго признака въ немъ совсѣмъ нѣтъ.

надцатомъ стоитъ титулъ «о наймахъ письменныхъ и неписьменныхъ» *(περὶ μισθώσεων ἐγγράφων καὶ ἀγράφων)*. Вслѣдствіе такого пропуска въ оглавленіи разногласіе между нимъ и обозна-
163 ченіемъ титуловъ въ текстѣ идетъ далѣе; титулъ о наказаніяхъ *(ποινάλιος τῶν ἐγκληματικῶν κεφαλαίων)* въ оглавленіи стоитъ подъ цифрою ιϛ (16), тогда какъ въ текстѣ подъ цифрою ιζ (17). Однако, несмотря на пропускъ одного титула, оглавленіе *(πίναξ)* насчитываетъ тѣ же 18 титуловъ, сколько ихъ находится и въ печатномъ изданіи, гдѣ нѣтъ вышеозначеннаго пропуска. За то оно (то-есть, оглавленіе) указываетъ на 18-мъ мѣстѣ существованіе такого титула, какого не находится въ печатномъ изданіи Цахаріэ, именно: «о военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ домы и вносящихъ свое жалованье». *Περὶ γαμβρῶν στρατιωτῶν εἰσερχομένων εἰς οἴκους καὶ εἰσφερόντων ῥόγας αὐτῶν.* Если бы этотъ титулъ находился и въ самомъ текстѣ синодальной Эклоги, то она должна была бы состоять уже не изъ 18 титуловъ, а изъ 19. Но находился ли дѣйствительно въ концѣ синодальной Эклоги титулъ «о военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ домы», — этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ непосредственнымъ изученіемъ нашей рукописи, потому что въ сборникѣ Синодальной библіотеки, гдѣ Эклога стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, недостаетъ въ концѣ нѣсколькихъ листовъ, то-есть, вмѣстѣ съ тѣмъ недостаетъ конца Эклоги. По причинамъ, которыя ясны будутъ ниже, слѣдуетъ предполагать, что означенный девятнадцатый титулъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть читаемъ на одномъ изъ потерянныхъ листовъ.

Текстъ Эклоги, какъ извѣстно, начинается надписаніемъ или заглавіемъ, имѣющимъ весьма важное значеніе по своимъ хронологическимъ и вообще историческимъ указаніямъ. Въ синодальномъ спискѣ это надписаніе читается такъ[1]):

Ἐκλογὴ τῶν νόμων ἐν συντόμῳ γενομένη
παρὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν
φιλευσεβῶν βασιλέων ἀπό τε τῶν ἰουστίτων[2]),

---

1) ‹У архим. Владиміра на стр. 465 выписано съ нѣсколькими отступленіями›.

2) Чит.: *ἰνστιτούτων.*

τῶν διγέστων, τοῦ κώδικος, τῶν νεαρῶν
τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ ‹διατάξεων› καὶ
ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον
ἐκτεθεῖσα ἐν μηνὶ Μαρτίῳ ἰνδ. θ'
ἔτους ͵ϛσμζ (6247).

О томъ, какъ нужно понимать 6247 годъ, не совпадающій съ девятымъ индиктомъ, мы уже разсуждали въ своей статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ[1]).

Предисловіе Эклоги въ синодальномъ спискѣ ничѣмъ суще- 164
ственнымъ не отличается отъ того текста, который былъ принятъ Цахаріэ за болѣе древній и подлинный. При указаніи на лица, на которыхъ возложено было составленіе Эклоги, обозначены только ихъ чины и званія, но не приведены имена, какъ они приведены въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ греческихъ манускриптахъ и въ славянскихъ кормчихъ. Синодальный списокъ гласитъ въ этомъ интереснымъ мѣстѣ такъ: *μετακαλεσάμενοι τούς τε εὐδοξοτάτους ἡμῶν πατρικίους τόν τε εὐδοξότατον κοιαίστωρα καὶ τοὺς εὐδοξοτάτους ὑπάτους καὶ ἀντιγραφεῖς καὶ λοιποὺς τὸν τοῦ Θεοῦ φόβον ἔχοντας.*

Относительно текста самаго закона мы можемъ сдѣлать слѣдующія указанія, представляющіяся намъ наиболѣе важными:

Титулъ первый, озаглавленный *περὶ συστάσεως μνηστείας καὶ λύσεως αὐτῆς,* въ синодальномъ спискѣ имѣетъ три отмѣченныя статьи вмѣсто четырехъ статей печатнаго изданія; но это произошло отъ того, что первая статья страннымъ образомъ скомкана вмѣстѣ со второю въ одну; случилось же это такимъ образомъ, что переписчикъ пропустилъ цѣлую тираду, находящуюся посрединѣ между двумя тожественными словами, то-есть, перескочилъ чрезъ нѣсколько строкъ отъ одного слова къ другому такому же:

Εἰ δὲ μέρος τῆς κόρης θελήσει διαστρέψαι

[*παρεχέτω διπλοῦν* и т. д.: конецъ первой статьи и начало второй опущены до новой фразы, начинающейся словомъ: *διαστρέψαι*]

τὸ αὐτὸ μέτρον, ὅπερ ἐκεῖνος — ἀπαλασσέτω.

1) ‹См. выше стр. 157 слл.›.

Что особенно любопытно, такъ это то, что совершенно такой же пропускъ находится въ другомъ, и притомъ весьма важномъ и хорошо извѣстномъ спискѣ Эклоги, именно въ томъ самомъ Бодлеевомъ кодексѣ, который послужилъ Цахаріэ главнымъ основаніемъ для установленія текста иконоборческой Эклоги. Изъ отмѣчаемыхъ у Цахаріэ разночтеній внизу текста всякій интересующійся дѣломъ легко уяснитъ себѣ качество промаха, допущеннаго обоими переписчиками. Одинаковость ошибки, по существу своему совершенно случайной, представляетъ первое важное указаніе на родство синодальнаго списка съ Бодлеевымъ въ Оксфордѣ; такихъ признаковъ мы встрѣтимъ далѣе немалое число. Сходство между обоими списками такъ велико, что либо синодальный текстъ Эклоги есть списокъ съ Бодлеева, либо оба списка представляютъ копію одного и того же болѣе древняго экземпляра. Такъ какъ Бодлеевъ списокъ старше годами сино-
165 дальнаго, то третье предположеніе — о происхожденіи его отъ синодальнаго — совершенно не возможно. Цахаріэ въ описаніи рукописей юридическаго содержанія, приложенномъ къ изданному имъ *Πρόχειρος νόμος*, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Бодлеевомъ кодексѣ, въ которомъ онъ нашелъ лучшій текстъ Эклоги: «Codex Bodlejanus 264. Roe 18. Est bombycinus in fol. in duo volum. divisus. Ad historiam faciunt hae notae in ipso obviae: a) *ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ σοφοῦ κατὰ μῆνα Σεπτέμβριον τῆς β' ἰνδ. τοῦ ϛωνζ ἔτους*. Recentior manus addidit: *ἔτει ἐνσάρκου οἰκονομίας, ατμθ'* (1349) b)». Изъ приводимыхъ далѣе стиховъ видно, что кодексъ, переписанный Константиномъ Мудрымъ въ 1349 году, принадлежалъ библіотекѣ монастыря *Ἐσόπτρου* на островѣ Халки. Московскій же кодексъ относится по почерку къ XV столѣтію и прибылъ къ намъ, по всей вѣроятности, съ Аѳона. Здѣсь же мы можемъ замѣтить, что Халкинскій = Бодлеевъ списокъ Эклоги имѣетъ 19 титуловъ, и послѣдній титулъ есть тотъ самый титулъ «О военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ чужой домъ», который мы видѣли въ оглавленіи *(πίναξ)* синодальнаго списка Эклоги. Продолжаемъ далѣе его обозрѣніе.

Заглавіе второго титула совершенно такое же, какъ и въ печатномъ изданіи Цахаріэ. Статей въ немъ означено численными

буквами на полях 12: 1) *Συνίσταται γάμος*, 2) *κεκώλυνται δέ*, 3) *ἔγγραφος γάμος*, 4) *εἰ δὲ καὶ δεήσει*, 5) *εἰ δὲ παίδων ὑπόντων, ὁ ἀνήρ*. 6) *εἰ δὲ παίδων ὑπόντων, ἡ γυνή*. 7) *εἰ δὲ θελήσει ἐκ τοῦ ἀνδρογύνου*, 8) *εἰ δὲ τῶν ἐντελῶν χρόνων εἰσὶ τὰ τέκνα*. (Итакъ, здѣсь изъ одной седьмой статьи, какъ у Цахаріэ, сдѣлано двѣ). 9) *εἰ δὲ κατὰ στένωσιν* (= восьмой печатной), 10) *εἰ δὲ καὶ ἀπόρῳ γυναικί* (= девятой печатной), 11) *δευτερογαμία συνίσταται* (= десятой печатной), 12) *ἡ δευτερογαμοῦσα γυνὴ ἔχουσα* (= одиннадцатой).

Затѣмъ снова повторяется оглавленіе: *τίτλος β' περὶ λύσεως γάμου* (титулъ второй, о расторженіи брака), и слѣдуютъ двѣ статьи съ новою нумераціей, составляющія повторенный второй титулъ: 1) *τῆς ἀδιαλύτου* (= двѣнадцатой статьѣ второго титула въ печатномъ), 2) *λύεται ὁ ἀνήρ*. Таковое же точно явленіе представляютъ, по указанію Цахаріэ, списки двухъ аѳонскихъ монастырей: Ватопедскій и Лаврскій. Сверхъ того, въ синодальномъ спискѣ прибавлена статья о троеженцахъ: *περὶ τριγαμούντων ἐκ τοῦ ἁγίου Βασιλείου*. То же самое прибавленіе находится и въ Бодлеевомъ спискѣ.

Титулъ третій по надписанію и по числу статей не отличается 166
отъ печатнаго изданія.

Надписаніе или заглавіе четвертаго титула опять совершенно одинаково въ синодальномъ и Бодлеевомъ спискахъ, отличаясь отъ другихъ нѣкоторыми разночтеніями: *περὶ δωρεῶν ἁπλῶν ἤγουν ἀπεντεῦθεν ἤδη χρήσεως καὶ δεσποτείας χρημάτων [ἢ δεσποτείας αὐτῶν μόνον], ἢ καὶ μετὰ θάνατόν τισι καταλιμπανομένων καὶ περὶ ἀνατροπῆς τῶν τοιούτων δωρεῶν, καὶ περὶ αἰτιῶν* и т. д. Слова, заключенныя въ квадратныхъ скобкахъ, отсутствуютъ въ синодальномъ и Бодлеевомъ спискахъ, хотя они нужны и находятся въ другихъ спискахъ. Наоборотъ, слова, напечатанныя разрядкою, не встрѣчаются въ другихъ спискахъ, составляя общую принадлежность Бодлеева и синодальнаго. Статьи четвертаго титула не обозначены численными буквами, а только красною буквою въ началѣ; ихъ столько же, сколько и въ печатномъ, то-есть, шесть.

Титулъ пятый имѣетъ заглавіе или надписаніе точно такое же, какъ и въ печатномъ; число статей, на этотъ разъ опять озна-

чаемыхъ числами, семь вмѣсто печатныхъ восьми. Статьи 3-я и 4-я печатнаго изданія соединены въ одну. Въ § 5-мъ (= печатному шестому) нѣтъ никакихъ особыхъ отличій для восполненія пропуска, предполагаемаго Цахаріэ (стр. 25, примѣч. 46).

Титулъ шестой имѣетъ заглавіе какъ въ печатномъ, за исключеніемъ слова *κληρονομίας* вмѣсто *κληρόνομων*. Отмѣчено восемь статей численными буквами; въ печатномъ же считается 13 статей. Первая статья синодальнаго списка = 1-й и 2-й печатнаго изданія; 2-я = 3-й, 3-я = 4-й, 5-й и 6-й, 4-я = 7-й, 5-я = 8-й, 6-я = 9-й; затѣмъ снова 6-я статья, которая уже будетъ соотвѣтствовать печатной 10-й, 7-я *(εἰ κληρονόμος οἱοσδήποτε)* = 11-й, и 8-я *(εἰ δέ τις τελευτῶν)* = 12-й и 13-й вмѣстѣ.

Титулъ седьмой не представляетъ никакихъ особенностей вышеозначеннаго рода. Титулъ восьмой, имѣя надписаніе обычное, заключаетъ пять статей, отмѣченныхъ числовыми знаками, и одну, не отмѣченную ими, а только начинающуюся съ красной буквы. Опять меньшее число статей въ синодальномъ спискѣ образовалось вслѣдствіе соединенія двухъ и трехъ въ одну: 1-я = 1-й и 2-й печ., 2-я = 3-й, 4-й и 5-й, 3-я = 6-й, 4-я = 7-й, 5-я = 8-й. Затѣмъ красною буквою: *ὁ αὐτοπροαιρέτως*, то-есть, 9-я печатная статья.

Титулъ девятый съ тѣмъ же надписаніемъ и тѣми же двумя статьями, какъ и въ печатномъ.

Титулъ десятый: надписаніе, какъ въ печатномъ; статей пять, изъ коихъ послѣдняя не имѣетъ противъ себя на полѣ числа, а только отличена красною буквою. Въ пятой статьѣ послѣ слова
167 *μόχθους* стоитъ союзъ *καὶ* и затѣмъ оставленъ пробѣлъ (пустое мѣсто) для одного слова, котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ, нѣтъ и въ Бодлеевомъ, но которое находится въ парижскихъ спискахъ частной Эклоги и измѣненной Эклоги, именно для слова *ὀπέρας*.

Титулы одиннадцатый и двѣнадцатый не вызываютъ никакихъ замѣчаній.

Титулъ тринадцатый въ синодальномъ спискѣ носитъ заглавіе отличное отъ печатнаго, но вполнѣ сходное съ надписаніемъ Бодлеева списка: *περὶ μισθώσεων ἐγγράφων καὶ ἀγράφων*. Въ самомъ текстѣ единственной статьи, составляющей этотъ титулъ, сход-

ство такъ велико, что и синодальный, и Бодлеевъ списки имѣютъ одно и то же неправильное чтеніе *ἐκκληπτορικόν* (Bod.), *ἐκληπτορικὸν* (Synod.) вмѣсто *ἐκληπτορικῶς*. Но другой ошибки Бодлеева списка *ἐκτός* вмѣсто *ἐντός* синодальный текстъ не повторилъ.

Четырнадцатый титулъ, съ обычнымъ надписаніемъ, имѣетъ одиннадцать отмѣченныхъ статей. Статьи вторая и третья печатнаго изданія составляютъ здѣсь одну. Восьмая статья (= девятой печатной) не имѣетъ тѣхъ дополненій, какія приведены въ разночтеніяхъ у Цахаріэ изъ другихъ списковъ, помимо Бодлеева.

Титулъ пятнадцатый представляетъ только то отличіе, что первая статья синодальнаго соединяетъ первую и вторую печатныя.

Титулъ шестнадцатый имѣетъ совершенно тѣ же особенности въ надписаніи или оглавленіи (собственно въ концѣ его), какъ и Бодлеевъ списокъ: *περὶ στρατιωτικῶν — — — — — — — — καὶ παγανικῶν πεκουλίων τῶν ὑπεξουσίων παίδων.* Въ четвертой статьѣ нѣтъ того добавленія, какое приведено въ примѣчаніяхъ Цахаріэ изъ парижской рукописи.

Титулъ семнадцатый въ синодальномъ спискѣ представляетъ весьма важную особенность отъ большей части другихъ списковъ, особенность, впрочемъ принадлежащую также и Бодлееву кодексу. Именно *ποινάλιος* (уложеніе о наказаніяхъ) имѣетъ въ редакціи, представляемой синодальнымъ и Бодлеевымъ списками, только девять статей вмѣсто 52-хъ обычныхъ. Статьи эти однѣ и тѣ же въ обоихъ спискахъ и соотвѣтствуютъ слѣдующимъ печатнымъ: 1-й — 7-й, 16-й, 23-й (см. примѣч. Цахаріэ на стр. 44).

Восемнадцатаго титула, состоящаго изъ одной статьи, а также и того титула, который въ Бодлеевомъ спискѣ считается девятнадцатымъ, но не напечатанъ въ печатномъ изданіи, не находится въ синодальной Эклогѣ вслѣдствіе утраты послѣднихъ 168
листовъ или даже послѣдняго листа.

Такимъ образомъ синодальный списокъ Эклоги во всемъ существенномъ сходится съ Бодлеевымъ спискомъ. Но не лишено значенія то обстоятельство, что въ тѣхъ случаяхъ, когда различія Бодлеева списка отъ другихъ состоятъ изъ простыхъ грам-

матическихъ и вообще мелкихъ ошибокъ писца, тамъ московскій списокъ оказывается самостоятельнымъ и болѣе правильнымъ. Кромѣ одного приведеннаго выше примѣра, можно указать на первую статью пятаго титула, гдѣ Бодлеевъ списокъ имѣетъ *γεννητοῖς* вмѣсто надлежащаго *γεννητῆς:* въ синодальномъ спискѣ находится то начертаніе слова, которое требуется смысломъ. Такія явленія подтверждаютъ то предположеніе, которое уже было нами высказано и которое само по себѣ наиболѣе естественно; именно, что оба списка, синодальный и Бодлеевъ, принадлежатъ къ одной и той же фамиліи, оба предполагаютъ одинъ и тотъ же прототипъ, или лучше сказать, одинъ и тотъ же экземпляръ, послужившій подлинникомъ для обоихъ.

II.

Тотъ же самый сборникъ Синодальной библіотеки, въ которомъ находится, на ряду со многими другими каноническими статьями, иконоборческая Эклога Льва и Константина, далъ намъ возможность ближе познакомиться съ неизданнымъ изводомъ византійскихъ «крестьянскихъ законовъ» *(νόμοι γεωργικοί),* превратившихся у насъ въ «Уставъ о земскихъ дѣлахъ» Ярослава Мудраго. Сверхъ того, въ нашихъ рукахъ находился пергаменный кодексъ второй половины XI вѣка изъ той же самой Синодальной библіотеки, означенный у Маттеи въ числѣ типографскихъ подъ № XXXVIII (38) и содержащій въ себѣ текстъ Закона, очевидно, наиболѣе древній изъ всѣхъ пяти его списковъ, насчитываемыхъ въ Синодальной библіотекѣ. Уже по этимъ двумъ спискамъ XI и XV вѣковъ возможно было издать «Крестьянскіе законы» въ такомъ видѣ, который несравненно болѣе приближался бы къ первоначальному ихъ составу, и гораздо лучше, чѣмъ позднѣйшая Арменопуловская редакція, служилъ бы къ объясненію происхожденія и состава русскаго «Устава о земскихъ дѣлахъ». Въ ожиданіи, когда намъ представится возможность такого изданія, мы считаемъ пока нелишнимъ, на основаніи изу-
169 ченія двухъ рукописей, сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ своей

статьѣ, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1878 годъ[1]).

Въ синодальномъ спискѣ XI вѣка Крестьянскій законъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Νόμος γεωργικὸς Ἰουστινιανοῦ;* и затѣмъ на полѣ повторено то же самое съ прибавленіемъ слова *βασιλέως*. Раздѣленія на титулы здѣсь нѣтъ, какъ вообще во всѣхъ древнихъ редакціяхъ, по свидѣтельству Цахаріэ. Статьи отдѣляются одна отъ другой красными (киноварными) начальными буквами и обозначаются на полѣ буквенными числами. Послѣдняя выставленная на полѣ цифра есть *πε* (85); но за нею помѣщена еще одна статья не занумерованная. Предъ 21-ю статьею хотя и не сдѣлано численнаго обозначенія на полѣ пергамена, однако статья сосчитана за особую, ибо далѣе слѣдуетъ 22-й нумеръ. Статья, слѣдующая за 78-ю, тоже не отмѣченная цифрою, равнымъ образомъ должна быть считаема за самостоятельную, такъ какъ она обозначена красною буквой. Послѣ этой 79-й статьи прямо слѣдуетъ статья, обозначенная числомъ 81 *(οα);* но послѣ счетъ всетаки уравнивается, такъ какъ ниже цифра 82 поставлена предъ двумя статьями подъ рядъ. И такъ, занумерованныхъ статей всетаки 85, а съ добавочною не занумерованною — 86 (есть и другіе списки съ такимъ количествомъ статей въ европейскихъ библіотекахъ).

Списокъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ внутреннихъ отличается дурнымъ правописаніемъ и постояннымъ смѣшеніемъ *η* съ *ει* въ окончаніи глаголовъ, да и въ другихъ случаяхъ. Что же касается системы и порядка расположенія статей, то въ этомъ отношеніи древнѣйшій синодальный списокъ совершенно отличенъ отъ Арменопуловской редакціи. Не входя въ подробности, мы можемъ сказать, что порядокъ этотъ почти тотъ же, въ какомъ расположены статьи въ русскомъ старинномъ переводѣ «Земледѣльныхъ законовъ» у Башилова и Максимовича. Наше предположеніе, что русскій «Уставъ о земскихъ дѣлахъ», Земледѣльные законы — тожь, есть простой переводъ древней греческой неизданной редакціи «*Νόμοι γεωργικοί*», совершенно подтверждается обоими синодальными списками, и особенно спискомъ

1) <= выше, стр. 196 слл.>.

XV вѣка, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Нѣкоторыя отличія въ порядкѣ расположенія статей между греческимъ спискомъ XI вѣка и русскимъ (Башиловскимъ) переводомъ, или его греческимъ первообразомъ, происходятъ, между прочимъ, отъ такой причины, существованіе которой представляетъ и само по себѣ болѣе положительный и рѣзкій признакъ отличія. Въ гре-
170 ческомъ древнемъ подлинникѣ есть такія статьи, какихъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ; и наоборотъ въ русскомъ переводномъ текстѣ есть такія статьи, какихъ нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ XI столѣтія. Что для насъ особенно важно и любопытно, — въ синодальномъ спискѣ XI вѣка не встрѣчаются тѣ четыре статьи, которыя мы прежде отмѣтили, какъ заимствованныя въ русскій текстъ изъ Эклоги. 81-я статья русской редакціи также не находитъ себѣ объясненія въ древнѣйшемъ греческомъ спискѣ. Но за то текстъ отдѣльныхъ статей греческаго подлинника удовлетворительнымъ образомъ объясняетъ отличія русскаго переводнаго текста отъ печатной Арменопуловской редакціи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи еще важнѣе позднѣйшій греческій списокъ XV столѣтія, такъ что прежде чѣмъ приводить примѣры, мы должны сдѣлать предварительныя замѣчанія объ этомъ послѣднемъ. А здѣсь мы остановимся только на самой послѣдней (не занумерованной) статьѣ наиболѣе древняго списка, такъ какъ она не встрѣчается въ нашей второй редакціи, да и вообще, кажется, не попадалась на глаза ученымъ, изучавшимъ разные списки Эклоги. Эта статья, отличающаяся отъ другихъ неразборчивостію письма и особенностію грамматическаго построенія, говоритъ о заимообразныхъ ссудахъ, даваемыхъ крестьянину: *Μηδένα τὸν δανείζοντα γεωργὸν κρατεῖν τὴν αὐτοῦ γῆν, λαμβάνειν τ᾽ (δὲ?) ἐξ αὐτοῦ ἐφ᾽ ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ λόγου τόκου τῷ νομίσματι κεράτιον ἕν. Εἰ δὲ καὶ σῖτος ἐστὶν τὸ δάνειον, τὸ ιβ. ἀπαιτείτω τὸν χρεωστὴν ὑπὲρ τοῦ τοιούτου τόκου.* «Никто дающій въ долгъ крестьянину не можетъ взять его себѣ землю, но получаетъ съ него въ видѣ роста (процентовъ) каждый годъ на золотую монету одинъ кератій ($^1/_{12}$ номизмы). Если же заемъ былъ сдѣланъ хлѣбомъ, то можно требовать съ должника въ видѣ процентовъ двѣнадцатую часть ссуды».

Итакъ, статья эта напоминаетъ тридцать вторую новеллу

Юстиніана, съ тѣмъ только отличіемъ, что новелла, запрещая заимодавцамъ брать за хлѣбный долгъ земли крестьянъ, позволяетъ спрашивать въ видѣ роста одну восьмую часть хлѣбной мѣры, а не $^1/_{12}$-ю. Можно думать, что статья Земледѣльнаго закона, по крайней мѣрѣ въ первой своей части, всетаки редактирована при помощи самой Юстиніановой новеллы или, еще точнѣе, ея заглавія, которое читается такъ: «*Περὶ τοῦ μηδένα δανείζοντα γεωργῷ κρατεῖν τὴν ἐκείνου γῆν, καὶ πόσον ὀφείλουσι λαμβάνειν τόκον ἀπὸ τῶν γεωργῶν*». Впрочемъ, постановленіе Юстиніана перешло также въ Василики, XXIII, 3, 76 (Heimbach, II, 732) и Эпанагогу умноженную, XXII, 13. Кому принадлежало смягченіе римскаго долгового права въ пользу кре- 171
стьянъ и другіе подобные вопросы не должны быть здѣсь обсуждаемы.

Редакція Земледѣльныхъ законовъ, находящаяся въ синодальномъ сборникѣ XV столѣтія, представляетъ большое сходство съ предыдущею. Точно такъ же нѣтъ раздѣленія на титулы; порядокъ статей почти тотъ же; отступленія происходятъ отъ вставки нѣсколькихъ статей во второй половинѣ законовъ, отъ прибавленія въ концѣ другихъ статей въ замѣну сейчасъ приведенной о крестьянскихъ хлѣбныхъ долгахъ. Вслѣдствіе этихъ вставокъ и добавленій *Νόμος γεωργικός* въ этой редакціи достигаетъ до 90-й или 91-й статьи... Численными знаками обозначены только первыя десять статей, и затѣмъ начало каждой новой статьи отмѣчается только красною буквою. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже въ числѣ первыхъ десяти отличенныхъ цифрами статей подъ цифрою *η* (то-есть, 8) стоятъ собственно двѣ статьи: восьмая и девятая по списку XI вѣка. Та статья, которой слѣдовало бы называться девятою, не отличена даже красною буквою, хотя переписчикъ и намѣревался это сдѣлать послѣ, такъ какъ онъ оставилъ пустымъ то мѣсто, гдѣ должна была стоять подлежащая раскраскѣ буква. Подобное же обстоятельство замѣчается и въ одномъ изъ послѣднихъ параграфовъ, гдѣ отъ члена *οἱ* на лицо находится только вторая буква, а первая пропущена въ предположеніи, что она должна быть красною. Восьмая или, по настоящему, девятая статья не одинаково читается въ обоихъ синодальныхъ спискахъ. Текстъ древнѣйшаго списка тожественъ

съ Арменопуловскимъ; а текстъ рукописи XV вѣка ближе къ приведенному нами <стр. 225, примѣч. 1> чтенію Эклоги, измѣненной по Прохирону, именно представляется въ слѣдующемъ видѣ: *[Ἐ]ὰν γεωργὸς μορὴν μετρήσας ἄνευ γνώμης τοῦ χωροδότου ἐπισυνάξῃ τὰ πράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπικαρπίας αὐτοῦ.* Такимъ образомъ греческій подлинникъ, соотвѣтствующій слово въ слово восьмой статьѣ русскихъ Земледѣльныхъ законовъ, теперь найденъ. Слова, которыми начинается русская статья: «аще земледѣлецъ десятину отмѣритъ», буквально передаютъ три первыя слова греческаго текста. Это далеко не единственный случай, въ которомъ наша вторая греческая редакція служитъ къ ближайшему объясненію русскаго памятника и къ устраненію недоумѣній, которыя у насъ оставались послѣ сличенія Башиловскаго текста Земскаго устава (Земледѣльныхъ законовъ) съ греческимъ печатнымъ текстомъ. Такъ, въ спискѣ XV вѣка въ концѣ мы находимъ греческій текстъ той статьи, о которой прежде должны были сказать, что въ русскомъ памятникѣ она заимствована неизвѣстно откуда. 81-я статья у Башилова гласитъ: «иже отъ древа падаяй плодъ на землю моея доли побравъ не повиненъ есть (чит. есмь)». А 88-я статья синодальнаго списка читается: *«τὸν ἐκ δένδρων καρπὸν πεσόντα εἰς τὴν ἐμὴν γῆν καταβοσκήσας οὐκ ἐνάγομαι»*. Сходство почти буквальное. Наконецъ, въ этомъ греческомъ спискѣ мы находимъ и всѣ тѣ четыре статьи, которыя мы отмѣтили, какъ принадлежащія Эклогѣ. На томъ основаніи, что двѣ изъ этихъ статей не совсѣмъ даже подходили къ содержанію Крестьянскаго устава, мы склонны были думать, что заимствованія изъ Эклоги сдѣланы были только авторами русскаго или славянскаго перевода. Оказывается, что нѣтъ, что уже въ греческихъ редакціяхъ, хотя и не во всѣхъ, помѣщались статьи о скотоложствѣ и мужеложствѣ и двѣ другія, взятыя изъ 17-го титула Эклоги[1]). Нужно сверхъ того прибавить, что по крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ статей хотя и взяты несомнѣнно изъ Эклоги, всетаки представляютъ нѣко-

1) Нужно прибавить, что одна изъ этихъ статей, именно та, которая угрожаетъ наказаніемъ уморившему чужаго пса или вепря (52-я статья въ Башиловскомъ текстѣ), находится и въ синодальномъ спискѣ XI вѣка, гдѣ стоитъ на 54-мъ мѣстѣ. Трехъ другихъ экложныхъ статей этотъ списокъ не имѣетъ.

торыя измѣненія въ редакціи. Русскій текстъ, какъ и слѣдовало ожидать, ближе къ тексту греческаго Земледѣльческаго закона, чѣмъ къ тексту Эклоги: приводить въ доказательство того самый подлинникъ греческихъ статей закона мы не считаемъ пока необходимымъ. Наконецъ, что касается 17-й и 18-й статей русскихъ Земледѣльныхъ законовъ, объясненіе которыхъ представлялось намъ затруднительнымъ, то мы не можемъ сказать, чтобы дѣло подвинулось впередъ. Греческій текстъ, который мы теперь имѣемъ для этихъ статей, отчасти сходенъ съ варіантами Цахаріэ, на основаніи которыхъ мы уже и прежде строили свои толкованія особенностей русской, несомнѣнно переводной, редакціи.

Обѣ рукописныя редакціи греческаго Земледѣльческаго закона, нами описанныя, всетаки не могутъ быть считаемы непосредственнымъ оригиналомъ русскаго Устава о земскихъ дѣлахъ. Даже редакція, находящаяся въ сборникѣ XV вѣка, имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ русской — и въ числѣ статей, и въ ихъ изложеніи... Но что въ русскомъ памятникѣ нѣтъ ни одной 173
статьи, которая не была бы взята изъ греческаго подлинника, то-есть, изъ *Νόμος γεωργικός*, не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію.

---

160 # МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ВИЗАНТІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

‹Ст. I›. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія [1]).

I.

Византійское государство получило въ наслѣдство отъ временъ римской имперіи двѣ основныя черты соціальнаго строя: господство крупнаго землевладѣнія и колонатъ или крѣпостное право. Римскимъ куріаламъ и поссессорамъ соотвѣтствуютъ на Востокѣ архонты и ктиторы, владѣющіе отдѣльными болѣе или менѣе обширными помѣстьями, на которыхъ работаютъ или даже хозяйничаютъ полусвободные люди, приписанные *(ἐναπόγραφοι)* къ землѣ. Только въ видѣ исключенія и не въ большомъ количествѣ удержались вольныя крестьянскія волости, тѣ митрокоміи, о которыхъ говорится еще въ Юстиніановомъ кодексѣ [2]). Въ иконоборческомъ законодательствѣ обнаруживаются послѣдствія какого-то обширнаго и глубокаго переворота, причины котораго еще не вполнѣ выяснены, но по всѣмъ признакамъ находятся въ связи съ большими славянскими поселеніями на грекоримской почвѣ. Несомнѣнные признаки указываютъ на существованіе въ VIII и IX вѣкахъ многочисленныхъ крестьянскихъ свободныхъ общинъ, на преобладаніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, на ослабленіе или полную отмѣну крѣпостныхъ
161 отношеній, на свободу крестьянскихъ переходовъ. Замѣтно, что классъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ получилъ въ численномъ отношеніи весьма сильное подкрѣпленіе, подобно тому,

---

1) ‹Ж. М. Н. Пр., мартъ 1879 г.›.

2) Законъ Льва и Анѳимія 468 года: Non licere metrocomiae habitatoribus loca sua ad extraneum transferre (II, 56 ed. Krüger, p. 992).

какъ это нѣсколько ранѣе произошло на Западѣ вслѣдствіе поселеній Готовъ, Бургундовъ и другихъ варваровъ. Славяне цѣлыми массами заняли европейскія области имперіи; даже и въ азіатскихъ провинціяхъ поселенія ихъ считались десятками и сотнями тысячъ, то-есть, почти не уступали въ численномъ отношеніи колоніямъ германскихъ варваровъ на Западѣ[1]). Иконоборческое движеніе, направленное противъ монаховъ и монастырей, слѣдовательно, и противъ монастырскаго землевладѣнія, точно такъ же могло содѣйствовать возрожденію крестьянской собственности на Востокѣ. Такъ или иначе, съ VIII вѣка въ византійскомъ государствѣ существуютъ многочисленныя крестьянскія общины, владѣющія землею на правахъ коллективной собственности, и даже въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, по прежнему вносимыхъ отдѣльно въ податныя книги, земля обработывается вольными людьми — половниками и десятинниками (мортитами). Нѣтъ сомнѣнія, что жизненная энергія, обнаруженная Византіей въ борьбѣ съ Арабами и Болгарами, находится въ связи съ этимъ приливомъ новыхъ силъ, съ улучшеніемъ экономическихъ основъ государственнаго быта. Но и новому или вновь усилившемуся крестьянскому сословію и крестьянской общинѣ грозили многоразличныя опасности. Византійское государство было проникнуто преданіями римскаго права. Оно могло держаться только постояннымъ напряженіемъ народныхъ силъ, находившихся въ его распоряженіи. Оно всегда налагало на своихъ подданныхъ сложный и крайне тяжелый грузъ прямыхъ и косвенныхъ податей, постоянныхъ и экстраординарныхъ повинно- 162

1) Въ 668 году Юстиніанъ II переселилъ изъ Славиніи въ Виѳинію такую массу Славянъ, что изъ среды ея могъ быть набранъ военный корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ (Theoph., p. 557, 561) ‹ed. de Boor, p. 364, 366›. Въ 762 году въ Азію добровольно выселилась славянская колонія, численность которой доходила до 208,000 человѣкъ (Theophan. p. 667 ‹ed. de Boor, p. 432›. Nicephori patr. Breviar. p. 74). Между тѣмъ численность Вестготовъ, поселившихся въ южной Галліи, опредѣляется приблизительно не болѣе какъ въ 300,000 человѣкъ (Dahn, Die Könige der Germanen, VI, 50), а касательно Бургундовъ мы имѣемъ одну только цифру въ 80,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе (armatorum), относимую нашимъ источникомъ къ 370 году. Дѣлая на основаніи этой цифры разсчетъ для 413 года, для времени перваго утвержденія Бургундовъ въ Галліи (на Рейнѣ), мы придемъ относительно общей цифры (всей ихъ массы) почти къ тѣмъ же самымъ 300,000 человѣкъ (мужеска и женска пола). Alb. Jahn, Gesch. der Burgundionen, I, 243, 252, 332.

стей. Когда они перечисляются въ императорскихъ жалованныхъ грамотахъ, то филологъ приходитъ въ недоумѣніе предъ изобиліемъ непонятныхъ для него техническихъ выраженій; не менѣе подивился бы и экономистъ изобрѣтательности византійскихъ приказовъ и выносливости народной массы. И здѣсь положеніе было таково, что отдѣльный членъ общины охотно покидалъ иногда свой участокъ и предпочиталъ сѣсть «присельникомъ» (*πάροικος*, парикомъ) на чужой землѣ, въ помѣстьѣ богатаго землевладѣльца. Вслѣдствіе давности (тридцатилѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ) онъ легко превращался опять въ крѣпкаго землѣ человѣка. Съ другой стороны, цѣлыя общины болѣе или менѣе добровольно отдавали себя подъ защиту людей сильныхъ, отказываясь отъ своей свободы и независимости. Положеніе остальныхъ вольныхъ крестьянъ отчасти характеризуется тѣмъ названіемъ, которое утвердилось за ними въ X вѣкѣ, въ періодъ Македонской династіи. Они постоянно именуются «бѣдными» или «убогими» людьми (*πένητες*), точно такъ какъ у насъ въ московскій періодъ ихъ собратья именовали себя «сиротами». Выраженіе «убогіе» употребляется въ сословномъ смыслѣ, подобно однозначущимъ терминамъ въ западной средневѣковой Европѣ (pauperes, arme Leute); законъ различаетъ иногда среди этихъ «убогихъ» состоятельныхъ и несостоятельныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ людей. Но, конечно, это не даетъ намъ права заключать, что положеніе «убогихъ» было вообще хорошо, и что крестьяне назывались убогими и бѣдными потому, что они были зажиточны. Терминъ всетаки выразительно указываетъ на общее правило и на существо дѣла.

Сословію бѣдныхъ или убогихъ противополагается въ Македонскій періодъ многочисленное и если не въ политическомъ, то въ соціальномъ отношеніи могущественное сословіе «людей сильныхъ» (*δυνατοί*), магнатовъ, или, заимствуя выраженіе изъ славянскаго быта, развившагося подъ наибольшимъ вліяніемъ Византіи, властелей.

Прежде всего это суть, конечно, тѣ же самые архонты и ктиторы, о которыхъ мы говорили выше, то-есть, старинная провинціальная аристократія, нѣкогда заправлявшая дѣлами городскихъ общинъ. Политическое значеніе ея давно уже было за-

темнено развитіемъ имперской централизаціи. Наконецъ, императоръ Левъ Мудрый уничтожилъ послѣдніе остатки муниципальнаго самоуправленія. Закрывъ городскіе сенаты (куріи, *βουλευτήρια*) и отмѣнивъ всякіе выборы муниципальныхъ властей, такъ
какъ такія учрежденія, по выраженію царскаго указа, не соот- 164
вѣтствовали существующему порядку вещей, при которомъ обо всемъ печется самъ императоръ[1]), Левъ Мудрый провозгласилъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное торжество бюрократіи и нанесъ довершающій смертельный ударъ политическому значенію стариннаго провинціальнаго дворянства. Экономическое значеніе этого сословія было подорвано круговою отвѣтственностію предъ казною за правильное и бездоимочное поступленіе податей и тяжелыми бѣдствіями, сопровождавшими нашествія Готовъ, Аваровъ, Ново-Персовъ Сассанидской державы; наконецъ, оно было убито большими славянскими переселеніями VII вѣка, которыя несомнѣнно сопровождались экспропріаціей въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Многія прежнія латифундіи превратились, конечно, въ крестьянскія славянскія общинныя земли. Но какъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, уцѣлѣли до позднѣйшаго времени греческія митрокоміи, точно такъ, нужно думать, удержалась отчасти и прежняя землевладѣльческая аристократія на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Юридическіе памятники позднѣйшаго времени, X и XI вѣковъ, прямо показываютъ, что помимо чиновной служилой аристократіи — воеводъ, судей, сборщиковъ податей, епископовъ и игуменовъ, въ провинціяхъ существуетъ туземная мѣстная аристократія, всегда старавшаяся удержать право патроната надъ остальнымъ народонаселеніемъ. Въ новеллахъ Юстиніана нерѣдко говорится о «властеляхъ» *(δυνατοί)*, о домахъ «властельскихъ» *(οἶκοι δυνατῶν)*; магнаты представляются намъ съ свитою оруженосцевъ, они окружены кліентами и стремятся подчинить другихъ несправедливымъ притязаніямъ своего властолюбія[2]). Эта провинціальная аристократія, съ притязаніями на древность и благородство происхожденія, продолжаетъ заявлять себя и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Въ агіографическихъ памятникахъ, подобныхъ житію Филарета

1) Novell. Collect. II, № 46, 47; Zachariae, Jus Graecorum., III, 138, 139.
2) Novell., 17, 28, 30.

Милостиваго (жилъ во второй половинѣ VIII вѣка), рисуется намъ картина помѣщичьяго быта въ отдаленной Пафлагонской глуши: «сынъ дѣлателя нѣкоего, по мѣстѣхъ старѣйша суща», имѣетъ «имѣніе отъ рукъ рабъ своихъ, благороденъ сыи»; онъ беретъ себѣ жену «рода благородна и богата» и самъ ведетъ свое хозяйство, пока не разоритъ его сарацинское нашествіе. Данилида, богатая вдова изъ Пелопоннеса, оказавшая щедрую помощь родоначальнику Македонской династіи Василію I въ
164 предчувствіи его будущаго величія, принадлежала, повидимому, къ тому же сословію [1]). Въ историческихъ сочиненіяхъ XII вѣка, напримѣръ у Никифора Вріеннія, мы встрѣчаемъ указанія на то, что въ отдаленныхъ малоазіатскихъ и сирійскихъ городахъ старые архонтскіе роды даже не совсѣмъ утратили и свое политическое значеніе [2]). Само собою разумѣется, что изъ среды той же самой землевладѣльческой аристократіи восполнялось всегда и сословіе придворной, служилой и бюрократической аристократіи, тѣмъ болѣе, что всѣ должности, за исключеніемъ высшихъ правительственныхъ, если и не были совсѣмъ продажны, то во всякомъ случаѣ сопровождались при пожалованіи взысканіями по тарифу, который въ X вѣкѣ былъ весьма высокъ [3]). Впрочемъ, можно было покупать не только дѣйствительныя должности, но и одни наименованія ихъ, безъ дѣйствительнаго исправленія службы, обозначаемой наименованіемъ; то-есть, продавались титулы. Это обстоятельство облегчало путь землевладѣльческому провинціальному классу для вступленія въ ряды новой чиновничьей и титулованной аристократіи. При Романѣ Лакапинѣ обнаруживается, что многіе архонты пелопоннесскіе успѣли пріобрѣсти отъ правительства разнаго рода почетные чиновническіе титулы, превратились въ протоспаѳаріевъ [4]). Исключительною и

---

1) De Basilio Macedone (біографія Василія, написанная Константиномъ Багрянороднымъ). Theophan. Contin. (Bonn.), p. 227, 228: *Τῇ κατὰ τοὺς τόπους ἐκείνους εὐγενεῖ καὶ πλουσιωτάτῃ γυναικί* и т. п. Любопытно, что Василій долженъ былъ заключить союзъ духовнаго братства съ сыномъ Данилиды.

2) Niceph. Bryenn. p. 88: *περὶ τὴν πόλιν δυναμένους ἐκάλει πρὸς βουλήν... πρὸς τοὺς ἄρχοντας δέ μοι ὁ λόγος;* p. 96: *τὸ δὲ τοὺς ἄρχοντας ἐθεράπευεν.*

3) Constant. Porphyrog. de caerimon., II, cap. 49.

4) De administr. imp., cap. 50 (p. 134 Paris.) ‹ed. Bonn. p. 223›: *τῆς ἀταξίας γενομένης καὶ στάσεως παρὰ αὐτοῦ τοῦ πρωτοσπαθαρίου Βάρδα τοῦ Πλατυπόδη καὶ τῶν ὁμοφρόνων αὐτοῦ πρωτοσπαθαρίων καὶ ἀρχόντων.*

замкнутою эта землевладѣльческо-чиновная аристократія, которая именно и соотвѣтствуетъ сословію властелей, никакъ не была. Не говоря о разнаго рода императорскихъ любимцахъ низкаго происхожденія, законодательные памятники X столѣтія показываютъ, что нерѣдко изъ среды «убогихъ» и бѣдныхъ, то-есть, изъ среды крестьянскихъ общинъ, выходили люди, становившіеся властелями. Стоило только «убогому» получить первый неважный чинъ, онъ уже выдѣлялся изъ своей среды и стремился обезпечить свое новое положеніе экономическимъ путемъ: для этого нужно было не только выйти изъ общины, но и пріобрѣсти самостоятельный участокъ земли, отдѣльно записываемый въ подат- 165
ной или писцовой книгѣ *(ἰδιοπεριόριστον)*, что именно и было признакомъ нѣкоторымъ образомъ аристократическаго землевладѣнія. Откуда же можно было взять такой участокъ? Если экономическое положеніе, наслѣдованное отъ предковъ, помогало прежней землевладѣльческой аристократіи архонтовъ и ктиторовъ пріобрѣсти византійскія должности и чины, занять мѣсто въ рядахъ чиновнической и придворной аристократіи, то и наоборотъ, всякій новый чиновникъ византійскаго приказа *(σέκρετον)*, опираясь на свое служебное положеніе, всяческими правдами и неправдами добивался того, чтобы быть помѣщикомъ и землевладѣльцемъ и большею частію достигалъ своей цѣли. Кратко сказать: землевладѣлецъ хотѣлъ быть дѣйствительнымъ или титулярнымъ чиновникомъ, чиновникъ стремился быть землевладѣльцемъ. Этимъ путемъ произошло сліяніе старыхъ и новыхъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ архонтскихъ родовъ и вновь выслужившихся и разбогатѣвшихъ фамилій въ одно большое сословіе «властелей». Безъ поддержки и прилива служилыхъ чиновничьихъ элементовъ прежняя землевладѣльческая аристократія едва-ли успѣла бы сохранить то значеніе и особенно ту численность, съ которыми является сословіе властелей.

Вотъ это-то сословіе властелей, почти совсѣмъ лишенное какого-либо политическаго значенія, утратившее всякія преданія о муниципальномъ самоуправленіи, безсильное и рабское по отношенію къ центральной власти, и является въ X вѣкѣ опаснымъ врагомъ крестьянскихъ общинъ, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Оно ложилось на массу населенія двойнымъ бременемъ:

не только вымучивало отъ имени государства, въ званіи воеводъ (стратиговъ), писцовъ и дозорщиковъ, протонотаріевъ, — государственныя подати и повинности, но и дѣйствовало въ свою собственную пользу, прикрываясь покупными титулами, цѣну которыхъ всетаки слѣдовало воротить въ продолженіе какъ можно болѣе краткаго срока. Государственное жалованье, присвоенное должности, представляло только проценты на внесенную при полученіи должности сумму; оплачиваемая жалованьемъ должность была своего рода помѣщеніемъ капитала съ цѣлію полученія ренты. Но проценты были недостаточно высоки; а притомъ многіе ограничивались покупкой однихъ чиновъ и титуловъ безъ жалованья. Ловкій и оборотливый грекъ рѣдко руководился при этомъ однимъ честолюбіемъ; онъ надѣялся воротить свое другимъ путемъ; онъ полагалъ, что взносомъ двѣнадцати
166 литръ, чего стоилъ титулъ протоспаѳарія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ нѣкоторыя полномочія въ отношеніи къ «убогимъ» и къ ихъ крестьянскимъ участкамъ. Жадность къ стяжанію, своекорыстіе, безсовѣстная готовность на всякій обманъ и беззаконную продѣлку составляли общую и характеристическую принадлежность сословія властелей, по свидѣтельству самихъ византійскихъ государей X столѣтія. Дѣйствовали, конечно, помимо нравственныхъ и общія соціальныя условія, обозначаемыя на языкѣ экономической науки выраженіями: «притягательная сила крупнаго землевладѣнія», «отсутствіе правильнаго и хорошо устроеннаго поземельнаго кредита» и т. п. Какъ бы то ни было, X вѣкъ по Р. Х. есть, повидимому, тотъ критическій періодъ въ византійской исторіи, когда преобразовавшаяся властельская аристократія, то-есть, другими словами, относительно крупная поземельная собственность вела наиболѣе яростное нападеніе, наиболѣе упорную осаду противъ подкрѣпившагося въ теченіе предыдущихъ вѣковъ сословія свободныхъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ, противъ крестьянской (славянской) общины. Прежде властельская аристократія не была довольно сильна для этого, а въ XI вѣкѣ борьба отчасти разрѣшилась торжествомъ одной изъ сторонъ, отчасти была пріостановлена внѣшними событіями.

На Западѣ такой періодъ прошелъ нѣсколько ранѣе. Вѣкомъ борьбы крупной поземельной собственности съ мелкимъ земле-

владѣніемъ было тамъ VIII и отчасти IX столѣтіе, время государей Каролингской династіи.

Въ странахъ, сохранившихъ, подобно Галліи, значительное романское населеніе и римскій соціальный строй, исходною точкой экономическаго развитія были тѣ же латифундіи и колонатъ; приливъ новыхъ собственниковъ, вслѣдствіе раздробленія большихъ участковъ по третямъ (tertiatio) въ пользу германскихъ поселенцевъ, измѣнилъ характеръ этого землевладѣнія только на короткое время. Новые болѣе мелкіе участки опять слились въ крупные, пропали въ крупномъ землевладѣніи, хотя, конечно, не безслѣдно, такъ какъ крупная поземельная собственность восторжествовала не путемъ прямого поглощенія болѣе мелкихъ участковъ, а путемъ ихъ условнаго подчиненія, образованіемъ такъ называемыхъ зависимыхъ отношеній. Даже и въ такихъ странахъ, которыя болѣе густо и почти сплошь были заняты германскими поселеніями, процессъ разложенія германской общины (марки) и превращенія общиннаго устройства въ помѣстное (Hofverfassung) совершался въ то же самое время, то-есть, при Каролингахъ. Тамъ этотъ процессъ совершался вдали отъ глазъ 167
центральной власти; онъ начинался выдѣленіемъ между полноправными владѣльцами первоначальныхъ почти одинаковыхъ и равныхъ поземельныхъ надѣловъ — болѣе предпріимчивыхъ людей, которые умѣли, не выходя изъ общинной связи, положить начало своему большему хозяйственному благосостоянію — распашкою лѣса, поднятіемъ нови, то-есть, основаніемъ своего частнаго хозяйства неподалеку отъ общиннаго поля. Въ самыхъ древнихъ германскихъ правдахъ признаются такія распашки частною собственностію отдѣльныхъ членовъ общины. Здѣсь находился для дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ людей исходный пунктъ для пріобрѣтенія экономическаго преобладанія, для хозяйственнаго подчиненія себѣ другихъ членовъ общины, а мало по малу и цѣлой общины; разныя несчастія и нерѣдкіе голодные годы помогали такому ходу дѣла и ускоряли процессъ; достиженіе правительственныхъ должностей графа или центенара (сотника), предоставлявшихся преимущественно мѣстнымъ землевладѣльцамъ, служило на этой первоначальной ступени подспорьемъ для экономическихъ стремленій. Дѣло кончалось тѣмъ, что вся община

подчинялась одному изъ своихъ членовъ, который собственно и не выступалъ изъ нея. Правительство только тогда замѣтило указанный процессъ, когда уже дѣйствія его стали ощущаться въ области политической организаціи, когда землевладѣльцы начинали превращаться въ прирожденныхъ чиновниковъ государства, а соціальная сила недвижимаго имущества — въ политическую силу, довершая въ то же время при помощи этой послѣдней свою побѣду надъ маркою, надъ крестьянскою общиною; однимъ словомъ, замѣтило поздно. Капитуляріи Каролинговъ начинаютъ жаловаться на хищничество людей сильныхъ, которые отнимаютъ землю у бѣдныхъ (pauperes), даже лишаютъ ихъ личной свободы. Образцомъ можетъ служить капитулярій 805 года:

De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant. Ideo haec et supra et hic liberis hominibus diximus, ne forte parentes contra justitiam fiant exhereditati, et regale obsequium minuatur, et ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones seu malefactores effitiantur.

Или же капитуляріи 811 года: Pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios. Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum epi-
168 scopo, abbati vel comiti aut judici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condemnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus, volens nolens suum proprium tradat vel vendat.

Извѣстно, впрочемъ, что серіозной и рѣшительной борьбы противъ возникающей феодальной аристократіи, о злоупотребленіяхъ которой здѣсь говорится, не было предпринято государственною властію. Политика Каролинговъ состояла въ томъ, чтобы воспользоваться вновь выросшею соціальною организаціей для цѣлей государственныхъ, чтобы ввести магнатовъ въ рамки государственнаго строя и чрезъ нихъ вновь привлечь къ службѣ ускользающіе отъ его прямого вліянія низшіе элементы населенія. Секуляризація церковныхъ имуществъ, сеніоратъ и вас-

сальность должны были служить такой цѣли. Средства эти удались только отчасти и временно, а въ сущности привели къ превращенію государственнаго строя, всетаки основаннаго на союзѣ подданныхъ, на общемъ подчиненіи свободныхъ людей одному государю, въ строй феодальный съ его іерархическою лѣстницей зависимыхъ отношеній.

Любопытную аналогію съ жалобами и увѣщаніями каролингскихъ капитуляріевъ представляетъ законодательство императоровъ Македонской династіи въ X вѣкѣ, направленное въ защиту «убогихъ» противъ «властелей». Благодаря другому положенію вещей и большей силѣ центральнаго авторитета, благодаря непрерывности римской имперской традиціи, которая здѣсь была еще менѣе нарушена, чѣмъ на Западѣ, въ Византіи не могло быть и рѣчи о какомъ-либо раздѣлѣ правительственныхъ и политическихъ правъ власти. Вооруженные старыми государственными преданіями, византійскіе императоры гораздо яснѣе и строже понимали свои обязанности въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всѣмъ благо, и что защита слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ есть ея первѣйшій долгъ. Помимо этихъ идеальныхъ воззрѣній, дѣйствовали, конечно, съ неменьшею силою, побужденія реальныя и грубыя. Чѣмъ безграничнѣе была власть восточныхъ автократовъ, чѣмъ болѣе давала она простора ихъ личному произволу, тѣмъ они были ревнивѣе въ охраненіи ея. Чѣмъ безраздѣльнѣе они пользовались ею, тѣмъ болѣе были чутки ко всякой опасности, грозившей со стороны какихъ-либо аристократическихъ элементовъ. Наконецъ, и суровыя требованія государственности, поставленной въ необходимость постоянно отбиваться отъ тѣснившаго ее со всѣхъ сторонъ варварства, подсказывали именно болѣе разумнымъ и энергическимъ государямъ, 169
что никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ своихъ рукъ безпрепятственнаго и непосредственнаго распоряженія народными силами, податными и военными, и что отдавать крестьянскія общины въ жертву крупнымъ землевладѣльцамъ и вообще властелямъ значитъ подрывать основы государственной безопасности извнѣ и собственнаго могущества внутри. Однимъ словомъ, византійскіе государи Македонскаго дома лучше, чѣмъ западные ихъ пред-

шественники, поняли вредъ, который проистекалъ для государства отъ уменьшенія количества мелкихъ поземельныхъ владѣтелей, а также и опасность, которая грозила бы ихъ власти и династическимъ интересамъ отъ излишняго усиленія властельскихъ фамилій. По внѣшне-хронологическому счету ихъ законодательство, охранявшее неприкосновенность крестьянскихъ общинъ, относится, конечно, къ болѣе позднему времени, чѣмъ капитуляріи Каролинговъ, оплакивающія бѣдственное положеніе западныхъ «убогихъ» (pauperes). Но, принимая въ расчетъ внутреннюю хронологію, мы должны представлять себѣ дѣло иначе. Такъ какъ возрожденіе греко-римскаго христіанскаго востока приливомъ свѣжихъ славянскихъ элементовъ произошло по крайней мѣрѣ на два вѣка позже, чѣмъ соотвѣтствующее явленіе въ западной исторіи, то и дальнѣйшіе, отсюда развивающіеся факты внутренней жизни отстаютъ на значительный промежутокъ времени въ одной исторіи противъ другой. Крестьянская славянская община на византійской почвѣ явилась позднѣе, чѣмъ германская марка на западно-римской: точно также и кризисъ, грозившій ея существованію, наступилъ для нея позднѣе. Но этотъ кризисъ былъ здѣсь замѣченъ и захваченъ болѣе своевременно. Равнымъ образомъ и мѣры, которыя употреблялись со стороны государственной власти, съ цѣлію уврачеванія болѣзни, были, несомнѣнно, гораздо дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, хотя, конечно, останется вопросъ: устранивъ временно одну опасность, не укрѣпили ли онѣ въ организмѣ какого другого недуга? Эти мѣры отчасти указаны были старыми преданіями римскаго государства. Еще Юстиніановы юристы обращали вниманіе на опасности, которыя проистекаютъ для мелкой поземельной собственности отъ сосѣдства съ сильнымъ человѣ-
170 комъ[1]). Въ Юстиніановомъ кодексѣ прямо запрещается провинціальнымъ областнымъ правителямъ дѣлать какія-либо покупки и вообще пріобрѣтенія въ управляемыхъ ими областяхъ[2]). Послѣ

1) См. схолію Basilic. lib. XII, tit. 1, cap. 50 (Heimbach, I, 750): *Γνοὺς δὲ τοῦτο πρῖμος καὶ δεδιώς, μή πως εἰς δυνατὸν ἔλθοι πρόσωπον καὶ μέλλει ἀδικεῖσθαι περὶ ὅρου καὶ ἑτέρων τινῶν διὰ τὴν τοῦ παρακεντημένου ἰσχύν.*

2) L. un. C. de contract. judicum I, 53 (ed. Krüger, p. 158): Provincias vero moderantibus non solum donationes, sed etiam emptiones quarumcumque mobilium vel immobilium rerum — — penitus interdicimus.

запрещеніе это было хотя и не совсѣмъ отмѣнено, но всетаки смягчено и ослаблено императоромъ Львомъ Мудрымъ. Онъ постановилъ, что только самъ воевода *(στρατηγός)* не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать пріобрѣтеній въ находящейся подъ его управленіемъ провинціи (ѳемѣ), а всѣмъ низшимъ подчиненнымъ чинамъ это дозволяется по усмотрѣнію областеначальника, разрѣшенія котораго слѣдуетъ испрашивать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [1]). Такимъ образомъ уничтожена была единственная, впрочемъ, не особенно дѣйствительная преграда, мѣшавшая властелямъ захватывать имущества бѣдныхъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ограниченіе свободной купли относилось только ко времени исправленія должности, такъ что и самъ воевода, сложивъ съ себя санъ или перейдя въ другую провинцію, имѣлъ возможность объявить себя послѣ помѣщикомъ въ прежней своей провинціи. Во-вторыхъ, теперь, какъ и прежде, ограниченіе касалось только административныхъ чиновниковъ, а не всѣхъ сильныхъ людей, не всѣхъ вообще властелей. Вѣрно то, что новелла Льва Мудраго болѣе широко раскрыла дверь всяческимъ неблаговиднымъ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Но въ сущности дѣло было совсѣмъ не въ этихъ однихъ злоупотребленіяхъ. Если чрезъ нѣсколько времени обнаружилось особенно усиленное стремленіе властелей вторгаться въ крестьянскія общины, то вѣроятно, только въ самой малой степени тутъ виновато было постановленіе императора Льва, ослабившее и безъ того некрѣпкую плотину. Соотвѣтственно тому, когда преемники Льва VI сознали необходимость выступить на защиту мелкой поземельной собственности, то они прибѣгли не къ простой отмѣнѣ его постановленія, а стали распространять запрещеніе пріобрѣтать крестьянскіе участки на гораздо большее число лицъ свѣтскаго и духовнаго званія, на всѣхъ вообще властелей, и стали обставлять эти свои запреты новыми весьма рѣзкими и суровыми угрозами и отчасти принимать мѣры, своимъ радикализмомъ и рѣшительностію даже превосходившія общія угрозы закона. Напоръ со стороны крупнаго властельскаго землевладѣнія противъ общинного крестьянскаго былъ такъ силенъ и такъ продолжителенъ, 171

1) Novell. 84. Zachariae, Jus Graecorom., III, 180.

что, конечно, онъ не могъ быть вызванъ однимъ неважнымъ измѣненіемъ въ гражданскомъ законодательствѣ; за то онъ не могъ быть и остановленъ какимъ-либо однимъ новымъ строгимъ закономъ, а потребовалъ долгой борьбы со стороны власти, вооруженной самою неограниченною свободой въ выборѣ средствъ...

Въ тѣсной связи съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, по своему характеру и по своимъ судьбамъ, находятся такъ называемые воинскіе участки или военно-помѣстное землевладѣніе (*στρατιωτικὰ κτήματα, στρατιωτοτόπια*). Установленіе ихъ восходитъ къ первымъ временамъ Римской имперіи, когда пограничнымъ солдатамъ, а также и охотникамъ изъ среды чуждыхъ варварскихъ народностей вмѣсто жалованья и платы были отводимы земли на границахъ государственной территоріи (terrae limitaneae vel castellorum), а отчасти и внутри ея, съ обязательствомъ воинской службы или, въ частности, пограничной защиты. Ветераны также получали такого рода участки съ условіемъ, что дѣти ихъ, подобно отцамъ, будутъ отбывать военную службу. Такія земли вообще не могли быть свободно отчуждаемы, а должны были переходить къ дѣтямъ, равно какъ и къ другимъ наслѣдникамъ, не иначе какъ вмѣстѣ съ лежащею на нихъ воинскою повинностію. Обычай отводить стратіотамъ воинскіе участки существовалъ и въ царствованіе Юстиніана[1]); вѣроятно даже, что вслѣдствіе постройки или возобновленія въ этотъ періодъ многихъ новыхъ и старыхъ крѣпостей и сторожевыхъ пунктовъ на границахъ и въ горныхъ проходахъ (клисурахъ), онъ получилъ новое развитіе. Итакъ, не было никакой нужды придумывать весьма странную теорію о переходѣ на востокъ германской ленной системы и о полномъ развитіи ея на византійской почвѣ въ IX и X вѣкахъ. Войны, которыя Юстиніанъ велъ противъ Готовъ за обладаніе Италіей, никакъ не могутъ служить къ объясненію путей, которыми получено было это мнимое заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ данное время и самые варвары-Германцы не имѣли ленной системы[2]). Воинскіе участки, о кото-

---

1) L. 2, 3. C. de fundis limitrophis, II, 60.

2) Здѣсь мы имѣемъ въ виду разсужденія Гфререра (Gfrörer) въ третьей части его Byzantinische Geschichten.

рыхъ идетъ рѣчь въ новеллахъ императоровъ Македонской династіи, суть старое римское учрежденіе, пришедшее, правда, въ упадокъ въ продолженіе VII вѣка и въ смутныя времена боль- 172
шихъ славянскихъ поселеній. Въ X столѣтіи оно снова дѣлается предметомъ заботъ для окрѣпшей центральной власти. Воинскіе участки приходилось защищать противъ тѣхъ же самыхъ враговъ, которые грозили уничтоженіемъ крестьянскому землевладѣнію. Опасность приходила со стороны властелей, которые стремились скупать воинскія помѣстья точно такъ же, какъ и крестьянскія поля. Едва-ли слѣдуетъ предполагать при этомъ какія-либо особыя политическія побужденія со стороны византійской чиновничьей аристократіи. Тѣ, которые отыскиваютъ западно-европейскіе порядки на византійской почвѣ, полагаютъ, что властели и магнаты, пріобрѣтая воинскіе участки, сгоняли съ нихъ царскихъ ленниковъ, а сажали на нихъ вмѣсто того своихъ людей, своихъ ленниковъ, вслѣдствіе чего возникала, будто бы, настоящая феодальная связь и сословіе имперскихъ князей (Reichsfürstenthum) самаго дурного качества[1]). Византійскіе магнаты, конечно, могли иногда вооружить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, а также личную свою свиту и прислугу, и такимъ образомъ выставить довольно значительное ополченіе; но въ этомъ никакъ нельзя видѣть признаковъ существованія какого-либо класса вассаловъ и подвассаловъ, обязанныхъ нести за свои участки рыцарскую службу и связанныхъ съ земледавальцемъ обѣтомъ взаимной вѣрности. Идея такой связи между свободными людьми всегда оставалась чуждою Византійцамъ; тѣмъ менѣе могли тамъ упрочиться наслѣдственныя отношенія означеннаго рода. Во всякомъ случаѣ, если и существовали у греческихъ властелей, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, феодальныя стремленія, то они не могли достигнуть развитія и полнаго осуществленія вслѣдствіе бдительнаго наблюденія со стороны центральной власти. Прежде чѣмъ перенести свои притязанія на политическую почву, властели должны были восторжествовать на экономической или соціальной. Но именно здѣсь-то, въ первой стадіи своего развитія, они были застигнуты энергическими мѣ-

1) Gfrörer, Byzantin. Geschichten, III, 27.

рами монархической власти, взявшей подъ защиту и крестьянскую общину, и воинскіе участки. Македонская династія не безъ успѣха вела борьбу съ мусульманскимъ міромъ въ Сиріи и Малой Азіи, помимо разныхъ превратностей въ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Славянамъ въ Европѣ; она должна была держать всегда
173 наготовѣ по крайней мѣрѣ 120 тысячъ готоваго войска[1]). Понятно, что нельзя было отдать въ жертву корыстолюбивой жадности чиновниковъ и землевладѣльцевъ ни одного стратіота. Сверхъ того, нужно знать, что, вопреки предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, воинскіе участки вовсе не были освобождены отъ поземельной подати, такъ что и казна имѣла интересъ въ ихъ охраненіи. Византійскіе стратіоты, служащіе и отставные, и дома ихъ были свободны отъ разныхъ натуральныхъ повинностей: повоза, постройки мостовъ, дорогъ и укрѣпленій, и т. д., такъ что они должны были получать денежное вознагражденіе, если въ случаѣ нужды приходилось употребить ихъ на такого рода работы; но прямыя государственныя подати они несли съ своихъ земельныхъ участковъ подобно всѣмъ другимъ подданнымъ имперіи[2]). Уже одно это подвергало ихъ всѣмъ тѣмъ напастямъ и бѣдствіямъ, какими давали себя чувствовать населенію византійскіе сборщики податей, писцы и дозорщики. «Стыжусь сказать», пишетъ авторъ одного военнаго трактата, жившій въ концѣ X вѣка, — «стыжусь это сказать: люди, которые не дорожатъ своею жизнію ради службы благочестивымъ нашимъ царямъ и ради свободы христіанъ, такіе люди нерѣдко подвергаются даже тѣлеснымъ побоямъ — и отъ кого? отъ людишекъ, служащихъ по сбору податей (*παρὰ φορολόγων ἀνθρωπαρίων*), которые не приносятъ никакой пользы обществу, а умѣютъ только притѣснять и давить «убогихъ» (*τοὺς πένητας*), извлекать изъ неправды, изъ многой крови убогихъ многіе

1) Столько считаетъ въ византійской арміи на основаніи довольно точныхъ, очевидно, свѣдѣній арабскій писатель Ибн-Хордадбегъ: Le livre des routes et des provinces (Barbier de Meynard въ Journal Asiatique 1865, p. 481). Ср. Cremer, Kulturgeschichte des Orients, I, 245.

2) Leonis Philosophi Tactica constit., XX, § 71. ... *Ἀρκεῖ γὰρ αὐτοῖς τελεῖν τούς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπικείμενα αὐτοῖς ἀεροικά, καὶ μηδὲν πλέον καταβαρεῖσθαι. Ἐὰν δὲ ἡ καστροκτισία γένηται — — — — ἢ ἀνάγκη τις ἑτέρα τῶν δημοσίων διοικήσεων, καὶ οὐκ ἐπαρκεῖ τὸ κατὰ τόπον δημόσιον, διὰ μισθοῦ ταῦτα ἐργάζεσθαι.* Ср. Constit. IV, § 1.

таланты золота для себя самихъ... Въ свою очередь и областные судьи (гражданскіе правители) не должны подвергать воиновъ безчестію, волочить ихъ и бить, какъ рабовъ, налагать на нихъ (какой позоръ!) цѣпи и колодки и т. д.»[1]... Таково было положеніе мнимыхъ византійскихъ ленниковъ! Послѣ этого намъ становится тѣмъ понятнѣе, что государственной власти приходилось принимать спеціальныя мѣры для защиты воинскаго 174
землевладѣнія и отъ злоупотребленій власти, и отъ собственной готовности владѣльцевъ освободиться отъ своихъ участковъ путемъ продажи ихъ лицамъ другого сословія. Довольно важныя и отчетливыя свѣдѣнія о воинскихъ помѣстьяхъ находимъ мы въ сочиненіи Константина Багрянороднаго о придворныхъ обрядахъ (II, cap. 49). Отсюда мы видимъ, что въ X вѣкѣ особенное значеніе имѣли двоякаго рода помѣстья *(τόπια)* — конныя и морскія. Вслѣдствіе постоянной и непрерывной борьбы съ Арабами и Сарацинами, которые все еще оставались вѣрными наѣзднической системѣ войны, и Византійцамъ приходилось заботиться о развитіи и поддержаніи легкой, а послѣ и тяжелой конницы. Участокъ земли въ пять и минимумъ въ четыре литры считался, по свидѣтельству сейчасъ указаннаго источника, достаточнымъ для содержанія коннаго стратіота. Обыкновенный участокъ простого моряка имѣлъ цѣнность трехъ литръ и т. д. Другія подробности, которыя здѣсь находятся, также пригодятся намъ при объясненіи новыхъ постановленій о воинскихъ участкахъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ теперь перейти къ главной задачѣ нашей статьи. Она состоитъ, съ одной стороны, въ изученіи мѣръ, которыя были принимаемы византійскимъ правительствомъ въ защиту крестьянскаго свободнаго и воинскаго землевладѣнія, а съ другой стороны, въ ближайшемъ ознакомленіи читателей съ самыми документами, которые такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о существованіи своего рода соціальнаго вопроса въ византійскомъ государствѣ X вѣка, но еще такъ мало обращали на себя вниманіе ученыхъ и такъ мало доступны для общаго пользованія и пониманія... Мѣры, кото-

---

1) De velitatione bellica Niceph. Phocae, cap. 19 (при боннскомъ изданіи Льва Діакона), p. 239, 240.

рыя были принимаемы императорами Македонской династіи для защиты крестьянскаго и воинскаго землевладѣнія, въ сущности не многосложны и однообразны. Главнымъ образомъ онѣ заключались въ запрещеніяхъ властелямъ вкупаться въ крестьянскія общины, пріобрѣтать участки стратіотовъ. Разнообразны подробности и частныя правила относительно давности, покрывающей неправильное пріобрѣтеніе, относительно возвращенія или невозвращенія покупной цѣны или же издержекъ на улучшенія въ имѣніи, сдѣланныхъ властелемъ за время незаконнаго владѣнія и т. п. Конечно, имѣютъ важность, а также интересъ, и эти частности, равно какъ и другія подробности, то-есть, прямыя историческія указанія, разсѣянныя въ относящихся сюда новеллахъ Константина Багрянороднаго, обоихъ Романовъ, Ни-
175 кифора Фоки и, особенно, Василія II. Но мы не намѣрены ограничиться извлеченіемъ таковыхъ частностей и подробностей. Намъ кажется, что будетъ гораздо полезнѣе, если мы постараемся передать содержаніе означенныхъ документовъ какъ можно полнѣе и ближе къ подлинному ихъ тексту съ сохраненіемъ не только общихъ разсужденій, которыми мотивируются постановленія и распоряженія, и въ которыхъ выражается взглядъ византійскихъ государей на свои обязанности, на государственныя задачи и требованія, но по возможности самаго тона рѣчи и ея характеристическихъ особенностей. Не легко читаются «новыя заповѣди» византійскихъ государей X вѣка въ подлинникѣ; буквальный переводъ чрезвычайно труденъ, почти невозможенъ, и во всякомъ случаѣ былъ бы неудобопонятенъ. Поэтому мы предлагаемъ нѣчто среднее между буквальнымъ переводомъ и свободнымъ изложеніемъ содержанія, приводимъ новеллы, такъ сказать, въ вольномъ переводѣ.

II.

1) Новелла Романа Лакапина 922 года[1]).

Наше обозрѣніе соціальнаго законодательства византійскихъ императоровъ Македонской династіи должно начаться съ новеллы,

1) ‹Zachariae Jus Graeco-Roman. III, 234—241›.

изданной въ 922 году соправителемъ Константина Багрянороднаго Романомъ Лакапиномъ. Эта новелла состоитъ изъ трехъ статей. Въ первой рѣчь идетъ о такъ называемомъ «предпочтеніи» *(προτίμησις)*, то-есть, о правѣ преимущественной покупки отчуждаемаго имѣнія извѣстными лицами, находящимися въ особыхъ отношеніяхъ къ продавцу (Verkaufsrecht, Näherrecht), или о правѣ выкупа. Существовалъ древній законъ, изданный въ 468 году императорами Львомъ и Анѳиміемъ, по которому никакой посторонній человѣкъ не могъ пріобрѣтать поземельнаго владѣнія въ такъ называемыхъ митрокоміяхъ, такъ что если какой житель волости (vicanus) пожелалъ бы продать свой участокъ, то онъ могъ передать его только жителю той же митрокоміи, записанному въ той же самой писцовой или податной книгѣ[1]). Но, повидимому, этотъ законъ, на который дѣлается указаніе въ самомъ началѣ новеллы Романа Лакапина, былъ забытъ и не имѣлъ приложенія. Что же касается 114-й новеллы Льва Мудраго, которая постановляетъ, что каждый можетъ безпрепятственно отчуждать свое имущество третьему лицу, при 176
чемъ однако сосѣди въ продолженіе шести мѣсяцевъ сохраняютъ право выкупа посредствомъ возврата покупщику заплаченной имъ суммы, то подлинность этой новеллы подлежитъ большому сомнѣнію, и подъ древнимъ закономъ, на который ссылается въ самомъ началѣ новелла Романа, разумѣется не этотъ законъ Льва, а совершенно другая статья кодекса, перешедшая въ Василики[2]).

«Существуетъ древній законъ, по которому всякій можетъ безпрепятственно со стороны какихъ-либо родичей или соучастниковъ продавать свое имущество, кому только онъ захочетъ. Но существуетъ также другой законъ, по которому нельзя продавать своей собственности кому-либо другому помимо жителей собственной сельской волости *(τῆς ἰδίας μητροκωμίας)*. Обращая надлежащее вниманіе на интересы нашихъ податныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ на потребности государственной казны, мы считаемъ нужнымъ исправить противорѣчіе и неопредѣленность прежняго

1) См. выше примѣч. на стр. 160 <= 250>.
2) L. 14 C — de contract. IV, 38. Basilic. XIX, 5.

законодательства симъ нашимъ божественнымъ повелѣніемъ. Мы постановляемъ, что отнынѣ въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ или провинціи при продажѣ, отдачѣ въ вѣчную или во временную аренду земли, дома, виноградника или какого другого недвижимаго имущества должно имѣть мѣсто право преимущественной покупки, предоставляемое ниже поименованнымъ лицамъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Никакое отчужденіе собственности на недвижимыя имущества не должно быть совершаемо иначе, какъ съ предварительнымъ заявленіемъ отчуждающаго предъ тѣми лицаму, за которыми признается право на преимущественную покупки. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) Прежде всего призываются къ покупкѣ родичи, то-есть, такія лица, которыя, вслѣдствіе родства, по наслѣдству или завѣщанію, владѣютъ смѣшанно участками одного и того же недвижимаго родового владѣнія, составляющаго или составлявшаго нѣкогда одно цѣлое *(οἱ ἀναμὶξ συγκείμενοι συγγενεῖς)*. 2) Затѣмъ — соучастники, то-есть, лица, которыя вслѣдствіе покупки сообща (pro indiviso) или другого подобнаго способа пріобрѣтенія владѣютъ однимъ и тѣмъ же общимъ недвижимымъ имуществомъ, хотя бы оно и было потомъ (послѣ покупки) раздѣлено на отдѣльные участки *(οἱ οὕτως συμπεπλεγμένοι κοινωνοί)*. 3) Далѣе слѣдуютъ сосѣди, которые имѣютъ какіе-либо черезполосные участки среди земель, подлежащихъ продажѣ *(οἱ μόνον ἀναμεμιγμένοι)*.
177 4) И даже сосѣди, не находящіеся въ такихъ отношеніяхъ черезполосности, но однотяглые *(οἱ συμπαρακείμενοι ὁμοτελεῖς)* и 5) наконецъ, простые сосѣди, то-есть, только соприкасающіеся какою-либо частію своего владѣнія съ продаваемымъ или вообще отчуждаемымъ участкомъ» *(οἱ ἁπλῶς ἔν τινι μέρει συναπτῶς ἡνωμένοι)*.

«А однотяглыми мы называемъ», говоритъ новелла, «тѣхъ, которые записываются (въ податныхъ книгахъ) подъ однимъ тягломъ, хотя бы они и въ разныхъ мѣстахъ вносили свои подати»[1]). Толкованіе это въ свою очередь требуетъ объясненія, которое и даютъ намъ одинъ комментаторъ и позднѣйшіе юридическіе памятники. Византійскій комментаторъ новеллы подъ

1) *Ὁμοτελεῖς δέ φαμεν πάντας τοὺς ὑπὸ τὸν αὐτὸν ὑποτεταγμένον ἀναγραφομένους, κἂν ἐν διαφόροις τόποις τὰ ἴδια τελέσματα καταβάλλωνται.*

однотяглыми разумѣетъ тѣхъ, которые тянутъ тягло (платятъ подати) подъ однимъ господиномъ, напримѣръ, подъ одною архі- 178
епископіей[1]). Подобнымъ же образомъ, въ одномъ юридическомъ руководствѣ *(Μικρὸν κατὰ στοιχεῖον)* однотяглые суть люди, находящіеся подъ однимъ господиномъ и одному и тому же лицу вносящіе и уплачивающіе свои подати и оброки[2]), а въ другомъ это суть сосѣди, которые даютъ десятины и дани одному господину[3]). Итакъ, это тѣ крестьяне, которые хотя и считаются собственниками своихъ участковъ, но находятся подъ патронатомъ какого-либо сильнаго человѣка, которому они вносятъ свои подати; такъ какъ онъ представляетъ ихъ предъ казною относительно поземельной подати, то они и обозначаются въ писцовой книгѣ подъ его именемъ, составляя въ ней всѣ вмѣстѣ особую статью.

Далѣе новелла сообщаетъ слѣдующія правила относительно права предпочтительной покупки: при предположенномъ отчужденіи должны быть предварены сосѣди, принадлежащіе ко всѣмъ пяти категоріямъ предпочтенія, чтобы въ случаѣ отказа отъ своего права лицъ одной категоріи могли вступиться и перенять имѣніе другіе, принадлежащіе къ низшей категоріи. Заявленіе дѣлается при свидѣтеляхъ сначала однимъ, потомъ другимъ по порядку. Если же всѣ, обладающіе правомъ предпочтительной покупки, принадлежатъ къ одной категоріи, то и заявленіе или предва-

---

1) *Πλὴν καὶ τελοῦσιν ὑπὸ ἕνα δεσπότην — — —, οἷον ὑπὸ μίαν ἀρχιεπισκοπήν.* Zachariae, Jus Graecorom. III, 236.

2) *Οἱ ὑφ᾽ ἕνα δεσπότην ὑπάρχοντες καὶ τῷ αὐτῷ καὶ ἑνὶ τοὺς φόρους καὶ τὰ τέλη καταβαλλόμενοι καὶ ἀποδίδοντες.*

3) Въ новогреческомъ изданіи Арменопула: *γείτονες, ὅπου δίδουν τὰς δεκατίας καὶ τὰ δοσίματα εἰς ἕνα αὐθέντην.* Zachariae, Gesch. des griechisch-röm. Rechts, p. 219: Es hatten nämlich die Kataster der Steuersprengel je nach den Hebungsbezirken ihre Unterabtheilungen *(ὑποταγαί)*. Für jeden Grundherrn (Kirchen und Kloster, einzelne grosse Grundbesitzer), der von seinen in dem Sprengel wenn auch an verschiedenen Orten belegenen Besitzungen die Steuern zusammen abzuführen hatte, war eine solche Unterabtheilung gebildet, und er wurde insofern als ein *ὑποτεταγμένος* bezeichnet, innerhalb der Unterabtheilung waren dann die betreffenden Besitzungen und die zu denselben gehörigen Colonen und Häusler mit dem ihrerseits an den Grundherrn zu leistenden Abgaben, verzeichnet *(ἀναγραφόμενοι)*. Jeder derselben hatte die Abgaben auf der Besitzung zu entrichten, zu welcher er gehörte; waren diese Besitzungen auch räumlich von einander getrennt, so waren die Bauern und Häusler doch Hintersassen eines und desselben Grundherrn. Solche Hintersassen, denen ein nutzbares Eigenthum zugeschrieben wurde, nennt die Novelle im engern Sinne *ὁμοτελεῖς*. ‹3 Ausg. p. 262›.

реніе дѣлается всѣмъ вмѣстѣ за одинъ разъ. Въ продолженіе тридцати дней со времени заявленія «предпочитаемый» долженъ уплатить цѣну имѣнія и взять за себя поземельный участокъ. Если же «предпочитаемый» находится въ извинительномъ отсутствіи или малолѣтенъ, то и по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ онъ самъ или его представители и попечители имѣютъ право выкупа въ отношеніи къ постороннему покупщику. Кто въ продолженіе 30 дней или 4 мѣсяцевъ не выплатилъ цѣны имѣнія или ранѣе того отказался отъ покупки, тотъ утрачиваетъ право предпочтенія. Точно также утрачиваетъ его тотъ, кто въ отношеніи къ отчуждающему или его семейству былъ виновникомъ имущественнаго ущерба, покушенія на жизнь или тяжкаго безчестія, и притомъ не случайно, а умышленно. Какъ сказано, «предпочтеніе» имѣетъ мѣсто при продажѣ, при отдачѣ во временную или наслѣдственную аренду; но оно не дѣйствуетъ при отдачѣ недвижимости въ приданое, предбрачный даръ, при дареніи простомъ или по случаю смерти, или по завѣщанію, а также при мѣновой сдѣлкѣ. Однако, такого рода юридическія дѣйствія (акты) не должны быть совершаемы притворно только для прикрытія настоящей продажи и купли; поэтому, въ случаѣ подозрѣнія, «предпочитаемые» всегда могутъ требовать присяги отъ обѣихъ сторонъ въ томъ, что такого рода злоупотребленіе не было ими допущено. Если же потомъ окажется, что присяга была дана ложно, то виновные подвергаются наказанію клятвопреступниковъ, и сверхъ того, у покупщика отбирается купленное имѣніе, а у продавца — полученная за него плата; то и другое поступаетъ въ пользу казны.

Новелла Романа Лакапина прямо высказываетъ, что всѣ эти правила о предпочтительной покупкѣ относятся также къ кре-
179 стьянскимъ свободнымъ общинамъ и поселкамъ. Здѣсь они должны имѣть даже наибольшую силу. Такимъ образомъ уже и первая часть новеллы содержитъ постановленія, служащія къ нѣкоторой охранѣ крестьянской свободной собственности, потому что права предпочтительной покупки со стороны родственниковъ и сосѣдей устраняли въ извѣстной степени постороннихъ сильныхъ людей. Однако, новелла Романа этимъ не довольствуется; слѣдуетъ вторая часть, которая гласитъ слѣдующее:

«Запрещаемъ на будущее время властелямъ пріобрѣтать что-либо отъ бѣдныхъ тѣмъ или другимъ способомъ, посредствомъ ли простого дара *(ἁπλῇ δωρεά)*, или завѣщаніемъ по случаю смерти, или только въ видѣ одного пользованія, или, наконецъ, подъ предлогомъ какой-либо помощи и защиты, за исключеніемъ того случая, когда властель будетъ находиться въ родствѣ съ бѣднымъ. Также запрещаемъ властелямъ дѣлать покупки и наймы *(μισθώσεις)* или мѣны въ селахъ и деревняхъ *(χωρίοις ἢ ἀγριδίοις)*, въ которыхъ они не имѣютъ собственнаго (поземельнаго) имущества, отъ мѣстныхъ крестьянскихъ обывателей *(κτητόρων)*. Если даже дѣло касается участковъ *(στάσεις)*, не принадлежащихъ бѣднымъ, а какимъ-либо другимъ лицамъ, если, напримѣръ, продаются отъ казны такъ называемые «выморочные участки» *(κλασματικοὶ τόποι)*[1]) или какое другое имѣніе, находящееся въ рукахъ казны, и тогда пусть имѣютъ «предпочтеніе» (право преимущественной покупки) ктиторы-крестьяне, и только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ пріобрѣтенія, позволяется и властелямъ вступать въ сдѣлки. Властелями при этомъ должны быть считаемы всѣ тѣ лица, которыя могутъ наводить страхъ на отчуждающихъ не только сами собою, но и вслѣдствіе значенія и силы другихъ, находящихся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, или же могутъ дѣйствовать посредствомъ обѣщаній какого-либо благодѣянія.

«Если же кто изъ властелей дерзнетъ совершить что-либо противное этимъ опредѣленіямъ, то онъ будетъ лишенъ пріобрѣтеннаго имущества и, сверхъ того, обязанъ будетъ уплатить пеню въ пользу государственной казны. Впрочемъ, по истеченіи десяти лѣтъ безпрекословнаго владѣнія, противъ лицъ, получившихъ имѣніе бѣднаго вслѣдствіе какой-либо сдѣлки или въ видѣ дара и по завѣщанію, уже не можетъ быть заявляемо никакого иска ни со стороны казны, ни со стороны тѣхъ, кому при- 180
надлежало до тѣхъ поръ право преимущественной покупки.

«3) Еще мы повелѣваемъ, чтобы воинскіе участки, отчужденные какимъ-либо способомъ въ продолженіе послѣднихъ трид-

---

1) Glossae Basilic. *κλασματικὴ γῆ, ἤγουν ἐξαλειμματική*. Cp. Ducange: tiré du rolle de tailles.

цати лѣтъ, или же имѣющіе впредь быть отчужденными, были безъ всякаго вознагражденія возвращаемы къ своему первоначальному назначенію, то-есть, къ лежавшей на нихъ повинности военной службы, если только послѣ упомянутаго отчужденія за «стратіотомъ» не осталось столько, сколько достаточно для отбыванія вновь военной службы»[1]). На сколько оказывается въ этомъ отношеніи недостатокъ, на столько признается недѣйствительнымъ отчужденіе.

2) Новелла Романа Старшаго о властеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ.

Суровая дѣйствительность скоро подвергла испытанію пользу и достаточность императорскихъ постановленій. Вскорѣ послѣ изданія новеллы наступили тяжелые бѣдственные годы для населенія имперіи. Зима 927—928 года отличалась жестокими, необычайными морозами, такъ что земля въ продолженіе 120 дней оставалась, по словамъ византійскихъ лѣтописей, превращенною въ ледъ *(κρυσταλλωθῆναι)*. Слѣдствіемъ того былъ неурожай, затѣмъ страшный голодъ, «превосходившій всѣ когда-либо бывшіе», и наконецъ моръ, истреблявшій людей въ такомъ множествѣ, что живые не успѣвали хоронить умершихъ. Царь Романъ, обнаружившій своимъ указомъ о предпочтительной покупкѣ попеченіе о слабыхъ и бѣдныхъ, показалъ при этомъ случаѣ еще болѣе явнымъ образомъ свою о нихъ заботливость и тѣмъ заслужилъ похвалы «своей сострадательной и милосердой природѣ». Онъ раздавалъ лично милостыню бѣднякамъ, страдающимъ отъ голода; онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма полезныхъ распоряженій для облегченія ихъ бѣдственнаго положенія, между прочимъ велѣлъ придѣлать двери и досчатыя перегородки или заборы съ боковъ при константинопольскихъ портикахъ, гдѣ находили себѣ пріютъ непривыкшіе къ такимъ суровостямъ климата и беззащитные противъ нихъ небогатые жители столицы
181 и т. п. Нѣсколько лѣтъ продолжались бѣдствія голода и моровой

1) *ὅσον τῷ στρατευομένῳ πρὸς τὴν τῆς νέας στρατείας σύστασιν ἐξαρκεῖ.* ‹p. 241›. Цахаріэ эти слова переводитъ (p. 256): als ihm (dem Soldaten) bei einem Feldzuge zur Bestreitung einer neuer Ausrüstung genügt.

язвы. Когда же они миновали, то оказалось, что многіе самымъ безчеловѣчнымъ образомъ воспользовались народнымъ несчастіемъ для собственной выгоды и гнусной наживы. Властели, по словамъ Романа Лакапина, оказались болѣе жестокими и неумолимыми, чѣмъ голодъ и зараза. По самой ничтожной цѣнѣ, за небольшое количество хлѣба они скупали у бѣдныхъ, подвергающихся опасности голодной смерти, ихъ главное достояніе, ихъ поземельные участки[1]). Скандалъ былъ такъ великъ, что императоръ счелъ необходимымъ принять противъ него мѣры и выдалъ новую грамоту, въ которой самымъ рѣшительнымъ и даже рѣзкимъ образомъ осуждаетъ поведеніе людей сильныхъ, а также и своихъ собственныхъ чиновниковъ, которые обязаны были наблюдать за исполненіемъ прежде изданнаго закона. Вообще новелла, изданная Романомъ Лакапиномъ въ 943 году[2]), представляетъ, помимо своего законодательнаго содержанія, въ высшей степени драгоцѣнныя черты для характеристики греко-византійскаго общества и разныхъ его классовъ.

«Есть люди, которые, отрицаясь своей духовной природы и своего создателя, заботятся только о земныхъ благахъ и временномъ благополучіи, отказываясь такимъ образомъ отъ правъ на небесныя награды и забывая о днѣ судномъ. Существованіе такихъ людей, съ жадностію гоняющихся за богатствомъ и вполнѣ обладаемыхъ страстію стяжанія, есть причина всѣхъ бѣдствій: отсюда происходятъ всяческія замѣшательства, отсюда — скопленіе всякихъ несправедливостей, отсюда — великія и долгія страданія и многіе стоны бѣдныхъ. Но за бѣдныхъ вступается самъ Господь; онъ говоритъ въ писаніи: «ради мученія бѣдныхъ и воздыханія убогихъ я возстану». Если же самъ Богъ, возведшій насъ на царство, возстаетъ на отмщеніе убогихъ, то какъ

---

1) Hamartol., p. 835 (Muralt). Theoph. Contin. Bonn., p. 417. (Первоначальный источникъ здѣсь продолжатель Амартола: см. Hirsch, Byzantin. Stud. p. 268). Всѣ хронологическія сомнѣнія разрѣшаются свидѣтельствомъ слѣдующей новеллы Романа I, гдѣ начало бѣдствія относится къ первому индикту (928 годъ). Отрывокъ изъ Симеона Метафраста, приведенный неизвѣстно откуда Алеманомъ въ примѣчаніяхъ къ Прокопію Кесарійскому (III, 452 ed. Bonn.), едва-ли сюда относится.

2) О годѣ см. Zachariae, Geschichte des gr.-römisch. Rechts, p. 250 (Zweite Ausg.) ‹3 Ausg. p. 266. Zachariae Jus Graecorom. III, 242—252›.

можемъ *мы* пренебречь своимъ долгомъ или въ конецъ забыть
о своей обязанности, когда именно отъ однихъ очей царскихъ
182 бѣднякъ ждетъ себѣ здѣсь утѣшенія? Ради того, имѣя намѣреніе
не только, въ видѣ возмездія, поправить то, что было недавно
совершено или дерзко предпринято противъ отдѣльныхъ лицъ,
но и прилагая общее и постоянное врачеваніе, мы издаемъ на-
стоящій законъ, который, съ одной стороны, послужитъ къ
устраненію и искорененію ненасытной страсти (любостяжанія),
такъ чтобы отнынѣ уже никто не былъ лишаемъ своего и бѣд-
ный не испытывалъ преобладанія сильныхъ, а съ другой сто-
роны представляется намъ соотвѣтствующимъ общественному
благу, пріятнымъ Богу и выгоднымъ для казны и государства.
Нужно, конечно, признаться, что вышеозначенныя вредныя
стремленія уже и прежде не остались не замѣченными, напротивъ,
вызвали надлежащее вниманіе, вслѣдствіе чего ко всѣмъ подчи-
неннымъ намъ властямъ разосланы были опредѣленія и рѣшенія,
останавливающія зловредныя посягательства и удерживающія
многостяжательныя руки. Но такъ какъ всякое зло умѣетъ при-
нимать многообразныя и разновидныя формы, а любостяжаніе
въ особенности ухищряется ускользнуть отъ сѣтей закона, то
мы почли нужнымъ издать нынѣ болѣе опредѣленное и тщатель-
ное изложеніе мѣръ, служащихъ къ пресѣченію всѣхъ уловокъ.

1) Итакъ, мы опредѣляемъ, что во всѣхъ странахъ и обла-
стяхъ, подчиненныхъ нашей власти, каждый нашъ подданный
долженъ пользоваться безъ всякаго стѣсненія доставшимся ему
поземельнымъ участкомъ *(κατοίκησις)*. При обыкновенномъ ходѣ
вещей имущество пусть передается законнымъ образомъ по на-
слѣдству или по завѣщанію владѣльца его дѣтямъ или родствен-
никамъ. Если же вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоя-
тельствъ представится необходимость или появится собственное
желаніе у владѣльца продать всю свою землю или же только
часть ея, то пусть покупка сначала будетъ предложена крестья-
намъ *(κτήτορσι)* того же самаго села, или же деревни, или же
сосѣднихъ полей и селеній. Мы постановляемъ это не изъ нена-
висти къ сильнымъ или какой-либо къ нимъ зависти, но изъ благо-
расположенія къ бѣднымъ, ради ихъ защиты и ради общаго
блага *(σωτηρίας)*. Ибо тѣ, которые получили въ удѣлъ себѣ отъ

Бога власть и возвысились надъ толпою славою и богатствомъ, тѣ — вмѣсто того, чтобы, какъ это имъ приличествовало, взять на себя попеченіе о бѣдныхъ, напротивъ, смотрятъ на нихъ какъ на свою добычу, отданную имъ на съѣденіе, и досадуютъ, если имъ не удастся проглотить ее какъ можно скорѣе. Не всѣ, конечно, виновны въ такомъ безобразіи *(ἀνοσιούργημα)*, но пусть законъ будетъ общею охраной и ручательствомъ за то, что къ пшеницѣ не примѣшаются плевелы. Итакъ, пусть никто впредь изъ высшихъ гражданскихъ, военныхъ и церковныхъ чиновъ [1]) ни самъ собою, ни при помощи какого-либо посредствующаго 183
лица не осмѣливается вступать посредствомъ покупки, дара или какимъ другимъ путемъ въ какое-либо селеніе или деревню, покупая въ цѣлости его земли или хотя бы даже часть ихъ, такъ какъ всякое такого рода пріобрѣтеніе будетъ считаться недѣйствительнымъ, и самое имущество со всякими улучшеніями подлежащимъ безвозмездному возврату прежнимъ владѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ, или же, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, жителямъ того же самаго селенія или имѣнія. Злоупотребленіе властію со стороны такихъ лицъ, являющихся въ села со множествомъ слугъ, наемниковъ и всякаго рода спутниковъ, не только увеличиваетъ тяготы бѣдныхъ и ведетъ за собою возстанія, преслѣдованія, требованіе подводъ, притѣсненія, вымогательства, но, какъ это пойметъ каждый способный прямо смотрѣть на вещи, служитъ къ непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду. Потому что именно крестьянское землевладѣніе удовлетворяетъ двумъ существеннымъ государственнымъ потребностямъ, внося казенныя подати и исполняя воинскую повинность. То и другое должно будетъ сократиться, если сократится число крестьянъ. Тѣ, которые обязаны пещися о государственной безопасности, должны уничтожить причину

1) Новелла здѣсь перечисляетъ магистровъ, патрикіевъ, лицъ, почтенныхъ начальствованіями *(ἀρχαῖς)*, воеводствами *(στρατηγίαις)*, гражданскимъ какимъ-либо или военнымъ саномъ *(ἀξιώμασι)*, или же числящихся въ царскомъ синклитѣ, далѣе областныхъ начальниковъ, дѣйствительныхъ и бывшихъ, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, церковныхъ правителей, завѣдующихъ благочестивыми или царскими богоугодными домами. Уже изъ предыдущей новеллы мы знаемъ, что не эти только лица составляли сословіе властелей.

смятенія, искоренить вредъ и охранить условія общественной пользы. Все это теперь обезпечивается нашимъ подданнымъ относительно будущаго... Однако, намъ слѣдуетъ не только заботиться о будущемъ, но и предпринять возможное врачеваніе относительно прошедшаго. Недавнее общественное бѣдствіе, наведенное на насъ измѣнчивостію временъ, или скорѣе, посланное намъ въ наказаніе за наши грѣхи, для многихъ было только удобнымъ случаемъ для собственнаго обогащенія; вмѣсто того, чтобы оказать бѣднымъ, страдающимъ отъ голода, человѣколюбіе или состраданіе, они спѣшили деньгами или хлѣбомъ или какими другими выдачами купить по дешевой цѣнѣ
184 поземельные участки несчастныхъ. Они обнаружили бо́льшую жестокость, чѣмъ сама постигшая бѣдныхъ горькая нужда, и даже въ послѣдовавшее затѣмъ время продолжали быть для сельскихъ несчастныхъ жителей все тѣмъ же моромъ, или же гангреною, въѣвшеюся въ здоровое деревенское тѣло, чтобы довести его до гибели.

2) Итакъ, если кто изъ знатныхъ лицъ, которымъ запрещено было покупать или вообще пріобрѣтать имѣнія бѣдныхъ, тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлался владѣльцемъ крестьянскихъ полей или селеній въ ихъ цѣлости или въ какой части въ періодъ времени, начиная отъ перваго индикта или отъ начала голода, тотъ долженъ быть удаленъ изъ нихъ, получивъ обратно внесенную имъ покупную сумму, при чемъ право выкупа предоставляется или первоначальнымъ владѣльцамъ, или ихъ наслѣдникамъ и сродникамъ, или же, въ случаѣ отсутствія таковыхъ, тѣмъ, которые несутъ съ ними одно податное тягло *(συντελούντων)*, или же наконецъ цѣлой общинѣ *(τῆς δμάδος)*. Что же касается улучшеній, то если означенныя лица (пользующіяся правомъ выкупа) имѣютъ достатокъ и добрую волю, то можетъ быть назначаемо за нихъ нѣкоторое вознагражденіе; а если это будутъ лица неимущія или не желающія платить, то богатымъ, нарушившимъ законъ, придется при своемъ удаленіи удовольствоваться возможностію взять съ собою и унести самый матеріалъ построекъ или вообще сдѣланныхъ улучшеній, предполагая, что это въ самомъ дѣлѣ было результатомъ ихъ стараній и заботъ, а не досталось имъ вмѣстѣ съ землей отъ тѣхъ же

бѣдныхъ... Изложенныя правила, впрочемъ, имѣютъ приложеніе только къ случаямъ дѣйствительной покупки; а въ отношеніи пріобрѣтеній, сдѣланныхъ путемъ дара или наслѣдства или какихъ другихъ актовъ, они считаются недѣйствительными; какъ прежде, такъ и теперь, мы постановляемъ, что они должны быть отбираемы и возвращаемы безъ всякаго притязанія на какое-либо вознагражденіе.

3) Далѣе, есть люди, которые по рожденію принадлежатъ къ сословію бѣдныхъ, но по милости Божественнаго Промысла или какими другими непонятными судьбами изъ своей болѣе скромной доли поднялись наверхъ и достигли лучшаго положенія въ жизни. Мы считаемъ справедливымъ, чтобы они оставались при томъ наслѣдствѣ и владѣніи, которое имъ съ начала досталось; они не должны, преступая мѣрку своего первоначальнаго состоянія, являться причиною бѣдствія своихъ сосѣдей, отнимая у нихъ разбойнически ихъ имущество, — а таково обычное обвиненіе въ отношеніи сдѣлокъ, заключаемыхъ со стороны гордыхъ своимъ высокимъ положеніемъ и славою лицъ съ 185
другими, болѣе скромными. Скорѣе имъ (бѣднякамъ, поднявшимся наверхъ) слѣдовало бы, памятуя особенную къ нимъ милость Божію, оказывать благорасположеніе къ своимъ односельчанамъ *(πρὸς τὸ δμόχωρον)* и, имѣя въ виду неизвѣстность будущаго, а также неизбѣжность страшнаго суда, не превращать имущества ближнихъ въ предметъ хищничества.

4) Если такія лица (бѣдные, превратившіеся во властелей) вступили во владѣніе пріобрѣтенными ими имуществами ранѣе означеннаго въ нашемъ законѣ срока (то-есть, до начала голода), и если притомъ они остаются съ того времени все въ томъ же положеніи, то и теперь мы позволяемъ оставаться попрежнему, при чемъ имъ, какъ и всѣмъ другимъ (властелямъ), запрещается пріобрѣтать сосѣднія имѣнія. Если же они оказываются тягостными и несносными для сосѣдей, причиняя постоянный и тяжкій вредъ убогимъ, то они должны быть удалены и даже изгнаны, въ возмездіе за свою строптивость и ненасытность подвергаясь лишенію своей собственности.

5) Что касается вознагражденія, о которомъ рѣчь была

выше, то вопросъ о немъ требовалъ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи онаго получилъ разумное и справедливое разрѣшеніе. Если совершенъ былъ свободный и невынужденный актъ продажи за цѣну, которая можетъ быть признана справедливою, то относительно такихъ случаевъ имѣетъ силу вышепостановленная статья о возвратѣ покупной цѣны съ небольшимъ только дополненіемъ въ видахъ облегченія безпомощной бѣдности. Именно: возвратъ имуществъ и угодій прежнимъ продавцамъ, ихъ наслѣдникамъ, или же ихъ однотяглымъ совершается немедленно. Если бѣдные состоятельны, то они должны тотчасъ же возвратить при этомъ и полученную ими продажную цѣну имѣнія; а если они не имѣютъ средствъ скоро воротить эту сумму, то не слѣдуетъ прибѣгать противъ нихъ къ какимъ-либо насильственнымъ средствамъ, дабы мѣра, принимаемая въ видахъ ихъ будущей пользы и благосостоянія, не показалась имъ тягостною и ненавистною вслѣдствіе крутого вымогательства въ настоящемъ. Сверхъ того, душевная низость и пронырство, которыми заражено большинство людей, не устыдились бы воспользоваться условіемъ скораго выкупа для того, чтобы повернуть исходъ всего дѣла въ свою пользу. Тѣ люди, которые заражены страстію стяжанія, для которыхъ ничто ведущее къ наживѣ не
186 можетъ считаться постыднымъ, приведутъ все въ дѣйствіе и на все рѣшатся, чтобы только достигнуть своей цѣли и насытить свою алчность [1]). Въ видѣ преграды новымъ выдумкамъ и увертокамъ, для обезпеченія дѣйствительнаго исполненія нашихъ постановленій, пусть будетъ назначенъ трехлѣтній срокъ ожиданія, который достаточенъ для того, чтобы и неимущему принести богатство и доставить возможность легкой уплаты. Справедливость должна соединяться въ законоположеніяхъ съ милостію и

---

1) Эта замѣчательная въ устахъ государя характеристика своихъ подданныхъ читается такъ въ подлинникѣ: *Ἄλλως τε δὲ καὶ τὸ περίεργον καὶ ἀνελεύθερον τῆς τῶν πολλῶν γνώμης διὰ τῆς ταχείας εἰσπράξεως οὐκ ἐρυθριάσει μὴ οὐκ ἀπαράθραυστον μένειν τὴν τῶν ὑποτυπωθέντων ἔκβασιν διαμηχανήσασθαι. τοῖς γὰρ ἀπληστίας πάθει καὶ ψυχικῇ πενίᾳ πρὸς τοσοῦτον πορισμὸν προστετηκόσι καὶ μηδὲν αἰσχρὸν τῶν εἰς χρηματισμὸν συντελούντων ὑπολογιζομένοις καὶ τοσαύτης πολυπραγμοσύνης ἐφόδιον τὴν ἐλευθερίαν ἐπιφορτιζομένοις οὐδὲν ἀτόλμητον, οὐδὲν ἀνεπιχείρητον περιλειφθήσεται εἰς τὴν τῆς οἰκείας συμβαλλόμενον προθέσεως συντέλειαν* ‹p. 250›.

пользою. Такъ какъ однажды уже сдѣлано было постановленіе (запрещающее властелямъ пріобрѣтать крестьянскіе участки), то ничего не было бы страннаго и противнаго законамъ, если бы люди, уличенные въ неповиновеніи нашимъ повелѣніямъ, понесли достойное вознагражденіе за свое поведеніе и были лишены пріобрѣтенныхъ ими правъ. Но, растворяя человѣколюбіемъ суровую строгость точнаго соблюденія законовъ, мы опредѣлили вмѣсто полнаго и безусловнаго изгнанія (съ купленныхъ участковъ безъ всякаго вознагражденія) трехлѣтнюю только отсрочку уплаты, съ умѣренностію наказывая погрѣшившихъ, но въ то же время ублажая отсрочкою достойныхъ сожалѣнія бѣдныхъ. Такъ какъ мы слышали, что были люди, дошедшіе до такой жадности къ наживѣ, что они захватывали поземельные участки бѣдныхъ за самую дешевую цѣну, нельзя даже сказать—покупая, но развѣ съ разверстою пастью поглощая оныя, то очевидно, что различіе намѣренія и практическаго исполненія требуетъ и неодинаковаго приложенія вышеуказанныхъ постановленій. Итакъ, если окажется, что цѣна, заплаченная за имѣніе, вдвое ниже дѣйствительной его цѣнности, то покупщикъ лишается ея безъ всякаго вознагражденія.

7) Равнымъ образомъ, если покупка совершилась пусть и не на столько, но все же въ ущербъ и вредъ продавцамъ, и если доходы, полученные съ имѣнія, уже сравнялись съ уплаченною при покупкѣ суммою, они (то-есть, покупщики) не имѣютъ права предъявлять никакихъ требованій (при возвращеніи земли продавцу). Если же полученныхъ доходовъ еще не достаетъ 187
(до заплаченной суммы), то недостающее только должно быть восполнено тѣми, кто имѣетъ право перенять имѣніе или участокъ.

8) Мы не желаемъ, чтобы рѣшенныя нами добрыя мѣры потерпѣли какое-либо нарушеніе подъ предлогомъ пожертвованій и записей, даваемыхъ святымъ обителямъ постригшимися или желающими въ нихъ постричься монахами. Для монастырей будетъ совершенно достаточною выгодою вмѣсто земли или недвижимости получать справедливую ея цѣну деньгами, если въ самомъ дѣлѣ ради спасенія души, а не ради обмана прикрывающаго продажу, дѣлается вкладъ. Мы полагаемъ, что, предоста-

вляя право выкупа и преимущественной покупки и въ отношеніи вкладовъ, дѣлаемыхъ въ монастыри, мы постановляемъ правило полезное не только для «убогихъ», но и для священныхъ домовъ, такъ какъ обитатели оныхъ такимъ образомъ будутъ свободны отъ споровъ, тяжебъ и раздоровъ, отъ неблагороднаго и неблаговиднаго стяжанія, а имъ, какъ плотскимъ всетаки созданіямъ, слѣдуетъ избѣгать всякихъ поводовъ къ паденію, а не идти имъ на встрѣчу.

Если кто изъ лицъ чиновныхъ и властныхъ послѣ изданія настоящей нашей заповѣди, человѣколюбиво исправляющей ненасытную страсть къ пріобрѣтенію и вводящей полезный обществу порядокъ *(τὸ κοινῇ λυσιτελοῦν εἰσηγούμενα)*, рѣшится въ чемъ-нибудь ее нарушить и вкрадется посредствомъ покупки, дара или какимъ другимъ образомъ въ сельскія или деревенскія крестьянскія земли, то наша воля состоитъ въ томъ, чтобы такой человѣкъ былъ оттуда изгоняемъ безъ всякаго вознагражденія, лишаясь при томъ всѣхъ своихъ издержекъ и улучшеній и сверхъ того подвергаясь наказанію. Для знатныхъ это наказаніе будетъ заключаться въ денежномъ штрафѣ, равняющемся цѣнности имѣнія и взыскиваемомъ не ради выгодъ казны — ибо казна не желаетъ видѣть собственной выгоды въ томъ, что служитъ во вредъ обществу, — но ради попеченія объ «убогихъ»; а для менѣе состоятельныхъ наказаніе будетъ заключаться въ безденежномъ лишеніи купленнаго участка и въ соотвѣтственномъ денежному штрафу взысканіи другого рода... Мы желаемъ, чтобы всѣ эти правила получили полную силу ради блага нашихъ подданныхъ, которое составляетъ предметъ многихъ и постоянныхъ нашихъ заботъ. Мы ничего не щадили, чтобы воротить свободу тѣмъ изъ нашихъ подданныхъ, которые были ея лишены, и при помощи Божіей многія поля, деревни и города отняты нами
188 отъ супротивниковъ (Болгаръ) частію оружіемъ, частію одною только угрозою войны или осады; теперь наши подданные свободны отъ напастей непріятельскаго нашествія. Если мы успѣли достигнуть такихъ успѣховъ противъ внѣшнихъ враговъ, то, конечно, удастся намъ сокрушить и внутреннихъ враговъ всякаго добраго порядка острымъ мечомъ сего настоящаго законодательства...

3) Новелла царя Константина Багрянороднаго о властеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ[1]).

Постановленіе 934 года, такъ грозное относительно будущихъ его нарушителей, такъ суровое и рѣзкое по своему тону и языку, допускало, однако, послабленіе относительно властелей, воспользовавшихся для округленія своихъ помѣстій и вытѣсненія крестьянъ съ ихъ общинныхъ земель страшными бѣдствіями голода и мора. Ясное дѣло, что обязанность возвращенія крестьянами покупной суммы, хотя и съ всевозможными льготами и разсрочками, ослабляла дѣйствительность закона въ примѣненіи къ происшедшимъ уже нарушеніямъ его и примѣромъ смягченія въ отношеніи къ прошедшему возбуждала сомнѣнія въ серіозности угрозъ касательно будущаго. Человѣкъ, который для избѣжанія голодной смерти продавалъ свою собственность, едва-ли будетъ имѣть средства для выкупа ея. Что угрозы Романа относительно будущаго никого не испугали, это доказали послѣдствія. Властели продолжали пріобрѣтать земли «убогихъ» покупками, сдѣлками и насиліемъ... Вотъ что говоритъ византійская хроника о Константинѣ VII Багрянородномъ, который, послѣ низложенія Романа Лакапина и его сыновей, сдѣлался самостоятельнымъ и единственнымъ правителемъ государства (944 года):

«Онъ увидѣлъ, что жадность людей ненасытныхъ распространяется все болѣе, что сильные люди (архонты) прокрались въ средину провинцій и селъ (*χωρίων*) и угнетаютъ тамъ несчастныхъ убогихъ (*ταλαιπώρους πένητας*), что властели посредствомъ насилія и различныхъ хитрыхъ уловокъ пріобрѣли себѣ тамъ (многія) помѣстья (*προάστεια*): онъ рѣшился отнять у нихъ несправедливо пріобрѣтенное... Что же сдѣлалъ для этого сей во всемъ мудрый государь? Собравъ подвластный ему сенатъ, онъ на основаніи его совѣта опредѣлилъ, что всѣ богатые, которые со времени его провозглашенія самодержавнымъ государемъ (944 г.) пріобрѣли покупкою, дареніемъ или насиліемъ помѣстья 189
или поля въ селахъ, будутъ оттуда выгнаны безъ всякаго возна-

1) <Zachariä Jus Graeco-roman. III, 252—256>.

гражденія. Такимъ образомъ ему удалось нѣсколько остановить заразу и сдержать жадность ненасытныхъ пріобрѣтателей»[1]).

Законъ, остановившій заразу любостяжанія, есть новелла 947 года, продиктованная патрикіемъ и квесторомъ Ѳеофиломъ, и отъ которой дошли до насъ два списка, представляющіе два экземпляра, отправленные въ двѣ различныя малоазіатскія провинціи (ѳемы Ѳракисійскую и Анатоликонъ). Нѣкоторыя отличія между двумя изводами, находящіяся, впрочемъ, только въ началѣ, не лишены интереса.

«Отъ многихъ мы слышали, что властели и выдающіеся мужи въ ѳемѣ (области) Ѳракисійской, презирая царскіе законы и самое естественное право, а также и наши повелѣнія, не перестаютъ вкупаться въ села или вступать въ нихъ посредствомъ даренія и наслѣдства, и подъ этимъ предлогомъ тиранствуютъ надъ несчастными убогими, сгоняютъ ихъ съ ихъ собственныхъ полей, вытѣсняютъ съ земли, имъ принадлежащей[2]). Вслѣдствіе того мы, послѣ разсмотрѣнія сообща *(ἐκ κοινῆς διασκέψεως)*, постановляемъ слѣдующій общій законъ и правило:

1) Изданнымъ прежде (то-есть, въ 934 году) закономъ уже запрещено было «особамъ» *(προσώπων)* и домамъ царскимъ и богоугоднымъ покупать имѣнія у сельскихъ общинъ или у отдѣльныхъ членовъ оныхъ *(ἀπὸ τῶν χωρίων ὁμάδος ἢ τοῦ καθέκαστον)*, при чемъ осуждались какъ прошлыя сдѣлки подобнаго рода (отъ перваго индикта до изданія законоположенія), такъ особенно будущія (послѣ изданія законоположенія). Тѣмъ не менѣе большинство властелей совсѣмъ не думали соблюдать законъ и воздерживаться отъ губительныхъ сдѣлокъ съ бѣдными, такъ что и судьи въ свою очередь, не столько по дурнымъ побужденіямъ, сколько вынуждаемые необходимостью, часто произносили судебныя рѣшенія въ дѣлахъ такого рода не на точномъ основаніи закона, а примѣняясь къ обстоятельствамъ *(κατ'*

---

1) Theophan. Continuat. de Constant. Porphyrog. cap. 15 (p. 447 Bonn.).

2) Вмѣсто этого введенія въ экземплярѣ, отправленномъ въ провинцію Анатоликонъ, читалось: «Мы узнали объ убожествѣ и бѣдности народа въ ѳемѣ Анатоликонъ и о тираніи надъ нимъ властелей *(δυνατῶν)* и крайне ужаснулись ненасытности и жадности ихъ душъ, что ни законъ, ни страхъ царя не смирилъ ихъ любостяжанія».

οἰκονομίαν), то такъ, то иначе. Вслѣдствіе того мы постановили такое общее рѣшеніе, чтобы всѣ тѣ, кому вышеупомяну- 190
тыми законами (934 г.) было воспрещено покупать земли бѣдныхъ и кто, несмотря на то, уже послѣ провозглашенія насъ самодержцемъ (въ 945 году) осмѣлился втереться въ какое-либо село или поселокъ или вообще захватить недвижимость бѣднаго, тотъ немедленно, безъ всякихъ отговорокъ и отсрочекъ прогоняется съ пріобрѣтеннаго имъ участка, не имѣя права представлять какихъ-либо требованій за тѣ или другія свои издержки.

2) Относительно тѣхъ, которые пріобрѣли участки въ промежутокъ времени отъ большого голода или перваго индикта (928 г.) до нашего провозглашенія (945 г.), мы постановляемъ слѣдующее общее правило: всякое пріобрѣтеніе посредствомъ дара или наслѣдства, или какой другой юридической сдѣлки, придуманной для обхода закона, признается не имѣющимъ силы и недѣйствительнымъ, отмѣняется безъ всякихъ правъ на возмѣщеніе издержекъ; точно такъ же уничтожаются и всякія мѣны и мѣновыя сдѣлки, и каждый получаетъ свое, развѣ только самъ убогій пожелаетъ остаться при вымѣненномъ имѣньѣ, находя для себя болѣе выгоднымъ промѣнять отяготительное участіе въ общинѣ на частную собственность, и получилъ при томъ лучшій участокъ[1]). Относительно продажъ и покупокъ наше рѣшеніе таково, что и онѣ отмѣняются, и проданныя земли возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, или же ихъ наслѣдникамъ, либо однотяглымъ *(πρὸς — συντελεστάς),* какъ опредѣлено въ первоначальномъ законоположеніи. Что же касается возвращенія покупной цѣны, то тутъ нужно обращать вниманіе на лица и обстоятельства. Если покупщикъ принадлежалъ къ разряду властелей или же былъ родственникомъ властеля свѣтскаго, либо духовнаго, а продавецъ былъ изъ сословія бѣдныхъ, такъ что состояніе его не превышало пятидесяти золотыхъ монетъ (номизма, золотая монета около трехъ рублей), то возвратъ покупной суммы не

---

1) Zachariä, Jus Graecorom. III, 254: *ἅτε πρὶν ἀνακεκοινωμένος ὢν καὶ οὐ μόνον ἰδίᾳ τὴν ἑαυτοῦ κατάσχεσιν ἀφορίσας διὰ τὸ ἀνενόχλητον, ἀλλὰ καὶ τὸ κρεῖττον ἀντιλαβών.*

имѣетъ мѣста. Если же продавецъ имѣетъ состояніе выше пятидесяти номизмъ, то онъ долженъ уплатить подлежащую возврату сумму въ теченіе трехъ лѣтъ, пользуясь тѣми же преимуществами, какъ и общинникъ *(ὁμάς)*, хотя бы это на самомъ дѣлѣ былъ схоларій (воинъ, служащій въ императорской гвардіи) или чиновникъ, служащій въ приказахъ *(σεκρέτοις ὑπηρετούμενος)*. Если же продавцомъ имѣнія была крестьянская община
191 *(εἰ δὲ ὁμὰς ἦν ἡ πωλήσασα)*, у которой не окажется средствъ для возвращенія полученныхъ за него денегъ (при отобраніи отъ покупщика проданной земли), то пусть она имѣетъ отсрочку на такое число лѣтъ, какое, по мнѣнію судьи, будетъ достаточно для того, чтобы соотвѣтствующая подлежащей возврату сумма могла быть выручена изъ доходовъ имѣнія. Если же окажется, что продавецъ или продавцы при продажѣ или ранѣе подверглись какому-нибудь обману или насилію со стороны покупщика или его фамиліи, то возвратъ покупныхъ денегъ отмѣняется, хотя бы покупщикъ и не принадлежалъ къ разряду властелей. Если же покупщиками были болѣе бѣдные изъ монастырей или кто-либо изъ протоспаѳаріевъ, живущихъ въ богоспасаемой столицѣ, или изъ низшихъ архонтовъ, и если они совершили свои покупки безъ всякаго насилія и обиды и безъ содѣйствія со стороны сильныхъ, то они не только получаютъ обратно уплаченныя при покупкѣ деньги, но и всякія издержки, употребленныя на пользу, какъ напримѣръ, на разведеніе виноградниковъ или на устройство водяныхъ мельницъ. Они могутъ снять и унести и матеріалъ собственныхъ построекъ, не вредя, конечно, прежнему положенію хозяйственныхъ заведеній, и только въ томъ случаѣ, если не получатъ за нихъ вознагражденія. Если же возвращенію должнаго препятствуетъ несостоятельность лицъ, обязанныхъ возмѣстить оное, то отчужденное имѣніе остается въ залогѣ *(μεσεγγυᾶσθαι)* въ продолженіе столькихъ лѣтъ, доколѣ чистый доходъ съ него не покроетъ должной покупной суммы или вышеозначенныхъ издержекъ; или пусть лучше имѣніе возвращается во владѣніе прежняго отчуждившаго его хозяина, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы покупщикъ могъ наблюдать за сборомъ плодовъ (доходовъ) и сохранностью на удовлетвореніе долга. И если отчуждившій имѣніе имѣетъ какія-либо средства, напри-

мѣръ, другую землю, то пусть онъ отдаетъ весь сборъ этихъ плодовъ лицу, заключившему съ нимъ запродажную сдѣлку; а если у него нѣтъ другихъ источниковъ существованія, то пусть онъ удерживаетъ изъ доходовъ то, что нужно для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и для хозяйственныхъ земледѣльческихъ оборотовъ, а все остальное пусть отдаетъ кому слѣдуетъ.

3) Если же отчужденіе произошло при такихъ условіяхъ, что продавецъ былъ одинъ изъ болѣе видныхъ или знатныхъ членовъ общины *(τῆς δμάδος)*, напримѣръ, схоларій, а покупщикъ — лицо только немного низшее по достоинству, напримѣръ, стратіотъ, или же если передача совершилась со стороны одного изъ болѣе бѣдныхъ *(εὐτελεστέρων)* въ пользу другого, только немного надъ нимъ возвышающагося, напримѣръ, 192
со стороны получившихъ воинскую отставку гражданъ *(ἀστρατεύτων πολιτῶν)* схоларіямъ или приказнымъ *(σεκρετικοῖς)*, то въ этомъ случаѣ сдѣлка должна сохранять свою силу и оставаться неизмѣнною. Равнымъ образомъ, если кто обязанъ внести въ казну лежащія на немъ подати и повинности или же хочетъ дать своей дочери приданое, но не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ уплатить свой долгъ казнѣ или наложенную на него повинность, или дать обѣщанное приданое, то ради этихъ причинъ позволяется отчуждать и недвижимое имѣніе, но только односельчанамъ *(συγχωρίταις)* или, въ случаѣ необходимости, въ села, входящія въ составъ одной и той же волости (митрокоміи) или состоящія подъ одною и тою же комитурою [1]).

Сверхъ того, когда продаетъ или другимъ образомъ отчуждаетъ имѣніе свое властель, то имѣетъ мѣсто «предпочтеніе» (право выкупа) въ пользу крестьянъ относительно того, въ чемъ они являются относительно его сообщниками, напримѣръ, относительно выгона или водъ, или горныхъ мѣстъ, безъ которыхъ они не могутъ вести своего хозяйства [2]). Но въ пользу (посторонняго) покупщика постановляется, что если онъ захочетъ

---

1) *ἢ ἐξ ἀνάγκης πρὸς τὰ ὑπὸ τὴν αὐτὴν μητροκωμίαν χωρία ἤτοι ὑπὸ τὴν αὐτὴν κωμητούραν.* ‹p. 256›.

2) *προτιμᾶσθαι τοὺς χωρίτας ἐν οἷς εἰσιν ἀνακεκοινωμένοι, ἢ χωρὶς τῆς ἐκείνου νομῆς ἢ τῶν ὑδάτων, ἢ τῶν ὀρέων οὐ δύνανται διοικεῖσθαι.* ‹p. 256›.

пріобрѣсть только это одно (то-есть, собственность властеля) и отступиться отъ того, что входитъ въ составъ общественнаго владѣнія *(ἀπὸ τῶν ἀνακεκοινωμένων)*, то онъ имѣетъ возможность и право поступить такимъ образомъ. Если же въ отчуждаемомъ имѣніи есть какой-нибудь самостоятельный, отдѣльно отмежеванный участокъ *(ἐστί τι καὶ ἰδιοσύστατον)*, то (крестьяне) обязываются или пріобрѣсти его въ цѣлости, или совершенно отъ него отказаться. Въ первомъ случаѣ они имѣютъ отсрочку четырехъ мѣсяцевъ для сбора той цѣны, какую даетъ другой покупщикъ, или лучше — въ какую имѣніе оцѣнивается, если покупщики принадлежатъ къ разряду убогихъ *(πένητες)*.

4) Новелла Константина Багрянороднаго о военныхъ участкахъ *(περὶ στρατιωτῶν, περὶ στρατιωτοτοπίων)*[1].

Авторомъ этой новеллы, какъ и указано въ подлинномъ ея надписаніи, былъ знаменитый въ то время юристъ, патрикій и квесторъ Ѳеодоръ Декаполитъ. Точный годъ изданія ея не-
193 извѣстенъ; несомнѣнно только, что она относится къ періоду единодержавнаго правленія Константина VII (945—959 гг.). Константинъ Багрянородный никогда не былъ воиномъ и не любилъ водить своихъ полковъ въ поле и на битву; но, какъ видно изъ этой новеллы, онъ интересовался военнымъ дѣломъ не только какъ ученый диллетантъ, занятый вопросами о томъ, какими военными машинами и какими военными хитростями брали города и одерживали побѣды Греки и Римляне; онъ не былъ слѣпъ и глухъ къ печальной современной ему дѣйствительности, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ безпристрастно всю отвѣтственность за униженіе имперіи въ послѣднихъ столкновеніяхъ съ Болгарами и Арабами готовъ былъ возложить на своихъ ближайшихъ предшественниковъ, Романа Лакапина и его сыновей. Общіе мотивы, вызвавшіе обширное и подробное законоположеніе о воинскихъ сухопутныхъ, а также и морскихъ помѣстьяхъ (о которыхъ мы отсюда и получаемъ точныя свѣдѣнія), весьма яркимъ и откро-

1) ‹Zachariä, Jus Graecorom. III, 261—266›.

веннымъ языкомъ изложены въ концѣ новеллы. Злоупотребленія, противъ которыхъ она направлена, были въ сущности двоякаго рода: a) военные участки подверглись, подобно крестьянскимъ, поглощенію со стороны крупной собственности, причемъ властели пользовались разнаго рода несчастіями, а иногда и безпечностію стратіотовъ; b) не только собственность, но и личность стратіота не была ограждена отъ насилія и жадности людей сильныхъ, и особенно начальствующихъ, стремившихся превратить слугу государства въ собственнаго слугу, парика и раба. Противъ первой бѣды утверждается неотчуждаемость военныхъ помѣстій, о которой была уже рѣчь въ новеллѣ Романа Лакапина, и на сей разъ точно опредѣляется, что должно быть разумѣемо подъ воинскимъ участкомъ, и какъ великъ долженъ быть его нормальный объемъ: вмѣсто какой-либо поземельной мѣры эта величина опредѣляется денежною цѣнностію, при чемъ единицею служитъ литра золота (около 250 рублей), изъ которой выходило 72 номизмы (около $5^1/_2$ руб.). Далѣе опредѣляется, какъ поступать, если стратіотъ, кромѣ воинскаго помѣстья, имѣетъ другое поземельное имущество, и какому наказанію слѣдуетъ подвергать властелей, покупающихъ участки, вписанные въ военно-помѣстныхъ книгахъ, а также обозначается срокъ давности, прикрывающей неправильную покупку, и указываются лица, имѣющія право вчинать искъ о возвращеніи и т. д. Что касается злоупотребленій второго рода, то противъ нихъ новелла вооружается только угрозою денежнаго штрафа и притомъ не очень высокаго.

«Что въ тѣлѣ голова, то въ государствѣ войско; сообразно 194
съ тѣмъ или другимъ состояніемъ той и другого, все измѣняется (и въ соотвѣтствующемъ организмѣ); кто не прилагаетъ о нихъ большой заботы, тотъ погрѣшаетъ противъ собственной безопасности. Такъ какъ съ теченіемъ времени воинское устройство ослабѣло, а источники, откуда стратіоты получали средства къ существованію и жизни, сдѣлались болѣе скудными и затруднительными, то наше царство (величество) приняло мѣры для приведенія ихъ въ болѣе благопріятное положеніе, соблаговоливъ учинить дѣло полезное для всѣхъ.

«Итакъ, мы постановляемъ то самое, что не писанный обы-

чай уже прежде утвердилъ, — именно, что не позволяется стратіотамъ продавать имѣнія, съ которыхъ они отправляютъ воинскую службу *(ἐξ ὧν αἱ στρατεῖαι ὑπηρετοῦνται)*, а напротивъ нужно, чтобы для каждой службы *(εἰς ἑκάστην στρατείαν)* сохранялось недвижимое имущество въ размѣрѣ для всадниковъ въ четыре литры. Къ нимъ мы повелѣваемъ причислять и отдѣленныхъ для флота моряковъ (*πλωΐμους*, матросовъ, пловцовъ) Эгейскаго моря, Самоса и Кивиррэотскаго округа; потому что они, будучи обязаны сами снаряжать свои суда и ставить на нихъ гребцовъ *(αὐτόστολοι καὶ αὐτερέται)*, несутъ тяжелую службу. А тѣмъ, которые служатъ на жалованьѣ *(ἐπὶ ῥόγας)* въ царскомъ флотѣ *(τὰ βασιλικὰ πλώϊμα)*, и остальнымъ «пловцамъ» *(πλωΐμοις)* уже теперь утвердившійся обычай предписываетъ имѣть для царской службы недвижимаго имущества на двѣ литры, что и намъ кажется достаточнымъ.

«Итакъ, если въ такомъ недвижимомъ владѣніи обрѣтаются люди, внесенные въ списки той или другой воинской службы *(τῆς ἑκατέρας δουλείας)*, то они должны сохранять неотчуждаемымъ свой участокъ и передавать его по наслѣдству какимъ угодно сообразнымъ съ закономъ способомъ, но только вмѣстѣ съ лежащею на нихъ повинностію. Воинскій участокъ не можетъ быть переданъ ни по наслѣдству, ни по завѣщанію лицамъ, характеръ или положеніе которыхъ не совмѣстны съ военною службою, то-есть, лицамъ сановнымъ *(ἀξιωματικοῖς)*. Если же помѣстье при переходѣ по наслѣдству подвергнется раздѣлу на неровныя доли, то обязанность должна распредѣляться сообразно съ количествомъ земли, какое получитъ каждый, то-есть, владѣльцы должны складываться и сообща ставить одного вооруженнаго человѣка.

«О движимомъ имуществѣ мы не заботимся, и владѣльцу предоставляется распоряжаться онымъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, лишь бы только много не удалялось въ то же время недви-
195 жимое; ибо въ такомъ случаѣ движимое годилось бы для выполненія убыли въ недвижимомъ.

«Если же стратіотъ окажется владѣльцемъ нѣсколькихъ недвижимыхъ имѣній, такъ что его имущество въ своей совокупности много превосходитъ необходимое количество одной службы,

то и тогда, если все это записано въ воинскихъ спискахъ *(ἐν τοῖς στρατιωτικοῖς κώδιξιν ἀπογράφονται)*, отчужденіе отдѣльныхъ участковъ не допускается, хотя бы у владѣльца и послѣ отчужденія оставалось земли болѣе, чѣмъ на четыре или двѣ литры. Никто не можетъ покупать что-либо изъ такихъ воинскихъ участковъ, въ особенности человѣкъ знатный или сановный, митрополитъ, епископъ, или монастырь, или какой другой богоугодный домъ, или властель даже до схоларія. Пусть они знаютъ, что не будетъ принимаемо никакого иска съ ихъ стороны для возвращенія уплаченныхъ при покупкѣ денегъ, и что даже не позволено будетъ и рѣчи заводить объ издержкахъ и убыткахъ, еслибы они и много истратили на улучшеніе купленнаго. Имъ дозволено будетъ унести только свой строительный матеріалъ, и то безъ ущерба прежнему положенію имѣнія. Если же не все окажется внесеннымъ въ списки, и стратіотъ имѣетъ самостоятельный участокъ *(κτῆμα ἰδιοπεριόριστον)*, не подлежащій воинской повинности, то владѣлецъ имѣетъ право отчуждать его какимъ угодно способомъ, лишь бы только внесенное въ списокъ недвижимое имѣніе было достаточно для отправленія военной службы. Ибо если оно окажется недостаточнымъ, то получившій отъ стратіота какимъ бы то ни было способомъ его свободную землю обязанъ будетъ восполнить недостатокъ военнаго помѣстья. Если же имѣнія стратіота еще совсѣмъ не были внесены въ военно-помѣстныя книги *(οὐδόλως ἀναγεγραμμένα εἰσί)*, то наиболѣе доходная ихъ часть, цѣнностію до четырехъ литръ, предполагается подлежащею повинности, и согласно съ нашимъ предусмотрѣніемъ пусть отчисляется къ неотчуждаемому, а остальное позволяется отчуждать[1]). Если при этомъ случится, что одинъ ранѣе купилъ (изъ имѣній стратіота) болѣе доходное, а другой послѣ менѣе доходное, и потомъ болѣе доходное, на основаніи вышеозначеннаго пункта, будетъ присуждено къ возврату, то пусть первый покупщикъ имѣетъ право старѣйшинства предъ 196
позднѣйшимъ *(ἐχέτω τὰ τῆς προγενεσίας δίκαια κατὰ τοῦ μετα-*

1) Отсюда, по видимому, можно заключить, что воинскіе участки вовсе не были всегда образуемы посредствомъ отвода государственной или казенной земли, а просто объявленіемъ частныхъ земель, находящихся въ рукахъ крестьянъ, воинскими.

γενεστέρου ὁ προγενέστερος). Если же кто, имѣя нѣсколько недвижимыхъ имѣній, продастъ именно то, которое внесено въ военно-помѣстныя книги, а потомъ возбудитъ споръ съ цѣлію возвращенія проданнаго участка, какъ находящагося въ спискахъ, то онъ, согласно съ вышевыраженнымъ правиломъ, имѣетъ право получить обратно проданный участокъ, но при этомъ долженъ удовлетворить покупщика изъ другого своего имущества, если окажется, конечно, излишекъ — у всадника противъ четырехъ литръ, у пловца *(οἱ πλωτῆρες)* — противъ двухъ. Если же кто подлежитъ отбыванію воинской службы только съ одной части своего достоянія, то расчетъ дѣлается сообразно съ величиной этой части (по аналогіи).

Лица, какимъ бы то ни было способомъ пріобрѣтшія воинскія помѣстья, не прежде считаются ихъ господами, какъ по истеченіи сорока лѣтъ безспорнаго владѣнія, такъ какъ и недобросовѣстнымъ владѣльцамъ *(κακῇ πίστει νομεῦσιν)* старый обычай назначаетъ такой-же срокъ давности. При этомъ однако, различаются тѣ, которые пользовались имуществомъ на основаніи договора или сдѣлки и не обязаны возвращать плодовъ или доходовъ, и тѣ, которые подлежатъ обязанности возвратить плоды и доходы и возмѣстить всякій вредъ: это и мы находимъ приличнымъ (то-есть, по отношенію къ воинскимъ участкамъ, пріобрѣтеннымъ bona fide и mala fide).

«Стратіотомъ же слѣдуетъ считать не только того, кто поступилъ въ священные наши легіоны *(καθωσιωμένους ταῖς ἱεραῖς λεγεῶσι),* но и тѣхъ, которые, вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго несчастія *(διά τινα τύχης ἐπηρείαν)* оказались несостоятельными и получили увольненіе отъ службы[1]). Къ нимъ должны относиться то же ограниченіе и та же привилегія, то-есть, они не могутъ продавать своихъ имѣній сами, а равно мы не дозволяемъ, чтобы могла продавать ихъ казна. Потому что, если мы запрещаемъ самимъ владѣльцамъ дѣлать это, то какъ можемъ позволить это казнѣ и такимъ образомъ дать силу закона ста-

---

1) *ἐπιδεεῖς ὀφθέντες ἀδωρείας ἐνδίκως τετυχήκασι* ‹p. 264›. Cp. Constant. Porphyrog. de cerimoniis, II, cap. 49 ‹p. 696›. *ἐὰν δὲ παντελῶς ἐξαπορῶσιν — — — τότε ἀδωρεύονται καὶ δίδονται εἰς ἀπελάτας, ἐξ ὧν καὶ Τζέκωνες ἀφορίζονται εἰς τὰ κάστρα.*

рому несправедливому обычаю. Напротивъ, такой обычай слѣдовало совсѣмъ изгнать съ лица земли и моря, какъ въ высшей степени звѣрскій и жестокій. Тѣ, которые ввели его, привили, по моему мнѣнію, къ государству обычай медвѣдей[1]). Извѣстно, что медвѣди, будучи мучимы голодомъ, лижутъ свои 197
пальцы (сосутъ лапу), а стратіоты не суть ли то же, что пальцы или, скорѣе, даже руки въ государствѣ?

«2) Эти постановленія должны имѣть силу на будущее время. Что же касается прошедшаго, то до сихъ поръ относительно вышеозначенныхъ злоупотребленій существовало такое общее правило, что покупщики возвращаютъ воинскія имѣнія безъ всякаго вознагражденія. Но приложеніе правила къ частнымъ случаямъ, видоизмѣняемое то такъ, то иначе — по произволу тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе, приносило большой вредъ дѣламъ и всяческую неясность. Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы рѣшили отвергнуть всѣ запутанныя и разнообразныя правила и для всѣхъ возможныхъ случаевъ постановляемъ слѣдующія общія начала:

a) если у внесенныхъ въ списки стратіотовъ есть наслѣдники, то они, сообразно съ степенью своей родственной близости, имѣютъ право преимущественной покупки и вмѣстѣ съ тѣмъ право вчинать искъ для возвращенія воинскихъ имѣній, захваченныхъ насиліемъ властелей или просто неправильно отчужденныхъ владѣльцами; если же ближайшіе сродники не могутъ или не хотятъ этого сдѣлать, то право судебнаго иска переходитъ къ болѣе отдаленнымъ родственникамъ;

b) затѣмъ оно «принадлежитъ складчикамъ и сокопейникамъ *(συνδότας καὶ συναίχμους)*, то-есть, лицамъ, которыя сообща ставятъ и вооружаютъ стратіота или сами лично несутъ вмѣстѣ военную службу[2]); а если таковыхъ нѣтъ, то болѣе бѣднымъ или нуждающимся стратіотамъ, принадлежащимъ къ одному податному тяглу *(συντελεσταῖς)*, дабы они изъ этихъ имѣній могли восполнить недостатокъ средствъ и могли оправиться до степени состоятельности;

1) *τὴν αὐτὴν ταῖς ἄρκτοις φύσιν τῇ πολιτείᾳ προσένεμον* ‹p. 264›.

2) Constant. Porphyrog. de cerimon. l. c. ‹p. 695›: *Ὅτε δὲ πτωχεύσωσι (οἱ στρατιῶται), δίδονται αὐτοῖς καὶ συνδόται πρὸς τὸ δι' αὐτῶν ἔχειν τὸ ἱκανὸν καὶ δουλεύειν τὴν ἰδίαν στρατείαν.*

и c) наконецъ, въ случаѣ недостатка таковыхъ, право выкупа и иска переходитъ къ простымъ гражданскимъ податнымъ соплательщикамъ *(πολιτικοὺς συντελεστάς)*, чтобы не пропадала по крайней мѣрѣ поземельная подать *(πρὸς τὸ μὴ διαπίπτειν τὸν ἐκ τοῦ κήνσου φόρον)*;

d) если и продавцемъ и покупщикомъ были стратіоты, то здѣсь обращается вниманіе на состояніе покупщика: если богатый купилъ у бѣднаго, онъ подвергается, какъ и властель, на-
198 казанію, лишаясь покупки безъ всякаго вознагражденія; если же купилъ несостоятельный у богатаго, то онъ или удерживаетъ за собою купленное, или получаетъ обратно заплаченныя деньги».

Въ концѣ Константинъ описываетъ положеніе дѣлъ, до котораго была доведена имперія и особенно ея военныя силы. Это было всецѣлое паденіе и неудержимое стремленіе къ гибели. Всякій, кто имѣлъ значеніе и силу, захватывалъ себѣ необозримыя территоріи *(ἀπεριγράπτους χώρας)* и превращалъ несчастныхъ поселянъ, на нихъ сидѣвшихъ, какъ бы въ рабовъ своихъ *(ἐν ἀνδραπόδων λόγῳ)*, не считая при томъ своихъ дѣйствій дурными, сокрушаясь только въ томъ случаѣ, если кто другой превзошелъ его ловкостію и захватилъ больше. Шло ужасное какъ бы состязаніе на аренѣ зла; зло не остановилось только на властеляхъ, но, начавшись отъ нихъ, коснулось и «малосильныхъ» *(ὀλιγοσθενεῖς)*: обычаи людей стоящихъ на верху всегда легко передаются толпѣ. Такимъ образомъ тѣ, которымъ доставалось начальствовать надъ войскомъ, всѣ безъ исключенія—какъ будто уже законъ требовалъ, чтобы стратигъ велъ себя подобнымъ образомъ,—подвергали своихъ стратіотовъ всяческимъ мытарствамъ и вымогательствамъ, либо, получивъ хорошіе подарки, совсѣмъ освобождали отъ военной службы *(ἀντεδίδοσαν αὐτοῖς ἀστρατείαν)*. Это были люди продажные и, въ то же время, безпечные и невоинственные: трусливѣе муравьевъ и хищнѣе волковъ. Не умѣя брать дань съ враговъ, они обирали подданныхъ. Не многаго недоставало, чтобы довести дѣла до окончательной катастрофы; благодаря ихъ поведенію, римское государство пришло на край гибели. О нашихъ заботахъ, говоритъ императоръ, направленныхъ къ возстановленію и улучшенію дѣлъ, засвидѣтельствуетъ голосъ всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей,

и еще громче возгласятъ о нихъ толпы людей, освобожденныхъ отъ непріятельскаго плѣна и возвращающихся на родину. Надѣемся, что и другія перемѣны къ лучшему въ быту государственномъ будутъ слѣдствіемъ этихъ нашихъ заботъ и попеченій, которыя не оставляютъ насъ ни днемъ, ни ночью, и которыми вызваны настоящія законоположенія. Чтобы обезпечить ихъ дѣйствительное исполненіе на будущее время и навсегда, мы опредѣляемъ, что кто будетъ держать стратіота въ видѣ парика, или захватитъ насиліемъ его землю, съ которой онъ долженъ былъ нести военную службу, тотъ подвергнется взысканію въ количествѣ 36 золотыхъ монетъ (номизмъ), изъ коихъ половина должна идти стратіоту, для того, чтобы онъ могъ возстановить себя въ первобытномъ своемъ состояніи, а другая половина поступаетъ въ казну въ возмѣщеніе службы, которой государ- 199
ство будетъ лишено. Если же имѣніе не было захвачено силою, но пріобрѣтено покупкою, то полагается штрафъ въ пользу казны въ 24 монеты, и купленное имѣніе отбирается безъ права вчинать искъ о возвращеніи покупной цѣны. Но не подвергаются никакой отвѣтственности тѣ лица, которыя изъ жалости принимаютъ къ себѣ въ видѣ париковъ или же батраковъ *(εἴτε παροικεῖν, εἴτε θητεύειν)* стратіотовъ, согнанныхъ другими съ участковъ или добровольно покинувшихъ оные. А тотъ, кто осмѣлится держать стратіотовъ для собственныхъ послугъ, отнявъ ихъ у войска, подвергнется штрафу въ шесть номизмъ за одинъ годъ въ пользу казны, если только стратіоты не были ему переданы съ подобною цѣлію отъ военачальника или другихъ архонтовъ (командировъ) [1]).

5) Новелла Романа Младшаго о стратіотахъ или рѣшеніе на докладъ областного судьи, объявленное магистромъ Θеодоромъ Декаполитомъ [2]).

Къ кратковременному царствованію Романа II (959—963 гг.) относятся двѣ новеллы, касающіяся нашего вопроса. Въ первой изъ нихъ Романъ II разъясняетъ и развиваетъ поста-

1) *εἴ τις στρατιώτην ἐν παροίκου λόγῳ εὑρεθείη κατέχων* ‹p. 266›.
2) ‹Zachariä. Jus Graecorom. III, 281—284›.

повленія своего отца, Константина Багрянороднаго, относительно того пункта новеллы «о властеляхъ», купившихъ крестьянскіе участки въ періодъ времени отъ 928 года по 945, по которому, съ одной стороны, за крестьянами признавалось право на возвращеніе проданныхъ во время нужды участковъ, а съ другой — за властелями признавалось право на обратное полученіе покупной суммы съ извѣстною разсрочкою въ облегченіе бѣднѣйшихъ крестьянъ. Отсюда мы узнаемъ, что уже самъ Константинъ Багрянородный не дошедшимъ до насъ законодательнымъ актомъ распространилъ обязанность возврата покупной суммы на всѣхъ вообще, даже и бѣднѣйшихъ покупщиковъ означеннаго періода, увеличивъ только отсрочку съ трехъ лѣтъ на пять. Затѣмъ оказывается, что взаимныя притязанія и судебные процессы по этому поводу между богатыми и бѣдными, властелями и убогими, продолжались даже до времени Романа II, и особенно затруднительными и сложными казались тѣ случаи, когда «убогіе» не вполнѣ воспользовались отсрочкою, то-есть, уплатили въ продолженіе ея только часть слѣдующаго съ нихъ обратнаго взысканія, или же только дали письменныя обязательства, оказавшіяся для нихъ непосильными. Въ новеллѣ Романа II, продиктованной тѣмъ же самымъ юристомъ, кото-
200 рому принадлежитъ эдиктъ Константина VII о воинскихъ участкахъ, даются новыя, болѣе подробныя правила для подобныхъ случаевъ, притомъ въ такой степени льготныя для крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, что молодой государь, поддававшійся въ другихъ отношеніяхъ вліянію своей придворной аристократіи, никакъ не подлежитъ упреку въ измѣнѣ преданіямъ своего дома. Мы не находимъ здѣсь никакого стремленія смягчить строгія постановленія предшествовавшихъ государей, возбудившія, конечно, неудовольствіе аристократіи и тѣхъ родовитыхъ фамилій, которыя будто бы пользовались особеннымъ уваженіемъ Романа II[1]). По прежнему остается въ силѣ запрещеніе властелямъ пріобрѣтать имѣнія убогихъ, по прежнему остается въ силѣ относительно будущаго угроза безвозмезднаго отобранія такихъ покупокъ у людей богатыхъ, точно такъ, какъ не отмѣ-

1) Theophan. Continuat., p. 471.

няется и прежнее законодательство о случаяхъ безденежнаго возврата такихъ покупокъ. Въ началѣ новеллы находится не совсѣмъ вѣрное показаніе, что такіе случаи въ первый разъ предусмотрѣны въ эдиктѣ Константина Багрянороднаго, тогда какъ мы знаемъ, что уже Романъ Лакапинъ высказалъ ту же самую угрозу. Почему игнорируется новелла Романа I, объ этомъ легко догадаться... Прибавимъ, что, какъ уже видно изъ предыдущаго, новелла Романа Младшаго, сочиненная Ѳеодоромъ Декаполитомъ, трактуетъ, несмотря на свое заглавіе, не объ однихъ только стратіотахъ, но вообще объ убогихъ и властеляхъ.

«Докладъ твой, освященный господинъ *(ἡγιασμένε κύριε)*, по царскому повелѣнію, переданъ былъ нашему смиренію. Мы думаемъ, что ты и самъ знаешь силу новыхъ заповѣдей. Хотя онѣ имѣютъ разнообразное содержаніе и часто измѣнялись то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ по требованіямъ времени, но вполнѣ ясно слѣдующее: ни бѣдные стратіоты, ни простые граждане никогда не получали привилегій безденежнаго возвращенія проданныхъ ими имуществъ до провозглашенія незабвеннаго и треблаженнаго (покойнаго) государя, то-есть, царя Константина Багрянороднаго. Но и при немъ всѣ стратіоты, имѣющіе болѣе чѣмъ на четыре литры недвижимаго имущества, а равно и всѣ гражданскіе люди *(πολιτικοί*, простолюдины), на основаніи новыхъ царскихъ постановленій, обязаны были при возвращеніи имъ неправильно отчужденной ими земли возвратить съ своей стороны въ продолженіе трехъ лѣтъ полученную за нее отъ покупщика сумму; только одни бѣдные и несостоятельные стратіоты (не имѣющіе четырехъ литръ) получили облегченіе и освобождены 201
были отъ обязанности возвращать взятыя при продажѣ своей земли деньги. Сверхъ того, эдиктъ, изданный при блаженной памяти царѣ нашемъ (Константинѣ Багрянородномъ) и продиктованный Ѳеофиломъ квесторомъ, имѣлъ обратную силу въ отношеніи къ прошлому времени — считая съ голоднаго года, съ котораго вообще началось законодательство по данному вопросу; и здѣсь въ отношеніи этого прошлаго времени постановлялось, что если какой гражданинъ не имѣетъ состоянія болѣе 50 номизмъ, то онъ не принуждается возвращать цѣны, которую онъ

получалъ за свою землю. Когда потомъ послѣдовало прошеніе архонтовъ военнаго разряда *(καταλόγου)*, то онъ сдѣлалъ только одно новое добавленіе, именно — что и эти лица *(πολιτικοί* съ имѣніемъ ниже 50 номизмъ) возвращаютъ покупную сумму (Здѣсь указывается на такую новеллу, какая до насъ не дошла). Ибо онъ считалъ крайне несправедливымъ, чтобы ни въ чемъ не повинный покупщикъ, уплатившій добросовѣстнымъ образомъ свою плату, не только лишался купленнаго участка, но и внесенной имъ покупной суммы. По внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, онъ рѣшилъ только продлить отсрочку въ пользу убогихъ, обязанныхъ возвратомъ полученныхъ разъ денегъ, именно такъ, чтобы они проданные участки, если таковые принадлежали къ сельской ихъ общинѣ *(ἐὰν εἰς κοινότητα χωρίου ὦσι)*, получали обратно тотчасъ послѣ заявленія жалобы, а покупную сумму возвращали бы уже не въ трехлѣтній, а въ пятилѣтній срокъ. Я полагаю, что такимъ образомъ заставляя крестьянъ пятилѣтнимъ потомъ и трудами расплачиваться за собственную расточительность и небрежность, онъ (то-есть, Константинъ Багрянородный) хотѣлъ привести ихъ къ привычкамъ трудолюбія.

1) Итакъ тѣ, которые получили обратно свою собственность безденежно ранѣе царскаго опредѣленія, если они имѣютъ судебный приговоръ, уже не должны быть тревожимы, но могутъ владѣть своимъ безъ всякаго посторонняго посягательства. Ибо рѣшеніе было произнесено на основаніи правила, имѣвшаго тогда полную силу, и позднѣйшее царское опредѣленіе не предписывало пересматривать прежде рѣшенныя дѣла. Напротивъ, царское правосудіе недостойному рабу своему (то-есть, самому Ѳеодору) дало такое рѣшеніе, что все устроенное прежде должно оставаться непоколебимымъ. Посему, если убогіе какимъ-либо образомъ подверглись уже судебному разбирательству и получили обратно безъ всякаго денежнаго съ ихъ стороны возмездія свои участки, и если они имѣютъ возможность представить письменное судебное рѣшеніе, то вы не должны тревожить
202 ихъ (обращеніе дѣлается къ окружному судьѣ). Но если они были обязаны при обратномъ полученіи участковъ уплатить покупную сумму съ допущеніемъ извѣстной отсрочки, и если

эта отсрочка уже миновала, то на этотъ случай постановляется слѣдующее:

a) если они уплатили хотя малую какую-нибудь часть продажной-покупной цѣны, или же соглашаются и обѣщаются, получивъ другую отсрочку, уплатить всю сумму, то слѣдуетъ требовать отъ нихъ письменныхъ обязательствъ, которыя должны быть ими выданы прежнимъ покупщикамъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе другой отсрочки, которую ты имъ назначишь, они уплатятъ или остальное, или же все;

b) если же они еще совсѣмъ ничего не уплатили, и особенно, если дали письменныя обязательства покупщикамъ и оказались не въ состояніи что-нибудь внести изъ цѣнности имѣнія, то слѣдуетъ или выдѣлить участокъ изъ состава общинной земли *(ἀπὸ τῆς ὁμάδος τοῦ χωρίου ἀποτεμεῖν)*, если ты найдешь это болѣе выгоднымъ для убогихъ, или же публичною властью временно ввести покупщика во владѣніе проданными участками, съ тѣмъ, чтобы онъ сообразно съ количествомъ уплаченной при покупкѣ суммы получалъ въ свою пользу доходъ, имѣющій поступать отъ пользованія тѣми участками, которые поступятъ въ его владѣніе на извѣстный срокъ — на три года или болѣе, но не далѣе, какъ на десять лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ обѣ стороны заставить другъ другу выдать собственноручныя взаимныя обязательства — покупщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ покупщикамъ — такого содержанія, что по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ пользованія имѣніе опять воротится отъ покупщика къ общинѣ *(πρὸς τὴν κοινότητα — ἡ τῶν τόπων χρῆσις)*, которой и будетъ принадлежать пользованіе, а убогіе никогда не будутъ лишены права собственности. Все это должно быть объяснено въ документѣ, дабы не могло быть прикрыто никакою продѣлкою;

c) если же убогіе могутъ и предпочитаютъ часть цѣны (подлежащей возврату), на сколько они въ состояніи, уплатить сейчасъ, а за другую часть отдать покупщикамъ недвижимое имущество во временное пользованіе, то допускается и такая сдѣлка, сообразуясь съ вышеприведеннымъ правиломъ о десятилѣтнемъ срокѣ, то-есть, этотъ крайній срокъ пользованія сокращается соотвѣтственно съ долею вороченныхъ денегъ. Если,

напримѣръ, убогій получилъ при продажѣ сто номизмъ и уплатилъ въ возвратъ сейчасъ же или обязался уплатить вскорѣ половину этой суммы (50 номизмъ), то покупщикъ можетъ вла-
203 дѣть участкомъ и пользоваться съ него доходами только въ продолженіе пяти лѣтъ.

2) Это имѣетъ силу по отношенію къ продажамъ, состоявшимся въ продолженіе 17-лѣтняго періода отъ перваго царскаго объ этомъ закона (928 г.) до провозглашенія покойнаго императора. А въ отношеніи къ продажамъ, послѣдовавшимъ отъ начала самодержавія Константина Багрянороднаго, неуклонно слѣдуетъ держаться того, что всѣ стратіоты и простолюдины *(πολιτικοί)* получаютъ обратно свои участки безденежно. Лица, которыя послѣ столькихъ предвареній и царскихъ указовъ всетаки рѣшились, слѣдуя внушеніямъ своей жадности, вкрадываться внутрь сельскихъ общинъ и міровъ *(τὰς τῶν χωρίων ὁμάδας καὶ κοινότητας)* и производить въ нихъ смятеніе, дѣлая покупки у стратіотовъ и убогихъ, — такія лица уже не имѣютъ никакого основанія жаловаться. Въ твоемъ докладѣ говорилось также о совершенномъ неурожаѣ плодовъ и объ угрожающей опасности голода[1]). Намъ слѣдуетъ опасаться, чтобы не наслать на несчастныхъ убогихъ *(ἀθλίοις πένησι)* напасть судейскую болѣе свирѣпую, чѣмъ самый голодъ[2]). Какъ хорошіе доктора отказываются давать лѣкарства въ то время, когда больной находится въ жару, точно такъ и мы должны отсрочить требованія и сдѣлать нѣкоторое послабленіе въ виду тяжелаго времени».

6) Новелла Романа II о воинскихъ участкахъ 962 года[3]).

Подлинное заглавіе этой новеллы въ рукописяхъ слѣдующее: «Изъ царскаго эдикта, провозглашеннаго къ тѣмъ, которые находятся въ ѳемѣ (области) Ѳракисійской, въ мѣсяцѣ мартѣ 5-го индикта 6470 (= 962) года». Это показываетъ, что новелла

---

1) Мы принимаемъ здѣсь поправку Цахаріэ и читаемъ *λιμοῦ* вмѣсто *λοιμοῦ*. Послѣднее слово было бы болѣе умѣстно черезъ двѣ строчки ниже, но тамъ и въ текстѣ стоитъ *λιμοῦ*.

2) *μὴ λιμοῦ βιαιοτέραν ἀνάγκην κριτοῦ τοῖς ἀθλίοις ἐπιστήσομεν πένησι* ‹p. 284›.

3) ‹Zachariä. Jus Graecorom. III, 285—287›.

дошла до насъ не вполнѣ; то-есть, утратила, повидимому, вступленіе, въ которомъ, по обычаю, должны были излагаться мотивы, вызвавшіе новый законодательный актъ. Что касается ея содержанія, то можно сказать, что она выражаетъ то же самое направленіе, какъ и предыдущая. Въ ней не только нѣтъ рѣчи о какой-либо формальной отмѣнѣ прежняго законодательства, но и совсѣмъ не замѣтно признаковъ, чтобы молодой царь, весьма 204
не строгій къ себѣ и къ своимъ приближеннымъ, стремился пріобрѣсти славу великодушія и удовольствіе видѣть вокругъ себя веселыя лица уступками окружающей его средѣ на счетъ болѣе отдаленной, хотя и болѣе многочисленной массы «убогихъ» и стратіотовъ. Если и здѣсь вводится явное различеніе добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ покупателей воинскихъ участковъ, то всетаки и для первыхъ не отмѣняется общая обязанность безденежно возвращать купленное. Точно такъ же и при разсмотрѣніи пункта, касающагося охраны и защиты личной свободы стратіотовъ, нельзя видѣть особаго послабленія въ томъ, что собственники и властели, принимающіе къ себѣ обѣднѣвшихъ и покинувшихъ службу военныхъ людей, объявляются не подлежащими отвѣтственности, особенно если мы примемъ въ расчетъ всѣ оговорки, которыми сопровождается такое постановленіе. Этихъ предварительныхъ замѣчаній достаточно, чтобы предостеречь читателя отъ всякихъ ложныхъ толкованій, высказанныхъ другими[1]), и предоставить ему свободу сужденія. Прибавимъ только для облегченія его памяти и соображеній, что какъ предыдущая новелла обсуждала вопросъ объ условіяхъ возврата денегъ покупщику за отобранное имѣніе и о разныхъ способахъ возмѣщенія этой суммы убогими, такъ въ этой опредѣляются по преимуществу случаи, когда бывшій покупщикъ воинскаго участка долженъ или не долженъ подлежать, сверхъ безденежнаго отобранія земли, еще денежной пенѣ въ пользу казны. Вотъ самое изложеніе новеллы:

1) «Относительно лицъ, владѣющихъ какими-нибудь частями воинскихъ помѣстій, мы опредѣляемъ, что если они пріобрѣли ихъ добросовѣстнымъ образомъ (*καλῇ πίστει*, bona fide), то-есть,

1) Gfrörer, Byzantinische Geschichten, III, 20.

посредствомъ покупки, дара или мѣны, и не имѣютъ еще въ свою пользу давности (*ἀπὸ τοῦ χρόνου βοήθειαν*), то у такихъ слѣдуетъ только отбирать самое помѣстье для возврата жалующимся стратіотамъ, но не слѣдуетъ налагать на нихъ какого-либо штрафа. Достаточно того, что они обязаны безденежно возвратить помѣстье. Если же кто владѣетъ воинскими участками вслѣдствіе насильственнаго завладѣнія, то похитителю назначается пеня сообразно съ цѣнностію захваченнаго имѣнія. Стратіотъ, купившій у другого стратіота воинское помѣстье, не подвергается никакому штрафу, если оказывается покупателемъ bona fide. Но если продавецъ имѣлъ достаточныя средства къ исполненію воинской повинности, а покупщикъ таковыхъ не
205 имѣетъ, то продавцу возвращается помѣстье, а покупщикъ получаетъ обратно уплаченную сумму. Если же, наоборотъ, продавецъ есть несостоятельный человѣкъ, а купившій—состоятельный, то продавецъ получаетъ обратно помѣстья безъ всякаго вознагражденія покупщику (*ἀναργύρως*), то-есть, безъ возврата заплаченныхъ имъ денегъ. Если же оба, будучи стратіотами, принадлежатъ къ разряду людей бѣдныхъ, то покупная цѣна точно также возвращается покупщику, но съ тѣмъ облегченіемъ въ пользу продавца, что ему дается для того трехлѣтній срокъ.

2) Если кто купилъ воинскіе участки отъ дозорщика или царскаго человѣка[1]) посредствомъ заявленія на судѣ (*διὰ λιβέλλων*), то на этотъ случай мы постановляемъ, что если владѣющіе не могутъ еще прикрыться давностію, и если они принадлежатъ къ воинскому классу (*στρατιωτικοί*), то они возвращаютъ имѣнія безденежно, но никакой пени на нихъ не налагается, такъ какъ и они могутъ опираться на правило о добросовѣстной покупкѣ.

3) Если кто посредствомъ покупки, дара или промѣна пріобрѣлъ помѣстья, которыя отчасти или въ цѣлости принадлежали нѣкогда къ воинскимъ, и если давность при этомъ еще не имѣетъ мѣста, то владѣлецъ, представляющійся пріобрѣтателемъ

---

1) Мы принимаемъ чтеніе: *παρὰ ἐπόπτου ἢ βασιλικοῦ*. Другія чтенія см. у Zachariae. Jus Graecorom. III, 286. Мѣсто это всетаки остается не вполнѣ яснымъ.

добросовѣстнымъ, не подвергается никакому штрафу, кромѣ безденежнаго отобранія у него участковъ, но штрафъ переносится на продавца, дарителя или мѣновщика; а если окажется, что и они владѣли bona fide, то и они освобождаются отъ пени.

4) Если какіе стратіоты, раздѣлившись, оставятъ весь воинскій жеребій *(κλῆρον)* своимъ отцамъ или братьямъ, или своимъ содавальцамъ *(συνδόταις)*, чтобъ они отбывали за нихъ воинскую службу *(ἐκδουλεύεσθαι)*, а сами, совершенно отдѣлавшись отъ воинской доли *(μοίρας)*, пристанутъ къ какимъ-либо лицамъ, то принявшіе ихъ не подвергаются никакому наказанію или пенѣ, если, какъ сказано, ихъ служба *(στρατεία)* отбывается другими, и они не удержали за собою никакой части воинскаго жеребья *(κλήρου)*. Равнымъ образомъ, если кто приметъ стратіотовъ, попавшихъ въ крайнюю бѣдность и уже никакъ не могшихъ отправлять воинскую повинность *(βάρος)*, то онъ не подвергается никакому штрафу; но напротивъ, подвергаются этому штрафу тѣ, которые согнали съ земли стратіота и были причиной его 206
бѣдствія. Кто приметъ состоятельнаго и неразорившагося стратіота и будетъ держать его, зная его положеніе, или получивъ предостереженіе отъ турмарха, либо комита *(συνδότου* и т. д.), и слѣдовательно, лишившись возможности отговариваться незнаніемъ, тотъ долженъ подвергаться штрафу. Ибо ясно, что если состоятельные стратіоты будутъ отвлекаться отъ военной службы, то наши войска понесутъ немалый вредъ.

7) Новелла Никифора Фоки, продиктованная патриціемъ и протасикритомъ Симеономъ о предпочтеніи убогимъ властелей при покупкѣ имѣній, продаваемыхъ властелями [1]).

Императоръ Никифоръ Фока (963—969 гг.), восшедшій на престолъ, какъ соправитель и опекунъ малолѣтнихъ законныхъ наслѣдниковъ Македонскаго дома, сыновей Романа II, и какъ мужъ ихъ матери Ѳеофано, самъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ магнатскихъ фамилій, которыя стояли во главѣ вла-

1) ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 296—299›.

стельскаго сословія. Естественно было ожидать, что такой государь не пойдетъ далѣе въ ограниченіи соціальныхъ правъ чиновно-землевладѣльческой аристократіи. Герой Крита и сарацинскихъ походовъ, прославившій византійское оружіе давно не виданными блестящими побѣдами и завоеваніями, не могъ, конечно, пожертвовать основаніями военной имперской организаціи, и поэтому стратіоты могли быть совершенно спокойны за свои помѣстья. Но, надѣвъ царскую порфиру, Никифоръ Фока всетаки не отрекся отъ своего прошлаго; интересы властелей всетаки были для него болѣе понятными, родными и близкими, чѣмъ для его предшественниковъ. Новелла 967 года, носящая въ заглавіи имя патриція Симеона (Метафраста?), несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторой реакціи законодательства въ пользу властельскаго сословія, хотя въ ней и говорится только о равно справедливомъ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ. Никифоръ Фока, чрезъ посредство своего государственнаго секретаря, заявляетъ, что прежніе государи нарушили возвышенный законъ безпристрастія, подобающаго монарху, и доказательство тому находитъ въ томъ, что они давали убогимъ и стратіотамъ право преимущественной покупки даже въ отношеніи властельскихъ имуществъ. Если мы обратимся назадъ къ законоположеніямъ обоихъ Романовъ и Константина Багрянороднаго, то мы не найдемъ, чтобы въ нихъ гдѣ-либо содержалось прямо выска-
207 занное постановленіе такого рода. Но несомнѣнно, что въ обѣихъ новеллахъ Романа Лакапина есть пункты, которые и могли быть истолкованы въ такомъ смыслѣ и дѣйствительно должны были приводить къ такимъ послѣдствіямъ. Когда постановляется (§ 2 новеллы 928 года), что даже при продажѣ выморочныхъ участковъ, продаваемыхъ казной, или вообще не общинныхъ крестьянскихъ земель, а особыхъ отдѣльныхъ помѣстій *(στάσεις)*, дается предпочтеніе «убогимъ», или когда даже тѣмъ властелямъ, которые выросли на почвѣ своей крестьянской общины и владѣли издревле въ своемъ селѣ или деревнѣ полевыми надѣлами, не позволялось передавать эти надѣлы посторонним; запрещалось также увеличивать ихъ (§ 3 и 4 новеллы 934 года); тогда, конечно, позволительно было говорить о преимущественномъ покровительствѣ «убогимъ» и стратіотамъ. Сверхъ отмѣны

этихъ пунктовъ, Никифоръ Фока усиливаетъ въ пользу властелей дѣйствіе правила о сорокалѣтней давности, указанной уже въ новеллѣ Константина Багрянороднаго о воинскихъ участкахъ.

«Подобно Господу Богу, который равно о всѣхъ печется и для всѣхъ имѣетъ одинаковые вѣсы, императоры должны наблюдать полную справедливость и равенство въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и о всѣхъ одинаково заботиться. Въ старинномъ законодательствѣ цари названы законными защитниками, общимъ и для всѣхъ равнымъ благомъ. Между тѣмъ наши предшественники въ своихъ законахъ, изданныхъ по случаю бывшей въ то время нужды и запрещающихъ властелямъ покупать имѣнія бѣдныхъ и стратіотовъ, показали себя пристрастными къ одной сторонѣ и такимъ образомъ превратили въ ничто и отвергли самую существенную идею римской державы, заключающуюся въ приведенномъ изреченіи. Запрещая властелямъ покупать имущества убогихъ и стратіотовъ, они поступали хорошо. Но сверхъ того, они прибавили въ своемъ законодательствѣ, что бѣдные имѣютъ право преимущественной покупки и въ отношеніи имуществъ властельскихъ — и не только на основаніи общинности (*ἐξ ἀνακοινώσεως*), но и на основаніи однотяглости (*ἐξ ὁμοτελείας*). Такимъ образомъ они не только всячески преграждали путь возникающимъ состояніямъ, но стѣсняли и доводили до бѣдности прежде существовавшихъ богатыхъ и состоятельныхъ людей, при всякой продажѣ давая предпочтеніе (право преимущественной покупки) убогимъ. Благосостояніе и выгоды богатыхъ не только не были предметомъ предусмотрительной заботы, но имъ даже не давали возможности оставаться при томъ, чѣмъ они уже владѣли. Наша царская держава, заботясь о законахъ, для 208
всѣхъ равныхъ и одинаковыхъ, нижеслѣдующими постановленіями не имѣетъ въ виду уничтожить или отмѣнить прежнее законодательство, но скорѣе сохранить, что есть въ немъ справедливаго и прочнаго.

Мы опредѣляемъ, что законодательство прежнихъ царей должно сохранять свою силу, и мы его подтверждаемъ во всемъ, исключая слѣдующихъ пунктовъ:

а) Отмѣняется постановленіе, по которому бѣдные имѣютъ право преимущественной покупки въ отношеніи къ продаваемымъ

имѣніямъ богатыхъ. Ни на основаніи однотяглости *(ὁμοτελείας)*, ни на основаніи общинности владѣнія, ни простолюдины, ни стратіоты впредь не будутъ пользоваться такимъ преимуществомъ. Напротивъ, имѣніе властеля пусть снова пріобрѣтаетъ лицо архонтское *(ἀρχοντικὸν πρόσωπον)*. Нужно понимать такъ, что таковое лицо появляется въ извѣстной мѣстности именно для успокоенія и пользы живущихъ подлѣ бѣдныхъ. Если бы такое лицо, послѣ полученія въ свою власть и собственность извѣстнаго поземельнаго имѣнія, задумало обижать сосѣдей, то мы повелѣваемъ, пусть такое лицо, какъ всякое орудіе насилія и зла, будетъ изгоняемо не только съ новаго своего пріобрѣтенія, но и съ родовыхъ своихъ земель. Наша воля состоитъ въ томъ, чтобы властели пріобрѣтали покупкой имѣнія отъ однихъ властелей, а стратіоты и бѣдные — отъ людей одного съ ними состоянія; и какъ мы поставляемъ препятствія къ пріобрѣтенію бѣдными властельскихъ участковъ, такъ, на оборотъ, запрещаемъ сильнымъ покупать имѣнія несостоятельныхъ стратіотовъ и людей бѣдныхъ подъ предлогомъ общинности или однотяглости *(ὁμοτελείας καὶ ἀνακοινώσεως)*.

b) До сихъ поръ сорокалѣтній срокъ времени, протекшій безъ жалобы или протеста, закрѣплялъ право собственности за тѣми, которые владѣли пріобрѣтеннымъ изъ воинскихъ участковъ, но, пресѣкаемый жалобами, этотъ срокъ имѣлъ способность подвигаться впередъ (вверхъ) и тяготѣлъ даже надъ тѣми, которые сдѣлали свои пріобрѣтенія ранѣе голоднаго времени *(πρὸ τῆς ἐνδείας)*; прилагаемый безъ разбора, законъ этотъ часто лишалъ такихъ лицъ сдѣланныхъ ими пріобрѣтеній. Мы опредѣляемъ, что тѣ, которые сдѣлали свои пріобрѣтенія отъ стратіотовъ и простолюдиновъ добросовѣстнымъ образомъ и ранѣе голода, уже должны быть оставлены въ покоѣ; въ отношеніи ихъ сорокалѣтняя давность не пресѣкается и не подвигается вверхъ вслѣдствіе заявленія *(ἐπιφωνήσεως)*, и собствен-
209 ность ихъ остается неподвижною и непоколебимою. Только тѣ, которые сдѣлали свои пріобрѣтенія посредствомъ грабежа, насильственнаго захвата и вообще недобросовѣстнымъ образомъ, подвергаются дальнѣйшему дѣйствію закона давности вслѣдствіе заявленія или протеста.

Законодатель прибавляетъ въ объясненіе и оправданіе своего постановленія несовсѣмъ точное замѣчаніе, что до времени «голода» не было закона, запрещающаго пріобрѣтать имѣнія бѣдныхъ, и что, напротивъ, древнее право, отмѣненное только во время «нужды», допускало добросовѣстное пріобрѣтеніе крестьянскихъ земель безразлично властелями и бѣдными.

8) Постановленіе Никифора Фоки о постройкахъ, возведенныхъ властелями въ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ убогихъ [1]).

Объ этомъ постановленіи можно сказать, что оно служитъ прямымъ дополненіемъ и отчасти объясненіемъ къ предыдущей новеллѣ. Цахаріэ полагаетъ, что оно даже составляло часть ея.

«Между лицами, которымъ недавнее законодательство запретило покупать новыя имѣнія и расширяться, есть такія, которыя по родовому наслѣдству получили недвижимое имущество, принадлежащее къ разнымъ деревнямъ и поселкамъ *(ἐν χωρίοις ἢ ἀγριδίοις)*, а потомъ прикупили отъ односельчанъ *(ἀπὸ τῶν συγχωριτῶν)* немногія и небольшія угодья *(τόπια)*, и затѣмъ выстроили на нихъ многоцѣнныя громадныя жилища, истративъ на это свои деньги. Мы полагаемъ, что ради малыхъ и неважныхъ мѣстъ (каковы купленныя) не должны быть разрушаемы выстроенныя на нихъ громадныя и многоцѣнныя зданія, но прежніе владѣльцы, продавцы участковъ, если они находятся въ живыхъ, или же ихъ наслѣдники могутъ быть удовлетворяемы (въ случаѣ нужды) такимъ образомъ: пусть они получаютъ двойное количество первоначально заплаченной имъ покупной суммы, или же двойное пространство земли такого же качества (какъ и застроенная), и пусть купившіе не лишаются плодовъ своего труда...».

9) Новелла Никифора Фоки о стратіотахъ, продавшихъ свои помѣстья и потомъ снова ихъ отыскивающихъ [2]).

Неизвѣстно въ какомъ именно году изданная, но изложенная въ видѣ рѣшенія на докладъ одного сановника, новелла эта

1) ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 299›.
2) ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 299—300›.

свидѣтельствуетъ, что при Никифорѣ Фокѣ и въ отношеніи къ
210 воинскимъ помѣстьямъ су|ществовали желанія большей свободы гражданскихъ сдѣлокъ. Далѣе, изъ этой новеллы видно, въ какой малой степени склоненъ былъ названный воинственный государь уступить стремленіямъ, способнымъ поколебать основанія византійской военной организаціи, каковы бы ни были ея хорошія или дурныя стороны. Собственные преобразовательные военные планы Никифора Фоки, оказывалось, требовали не ослабленія, а еще усиленія прежней системы. Позволеніе стратіотамъ отчуждать свои владѣнія, составляющія излишекъ противъ нормальной установленной величины помѣстья, находилось уже въ новеллѣ Константина Багрянороднаго, хотя и съ разными ограниченіями. Отмѣнялись ли эти ограниченія эдиктомъ Никифора Фоки, нельзя сказать положительно, ибо говорится, что прежнее законодательство остается въ силѣ, а потомъ приводится изъ него только одинъ наиболѣе существенный пунктъ. Во всякомъ случаѣ, возвышеніе на будущее время нормальной величины воинскаго помѣстья означаетъ еще большее ограниченіе желательной для властелей свободы пріобрѣтенія поземельной собственности.

«Доложилъ мнѣ протоспаѳарій Василій, завѣдывающій прошеніями *(ὁ ἐπὶ δεήσεων)*, что онъ, отбирая безденежно (безъ возвращенія покупной цѣны) разныя помѣстья *(τόπους)*, возвращаетъ ихъ стратіотамъ, когда обнаруживается, что на этихъ самыхъ мѣстахъ они отправляли свою воинскую повинность. При этомъ онъ показалъ, что инымъ кажется тягостнымъ стѣсненіе (свободы), вслѣдствіе котораго они не имѣютъ возможности продать что-нибудь изъ своихъ угодій въ другое мѣсто, какимъ бы кто ни обладалъ имуществомъ.

1) Относительно стратіотовъ, продавшихъ свои участки до настоящаго времени, наша воля состоитъ въ томъ, чтобы сохраняло свою силу прежнее законодательство, такъ чтобы у стратіота былъ надѣлъ недвижимаго доходнаго имущества въ четыре литры въ виду его военной службы. Если, имѣя такое количество земли, стратіотъ окажется продавшимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ другой участокъ, а теперь станетъ его отыскивать, то пусть онъ имѣетъ право преимущественной покупки

въ отношеніи къ этому участку, то-есть, не безденежнаго возврата, а съ уплатою надлежащей цѣнности. Если же онъ продалъ какую-либо долю изъ недвижимаго доходнаго имѣнія въ четыре литры, то получаетъ ее назадъ безденежно.

2) Но отъ настоящаго времени, когда получилъ движеніе вопросъ о введеніи новаго тяжелаго вооруженія *(τῶν κλιβανοφόρων καὶ ἐπιλωρικοφόρων)*, мы повелѣваемъ, ни одинъ стратіотъ пусть не имѣетъ права | продавать что-нибудь въ другое 211
мѣсто изъ своей земли, если только его недвижимое доходное имущество не превосходитъ цѣнности въ двѣнадцать литръ. Если же онъ продалъ что изъ имущества, равняющагося сейчасъ означенной суммѣ, то онъ получитъ эту долю обратно безъ всякаго съ своей стороны вознагражденія покупщику. Если же онъ, продавъ излишекъ противъ 12 литръ, теперь будетъ отыскивать проданное обратно, то не можетъ получить того безденежно, а только заплативъ надлежащую сумму».

10) Новелла въ разрѣшеніе доклада объ Армянахъ вообще и о тѣхъ (въ частности), которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ.

Не смотря на нѣкоторыя сомнѣнія и разнорѣчивыя показанія рукописей, новелла съ этимъ заглавіемъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ основательно приписывается новѣйшими издателями императору Никифору II. Изъ сочиненія, посвященнаго современникомъ описанію военныхъ пріемовъ этого императора, мы знаемъ, что при немъ въ пограничныхъ съ мусульманскими областями арменіакскихъ кругахъ *(Ἀρμενιακὰ θέματα)*, подъ которыми, конечно, разумѣются ѳемы — Селевкійская, Ликандъ и Севастійская, Армяне служили стражниками на порубежныхъ наблюдательныхъ постахъ, хотя они и не считались людьми особенно надежными[1]). Изъ новеллы Никифора Фоки мы видимъ, что Армяне не только употреблялись въ видѣ соглядатаевъ, полезныхъ своимъ знаніемъ путей въ Сирію, получая за это хлѣбное и денежное содержаніе, но допускались также и въ видѣ воен-

1) De velitatione bellica Nic. Phocae, p. 188.

ныхъ поселенцевъ, владѣя обыкновенными стратіотскими помѣстьями. Но и здѣсь они не являются такимъ элементомъ, на который можно было бы вполнѣ полагаться, и способны были иногда перебѣжать въ Сирію, то-есть, къ Сарацинамъ. Такъ какъ и Сарацины, съ своей стороны, нерѣдко дѣлали то же самое, то-есть, переходили на службу къ Византійцамъ, то вполнѣ естественно было замѣнять ими ушедшихъ Армянъ. Согласно съ такимъ соображеніемъ мы и читаемъ въ началѣ новеллы вмѣсто словъ *πρὸς φύλαξιν* (для сохраненія) слово (*πρόσφυξιν* (перебѣжчикамъ). Во второй части новеллы, написанной въ видѣ отвѣта на запросъ мѣстнаго воеводы (стратига), содержатся любопытныя постановленія о частныхъ гражданскихъ взысканіяхъ съ убійцы въ пользу наслѣдниковъ убитаго, сопровождаю-
212 щихъ уголовное наказаніе: | не совсѣмъ справедливо было бы находить здѣсь полное сходство съ системою германскихъ композицій[1]).

«Если кто изъ армянскихъ стратіотовъ, удалившись, проведетъ въ отсутствіи три года, а потомъ, воротившись, найдетъ свой участокъ переданнымъ или кому-либо изъ (сарацинскихъ) перебѣжчиковъ, или одному изъ отличившихся стратіотовъ, или же областныхъ архонтовъ и военныхъ стратиговъ, или кому другому въ видахъ общеполезной службы (*διὰ κοινωφελεῖς δουλείας*), то стратіотъ армянскій, воротившійся послѣ трехлѣтняго отсутствія, не имѣетъ права отыскивать свой участокъ или получить его обратно. Ибо если посредствомъ такого постановленія не будетъ положено предѣла армянскому непостоянству и склонности Армянъ къ бродяжничеству, но позволено имъ будетъ уходить на чужбину и переселяться, а потомъ снова возвращаться и безпрепятственно получать обратно свои участки, то разбредется вся Арменія (*πάντα τὰ Ἀρμενιακὰ οἰχήσονται*). Но если, какъ объяснено, пройдетъ три года, то слѣдуетъ участки не возвращающихся Армянъ отдавать или пришельцамъ (*πρόσφωξιν* вмѣсто *πρὸς φύλαξιν*), или отличившимся стратіотамъ въ видѣ награды. Если же, какъ ты пишешь, нѣкоторыя изъ такихъ армянскихъ помѣстій отданы были царскому монастырю

1) Ср. Gfrörer, Byzant. Gesch., III, 46. ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 289—291›.

Лаканы *(τῆς Λακάπης)*, или пожертвованы въ другія кураторіи, или же подарены были какимъ властелямъ не ради общеполезныхъ службъ, а въ видѣ пожалованія и милости, то наслѣдники (удалившихся Армянъ) могутъ при возвращеніи своемъ обратно требовать свою собственность не только въ теченіе трехъ лѣтъ, но и въ теченіе тридцати лѣтъ. Хотя бы лица, пожалованныя такими имѣніями, и могли представить записи *(λιβέλλους)* дозорщиковъ *(ἐποπτῶν)* или хрисовулы, такіе документы мы всетаки повелѣваемъ считать за ничто, и наша воля всетаки состоитъ въ томъ, чтобы возвращающіеся наслѣдники стратіотовъ получали обратно свои мѣста. Если же кѣмъ-либо другимъ или самими (временными) владѣльцами дано было (за такіе армянскіе участки), съ своей стороны, вознагражденіе, то пусть стратіоты все-таки получаютъ свое, а тѣ приносятъ жалобу и вчиняютъ искъ для возвращенія того, что̀ дали. Относительно сдѣланныхъ улучшеній мы постановляемъ, что тѣ изъ нихъ, которыя отличаются своею пользою, простотой или дешевизною, какъ то насажденіе виноградниковъ, устройство мельницъ и амбаровъ, тѣ даютъ ихъ виновнику право на вознагражденіе; а все, что служитъ къ одному только украшенію и роскоши, не даетъ та | кого права, но строителямъ предоставляется 213
взять съ собою самый матеріалъ построекъ. А которые изъ Армянъ перебѣжали въ Сирію, то хотя бы они воротились до истеченія не только трехъ лѣтъ, но даже одного года, все-таки они не получаютъ обратно своихъ помѣстій, но лишаются своего права собственности, и пусть это служитъ имъ вмѣсто наказанія. Впрочемъ, если они возвращаются, то конечно, слѣдуетъ дать имъ обезпеченіе *(χρὴ πρόνοιαν γίνεσθαι)* посредствомъ назначенія другихъ помѣстій.

2) Относительно тѣхъ, которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ, ты долженъ, конечно, виновнаго въ злодѣйствѣ подвергать законному наказанію, но его воинскій участокъ вовсе не слѣдуетъ отдавать въ видѣ утѣшенія *(παραμυθία)* сыновьямъ или родственникамъ убитаго; «утѣшать» должно движимымъ имуществомъ, а недвижимое слѣдуетъ сохранять для поддержанія военной службы. Если же нѣтъ движимаго, то и въ такомъ случаѣ на наслѣдникахъ убійцы лежитъ обязанность надлежащей

уплаты для «утѣшенія» наслѣдниковъ убитаго, но его помѣстье все-таки не можетъ быть отчуждено. Если же и всѣ, принадлежащіе къ одному и тому же дому, повинны въ преступномъ убійствѣ, то пусть каждый изъ нихъ подвергается опредѣленному въ законѣ наказанію, но участки воинскіе, какъ уже много разъ сказано, не могутъ быть передаваемы въ другое мѣсто *(ἀλλαχοῦ)*; но, хотя бы не оставалось никакого наслѣдника, желающаго взять на себя воинскую повинность, пусть кто другой (посторонній) возьметъ землю и несетъ за нее службу».

11) Новелла Василія Младшаго (Болгаробойцы) о властеляхъ, пріобрѣтавшихъ имѣнія убогихъ со времени перваго законодательства царя Романа Старшаго, то-есть, отъ 2-го индикта 6437 года (928 ?), въ которой они подвергаются осужденію[1]).

По смерти Цимисхія, отъ котораго не осталось намъ никакихъ законодательныхъ памятниковъ, касающихся отношеній между богатыми и бѣдными, властелями и крестьянами, вступилъ на престолъ своихъ предковъ, старшій сынъ Романа II, Василій II, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Константиномъ. Молодому государю пришлось вести долгую и упорную борьбу съ двумя наиболѣе сильными магнатскими фамиліями, Фокадовъ и Склировъ, изъ коихъ первая уже разъ достигла трона въ лицѣ знаменитаго Никифора II. Такимъ образомъ, не только въ силу преданій своей династіи и вообще предписаній византійско-
214 монархической государственной мудрости, но и вслѣдствіе | своего собственнаго опыта и личныхъ пережитыхъ имъ испытаній, Василий II сдѣлался самымъ строгимъ, суровымъ и непреклоннымъ врагомъ властельской аристократіи, и въ особенности, сильныхъ и старыхъ фамилій, стоявшихъ во главѣ ея. Объ этомъ свидѣтельствуетъ большая новелла, изданная имъ въ 996 году, заглавіе которой сейчасъ приведено нами выше. Византійскіе историки разсказываютъ, что Василій II, возвращаясь въ 995 году изъ похода въ Сирію противъ Сарацинъ, остановился дорогой у богатаго магната, принадлежавшаго къ

1) ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 306—318›.

фамиліи Малеиновъ, который нѣкогда былъ замѣшанъ въ одномъ возстаніи (Варды Фоки), но успѣлъ избѣгнуть наказанія. Евстаѳій Малеинъ принадлежалъ къ тѣмъ богачамъ, которые въ состояніи были, вооруживъ своихъ рабовъ и крестьянъ (париковъ), сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, выставить военный отрядъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Императоръ съ удивленіемъ увидѣлъ дворецъ Малеиновъ, болѣе похожій на крѣпость, и сильно былъ пораженъ богатствомъ и блескомъ домашней обстановки магната. Онъ подумалъ, говорятъ историки, что человѣкъ располагающій 3,000 вооруженныхъ рабовъ и пользующійся большимъ вліяніемъ на сосѣдей, можетъ поднять бунтъ не менѣе опасный, чѣмъ возстанія Фоки и Варды Склира. Малеинъ приглашенъ былъ сопровождать императора въ столицу и затѣмъ болѣе не возвращался изъ Константинополя на свою родину. Его огромныя владѣнія въ Каппадокіи были конфискованы. Законодательный актъ 996 года, направленный противъ всего сословія властелей, очень естественно считать, какъ это и дѣлаютъ новые изслѣдователи, слѣдствіемъ того впечатлѣнія, которое осталось въ мрачной и деспотической душѣ Василія послѣ посѣщенія каппадокійскихъ владѣній Малеина. Въ самой новеллѣ упоминаются имена Малеиновъ наравнѣ съ Фокадами, какъ явный примѣръ наслѣдственнаго преобладанія властельскихъ фамилій, не дающаго возможности разъ обиженнымъ убогимъ найти противъ нихъ управу хотя бы во второмъ и третьемъ поколѣніи. Впрочемъ Василій II, самъ сдѣлавшій добавленія въ поднесенной къ подписанію конституціи, указываетъ и другіе примѣры нестерпимой будто бы тираніи людей сильныхъ и богатыхъ. Та самая рука, которая низвергла въ прахъ славянскую державу Самуила Болгарскаго, та самая рука, которая въ извѣстномъ почти современномъ изображеніи (представляющемъ Василія, попирающаго ногами побѣжденныхъ Болгаръ) такъ характеристично и надменно упирается въ бокъ, здѣсь начертала нѣсколько дошедшихъ до насъ строкъ, которыя тоже ярко и живо обрисовываютъ личность | наиболѣе замѣча- 215
тельнаго византійскаго властителя, а также сущность и пріемы его борьбы съ властелями во имя бѣдныхъ и убогихъ. Что̀ можетъ быть характеристичнѣе его снисходительнаго сожалѣнія

о малолѣтнихъ наслѣдникахъ властельскихъ фамилій, которымъ отцы оставляютъ въ наслѣдство имѣнія, подлежащія отобранію, такъ какъ не миновала еще давность, прикрывающая неправильное пріобрѣтеніе этихъ имѣній! И какое прекрасное утѣшеніе для этихъ властельскихъ наслѣдниковъ въ уничтоженіи всякой давности, въ заявленіи, что впредь не слѣдуетъ рассчитывать на какую бы то ни было давность владѣнія, что всегда и во всякомъ случаѣ неправильно купленное имѣніе будетъ отобрано! Или что̀ можетъ быть рѣшительнѣе и радикальнѣе того средства разрѣшать соціальныя затрудненія и водворять правду, какъ указываемый въ новеллѣ пріемъ, употребленный по отношенію къ одному властелю, вышедшему изъ среды убогихъ! Вообще во всемъ собраніи византійскихъ государственныхъ актовъ нѣтъ документа болѣе любопытнаго и поучительнаго, какъ эта новелла 996 года. Предоставляя читателю возможность ближе познакомиться съ нею изъ нашего перевода, мы замѣтимъ только, что въ ней рѣчь идетъ, главнымъ образом и прежде всего, объ уничтоженіи сорокалѣтней давности, которая первоначально была признана въ отношеніи пріобрѣтателей стратіотскихъ помѣстій, а потомъ перенесена была по аналогіи и на властелей, вкупавшихся въ крестьянскія общины, какъ это уже видно изъ новеллы Никифора Фоки. Полемика, которая довольно таки рѣзко обнаруживаетъ свое присутствіе въ эдиктѣ Василія II, направлена именно противъ постановленія, непріятнаго ему по всѣмъ воспоминаніямъ перваго соправителя, то-есть, Никифора Фоки. Сверхъ того, мы должны предупредить читателя, что четвертая глава новеллы, относящаяся къ монастырскому землевладѣнію, нами пока опущена и будетъ приведена въ другой связи, и что другія слѣдующія далѣе главы, не прямо относящіяся къ нашему главному вопросу, переданы нами только въ главныхъ чертахъ ихъ содержанія.

«Съ тѣхъ поръ какъ мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дѣла между богатыми и бѣдными, мы увидѣли, что властели, страдая страстію пріобрѣтенія, находятъ явное поощреніе своей страсти въ сорокалѣтней давности и стараются то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы и вліянія — миновать какъ-нибудь этотъ срокъ и

затѣмъ получить уже полное право собственности (*τελείαν δεσποτείαν*) надъ тѣмъ, что̀ они дурнымъ | образомъ пріобрѣли отъ 216
убогихъ. Желая исправить такое зло, поставить въ должныя границы нынѣшнихъ властелей и воспрепятствовать будущимъ слѣдовать по тому же пути, мы издаемъ настоящій законъ, послѣ котораго они будутъ знать, что уже не найдутъ въ этой сорокалѣтней давности никакой помощи, но что чужое будетъ отбираемо не только у нихъ самихъ, но и у дѣтей ихъ или у тѣхъ, кому они оставятъ свое имущество. А что держава наша не безъ разсмотрѣнія и не безъ испытанія отмѣняетъ освящаемое давностію право собственности, но сострадая къ бѣднымъ и заботясь о прочности общественнаго порядка, а также изъ любви къ справедливости, изъ желанія уврачевать опасную страсть любостяжанія,— это ясно будетъ изъ того, что̀ мы сейчасъ хотимъ сказать. Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу этого правила (сорокалѣтней давности), и много разъ путешествуя къ войскамъ и проходя области царства нашего, мы собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ несправедливости и обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своею силой и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наслѣдникамъ? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ помочь бѣдному одно время (давность)? Развѣ не возможенъ такой случай, что патрицій, магистръ или военный доместикъ, обидѣвшій бѣднаго, будетъ имѣть своими потомками тоже властелей (*δυνατοί*) иногда родственныхъ съ царями и поддерживающихъ въ продолженіе семидесяти или ста лѣтъ силу своего рода и свое благосостояніе. Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя у нихъ злымъ образомъ бываютъ отнимаемы или же похищаемы обманомъ? Когда богатые властели посредствомъ покупки, которую лучше было бы назвать денежнымъ наказаніемъ (*ἐπικτησάμενοι — ἐκτίσαντες*), вторгаются въ сельскіе общины (*εἰς χωρίων κοινότητας*), и когда потомъ ихъ наслѣдники, вмѣстѣ съ имѣніемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній получаютъ по наслѣдству силу и вліяніе своихъ предковъ, то конечно, бѣдному нѣтъ при этомъ возможности поднять дѣло

(возбудитъ искъ) о возвращеніи отнятаго у него насиліемъ или обманомъ. Совершенно ясно, что только въ такомъ случаѣ будутъ обезпечены интересы бѣднаго, если ему предоставлено будетъ право, сколько бы ни прошло времени, безпрепятственно отыскивать и возможность получать обратно свою собственность. Если мы этого не сдѣлаемъ, то мы дадимъ обидчику поводъ
217 говорить: «я теперь благо | денствую, и бѣдный не можетъ со мною тягаться; если и мой сынъ будетъ благоденствовать, и въ такомъ нашемъ благосостояніи пройдетъ все опредѣленное закономъ время, то пріобрѣтенное нами превратится въ неотъемлемое наше состояніе, и такимъ образомъ несправедливость моя обращается мнѣ въ пользу».

Явный примѣръ тому — родъ Маленновъ и родъ Фокадовъ (*Φωκάδων*). Патрицій Константинъ Маленнъ, а потомъ сынъ его магистръ Евстаѳій, оба были властелями и въ продолженіе ста или даже стадвадцати лѣтъ пользовались благосостояніемъ. Фокады еще долѣе занимали видное положеніе. Ихъ дѣдъ, потомъ отецъ, а затѣмъ сыновья этого послѣдняго сохраняли, можно сказать безпрерывно до нашего времени свое преобладаніе. Какую же помощь можетъ оказать въ такихъ случаяхъ время[1])?

Далѣе: развѣ можно не считать властелемъ того, кто хотя съ начала и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потомъ достигъ почестей и дошелъ до верха славы? Онъ — не властель, пока онъ находится внизу, и пока онъ — въ такомъ положеніи, мы допускаемъ, чтобъ ему помогла давность. Онъ — властель съ тѣхъ поръ какъ удостоился чести: съ тѣхъ поръ время (давность) нисколько не должно ему помогать... Подобные случаи (превращенія) случаются каждый день, какъ мы и сами это находили. Такъ мы нашли Филокалеса: первоначально онъ былъ крестьяниномъ и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потому поступилъ въ число знатныхъ и богатыхъ. Пока онъ находился внизу, онъ несъ тягло вмѣстѣ съ своими односельчанами и ни въ чемъ ихъ не обижалъ. Когда же онъ достигъ званія — съ начала евдомадарія, потомъ китонита, и наконецъ, провестіарія, онъ захватилъ

---

1) Приведенный отрывокъ, указывающій два примѣра властельскихъ домовъ, находится не во всѣхъ спискахъ, а только въ томъ, который былъ у Леунклавія.

все селеніе (*χωρίον*) и обратилъ его въ собственное помѣстье, измѣнивъ самое его названіе... Когда человѣкъ такъ поднялся, и когда его дѣла приняли такой видъ, — позволительно ли, чтобъ ему дано было въ помощь еще и время (давность), и предоставлена была возможность владѣть неизмѣнно тѣмъ, что̀ онъ злымъ образомъ пріобрѣлъ? — Никакъ. Поэтому, мы, проходя въ той мѣстности и узнавъ изъ жалобъ со стороны бѣдныхъ о положеніи дѣлъ, приказали разрушить его великолѣпные дворцы и сравнять ихъ съ землею, бѣднымъ возвратили ихъ достояніе, а ему оставили только то, что̀ онъ имѣлъ сначала, то есть податную землю (*δημόσιον*), и | опять воротили въ первобытное состоя- 218
ніе крестьянина. Властелями должны быть считаемы не только такія лица, но и всѣ тѣ, на которыхъ указываетъ постановленіе прадѣда нашего, Романа Старшаго, подробно ихъ перечислившее. Онъ помѣстилъ въ число властелей и схоларіевъ; а мы считаемъ властелями какъ этихъ послѣднихъ, такъ еще и протокентаріевъ. Ибо мы узнали на опытѣ, что и они бываютъ «сильными» людьми.

Вслѣдствіе того мы опредѣляемъ: имѣнія, пріобрѣтенныя властелями въ сельскихъ общинахъ (*εἰς χωρίων κοινότητας*) до перваго законоположенія Романа Старшаго (то есть, ранѣе 928 года), если притомъ пріобрѣтеніе можетъ быть доказано письменными документами или достаточными свидѣтелями, должны оставаться собственностію властелей, подлежащею законной охранѣ, какъ это говорится и въ старыхъ законахъ. Письменные документы и достаточныя свидѣтельскія показанія должны быть предоставляемы для того, чтобы властели, по своей хитрой изворотливости (*κατὰ περινοίαν*) не стали выставлять свои недавно пріобрѣтенныя имѣнія принадлежащими имъ съ давняго времени тоже на основаніи письменныхъ актовъ. А съ тѣхъ поръ (съ 928 года) и до настоящаго времени, то есть, до девятаго индикта 7504 (996) года и далѣе впредь, какъ это уже было возвѣщено въ сказанномъ законоположеніи Романа Старшаго, давность уже не имѣетъ никакого значенія, и ни въ какомъ случаѣ дѣйствіе ея не можетъ быть направляемо противъ бѣдныхъ, когда они имѣютъ споръ съ богатыми; напротивъ (не смотря на какую бы то ни было давность), бѣднымъ возвращаются ихъ

имущества, и властели не могутъ даже предъявлять какія-либо притязанія на возмещеніе ихъ издержекъ на покупку или на улучшеніе (отбираемыхъ имѣній), потому что они оказываются нарушителями вышеозначеннаго законоположенія, и слѣдовательно, скорѣе заслуживаютъ еще взысканія. Когда нашъ прадѣдъ, царь Романъ, написалъ и сказалъ: «отнынѣ я запрѣщаю властелямъ дѣлать пріобрѣтенія въ сельскихъ общинахъ» (*εἰς κοινότητας χωρίων*), то это значило, что онъ воспретилъ имъ дѣлать это на вѣкъ и на неопредѣленное-безконечное время и не имѣлъ въ виду какого-либо прикрытія давностію. А мы, какъ уже сказано, постановляемъ свой законъ не только относительно будущаго, но даемъ ему обратную силу. Если мы не исправимъ того, что̀ еще отъ прошедшихъ временъ въ движеніи (*ἄρτι κινοῦ-*
219 *ται*), то какъ мы въ состояніи будемъ охра|нять будущее и держать въ страхѣ послѣдующихъ (нарушителей закона)?»

Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ, считаемый собственноручною припискою императора на поданномъ ему къ подписанію экземплярѣ [1]):

«И какъ перестанутъ другіе дѣлать то же самое? А что̀ всего хуже, такъ это то, что властели передаютъ имѣнія, составленныя грабежомъ и обманомъ, собственнымъ дѣтямъ, полагая въ расчетѣ на сорокалѣтнюю давность, что они имѣютъ надъ такими имѣніями уже неотъемлемую собственность. Когда таковая защита и прикрытіе сорокалѣтней давности отстраняется, то дѣти властелей лишаются хищническаго наслѣдія, достающагося отъ отца, приходятъ въ бѣдность и послѣднюю нищету, какъ этому подвергались отъ царской нашей державы внуки (*ἔκγονοι*) Романа Муселе. Получивъ отъ дѣда и отца подобнаго рода имѣніе около города Филомилія, они были послѣ повергнуты въ бѣдность. Уничтожая такую несправедливость и неравенство и постановляя для всѣхъ одинаково — бѣдныхъ и богатыхъ — полезное и справедливое, мы отмѣняемъ сорокалѣтнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначеннаго рода наслѣдствъ своимъ дѣтямъ, и чтобы бѣдные, лишаемые своего достоянія, не приходили въ отчаяніе, но въ

1) См *Zachariae*. Jus Graecorom., III, 312 примѣч.

настоящемъ законоположеніи имѣли бы крѣпкую поддержку къ возвращенію своей собственности.

2) Такъ какъ мы замѣтили большія злоупотребленія и обманы въ описяхъ (*περιορισμούς*), вписываемыхъ въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ (хрисовулахъ), и по этому поводу часто возникали жалобы и тяжбы в судахъ, то мы опредѣляемъ, что означенныя описи не должны имѣть никакой силы, и что никто не можетъ ссылаться на такого рода документы, какъ скоро возникнетъ какой-либо споръ относительно имѣнія. Такого рода описи составляются не на основаніи мысли царской или по указанію царя, но на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ получателями жалованной грамоты (хрисовула). И съ другой стороны, вписывающій опись въ хрисовулы протосекретъ (оберъ-секретарь) вовсе не бываетъ на самомъ мѣстѣ и не наблюдаетъ, когда совершается тамъ измѣреніе и отводъ имѣнія. Поэтому, какъ сказано, такого рода описи не должны имѣть въ спорныхъ случаяхъ никакой силы. Но если описи находятся въ податныхъ книгахъ (*κωδίκοις*) общаго (большаго) приказа (*τοῦ γενικοῦ σεκρέτου*) или въ какихъ дру|гихъ актахъ, имѣющихъ юридическую силу 220
(*συστατικοῖς δικαίοις*), то онѣ должны быть принимаемы во вниманіе и соблюдаемы.

4) Сверхъ того, мы постановляемъ, что въ отношеніяхъ къ казнѣ нѣтъ такой давности, которая лишала бы ее собственнаго права; напротивъ казна можетъ отыскивать свое право, восходя назадъ ко времени Августа Кесаря, и требовать по справедливости, чтобъ ей было возвращено принадлежавшее ей. Много есть основаній къ тому, чтобы казна безусловно могла отыскивать свое. Правительствующій государь часто не имѣетъ возможности все самолично наблюсти и досмотрѣть, потому что управленіе государствомъ — дѣло трудное, требующее многихъ заботъ и отнимающее много времени. Государь обыкновенно поручаетъ попеченіе о казенныхъ дѣлахъ чиновникамъ, отправляемымъ въ области (ѳемы). Ясно, что все то, что̀ эти послѣдніе совершатъ хорошо, съ соблюденіемъ справедливости и безъ нарушенія выгодъ казны, должно считаться дѣйствительнымъ и твердымъ; а все то, что̀ сдѣлано будетъ неразсудительно и къ ущербу казны, все это останется не имѣющимъ силы; напро-

тивъ, всякой разъ какъ государь, получившій въ свои руки правленіе, того пожелаетъ, казна имѣетъ право отыскивать свое и распоряжаться онымъ, какъ ей угодно. Никакъ нельзя допустить, чтобы сорокалѣтняя давность могла служить при этомъ какимъ-либо препятствіемъ. Весьма легко можетъ случиться, что она минуетъ совершенно незамѣтнымъ образомъ — безъ того, чтобы какой дозорщикъ (ἐπόπτης) или царскій человѣкъ былъ высланъ для отысканія правъ казны. Сверхъ того, чиновникъ, отправленный для возстановленія правъ казны, можетъ оказаться взяточникомъ и плутомъ (δολερὸς), такъ что онъ и не позаботится объ отысканіи и возстановленіи ея правъ, а благодаря своей корыстной и злой душѣ, явится предателемъ ея выгодъ. Не можетъ же вслѣдствіе того подвергаться осужденію казна, не престававшая отыскивать права! Нужно прибавить, что мы на практикѣ убѣдились въ томъ, что дозорщики (ἐπόπται) и вообще другіе чиновники, пекущіеся об интересахъ казны и посылаемые въ разныя ея службы, на самомъ дѣлѣ изобрѣтаютъ тысячи хитростей и обмановъ противъ нея, и только немного находится такихъ, которые исполняютъ наши повелѣнія».

5) По старому закону лица, достигшія званія протоспаѳаріевъ или какого другаго высшаго, будучи повинны въ умышленномъ убійствѣ, наказываются только потерею сана и чести, но не смертною казнію. На будущее время преступники этого
221 класса, если они сами | совершили убійство или составили заговоръ и наустили къ тому другихъ къ такому преступленію, будутъ подвергаться не только лишенію чести, но и лишенію главы.

6) Въ продолженіе времени отъ начала нашего самодержавнаго правленія до низложенія паракимомена (постельничаго или спальника) Василія, многое совершалось не по нашему изволенію, и безъ нашего вѣдома, а только по его распоряженію; поэтому всѣ хрисовулы, выданные въ то время, объявляются сами по себѣ недѣйствительными, и только тѣ изъ нихъ сохраняютъ силу, которые были представлены или впредь будутъ представлены на наше усмотрѣніе, для того чтобы получить собственноручную нашу подтвердительную отмѣну (надписаніемъ слова ἐτηρήθη).

7) Послѣдній пунктъ касается рынковъ, существующихъ въ разныхъ частныхъ имѣніяхъ. Нѣкоторые землевладѣльцы

жаловались императору, что торговцы и покупатели переносятъ своевольно такія мѣста купли и продажи изъ одного мѣста въ другое, лишая ихъ многихъ выгодъ. Императоръ постановляетъ, что если купцы и покупатели, мѣстные и пріѣзжіе, согласно и единодушно рѣшаютъ перемѣщеніе рынка, то уже никто не долженъ имъ препятствовать въ исполненіи такого рѣшенія; но при недостаткѣ единодушія и согласія рынокъ долженъ оставаться на старомъ мѣстѣ, и наконецъ, вообще не можетъ быть переносимъ съ земель, принадлежащихъ убогимъ, въ имѣнія властелей.

12) Новеллы Никифора Фоки и Василія II о монастырях[1]).

Помимо земель, составлявшихъ предметъ экономической борьбы между свѣтскою аристократіей властелей и крестьянскими общинами, покровительствуемыми государственною властію, далѣе помимо земель казенныхъ и составлявших личное достояніе императорскаго дома, оставалась еще значительная часть территоріи, которая принадлежала церквамъ и въ особенности монастырямъ. Монастырское землевладѣніе какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Византіи, тоже обнаруживало иногда стремленіе къ излишнему увеличенію и расширенію на счетъ свободныхъ крестьянскихъ участковъ. Слѣдовательно, нужно уже a priori ожидать, что законодательство, поставившее своею задачею защиту крестьянскаго землевладѣнія, не избѣгнетъ если не столкновенія съ церковью, то по крайней мѣрѣ необходимости вступить съ нею въ ту или другую сдѣлку...

| Періодъ, когда монастырское землевладѣніе достигло наи- 222
большаго развитія и почти преобладанія и, вслѣдствіе того, возбудило противъ себя неудовольствіе государственной власти, есть, безъ сомнѣнія, конецъ VII и начало VIII вѣка. Безъ особенной опасности впасть въ ошибку, можно предположить, что предъ началомъ иконоборства восточная церковь не уступала размѣрами своихъ територіальныхъ земельныхъ богатствъ церкви западной. Франкскіе короли рано начали жаловаться, что ихъ

1) ‹Zachariä. Jus Graecorom., III, 292—296, 303—304, 313—315›.

казна остается пустою, что ихъ богатства перешли къ епископамъ и духовенству; къ концу VII века цѣлая треть поземельныхъ имуществъ въ Франкскомъ государствѣ принадлежала церкви. Полагаемъ, что нѣчто подобное было и въ Византійскомъ государствѣ за то же время. Въ одномъ мало извѣстномъ, но очень любопытномъ духовномъ памфлетѣ (если можно такъ выразиться), писанномъ, правда, въ концѣ XI вѣка и посвященномъ именно вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, авторъ занимавшій первенствующій постъ въ восточной церкви, положительно утверждаетъ, что предъ наступленіемъ иконоборства весь родъ человѣческій былъ раздѣленъ на двѣ совершенно равныя половины — мірскихъ людей и монашествующихъ. Въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ показаннымъ отношеніемъ мы должны представлять себѣ и распредѣленіе матеріальныхъ земныхъ благъ, то есть, прежде всего землевладѣнія. Бѣлое духовенство вмѣстѣ съ церквами, при которыхъ оно состояло, владѣло тоже значительнымъ количествомъ земель: такъ что въ концѣ концовъ одна треть территоріи, находящаяся въ церковномъ владѣніи, окажется, можетъ быть, слишкомъ низкою цифрою расчета... Авторъ, котораго мы сейчасъ имѣли въ виду, полагаетъ, что иконоборческая ересь, внушенная завистію діавольскою къ такому процвѣтанію иночества, преимущественно была направлена противъ монастырей и монастырскаго достоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что гоненіе на монастыри, начавшееся при Львѣ Исаврѣ и особенно ревностно и безпощадно проводимое его сыномъ Константиномъ Копронимомъ, совпадаетъ по времени, а вѣроятно, и по своим мотивамъ съ такъ называемою секуляризаціей церковныхъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ и его сыновьяхъ. Такъ или иначе, сначала произвольнымъ и насильственнымъ способомъ, потомъ болѣе мягкимъ и правильнымъ, даже путемъ соглашенія съ церковью, Франкскіе государи сумѣли воспользоваться монастырскими поземельными имуществами для своихъ свѣтскихъ правительственныхъ цѣлей.
223 Значительная часть церковных и | монастырскихъ земель досталась въ руки королевскихъ людей (вассаловъ), получившихъ свои «пожалованія» изъ рукъ свѣтскаго давальца, къ которому

они и обязались вассальною службою, безъ отрицанія, впрочемъ, правъ собственности первоначальнаго собственника, то есть, монастыря или епископа. Въ Византіи была сдѣлана попытка болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса — посредствомъ общаго закрытія монастырей и отобранія въ казну монастырскаго достоянія. Хотя эта мѣра и не была проведена вполнѣ, она, нужно думать, все-таки имѣла послѣдствіемъ возстановленіе нѣкотораго равновѣсія между мірскимъ и церковнымъ землевладѣніемъ; она косвеннымъ образомъ содѣйствовала усиленію мелкаго и крестьянскаго землевладѣнія. Затѣмъ, на соборѣ 787 года, вмѣстѣ съ торжествомъ иконопочитанія рѣшено было и возстановленіе монастырей. Было постановлено, что свѣтскія лица, захватившія въ несчастное для церкви время ея достояніе, то есть, монастыри, епископіи и разные богоугодные дома, должны воротить ихъ обратно подъ страхомъ церковнаго отлученія. Реституція монастырскихъ и церковныхъ земель не была рѣшительно и прямо высказана. Но за то на будущее время было постановлено, что ни епископъ, ни игуменъ не могутъ допускать именно того, что̀ дѣлалось на западѣ, не могутъ допускать отдачи (*ἐκποίησις*) церковныхъ доходныхъ земель архонтскому лицу или какой другой знатной особѣ[1]); даже тѣ земли, которыя не обрабатываются и не приносятъ дохода, могутъ быть отчуждаемы только клирику или крестьянину; если же крестьянинъ окажется подставнымъ лицомъ, то имѣніе отбирается обратно въ пользу монастыря... Съ окончаніемъ иконоборства и восшествіемъ на престолъ Македонской династіи число монастырей снова стало увеличиваться, и еще быстрѣе стало возрастать количество земли, поступающей въ монастырское владѣніе. Наклонность въ созерцательной монашеской жизни составляетъ характеристическую черту средне-вѣковыхъ Грековъ; страсть къ монашеству несомнѣнно достигала у нихъ размѣровъ, подрывавшихъ самыя основанія государственнаго быта и государственной силы. Хотя земли монастырей и не были вообще свободны отъ прямыхъ податей (отъ поземельнаго сбора), но все-таки онѣ пользовались, въ

1) *εἰς ἀρχοντικὴν χεῖρα ἢ ἑτέρῳ προσώπῳ*. *Ralli*, Syntagma canon. II, 593. Рѣчь идетъ здѣсь о 12-мъ и 13-мъ канонахъ седьмаго вселенскаго собора.

ущербъ другимъ и самому государству, многими привилегіями инаго рода, обыкновенно были изъяты отъ всякихъ натуральныхъ
224 повинностей и поборовъ. Но и помимо этого ущерба, а | также убыли людей, подлежащихъ военному набору, еще чувствительнѣе былъ вредъ, наносимый основаніемъ монастырей крестьянскимъ общинамъ...

Мы уже видѣли, что Романъ Лакапинъ въ своей новеллѣ 934 года высказалъ, хотя и не совсѣмъ ясно, намѣреніе ограничить расширеніе монастырскаго землевладѣнія насчетъ крестьянскихъ участковъ. Восьмой пунктъ его новеллы византійскіе юристы (Атталіота) понимали такъ, что если какой крестьянинъ, принимая монашество, пожелаетъ пожертвовать въ монастырь свою землю, то его односельчане имѣютъ право внести вмѣсто того цѣнность имѣнія, а самый участокъ удержать за собою. Ясное дѣло, что только въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне рѣшились бы воспользоваться своимъ правомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло заключать для нихъ ничего принудительнаго, а между тѣмъ для другой стороны могло представляться неудобнымъ, несогласнымъ съ благочестіемъ и уваженіемъ къ церкви. Если же мы предположимъ, что восьмая статья новеллы имѣла въ виду только прошедшее, то-есть, другими словами — давала право выкупа на такіе участки, которые были пожертвованы въ монастыри ранѣе изданія закона, а на будущее время решительно и безусловно воспрещала передачу крестьянской земли въ пользу монаховъ (такъ объяснялъ новеллу Романа императоръ Василій II), — то такая рѣшительная мѣра никакъ не могла быть приведена въ исполненіе или даже въ дѣйствіе двумя-тремя строками невразумительнаго законоположенія. Понадобилась другая болѣе смѣлая воля и другой болѣе энергическій характеръ, чтобы громко сказать то, что̀ желалъ, можетъ быть, сказать Романъ Лакапинъ, чтобы прямо указать зло и дѣйствительныя средства для противодѣйствія ему. Эта честь принадлежитъ императору Никифору Фокѣ, и безъ сомнѣнія — ему одному, хотя въ заглавіи знаменитой новеллы 964 года опять стоитъ имя патриція и протаспкрита Симеона, какъ ея автора или редактора (ср. выше). Вотъ что̀ гласитъ этотъ удивительный законодательный памятникъ:

«Искупитель нашъ, заботясь о нашемъ спасеніи и указывая пути къ нему, прямо наставляетъ насъ, что многое стяжаніе служитъ существеннымъ къ тому препятствіемъ. Предостерегая насъ противъ излишняго, онъ запрещаетъ даже пещися о пищѣ завтрашняго дня, не только что о жезлѣ, сумѣ или другомъ хитонѣ. И вотъ наблюдая теперь совершающееся въ монастыряхъ и другихъ священныхъ домахъ и замѣчая явную болѣзнь (ибо иначе я не могу назвать того, | что̀ вижу), которая въ нихъ 225
обнаруживается, я не могу придумать, какимъ врачествомъ можетъ быть исправлено зло, и какимъ наказаніемъ я долженъ преслѣдовать безмѣрное любостяжаніе... Кто изъ святыхъ отцевъ училъ этому, и какимъ внушеніямъ они слѣдуютъ, дошедши до такого излишества и до такого безумія? — Каждый день они стараются пріобрѣтать тысячи десятинъ земли *(γῆς πλέθρα μυρία)*, строятъ роскошныя зданія, разводятъ превышающіе всякое число табуны лошадей, стада воловъ, верблюдовъ и другаго скота, обращая на это всю заботу своей души, такъ что монашествованіе уже ничѣмъ не отличается отъ мірской жизни со всѣми ея суетными заботами. Развѣ слово Божіе не гласитъ нѣчто совершенно тому противное и не заповѣдуетъ имъ полную свободу отъ такихъ попеченій (не пецытеся, рече, что ясте или что піете)? Развѣ оно не ставитъ въ примѣръ и посрамленіе намъ беззаботность летающихъ воробьевъ? Развѣ апостолъ не говоритъ: «Эти мои руки послужили мнѣ и моимъ» (Дѣян. XX, 34); и въ другомъ мѣстѣ: «имѣя пищу и кровъ, будемъ этимъ довольны» (I Тимоѳ. VI, 8). Посмотри, какой образъ жизни вели святые отцы, которые нѣкогда просіяли въ Египтѣ, Палестинѣ, Александріи и въ другихъ концахъ земли: ты узнаешь, что жизнь ихъ была до такой степени проста, какъ будто они жили одною душою и уже достигли безтѣлесности ангеловъ.

Христосъ сказалъ, что царствіе Христово восхищается только съ большими усиліями и достигается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тѣхъ, которые даютъ обѣтъ монашеской жизни и перемѣною одежды какъ бы знаменуютъ свое отреченіе отъ міра, и вижу, какъ они обращаютъ въ ложь свои обѣты и какъ противорѣчатъ поведеніемъ своему виду (схимѣ), то я не знаю, не слѣдуетъ ли скорѣе назвать все это пустымъ

театральнымъ представленіемъ, придуманнымъ для посмѣянія имени Христова. Не апостольская это заповѣдь, не отеческое преданіе—пріобрѣтеніе многодесятинныхъ громадныхъ помѣстій и множество заботъ о плодовыхъ деревьяхъ. Это не соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ добродѣтельной жизни, но скорѣе есть дѣло тѣлесной нужды, при чемъ болѣе духовное уступаетъ мѣсто болѣе мірскому: нужда и потребность съ теченіемъ времени обратились въ неумѣренность *(ἀμετρίαν)*, какъ обыкновенно все дурное, начавшись отъ малыхъ началъ и источниковъ превращается потомъ въ большое зло.

Въ виду всего этого непонятно, почему люди, движимые желаніемъ сдѣлать что-нибудь для угожденія Богу и прощенія
226 своихъ грѣховъ, | презираютъ столь удобную для исполненія, освобождающую отъ заботъ заповѣдь Христа, повелѣвающую продать имѣніе и раздать нищимъ; а вмѣсто того, какъ бы намѣренно желая сдѣлать ее трудною и хлопотливою и наложить на себя множество заботъ, наперерывъ стремятся устраивать монастыри, страннопріимные дома и богадѣльни. Въ прежнія времена, когда въ такихъ учрежденіяхъ былъ недостатокъ, устроеніе ихъ заключало въ себѣ много похвальнаго. Но когда число ихъ превратилось во множество и стало превосходить всякую потребность и мѣру, а люди продолжаютъ отказываться отъ добра, совершаемаго съ великою легкостію, и обращаются къ устройству монастырей,—то кто не подумаетъ, что это добро уже не безъ примѣси зла, и не скажетъ, что къ пшеницѣ примѣшались и плевелы. А еще болѣе, кто не замѣтитъ, что богоугодное дѣло сдѣлалось однимъ прикрытіемъ тщеславія, дабы всѣмъ были явны дѣлающіе благое. Они уже не довольствуются тѣмъ, чтобы свидѣтелями ихъ добрыхъ дѣлъ были только тѣ, которые при этомъ присутствуютъ, но хотятъ чтобъ и потомки не оставались въ невѣдѣніи объ ихъ добродѣтели. Въ то время, какъ есть тысячи другихъ монастырей, пострадавшихъ отъ времени и нуждающихся въ помощи, у насъ не хватаетъ усердія, чтобы потратиться для поправки ихъ и возстановленія; вмѣсто того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетнымъ титуломъ (основателей), но дабы наше стояло явно и отдѣльно...

1) Вслѣдствіе того, желая съ корнемъ вырвать зло этого слаболюбія, мы повелѣваемъ, чтобы желающіе быть благочестивыми и совершать дѣла пользы и человѣколюбія, слѣдовали заповѣдямъ Христа и, продавая имѣніе, раздавали цѣну его нищимъ... Если же есть между ними такіе, которые изъ любви къ прекрасному и высокому (такъ мы называемъ ихъ любочестіе) хотятъ устроивать монастыри, страннопріимные и сиротскіе дома то никто, имъ въ этомъ не будетъ препятствовать. Но такъ какъ въ числѣ прежде выстроенныхъ монастырей есть много такихъ, которые, какъ сказано выше, пришли въ упадокъ и даже близки къ полному уничтоженію, то пусть они (такіе люди) прежде всего позаботятся о нихъ, пусть простругъ руку помощи поверженнымъ на землѣ и на нихъ докажутъ свою любовь къ Богу. Если же, пренебрегая прежними монастырями, находящимися въ означенномъ печальномъ положеніи, и какъ бы закрывая на нихъ глаза, ревнители все-таки будутъ стремиться къ постройкѣ новыхъ таковыхъ зданій, то мы не можемъ похвалить такого дѣянія и даже | никакъ не можемъ допустить 227
его, видя въ немъ не что иное, какъ любовь къ суетной славѣ и явное безуміе... Что же касается способовъ, которыми можетъ быть осуществляема забота объ этихъ нуждающихся въ помощи монастыряхъ, то мы не требуемъ, чтобъ имъ были жертвуемы поля, помѣстья или зданія (ибо таковыхъ существуетъ за ними уже довольно отъ прежняго времени), но желаемъ, чтобы лица, имѣющія въ виду угодить Богу, продавъ поля и помѣстья, которыми владѣютъ, какимъ угодно мірскимъ людямъ, снабжали пренебреженные и упавшіе монастыри, а также ихъ по недостатку обработки втунѣ лежащія земли, надлежащими средствами[1]), то-есть, доставляя имъ рабовъ, воловъ, стада овецъ и другаго скота. Ибо если мы будемъ жертвовать самыя поля и угодья, намъ принадлежащія, то при существующемъ для монастырей законномъ запрещеніи продавать ихъ собственность, мы прійдемъ къ тому же самому положенію, какъ и прежнее, и оставимъ бѣдствующіе и покинутые монастыри безъ всякой дѣйствительной помощи, такъ какъ за отсутствіемъ денегъ и рукъ

---

1) *προνοίας αὐτὰ τῆς προσηκούσης καταξιούτωσαν.*

они не въ состояніи будутъ предпринять что-либо полезное на своей землѣ.

Итакъ, отнынѣ да не позволено будетъ никому завѣщевать поля и помѣстья монастырямъ, богадѣльнымъ и страннопріимнымъ домамъ, или же митрополитамъ и епископамъ, такъ какъ это нисколько не приносить имъ пользы.

Если же какіе изъ прежнихъ монастырей или богоугодныхъ домовъ пользовались столь малымъ о себѣ попеченіемъ и находились въ такихъ дурныхъ рукахъ, что остались совершенно лишенными угодій (*τόπων*), то такимъ и впредь не будетъ препятствія пріобрѣтать достаточествующее съ вѣдома и разсмотрѣнія царскаго. А строить въ пустынныхъ мѣстахъ келліи и такъ называемыя лавры, которыя не стремятся къ пріобрѣтенію имѣній и чужихъ полей, а остаются въ предѣлахъ только собственной своей ограды (*τῇ περιοχῇ μόνῃ τῇ ἰδίᾳ ὁριζομένας*), мы не только не воспрещаемъ, но напротивъ считаемъ дѣломъ похвальнымъ.

Внушая и постановляя все это, я знаю, что для многихъ слова мои покажутся тяжкими и несогласными съ ихъ образомъ мыслей. Но я о томъ не заботусь, такъ какъ, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людямъ, а Богу. Кто имѣетъ умъ и смыслъ и привыкъ смотрѣть не на одну только поверхность, но способенъ
228 идти далѣе | и проникать въ глубь вещей, для того будетъ ясно, что мы произнесли рѣшеніе полезное для живущихъ по Богу, а также и для всего общества» (*τῷ ᾧκοιν παντί*).

Никто не откажетъ суровому солдату, который, однако, самъ носилъ подъ царскимъ облаченіемъ никому невидную власяницу, въ прямотѣ языка и рѣшительности законодательныхъ мѣропріятій. Набожная Византія X вѣка должна была выслушать отъ своего императора рѣзкую обличительную проповѣдь, въ которой построеніе монастырей прямо называлось дѣломъ пустой суетности и тщеславія! Новая заповѣдь, которая должна была по обычаю называться божественною, въ сущности сводилась къ двумъ совсѣмъ неблагочестивымъ пунктамъ: въ ней запрещалось строить новые монастыри и дѣлать въ пользу старыхъ наиболѣе обычныя пожертвованія и вклады, Никифоръ Фока говорилъ правду, объявляя, что онъ не ищетъ популярности. Трудно

было думать о любви народной послѣ изданія такого закона въ первый годъ царствованія. Не смотря на всѣ свои успѣхи и подвиги военные, Никифоръ Фока до такой степени былъ ненавидимъ въ своей столицѣ, что, по словамъ Ліутпранда, долженъ былъ превратить свой дворецъ въ крѣпость и эту крѣпость въ свое постоянной убѣжище.

Что̀ думали о законодательномъ актѣ 964 года люди благочестивые, старцы и монахи, имѣвшіе наибольшее вліяніе на умы населенія, объ этомъ мы узнаемъ изъ новеллы вполнѣ и безупречно законнаго государя, принявшаго наконецъ въ собственныя руки бразды правленія, изъ новеллы Василія Порфиророднаго. Въ иныхъ древнихъ спискахъ законоположеніе Никифора Фоки о монастыряхъ сопровождается замѣткою, что оно было отмѣнено (*κατηργήθη*) уже Іоанномъ Цимисхіемъ, убійцею Фоки (969—975 гг.); однако, нѣтъ никакихъ слѣдовъ и признаковъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ послѣдовало формальное заявленіе въ этомъ смыслѣ ранѣе 988 года. Ничто не мѣшаетъ намъ думать, что нечестивый законъ не былъ примѣняемъ на дѣлѣ; но съ другой стороны, очень возможно, что и Цимисхій, и знаменитый «спальникъ» (*παρακοιμώμενος*), управлявшій государствомъ въ первые годы самодержавія Василіева, не желали разстаться съ такимъ оружіемъ, которое могло до времени храниться въ арсеналѣ или архивѣ, а при случаѣ могло очень послужить государственнымъ нуждамъ. Но вотъ наступилъ тяжелый годъ для Византійской имперіи и еще болѣе для царствующей династіи: успѣхи болгарскаго возстанія, сопровождавшагося страшнымъ раззореніем городовъ и селъ во Ѳракіи почти до | самаго Констан- 229
тинополя, неудачи въ южной Италіи, гдѣ Византіи приходилось бороться и съ Нѣмецкимъ императоромъ, и съ своими союзниками, африканскими Сарацинами, враждебныя отношенія къ Русскимъ, примиреніе съ которыми хотя послѣдовало именно въ этомъ самомъ году, но, повидимому, нѣсколько позднѣе апрѣля мѣсяца (когда издана была новелла), наконецъ рядъ внутреннихъ междоусобій, готовыхъ завершиться полнымъ торжествомъ двухъ бунтовщиковъ, стоявшихъ въ виду столицы на азіатской сторонѣ пролива, все это вмѣстѣ привело имперію на край гибели и заставило ея правителей спросить себя: гдѣ же причина гнѣва Божія,

очевидно, на нее обрушившагося. Тогда-то явилась «Новелла благочестиваго царя Василія Младшаго, окончательно отмѣняющая (*τέλεον ἀναιροῦσα*) законоположеніе царя Никифора противъ церквей и богоугодныхъ домовъ», и возстановляющая силу добрыхъ законовъ Василія I и Льва Мудраго (Василики), а также Константина Багрянороднаго (новелла 947 года).

«Отъ монаховъ, засвидѣтельствовавшихъ себя благочестіемъ и добродѣтелью, а также отъ многихъ другихъ людей наше отъ Бога царство (*ἡ ἐκ Θεοῦ βασιλεία ἡμῶν*) узнало, что законоположеніе о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, изданное кромъ Никифоромъ, присвоившимъ себѣ царскую власть (*παρὰ τοῦ τῆς βασιλείας ἐπιβάντος κυροῦ Νικηφόρου*), сдѣлалось причиной и корнемъ настоящихъ бѣдствій, (причиною) ниспроверженія и смятенія этой вселенной (*τῆς οἰκουμενικῆς ταύτης*), такъ какъ эти законы направлены къ оскорбленію и обидѣ не только церквей и богоугодныхъ домовъ, но и самого Бога. Все другое, а также и самый опытъ утверждаетъ насъ (въ такой мысли); ибо съ тѣхъ поръ какъ это законоположеніе вошло въ силу и до настоящаго дня никакой, даже самомалѣйшей удачи мы не встрѣтили въ нашей жизни, но напротивъ не осталось такого вида несчастія, котораго мы не испытали бы. Посему настоящею нашею благочестивою золотою грамотою съ нашимъ подписаніемъ мы постановляемъ, чтобы съ настоящаго дня сказанное законоположеніе считалось не дѣйствующимъ и оставалось впредь отмѣненнымъ и не имѣющимъ силы. Вмѣсто того пусть вступять опять въ дѣйствіе тѣ законы о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, которые прекрасно и боголюбиво были изданы незабвеннымъ нашимъ дѣдомъ, а также его отцемъ и дѣдомъ. Чтобы настоящее наше постановленіе впредь оставалось твердымъ и
230 неизмѣннымъ, мы подписали оное | собственною рукою и повелѣли приложить внизу нашу золотую печать. 4-го дня апрѣля мѣсяца I-го индикта въ 6496 году».

Ни золотая печать, ни красная подпись Болгаробойцы не сообщили однако постановленію 988 года неизмѣнной прочности. Страсть Византійцевъ къ построенію все новыхъ монастырей была такъ велика, ея разлагающее дѣйствіе на сельскія общины

и крестьянское землевладѣніе, и слѣдовательно, на государственное благосостояніе было такъ очевидно, что самъ авторъ манифеста, осудившаго нечестивое законоположеніе Никифора Фоки, не могъ остаться вѣрнымъ своему заявленію, вынужденному тяжелыми затрудненіями минуты и монашескими внушеніями. Не прошло десяти лѣтъ, и самъ Василій II принужденъ былъ принимать мѣры къ обузданію набожности своихъ подданныхъ, говорить въ духѣ тѣхъ воззрѣній, которыя продиктовали смѣлыя строки богопротивнаго законоположенія 964 года. Въ знаменитой большой новеллѣ 996 года, содержаніе которой относительно свѣтскаго землевладѣнія намъ уже извѣстно, идетъ также рѣчь и о монастырскомъ землевладѣніи.

«Изъ заявленій, поступающихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ можно сказать округовъ (ѳемъ), мы узнаемъ, что цѣлыя селенія не только терпятъ вредъ и стѣсненія, но и совсѣмъ перестаютъ существовать, заѣдаемыя монастырями *(βλαπτόμενα... ἀδικούμενα... ἀφανιζόμενα)*. Происходитъ это, говорятъ, во многихъ селахъ так, что вотъ какой-нибудь крестьянинъ *(χωρίτης)* строитъ на собственномъ своемъ мѣстѣ церковь и приписываетъ къ ней, съ согласія своихъ односельчанъ *(βουλομένων καὶ τῶν συγχωριτῶν αὐτοῦ)*, собственный участокъ, затѣмъ дѣлается самъ монахомъ и поселяется при ней (церкви) до конца своей жизни; далѣе также поступаютъ еще одинъ и другой крестьянинъ, и такимъ образомъ набралось тамъ два и три монаха. Этихъ трехъ монаховъ достаточно; послѣ ихъ смерти мѣстный митрополитъ или епископъ захватываетъ церковь, присваиваетъ ее себѣ и называетъ монастыремъ. Митрополиты и епископы, или удерживая за собою таковые монастыри, или отдавая ихъ въ видѣ дара властелямъ, наносятъ большой ущербъ селамъ, обижаютъ ихъ и доводятъ до полнаго уничтоженія *(ἐξαλείφουσι)*. Мы повелѣваемъ, чтобы такимъ образомъ возникшіе молитвенные домы *(εὐκτήρια)* — (ибо мы не хотимъ называть ихъ монастырями) — были всѣ возвращаемы опять «убогимъ», и чтобы сторона митрополіи или епископіи была оттуда совершенно устраняема. А если епископы или митрополиты подарили ихъ каким-либо «особамъ» *(προσώποις)*, то и эти особы от | туда изгоняются, если 231
даже ихъ владѣніе имѣетъ за собою долгое время, (ибо мы опре-

дѣляемъ, что давность въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой силы), а самые молитвенные домы возвращаются сельчанамъ и остаются и на будущее время молитвенными домами, но подъ властію сельской общины *(ἀλλ' ὑπὸ τὰ χωρία)*, и пусть въ нихъ будутъ старцы *(καλογήρους)*, сколько и прежде было. Митрополиты или епископы могутъ имѣть здѣсь только духовныя права: право возношенія *(τὴν ἀναφορὰν*, упоминаніе въ церковныхъ молитвахъ), право поставленія *(τὴν σφραγίδα)* игумена или настоятеля и право исправленія совершаемыхъ калогирами грѣховъ, а впрочемъ не должны получать оттуда ни такъ называемаго «обычнаго» *(τὴν συνήθειαν)*, ни какихъ-либо другихъ поборовъ, получаемыхъ ими отъ монастырей. Притомъ села, имѣющія вышеозначенные молитвенные домы, обязаны имѣть въ нихъ столько калогировъ, сколько ихъ было прежде... Если же въ какіе из этихъ молитвенныхъ домовъ сдѣланы были пожертвованія и вклады императоромъ, и они имѣютъ также келліи *(καθίσματα)*, то хотя это и не согласно съ строгимъ правомъ, но ради царскаго попеченія *(προνοίας βασιλικῆς)*, котораго они удостоились, пусть они остаются и впредь подъ властію своихъ митрополитовъ или епископовъ, но съ тѣмъ чтобъ они не могли быть передаваемы другимъ лицамъ... Равнымъ образомъ, если въ монастыряхъ, которые составились такимъ образомъ въ извѣстныхъ селеніяхъ, постриглись потомъ многіе изъ сосѣдей и пожертвовали въ нихъ свои поземельные участки, и такимъ образомъ образовались уже большіе монастыри, имѣющіе выше восьми или девяти монаховъ, то хотя это можетъ быть и несогласно съ строгимъ правомъ, мы все-таки благоизволяемъ на то, чтобъ они были подъ властію митрополитовъ и епископовъ и могли быть безпрепятственно даримы или передаваемы кому угодно. Однако, при этомъ нужно имѣть въ виду то условіе, что такіе монастыри должны ранѣе имѣть свыше означеннаго числа восьми или десяти монаховъ и теперь же располагать средствами для ихъ содержанія, такъ какъ они не могутъ дѣлать новыхъ пріобрѣтеній, согласно съ запрещеніемъ, изданнымъ при нашемъ прадѣдѣ царѣ Романѣ Старшемъ (см. новеллу 934 г.), а теперь возобновляемымъ нами. Если бы послѣ изданія настоящаго постановленія митрополиты и епископы отправили въ монастыри, не удовлетво-

ряющіе вышеозначенному условію относительно количества постриженныхъ въ немъ лицъ, и гораздо болѣе восьми или десяти монаховъ, то хотя бъ и земли было достаточно для всѣхъ этихъ мо|наховъ, мы все-таки не можемъ признать такого монастыря 232
за дѣйствительный монастырь а будемъ считать его за молитвенный домъ, принадлежащій сельской общинѣ *(εἰς ἀνακοινώσεις χωρίων γινόμενα)* и находящійся подъ властію сельчанъ. Что же касается самостоятельныхъ и большихъ старинныхъ монастырей, то хотя бъ они и не имѣли значительнаго числа монаховъ, и даже вслѣдствіе нерадѣнія митрополита или епископа оставались совсѣмъ безъ монаховъ, мы опредѣляемъ, что они по прежнему должны быть подъ властію митрополій и епископій и могутъ быть даримы и передаваемы митрополитами и епископами, кому имъ будетъ угодно».

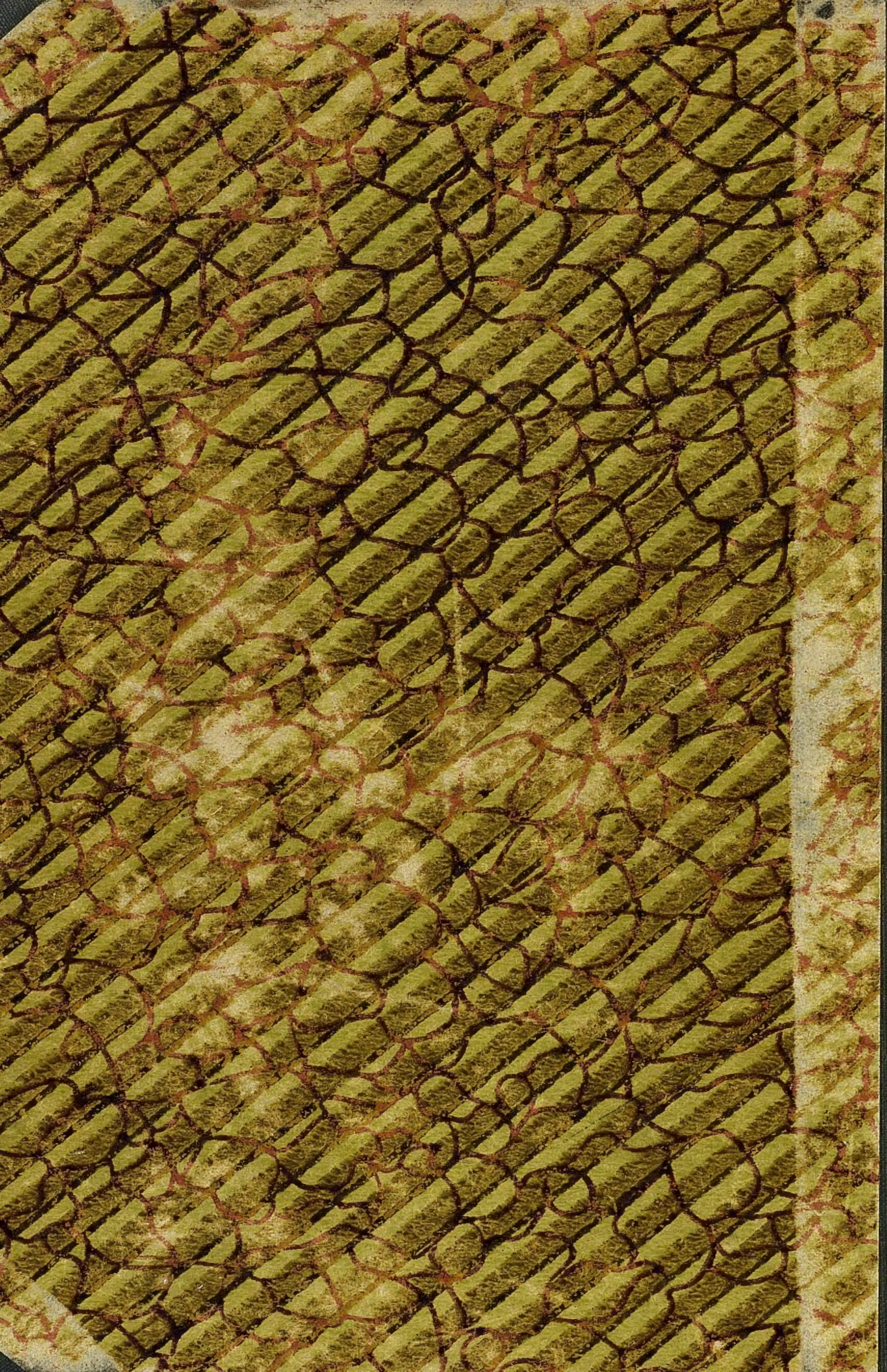
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Труды В. Г. Васильевского. Том I. (Византия и печенеги. — Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. — О варяго-руссах.) 1908. Цена 2 р. 90 коп.

— Том II. Выпуск 1. (Русско-византийские отрывки: Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. — К истории 976—986 годов. — Заметка о пеших и конных. — Записка греческого топарха. — Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян.) 1909. Цена 2 р. 55 коп.

— Том II. Выпуск 2. (Русско-византийские отрывки: Житие Стефана Нового. — Житие Иоанна Готского.) 1912. Цена 1 р. 10 коп.

— Том III. (Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.) 1915. Цена 3 р. 60 коп.

Цена 5 руб.

КОПИРОВАНИЕ
15.08.02